

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПОБЕДЫ, КОТОРЫХ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Э. ДУРШМИД

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Э. ДУРШМИД

**ПОБЕДЫ,
КОТОРЫХ МОГЛО НЕ БЫТЬ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА 2008
TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 355.425
ББК 39.42
Д 84

Серия основана в 1998 году

Erik Durschmied
THE HINGE FACTOR

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Перевод с английского Михаила Пчелинцева

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов
Sheil Land (London) и «Синописис» (Москва).

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Дуршмид Э.

Д84 Победы, которых могло не быть / Пер. с англ. М. Пчелинцева. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»»; СПб.: Terra Fantastica, 2000. — 560 с. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-237-05473-0 (АСТ).

ISBN 5-7921-0297-X (TF).

Лошадь захромала — командир убит,
Конница разбита, армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице не было гвоздя.

Старый английский стишок, переведенный С.Я. Маршаком, знаком всем нам с самого детства.

Вы полагаете, такое бывает только в стихах? Однако будь у французских кавалеристов два десятка обычных гвоздей, чтобы заклепать английские пушки, Наполеон не проиграл бы битву при Ватерлоо.

История, в особенности история военная, сплошь и рядом насмехается над всеми объективными факторами и законами.

Автор этой книги, военный корреспондент Би-би-си и Си-би-эс, собрал целую коллекцию «побед, которых могло не быть».

Так как же все-таки слепой случай и глупость меняли историю?..

УДК 355.425
ББК 39.42

© Erik Durschmied, 1999

© Перевод. М. Пчелинцев, 2000

© Комментарии, послесловие. В. Гончаров, 2000

© ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2000

® TERRA FANTASTICA

Предисловие редактора

Автор этой книги, военный телекорреспондент Би-Би-Си и Си-Би-Эс Эрик Дуршмид, не является профессиональным историком. Он всего лишь журналист — однако именно это и позволяет ему, обращаясь к событиям далекой и близкой истории, задавать сакраментальный вопрос: «*Что было бы, если?*». Задавать, не оглядываясь ни на авторитеты, ни на каноны академической науки истории, — ведь известно, что последняя категорически отрицает даже само существование сослагательного наклонения.

Но подход к историческим событиям с точки зрения литератора, а не бесстрастного хрониста требует не только умения связно пересказать события и поставить в нужном месте нужный вопросительный знак. Журналиста всегда интересуют не события, а люди — даже если образы этих людей имеют целью лишь как можно более ярко довести до читателя ход и атмосферу описываемых событий. В конце концов, читатель — такой же человек, как и герои событий, о которых он хочет узнать. Поэтому изложение событий через призму участвовавших в них людей, их судеб и характеров в конечном счете способствует «очеловечиванию» истории и тех, кто ее творил. Мы узнаем не только о том, *что* происходило, но и о том, *как* оно выглядело вживе.

К сожалению, журналистский подход к истории имеет и оборотную сторону. Живые участники событий имеют склонность «*врать, как очевидцы*», а газетные публикации и репортажи «с места

события» никак не могут считаться историческими документами. Здесь проявляется эффект, обратный упомянутому выше: непосредственный наблюдатель всегда ангажирован и субъективен — даже если его задачей является только беспристрастное наблюдение. Наблюдатель не видит ни потайных пружин, ни подводных течений, ни причудливых переплетений интриг — все это лишь много позже раскроет перед ним закопавшийся в архивы историк и опишет проштудировавший труды этого историка романист.

Но романист имеет право на авторский вымысел и свою трактовку тех или иных исторических событий. Автор же книги, не принадлежащей к разряду *художественных*, обязан придерживаться зафиксированных историей фактов. К сожалению, Эрик Дуршмид далеко не всегда следует этому правилу. Его стремление дать максимально яркие и личностные описания неизбежно приводит к перевесу эмоций над фактологией, а главное — заставляет вводить в текст людей и детали, не поддающиеся документальной проверке.

Справедливости ради заметим, что соединить дотошное изложение фактов с художественностью текста удастся далеко не всякому. Один из немногих успешных примеров — «Цусима» Новикова-Прибоя. Можно как угодно относиться к этому роману с точки зрения идеологии, но никто еще не пытался усомниться в правдивости изложенных в нем *фактов*, — а между тем писатель все же создал художественное произведение, а не пособие по военно-морской истории для слушателей Высших командных курсов РККФ... И в этом отношении многим авторам популярной исторической литературы можно еще пожелать дальнейшего творческого роста.

Тем не менее представляемая вашему вниманию книга читается с несомненным интересом и заставляет задуматься о многом. Поэтому не хочется завершать предисловие к ней перечислением допущенных автором ошибок. Все свои поправки к описаниям тех или иных событий мы вынесли в редакционный комментарий, помещенный в сносках (без указания авторства). Так что на основе авторских рассуждений читатель вполне сможет составить собственное мнение.

**Победы,
которых могло
не быть**

(Как слепой случай и глупость
меняли историю)

Уильяму и Александру

Я в неоплатном долгу перед многими, кто направил меня в нужную сторону, раскрыл мне нужную книгу на нужной странице. Это историки и библиотекари, журналисты, геостратеги, ученые и генералы. Но в первую очередь я посвящаю эту книгу тем, кто прожил ее от начала до конца, коллегам и друзьям, бывшим все это время рядом со мной. А особенно — тем, кто остался в этом времени навсегда.

Э.Д.

Пролог

Поворотный фактор: ясно и солнечно...

«Случайность и неопределенность принадлежат к самым распространенным и самым решающим элементам военных действий».

Карл фон Клаузевиц, «О войне»

Серебристо-серая «Сверхкрепость», принадлежавшая к 509-й сводной авиагруппе Двадцатого воздушного флота США с ревом разбежалась по взлетной полосе атолла Тиниан. Этот самолет не нес на своем борту ни бомб, ни каких-либо прочих орудий уничтожения — только двенадцать пар глаз. И все же именно на него вскоре ляжет доля ответственности за внезапную смерть более чем сотни тысяч гражданских людей.

Через тридцать минут с той же самой взлетной полосы тяжело поднимется в воздух другая «Сверхкрепость», отмеченная номером 82 на фюзеляже и буквой R в круге, нарисованной на вертикальном стабилизаторе. Под плексигласовым кокпитом

самолета было выведено двойное имя матери первого пилота: «Энола Гэй». Этим первым пилотом был полковник ВВС США Пол У.Тиббетс, на борту этого самолета находилась бомба, большая бомба.

Перед тем как Тиббетс вместе со своей командой, состоявшей из двенадцати человек¹, пошел на взлет, ему дали список четырех возможных целей, выбрать из них одну конкретную предстояло ему самому. Приказ, полученный Тиббетсом от генерала ВВС США Томаса Т. Ханди, звучал весьма необычно: «...доставить специальную бомбу к цели, выбранной из соображений хороших погодных условий, и сбросить ее на одну из следующих целей: Кокура, Ниигата, Хиросима, Нагасаки...»

6 августа 1945 года в 07.42 утра, пересекая Тихий океан на высоте 26000 футов, Тиббетс получил от метеорологического наблюдателя с разведывательного самолета, того самого, который взлетел за 30 минут до «Энолы Гэй», шифрованное сообщение.

Одна из целей была закрыта облаками. В районе другой была ограниченная видимость. Но в одном из намеченных городов стояла ясная солнечная погода. Вот как выглядела шифрограмма, направившая огромный бомбардировщик к цели:

ОБЛАЧНОСТЬ МЕНЬШЕ ТРЕХ ДЕСЯТЫХ. РЕКОМЕНДАЦИЯ: *bomb primary*.²

¹ В действительности экипаж бомбардировщика В-29 «Superfortress» состоял из 10 или 11 человек.

² Дословно «Первичная бомбовая (цель)». В английском написании из четырех упомянутых городов Хиросима по алфавиту идет первой. (Прим. перев.)

Природа бросила кости и решила, какой город сегодня погибает.

Кодовое обозначение «BOMB PRIMARY» обозначало уничтожение Хиросимы.

В один солнечный сентябрьский день — мне было тогда восемь лет — отец пришел домой и сообщил мне: «Гитлер объявил войну».

Я знал о Гитлере все. Я видел Гитлера на Рингштрассе, когда он с триумфом въезжал в мою родную Вену. Но война? Я спросил: «Папа, а что такое война?»

С того далекого дня 1939 года я успел отлично узнать, что такое война. Сперва когда мы сидели, дрожа от страха, в угольном подвале и слушали разрывы бомб: англо-американские бомбардировщики сбрасывали свой груз на мой город, мой дом и мою семью, а затем — когда вся моя жизнь оказалась неразрывно связана с войной. Тридцать лет я мотался из одной горячей точки в другую, так что имел более чем достаточно возможностей близко узнать, к чему приводит идиотское безрассудство личностей, подобных Гитлеру.

Война — это битва и звон оружия. При всей своей полнейшей бессмысленности битва — самое сердце войны. Это некое наваждение, в котором каждый может поучаствовать и каждый участвует. Кто-то умирает, кто-то плачет. Другие вспоминают славные деньки. А есть еще и такие, кто все это планирует. Мне встречались люди, обуянные жаждой браной славы, люди, переставлявшие в большой песочнице оловянных солдатиков и бравшие штурмом картонные города. Затем они отправлялись на местность и отдавали приказы настоящим, живым солдатам. Не знаю уж, почему, но в реальной

войне все непременно выходило иначе, чем в штабном песочном ящике.

История тому свидетельницей. Огромные, до зубов вооруженные орды терпели поражение из-за глупости и некомпетентности своих водителей. Война — это не фанфары, доблесть и слава, война — это смерть. Или, говоря словами Жоржа Клемансо, человека, который вывел Францию из ужасов Первой мировой войны, *«Война — слишком важное дело, чтобы доверять ее генералам»*.

Некоторые хроникеры пытаются убедить нас, что битвы выигрываются, благодаря мудрости и отваге полководцев, каковые (в случае победы) удостоиваются у них высшего воинского звания «гений». Победитель у них «блестящий полководец», ну а побежденный, конечно же, нет. И все же не существует никакого тайного рецепта, как завершить битву в свою пользу — кроме разве что одного: не надей больше грубых ошибок, чем твой противник. А если отвлечься от этого обстоятельства, исход многих битв определялся капризами погоды, плохой (или, наоборот, хорошей) разведкой, неожиданным личным героизмом или чьей-либо личной некомпетентностью, одним словом — непредсказуемыми обстоятельствами. У военных это явление известно как *«решающий фактор»*.

Во многих случаях сценарий, прямо ведущий к катастрофе, был составлен задолго до написания самого пьесы. Военные хроники изобилуют тысячами примеров, однозначно доказывающих, что некомпетентность (по большей части) связана с недостатками не умственных способностей, но характера. Ослиное упрямство, зас-

тавляющее оценивать быстро меняющуюся ситуацию в узких рамках предвзятых идей, является одной из распространеннейших причин поражения. Раз за разом храбрых людей бросают в бессмысленные, заранее обреченные атаки. Приказы, отдаваемые не на основе ясного понимания ситуации, а по незнанию ее, из минутной прихоти, а то и попросту из желания личной славы. Прежде чем выступить в пустыню, навстречу сарацинским ордам султана Саладина, отважный Раймонд Триполитанский спросил Гвидо Лузиньяна, короля франков: «Сир, задайте себе вопрос: “Почему я хочу дать эту битву? Делается это во славу моей страны — или во имя моей собственной славы?”»

Когда промышленник отдает предпочтение неудачной конструкции, он рискует тем, что его завод придется закрыть, и все рабочие останутся без работы. Если финансист глупо играет на бирже, он может потерять деньги, и свои, и своих инвесторов. Все это очень болезненно, но не смертельно. А вот если грубо ошибется военачальник, его ошибка превращается в катастрофу, оплаченную кровью и страданиями тысяч, а иногда и много большего количества людей.

Ну и затем всегда бывают неожиданности, обусловленные Божьим промыслом, к примеру — облако, закрывшее одну из целей и тем самым обрекшее другую на уничтожение. Удары судьбы вроде секретной военной карты, случайно попавшей в руки противника. Или — и здесь, пожалуй, вообще невозможны никакие прогнозы — то, как поведут себя под огнем измотанные, находящиеся на грани нервного срыва люди. Личная инициатива и героизм, проявленные не отважным, с саблей наголо, генералом, чью память

увековечат затем бронзовым монументом, а никому не известным солдатом, без особых почестей похороненным в братской могиле.

Письменная история рассказывает нам, что случилось. Но каждый раз и в каждом случае есть причина — *почему* все случилось так, а не иначе. В этой книге я совсем не претендую на четкое и однозначное объяснение того, почему в ходе той или иной битвы произошел неожиданный перелом. Так уж заведено, что по завершении каждого конфликта политики и генералы оправдывают свои действия в печатной форме, объясняют смысл ходов, сделанных на шахматной доске сражений или обсуждают сухую статистику бесчисленных смертей, ставших прямым итогом этих ходов. А простой пехотинец попросту пишет домой, как он пережил весь этот ужас. Мои *решающие факторы* были выделены на основе изучения как генеральских отчетов о войне, так и солдатских.

Читая описания какой-нибудь давней битвы, зачастую сталкиваешься со сложной задачей: как отделить надежные свидетельства от поэтических вольностей. В бездне несчастий описания событий, даваемые хроникером, пусть и самым беспристрастным, по необходимости основываются на беспорядочных и неполных свидетельствах, а бывает, что прямых свидетельств и вовсе нет. Иногда хроникер или поэт, современники описываемых ими событий, прибегают к прямой фальсификации — каждый по своим собственным причинам. Это началось в незапамятной древности и продолжается по сей день¹. Средневековое описание избиения француз-

¹ Это особенно верно в отношении игры с цифрами, выражающими численность сражающихся армий и их потери.

ской аристократии в битве при Азенкуре, данное Ювеналом Урсинским, отражает события под его, французским, углом зрения. Говоря о «с огромным трудом вырванной победе» при Ватерлоо, герцог Веллингтон и словом не заикнулся о грубейшей ошибке Нея и о роли, сыгранной в этом сражении Блюхером. Репортер «Таймс» в Крыму Уильям Говард Рассел во всех подробностях описал знаменитый «Бросок легкой бригады» и был обвинен в раскрытии важной военной информации¹. Позднее то же самое бессмысленное самопожертвование было прославлено в стихах лордом Теннисоном. Так кто же из них прав?

Война всегда была связана с неразберихой. Я не могу сказать, действительно ли без войны невозможен прогресс человечества, я знаю только одно: люди предпочитают войну всем прочим видам деятельности.

Э. Д. Окруж Валансоль, зима 1998

К примеру, считается, что в битве при Азенкуре (1415 г.) побежденные французы потеряли убитыми 8000—10000 рыцарей, в то время как потери англичан оцениваются в четырехста убитых. В условиях рукопашного боя такое вряд ли возможно. Мы не знаем даже точного количества погибших в атомном кошмаре Хиросимы и Нагасаки, а ведь лет с того времени прошло совсем немного и все последствия взрывов были подвергнуты тщательному исследованию. (*Примеч. автора*).

² Это напоминает людям моей профессии, зачастую воспринимаемым военными как «профессиональные зеваки», что наши репортажи переплавляют хаос сражения в дрящисые образы, и что воздействие событий, описанных нами сегодня, не прекращается с выходом завтрашнего номера газеты. (*Примеч. автора*).

1184 год до Р.Х. Троя

Деревянный конь

*«Тевкры, не верьте коню: обман в нем
некий таится.*

*Чем бы он ни был, страшусь я дары
приносящих данайцев.»¹*

Вергилий, «Энеида», II, 48—49

(20 г. до Р.Х.)

Теперь мы отправимся в 1184 год до Р.Х.

Бог снизошел с небес на землю; приняв облик лебедя, он возлег с Ледой. Плодом их любви стала Елена, девушка настолько прекрасная, что все властители Греции желали получить ее в жены. Елена отдала предпочтение Менелая, царю Спарты. Однажды их навестил красивый высокорожденный юноша. Это был Парис, сын троянского царя Приама. Богатая, хорошо укрепленная Троя располагалась на восточном берегу Средиземного моря. Парис получил царский прием, Менелай нимало не догадывался об истинной причине его приезда.

¹ Перевод С. Ошерова.

Прежде чем Парис покинул свою родную Трою, царь Приам получил предупреждение, что его сын послужит причиной гибели царства. Со временем это пророчество сбылось. Драма началась в тот день, когда Париса навестили Афродита, Гера и Афина. Богини дали юноше золотое яблоко — с тем чтобы он вручил его прекраснейшей из них. Желая обеспечить себе верную победу, Гера прибегла к элементарному подкупу — обещала Парису сделать его владыкой Европы и Азии. Афина посулила ему великую победу над врагами, Афродита же предложила царевичу прекраснейшую из земных женщин. Суд Париса завершился триумфом Афродиты; выполняя обещанное, богиня любви рассказала ему про Елену Спартанскую.

Пока Менелай воевал на Крите, Парис увез Елену в Трою. Уехала она добровольно, по любви, или была похищена насильно — в этом моменте мнения античных авторов расходятся. По возвращении с Крита справедливо вомущенный Менелай призвал всех греческих героев помочь ему отомстить за злодеяние и стереть Трою с лица земли. Греческая армия, возглавляемая Агамемноном¹, очень сильна. Но сильна и троянская армия. Сыны Приама славятся своей отвагой, а отважнейший из них, Гектор², не имеет себе равных — кроме Ахилла, лучшего из греческих воинов. Год за годом длится война, но исход ее все еще остается неопределенным. В разгаре очередной битвы на крепостной стене Трои по-

¹ Возле Коринфа туристам показывают остатки его крепости. (Примеч. автора).

² В древней истории Гектор стоит на одной высоте с Юлием Цезарем и Карлом Великим. (Примеч. автора).

является Елена. Ее лицо настолько прекрасно, что пораженные воины опускают оружие, и лишь Ахилл с Гектором продолжают свой поединок. Невидимо присутствующая на поле битвы Афина возвращает Ахиллу утраченное им копье. Вскоре Гектор тоже остается без копья, и Ахилл пробивает ему шею (не тронув гортани). *«Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки, / Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили»*, — просит умирающий троянский герой.

«Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части, / Тело твое пожирал бы я — то ты мне сделал!» — отвечает Ахилл. Привязав тело убитого Гектора к своей колеснице, он поволок его по земле, на глазах у Приама и всех троянцев¹. Аполлон направляет пущенную Парисом стрелу в единственное уязвимое место Ахилла — его пятку (есть мнение, что Парис тут и вообще ни при чем — стрелял сам Аполлон, принявший его облик). Ахилл умирает. Вскоре гибнет и Парис, сраженный стрелой Филоктета.

Лучшие из героев гибнут, а войне все не видно конца. Десятилетняя осада Трои не принесла грекам успеха — они так и не смогли проломить ее стены. Снятие осады было равносильно признанию поражения — со всем соответствующим позором. Одиссей, хитроумнейший из греков, придумал оригинальный план: построить огромного, выше городских стен, деревянного коня, напшиговать его греческими воинами и подкатить к стенам Трои. Покончив с этим делом, греки притворились,

¹Гомерова «Иллиада» заканчивается смертью Гектора, все остальные сведения разбросаны по разным источникам, лучший из них — «Энеида», созданная Вергилием через 1000 лет после падения Трои. (Примеч. автора).

что уходят — подняли паруса и отвели свои корабли за ближайший к берегу остров. Грек Синон, специально оставленный Одиссеем, убеждает троянцев, что конь — жертвоприношение Афине и его нужно затащить в город, к храму великой богини.

Царь Приам послушно заглатывает греческую приманку и приказывает втащить коня в город. *«Чем бы он (конь) ни был, страшусь я дары приносящих данайцев»*, — предостерегает царя троянский жрец Лаокоон. Грозный владыка впадает в ярость — как смеет подданный перечить своему царю? Но не только Лаокоон подозревает греков в обмане, его поддерживает пророчица Кассандра, прекрасная дочь Приама.

Новый поворот событий положил конец затянувшемуся спору. Когда Лаокоон пошел к морскому берегу, чтобы принести жертву Посейдону, в волнах появились два чудовищных змея; быстренько придушив жреца и двоих его сыновей, змеи убрались восвояси. Кто-то говорит, что их прислала враждебная к троянцам Афина, другие считают, что произошло трагическое недоразумение, змеев прислал Аполлон, чтобы предупредить троянцев об опасности, но безмозглые рептилии поняли боевое задание не совсем верно. Как бы там ни было, Лаокоона постигла судьба, обычная для прозорливых мудрецов. Люди никогда не слушают пророков, а просто затыкают им рот (боги избавили троянцев от этой печальной необходимости), а затем продолжают смело — и слепо — шагать навстречу катастрофе. Троянцы решили, что смерть Лаокоона — кара, ниспосланная на упряма богами; они быстренько проломили городскую стену, поставили коня на катки, затащили в акрополь, к храму Афины, а затем предались буйному пьяному веселью.

Ночью, когда защитники Трои наконец утомонились, Синон выпустил Одиссея и его воинов из брюха деревянного коня; главные силы греческой армии прорываются сквозь плохо задоженный проем в стене и поджигают город. К тому времени как пьяные троянцы немного очухались, по улицам Трои текли потоки крови, Это было не сражение, а побоище. Рассвирепевшие воины бросались друг на друга, чтобы убить и тут же быть убитыми. Троянцы переодевались в доспехи убитых греков; греки, принимавшие врагов за единомышленников, расплачивались за ошибку своими жизнями. Троянки поднимались на крыши и сбрасывали грекам на голову горящие бревна; башня, обрушенная защитниками города, погребла под своими обломками множество атакующих. Но численный перевес на стороне греков — слишком уж много троянцев погибло в начальной неразберихе. Греки прорываются в царский дворец и зверски убивают Приама прямо на глазах его жен и детей. Смерть царя лишает троянцев последних остатков боевого духа, не встречающие сопротивления греки предаются обычным забавам победителей — убийствам, грабежу и насилию. Они убивают мужчин, сбрасывают детей с городских стен и уводят женщин в рабство. Троя погибла.

И только Эней¹, сын Афродиты, сумел выбраться из этой бойни. Он пересекает Средиземное море и вводит свой корабль в устье Тибра. Выйдя на берег, Эней закладывает город, которому суждено получить название Рим и стать столицей государства, которое со временем победит греков, победителей Трои.

¹ Главный герой «Энеиды», написанной Вергилием, чтобы обеспечить Римскую империю древней и аристократической родословной. (Примеч. автора).

Словом, полное торжество справедливости, окутанное флером мифологии.

Об истинном ходе событий той, отдаленной от нас тремя тысячелетиями, ночи можно только догадываться. «*Боги карают меня этой ужасной войной*», — скорбно провозгласил Приам¹.

Однако мы постараемся отвлечься от активного участия в Троянской войне богов, чтобы рассмотреть ее стратегические, тактические и экономические аспекты. В конце девятнадцатого века немецкий археолог-любитель Генрих Шлиман обнаружил на холме Гиссарлык² развалины укрепленного города, основанного воинственным племенем фригийцев; вполне возможно, что это и есть Приамова Троя. Исходя из ее географического положения, мы можем заключить, что истинной причиной войны было столкновение морс-

¹ Гомер, создавший свои эпические поэмы около 850 г. до Р.Х., заканчивает «Иллиаду» смертью Гектора. Самые подробные сведения о падении Трои содержатся в Вергилиевой «Энеиде», написанной через 1000 лет после троянской войны и содержащей целый ряд ярких эпизодов, пронесенных сквозь века в устной передаче. Вполне возможно, что в действительности спартанская царица была захвачена троянцами в ходе одного из их набегов на Грецию — что и вызвало ответные меры со стороны греков. В пятом веке до Рождества Христова Геродот, известный как «прародитель истории», сообщал своим читателям следующее: троянцы долго убеждали греческих послов, что в Трое нет никакой Елены, но все было безуспешно: боги намеренно вели дело к войне. (*Примеч. автора*).

² Расположен на азиатском берегу Дарданелл. (*Примеч. автора*).

ких интересов греков и троянцев. На карте стоял контроль над Геллеспонтом (современный пролив Дарданеллы) и Эгейским морем, фактически — над коммерческим судоходством в Средиземноморье.

Что касается продолжительности Троянской войны, непрерывная осада, длящаяся десять лет, попросту невозможна: чем бы, спрашивается, питались две отважные армии, лишенные возможности засеять поля и собирать урожай? Скорее всего, война состояла из серий отдельных набегов, возможно сопровождаемых морскими сражениями.

Не нужно забывать и о таком важном моменте, как предупреждение мудреца Лаокоона. Справедливо рассудив, что Троя находится под властью сумасбродного деспота, он выступил против его тиранического правления — тенденция, поднятая на новые высоты Сократом и его учениками, величайшим из греческих философов.

Десять лет безрезультатных военных действий, а затем, словно по мановению волшебной палочки, все разрешается за одну ночь. Не стоит относить троянского коня к числу поэтических вымыслов¹, осада укреплений издавна сопровождалась применением военных хитростей, а тут мы видим простой и надежный способ усыпить бдительность защитников крепости и проломить брешь в ее стенах. Таким образом, история о Троянском коне дает нам поучительный пример *победы, посредством тактической уловки*.

¹ Павсаний (второй век нашей эры) утверждает в своих «Описаниях Эллады», что пресловутый конь представлял собой то ли передвижное укрытие, то ли осадную катапульту. (Примеч. автора).

История движется странными кругами. Греки многому научились у троянцев, троянские беженцы основали Рим, римляне покорили Грецию — и восприняли ее культуру.

Решающим фактором троянской войны была тактическая уловка.

4 июля 1187 г., Хаттин

Утрата Истинного Креста

«Я не выйду из рук оружия, пока по земле ходит хоть один неверный».

*Султан Саладин, по записи Бехеддина
ибн Шехаба, 1187 г.¹*

Перед армией франков расстилалась равнина Баруф. Дневной поход в эту жаркую безводную пустыню грозил закованным в стальные латы и кольчуги рыцарям почти верной смертью. И все же король Иерусалимский Гвидо Лузиньян² приказал им выступать. К королю подошел высокий рыцарь. Его кольчугу прикрывала белая мантия с алым вышитым изображением

¹ Современник и друг сарацинского султана Саладина (Салах ад-дина). (*Примеч. автора*).

² Во французском написании — Ги де Лузиньян, «русифицированный» вариант — Гвидо Лузиньянский. Большинство имен исторических личностей того времени имеют несколько вариантов написания (английский, северофранцузский, провансальский и латинизированный), здесь и далее мы приводим наиболее традиционные для современной отечественной исторической литературы.

Креста Святого Похода, с широкого кожаного пояса свисал длинный прямой меч, голову барона защищал островерхий шлем с наносьем, обычный для крестоносцев того времени. Героическая фигура Раймонда III, графа Триполитанского, занимает в истории средних веков видное место.

— Мой господин, почему ты посылаешь наше войско в эти безжизненные земли? — спросил граф.

— Чтобы выручить из затруднительного положения твою даму.

Расположенная на берегу Тивериадского озера крепость Тиверия, оплот графа Раймонда, была осаждена сарацинами. Говоря о «даме», король имел в виду Эшиву, графиню Триполитанскую, чье послание, дошедшее до Раймонда из-за стен осажденной крепости, взывало о помощи.

Раймонд знал, что султан Саладин, предводитель мусульман, строго придерживается сарацинского кодекса чести, а потому и пальцем не тронет высокорожденную даму. И тот же самый Саладин был хитер, как живущая в пустыне лисица¹. Подбить армию франков на поспешную, плохо обдуманную спасательную экспедицию, заманить неверных на дорогу, ведущую к полной катастрофе, — о большем он не мог и мечтать. Именно поэтому гонец графини Эшивы не встретил на пути никаких помех.

— Сир, — сказал Раймонд, — если ты так страстно желаешь сразиться с Саладином, пускай это произойдет у стен Акры. Если дело примет дурной оборот, обитатели крепости придут нам на помощь. А если Господь

¹ Ни в коем случае ни «лис пустыни» — во избежание ненужных ассоциаций!

будет на нашей стороне, мы сумеем сдержать натиск сарацинов.

— Сдержать их натиск? — гневно воскликнул один из приближенных короля, Рейнальд Шатильонский, владелец замка Керак. — Сдержать их — и только? Такие слова похожи на предательство!

— Да, сдержать их, — невозмутимо откликнулся граф Триполитанский. — А заодно — обескровить. Чтобы разбитый, уничтоженный Саладин бежал из Святой Земли и даже не помышлял о возвращении. Но мой господин, — он снова повернулся к королю, — ведь в пустыне за Саладином будет преимущество большей подвижности, он сомнет нас и рассеет. И кто же тогда защитит Иерусалим?

Было заметно, что король готов согласиться с разумным советом Раймонда.

Той же ночью, после совместной трапезы короля Гвидо и его вассалов, начала сплетаться паутина тщеславия, интриг и амбиций. Коварный Жерар де Ридефор, гроссмейстер ордена тамплиеров, чья помощь год назад позволила Гвидо Лузиньяну узурпировать престол в обход более законных наследников, пришел в королевский шатер и сказал:

— Сир, граф Триполитанский хочет, чтобы мы трусливо дрожали пред этими нехристями.

Король, справедливо опасавшийся могущественного тамплиера, заколебался. Он вышел из шатра и взглянул на небо; (вполне возможно, что где-то там, на другом конце бесплодной пустыни, его противник в тот же момент разглядывал те же самые звезды). Его мозг мучительно пытался разрешить задачу, найти аргументы, могущие оправдать дальнейшие действия. С ним слу-

чилося то же самое, что много раз случалось — и будет случаться впредь — со многими всемогущими властителями: поставленный перед необходимостью принять решение, способное определить всю его судьбу, он растерялся. Он боялся, что назначенный на завтра поход может стать гибельным. Но Ридефор не желал допустить, чтобы король предпочел его советам чьи-то чужие.

— Мой король, — сказал он, — ты отлично знаешь, что граф Триполитанский тебя не любит. Он ведет предательские речи и заботится только о том, как бы не нарушить свой мир с тюрками. Мы превосходим этих язычников и силой, и отвагой. Мой тебе совет: выступи завтра навстречу славной победе.

Говорят, что той же самой ночью один из королевских слуг видел в небе орла, сжимавшего в своих когтях семь стрел. Если верить словам слуги, орел прокричал «Берегись, Иерусалим» и тут же скрылся.

Нет, главной опасностью было не предательство, а безрассудство, и исходила эта опасность совсем не от графа Раймонда, рыцаря, прекрасно знакомого с повадками и хитростями сарацинов. Он знал, что Саладин непременно устроит засаду, постарается поймать противников врасплох. Перед восходом солнца граф еще раз попытался переубедить короля.

— Король Гвидо, я молю тебя — не двигай войско в поход, иначе Саладин нападет на нас посреди пустыни, он непременно так сделает.

Король вспомнил, что граф Раймонд был единственным, кто не поддержал его притязания на Иерусалимский престол, и дал волю своей ярости:

— Кто ты такой, чтобы указывать своему королю, что он должен делать и чего не должен? Я приказываю

всем моим рыцарям садиться на коней и готовиться к походу, мы выступаем к Тиверии¹.

Этими словами франкский король Иерусалима фактически сам обрек свою армию на гибель.

Начало эпохи крестовых походов можно вести с 1071 года, с битвы при Манцикерте (Армения)², когда орды сельджуков наголову разбили армию Восточной Римской империи. Сельджуки представляли собой тюркоязычное кочевое племя, пришедшее из азиатских степей и быстро принявшее ислам. В стараниях вернуть себе утраченную Малую Азию, Константинополь на время забыл о своем раздоре с Римской Церковью и обратился за помощью к папе Урбану II. Урбан II откликнулся на просьбу; в 1095 году он организовал Первый Крестовый поход — предприятие, совершенно уникальное даже с современной точки зрения. Впрочем, тогда это был просто Крестовый поход — кто же мог знать, что их будет так много? Готфрид Бульонский повел французское дворянство, а также отряды рыцарских орденов (тамплиеров и госпитальеров)³ «к Святому Крес-

¹ *Estoire d'Eracles*, французский текст тринадцатого века, принадлежащий, возможно, перу Гийома Тирского. (Примеч. автора).

² Находясь на грани поражения, сельджукский султан подкупил сражавшихся на стороне Византии наемников, их предательство обеспечило тюркам сокрушительную победу. (Примеч. автора).

³ Орден тамплиеров, согласно упомянутому ниже Вильгельму (Гийому) Тирскому, был основан Гуго де Пейном только в 1118 году, а орден госпитальеров появился еще позже. Таким образом, участия в Первом Крестовом походе (1096—1099) эти ордена принимать никак не могли.

ту». Его соратникам было обещано прощение всех прошлых грехов и гарантированное место в Раю. В 1099 году крестоносцы штурмом взяли Град Божий — славу этой победы сильно подпортило варварское уничтожение всех оставшихся в Иерусалиме мусульман¹. Это избиение повлекло за собой начало священного джихада, который растянулся на два столетия (а если разобратся — длится и по наши дни). Участники Первого Крестового похода установили на захваченных землях Иерусалимское королевство. Около сотни лет все шло более-менее гладко — христиане удерживали укрепленные города и крепости, такие как Акра, Яффа, Тир и Керак, в то время как на незащищенной каменными стенами местности бесчинствовали сарацинские банды. И только после сокрушительного поражения, нанесенного сельджуками византийскому императору Мануилу Комнину в битве при Мириокефалоне, события начали двигаться к окончательной развязке. Франкских рыцарей было слишком мало, без византийской поддержки они не могли сдерживать напор исламских сил, противостоявших им в Палестине. Христиане и мусульмане быстро двигались к прямому столкновению.

Положение усугублялось тем, что на смену рыцарственным искателям Святого Креста пришла разнузданная шайка баронов, объединенных единственным стремлением: не считаясь со средствами, набить собственные карманы. Одним из этих авантюристов, прибывших в Святую Землю в поисках богатства, был Рейнальд Шатильонский. Вместо того чтобы проявлять свою отвагу в защите Истинной Веры, он соблазнил вдову графа Ан-

¹ *Гийом Тирский*: «Количество мертвых ужасало...» (Примеч. автора).

тиохийского, которая настолько поддавалась обаянию этого сомнительного типа, что вручила ему ключи от всех своих владений. Утомившись не слишком юными прелестями графини, Рейнальда бросил ее и женился на другой видной аристократке, в чьем владении находился Керрак. Все это время он усердно грабил караваны и даже устраивал разбойничьи набеги на владения Саладина. Под стать ему был Жерар де Ридефор, жульническим способом обеспечивший себе избрание на высокий пост гроссмейстера ордена тамплиеров, а затем использовавший благородных рыцарей, чтобы грабить и терроризировать незащищенное население. Но самым выдающимся негодяем был патриарх Иерусалимский Иракий — «целомудренный монах», чья любовница, известная всему Святому Городу шлюха, получила прозвище «патриархесса». Именно эта, далеко не святая, троица привела Иерусалимское королевство франков к окончательному краху.

Разнузданному разгулу разбоя и разврата противостоял мудрый и достойный Раймонд III, граф Триполитанский¹, назначенный регентом при несовершеннолетнем короле Балдуине IV и сохранивший верность регентской присяге. Балдуин IV скончался в 1184 году, едва достигнув совершеннолетия, а в 1186 году умер и его малолетний, болезненный племянник Балдуин V (регентом снова был граф Раймонд). Гвидо Лузиньян, авантюрист под стать Рейнальду Шатильонскому, сумевший вовремя жениться на тетке короля, узурпировал пре-

¹ Графство Триполитанское было основано его дедом, Раймондом Тулузским. (Примеч. автора).

Очевидно, имеется в виду граф Раймонд IV Тулузский, первый герцог Нарбоннский (1088—11??).

стол. Возмущенный Раймонд практически разорвал отношения с новым хозяином Иерусалима. Это было тяжелым ударом для христиан Святой Земли, так как Раймонд, единственный из баронов, пользовался доверием Саладина. В 1185 году он даже заключил с сарацинским султаном сепаратный мир, основанный на взаимном доверии и рыцарских клятвах. Однако после инцидента при Крессонском источнике, когда сарадины решили вторгнуться в Галилею, верность общему христианскому делу заставила Раймонда вернуться под руку короля Иерусалимского, своего номинального сюзерена.

В конце двенадцатого столетия Иерусалимское королевство франков оказалось перед лицом величайшего из воинственных султанов всех времен — прославленного Салах ад-Дина, сиречь Саладина. Саладин был тюрком¹, чьи предки переселились сюда из Центральной Азии, от предгорий Алтая. В десятом веке это воинственное кочевое племя вступило в контакт с исламом. Можно сказать, что обращение тюрков в мусульманство оказало на Восток столь же серьезное влияние, как обращение тевтонов в христианство — на Запад. Саладин, родившийся в семье одного из ближайших соратников султана Нур ад-Дина, эмира Алеппо и Дамаска, показал незаурядную отвагу в целом ряде сражений — как с

¹ В буквальном переводе «сила», «власть». (Примеч. автора).

Саладин был курдом, то есть принадлежал к одному из местных оседлых народов, а не к недавно переселившимся с востока сельджукам. Однако национальные различия в те времена слабо волновали не только крестоносцев, но и самих сарацун, основу которых действительно составляли тюрки.

франками, так и с непокорными мусульманскими князьками. В 1169 году он занял при Египетском халифе¹ пост визиря, а уже в 1176 году сместил последнего представителя прогнившей династии Фатимидов и принял титул султана Египта и Сирии. Королевство крестоносцев попало в прочные тиски, теперь его связи с Кипром и Европой могли осуществляться только по морю (вспомним, что в тот же самый год они лишились всякой надежды на помощь со стороны Византии). Десять с лишним лет христиане кое-как сдерживали Саладина, но затем хрупкое равновесие было нарушено двумя очень неприятными событиями. Первое из них полностью лежало на совести Рейнальда Шатильонского.

Как-то ночью шпион, примчавшийся в замок Керак, цитадель Рейнальда, сообщил о сказочно богатом караване паломников, направлявшемся в Мекку. Бандитствующий барон собрал своих приспешников, поспешно выступил и перехватил караван. Как оказалось, верблюды несли в Мекку не только золото и пряности, но и сокровище несравненно большее — сестру Саладина, «деву столь прекрасную, что соловьи забывали о розе, чтобы песнями своими воспеть ее совершенство». Султан направил ко двору короля Гвидо гонца с требованием немедленного освобождения своей сестры. Рейнальд Шатильонский, надевшийся получить за высокорожденную девицу более чем приличный выкуп, наотрез отказался выполнить приказ короля, мотивируя свою неуступчивость тем, что он, не в пример Раймонду Триполитанскому, не заключал с сарацинами никаких соглашений.

¹ По-арабски «халиф» значит «преемник» (естественно, Мухаммеда). В христианских терминах это, примерно, соответствует папе Римскому. (Примеч. автора).

Примерно в то же самое время (30 апреля 1187 года) сын Саладина, Малик аль-Афдал, запросил разрешение на проход своего отряда через владения Раймонда Триполитанского. Раймонд дал такое разрешение при условии, что мусульмане пересекут его земли между рассветом и закатом, не заходя в города и поселки. Чтобы появление мусульман в христианских землях не вызвало паники, он сообщил об этой договоренности Жерару де Ридефору. Но не в меру наглый рыцарь даже и не подумал ее соблюдать; в погоне за личной славой он выступил на сарацинов с отрядом из девяноста тамплиеров и десяти госпитальеров. Уверенные в своей безопасности, мусульмане разбили лагерь вокруг Крессонского источника¹. Один из тамплиеров, Жак де Майли, попытался удержать своего грессмейстера от опрометчивого поступка, но тот только рывкнул:

— Ты что, боишься расстаться со своей прелестной белокурой головкой? Ну так беги, если хочешь.

— Я умру, как подобает отважному рыцарю, а вот ты, грессмейстер, ты убежишь,— парировал оскорбленный де Майли.

Его пророчество быстро сбылось. Безрассудный Ридефор, относившийся к боевому духу сарацинов с ни на чем не основанным презрением, бросил свою горстку рыцарей на семитысячное мусульманское войско. Случилось то, что и должно было случиться,— сарацины окружили малочисленных противников, захватили тех, кто не погиб в первоначальной схватке, в плен и поотрубали им головы. Ридефор же, сопровождаемый еще тремя рыцарями, покинул поле боя и бежал. Тюрки надели отрубленные головы на копья, продефилировали

¹ Современная Саффурия. (Примеч. автора).

с ними под стенами Тиверии, а затем мирно удалились в свои земли (до заката, как и было обещано).

Даже не пытаясь разобраться в причинах этой бойни, король Гвидо созвал под свой стяг всех христианских рыцарей и приказал патриарху Иерусалима Ираклию взять Истинный Крест и присоединиться к Христианскому воинству, чтобы вдохновлять его на битву. Патриарх послушно вынес Крест из церкви Гроба Господня; вряд ли он думал, что этой святыне не суждено вернуться в Иерусалим никогда.

После неслыханного оскорбления, нанесенного его сестре, Саладин торжественно поклялся на Коране, что собственной своей рукой обезглавит негодяя Рейнальда. Он собрал «неисчислимое войско, подобное океану»¹, к которому присоединились отряды из Египта, Мосула и Маридина. Вскоре после схватки при Крессоне Саладин соединился неподалеку от Астары² с войском своего сына. 27 мая они выступили в поход и разбили лагерь у Дабейры. 2 июля Саладин напал на Тиверию. От факела одного из воинов ислама случайно загорелся сарай; вскоре пылал весь город, уцелела только цитадель.

На следующий день, в пятницу 3 июля 1187 г., армия франков вступила в безжизненную пустыню, отделяющую Крессон от Тиверии. 15000 рыцарей и пеших солдат начали свой поход к далекому Тивериадскому

¹ 80000 воинов. (Примеч. автора).

² Современная Бурса. (Примеч. автора).

озеру¹. Авангардом командовал Раймонд Триполитанский, арьергардом — Балиан Ибелинский. В центре двигались Руфин, епископ Акры, и Бернар, епископ Лидды, носители Истинного Креста, под охраной самого короля Гвидо Лузиньяна. Издалека армия крестоносцев представляла собой внушительное зрелище — стройные шеренги рыцарей в белых мантиях поверх доспехов, компактные группы лучников в мышастых килтах и кожаных безрукавках. Так как путь предстоял не слишком длинный², король надеялся пересечь безводную пустыню, меньше чем за день. Чтобы не замедлять движение своей армии, он отказался от мысли взять в поход неуклюжие, запряженные быками водовозные телеги³. Катастрофическая ошибка в расчетах. Дистанция, которую верховой рыцарь преодолеет за несколько часов, растянется для пехотинца на несколько дневных переходов. А в составе армии верховые воины не могут двигаться быстрее, чем пехотинцы и лучники.

Руководимый Раймондом Триполитанским, авангард был построен вполне разумно: граф поставил впереди флангу отборных рыцарей. С флангов продвигающуюся армию защищали группы лучников; далеко выдвинутые отряды прикрытия должны были вовремя предуп-

¹ Прямо перед выступлением в поход армию усилили 1200 рыцарями и 7000 пешими солдатами, чья служба была оплачена за счет выкупа, внесенного Генрихом II Английским за убийство архиепископа Кентерберийского. (*Примеч. автора*).

² По современным дорогам — около двадцати миль. (*Примеч. автора*).

³ Водовозные телеги, использовавшиеся обычно при пересечении пустыни, запрягались волами, а потому передвигались очень медленно. (*Примеч. автора*).

редить короля о приближении противника, об опасности, угрожающей Истинному Кресту. А вот в центре особого порядка не было, верховые рыцари двигались попеременно с пехотинцами и слугами, тащившими на себе свернутые шатры. Вскоре армия начала опасно растягиваться, пешие солдаты, утомленные каменистой горной тропой, не поспевали за верховыми. Король устроил короткий привал, чтобы позволить отставшим догнать основную колонну, однако это привело к еще большей неразберихе, отдельные отряды натыкались друг на друга, смешивались, ломали строй.

Узнав о выступлении христианской армии, Саладин пришел в полный восторг:

— Именно этого я и хотел. Уничтожив воинство неверных, мы получим Тиверию, а вместе с ней и контроль за береговой линией.

Он приказал своей армии занять позиции в районе Лувии и выслал навстречу медленно продвигавшейся колонне крестоносцев отряды легкой кавалерии. Подвижные сарацинские всадники изматывали христиан набегами, осыпали их дождем стрел, воздерживаясь, однако, от прямого столкновения и держась на почтительном расстоянии,— они знали, что лучники крестоносцев стреляют довольно метко. Король Гвидо не проявлял особого беспокойства, выпущенные издали стрелы не могли причинить особого вреда закованным в тяжелые доспехи рыцарям, так что от христиан требовалось одно: не создавать для воинов Саладина удобных условий, не позволять им приблизиться¹. Однако, хотя вооруженные луками пехотинцы успешно сдерживали на-

¹ Сарацины использовали короткий лук, сильно уступающий в пробивной силе английским длинным лукам, приме-

скоки противника, они никоим образом не могли защитить обремененных латами и кольчугами рыцарей — да и самих себя — от другой угрозы: безжалостных лучей солнца. Жар, отражавшийся от белого известняка горных склонов, превращал ущелье в подобие раскаленного котла. Вскоре вода во флягах кончилась, не прошедшая и половины пути армия начала страдать от жажды. Король Гвидо Лузиньян опрометчиво упустил возможность напоить свое войско у Туранских ключей, для чего требовалось сделать совсем небольшой крюк. Теперь ближайшим источником воды было Тивериадское озеро, к полудню это малоприятное обстоятельство стало понятно всем христианам. Вскоре колонна утратила всякое сходство с дисциплинированной армией, превратилась в беспорядочную толпу, тупо и безразлично тащившуюся вперед. Король Гвидо давно уже раскаивался в своих ошибках, однако отступление с полдороги покрыло бы его позором, об этом не могло быть и речи. Когда длинная колонна выползла на раскаленное, как сковородка, плато, из укрытий выскочили сарацины с пылающими факелами; они подожгли высокие кучи нарубленного заранее хвороста, выложенные полукругом поперек и по сторонам тропы, и тут же скрылись. Жар огня и густой, удушливый дым усугубили страдания изнывавших от жажды христиан. Свежий ветер раздувал и разносил пламя, огонь перекинулся на не

нявшимся, в частности, в битвах при Креси и Азенкуре. (Примеч. автора).

В XII веке длинный валлийский лук был еще практически неизвестен и за пределами Англии не использовался. Первый случай его массового применения — сражение при Креси (1346 год).

срубленный кустарник, вскоре пылало все вокруг. Длинная колонна корчилась в дыму и пламени под безжалостным дождем стрел — сарацинских всадников становилось все больше, они осмелели и уже приближались на расстояние хорошего выстрела. Это была последняя соломинка: отступление стало невозможным, в то время как жажда обострилась до предела.

Однако хуже всех сарацинских атак была жажда, равно убивавшая и людей, и коней¹. В сравнении с несчастными животными, которые попросту падали, не в силах двигаться дальше, обезумевшие от жажды люди вели себя далеко не лучшим образом: то здесь, то там вспыхивали стычки и перебранки. Рыцари, пытавшиеся прорваться сквозь огненное кольцо, были изрублены сарацинскими саблями. Другие, израненные стрелами или потерявшие сознание от жары и жажды, падали с коней в огонь, чтобы больше не подняться. Некоторые пешие солдаты ускользали от своих товарищей и сдавались сарацинам в плен, в обмен на глоток воды они переходили в ислам. Среди сложивших оружие оказалось даже несколько рыцарей²; представ перед лицом Саладина, они сказали:

¹ В своем «Обретении Иерусалима» (1871) Моррисон дает следующую картину: «Дорога из Саффурии в Тиверию тянется вверх по длинному широкому ущелью, а затем, после Лувии, начинает спускаться к озеру. Вот по этой дороге, где нет ни воды, ни клочка тени, а известняковые склоны, отражающие сияние солнца, удваивают жару, и продвигались христиане, непрерывно осаждавшиеся со всех сторон легкой конницей сарацинов». (Примеч. автора).

² В «L'estoire» приводятся их имена: Бальд де Фортуна, Раймонд Буккус и Лаодиций де Табария — именно они выдали Саладину королевский замысел. (Примеч. автора).

— Владыка, чего ты ждешь? Наступай на них, ибо они все равно что мертвые.

Находясь на высоком плато, крестоносцы отчетливо различали искрящуюся, обманчиво близкую гладь Тивериадского озера, это зрелище было для них еще одной мучительной пыткой. Франки могли только мечтать о прохладной, спасительной воде, чтобы достигнуть ее нужно было свершить невозможное: пробиться сквозь огромную армию султана Саладина.

Раймонд знал, что к северу от плато, на котором погибала христианская армия, есть источник воды. Чтобы достигнуть его, придется круто свернуть в сторону от Тиверии и Тивериадского озера, однако сейчас вода была важнее всего прочего, так что выбора фактически не оставалось. Придя к такому решению, Раймонд подъехал к королю Гвидо и предложил ему направить армию в горы, к каменистому гребню, носившему название «Рога Хаттина»¹, в окрестностях которого и располагались источники. Граф знал про воду совершенно точно — эти места относились к его собственным владениям. Король согласился и приказал Раймонду ударить по сарацинам, пробить брешь в окружении.

Один из переметнувшихся рыцарей услужливо сообщил сарацинам о плане Раймонда. Когда крестоносцы повернули на север, Саладин решил не пропускать их к воде. Он возложил эту задачу на своего племянника, Таки ад-Дина, который преградил путь, ведущий к Рогам Хаттина, своей конницей. Это происходило на

¹ Горный гребень «Рога Хаттина» расположен на северо-восток от Табора и на юго-восток от деревушки Хаттин (или Хиттин). От него до Тиверии — около трех миль, примерно три с половиной часа пешком. (Примеч. автора).

том самом месте, где, если верить церковному преданию, Христос выступил перед учениками с Нагорной Проповедью. Раймонд бросился в атаку и завязалась кровавая, редкая по жестокости битва. Звенело оружие, хрипели кони, стонали умирающие люди, подходы к горе покрылись горами изрубленных тел.

Саладин наблюдал за сражением из близлежащей рощи. Он видел, как атакующие волны воинов Таки ад-Дина одна за другой разбиваются о строй закованных в сталь рыцарей, которых жажда и близость спасательной воды заставляли биться с удвоенной яростью. Мусульмане атаковали на узком фронте, что не позволяло им полностью использовать свое численное преимущество. Чувствуя, что напор противника слабеет, строй христианских воинов рванулся вперед, словно тяжелый, всесокрушающий таран. Длинные мечи прорубали в сарацинской армии широкий проход, когда же под их ударами пали пешие телохранители самого Таки ад-Дина, живая стена, преграждавшая путь к воде, расступилась.

Отчаянная атака графа Триполитанского достигла цели; Раймонд обернулся и махнул рукой, призывая основную группу рыцарей, сгрудившуюся вокруг короля, воспользоваться пробитым проходом. Но они не двигались! Прорвавшись сквозь многократно превосходящие силы противника, Раймонд совершил подлинное чудо, это чудо было оплачено жизнями многих его рыцарей, однако король страшился подвергнуть риску такую святыню, как Истинный Крест, а потому — не двигался! К Раймонду подскакал гонец короля Гвидо с фатальным приказом. Графу Триполитанскому надлежало оставить преследование в панике разбегающихся сарацинов и приступить к разбивке лагеря. Исполненный отчаяни-

ем Раймонд подскакал к королю и попытался его переубедить:

— Мой господин, нам надо идти вперед, иначе все кончено. Война будет проиграна, наши земли перейдут во вражеские руки, сами же мы станем жертвами предательства. Или мы сегодня же пробьемся к воде, или наша армия погибла.

Но король остался глух к его мольбам и тут же приказал раскинуть на одном из соседних холмов свой шатер¹. Той же ночью полные силы армии Саладина обложили лагерь крестоносцев так плотно, что «даже кошка не сумела бы ускользнуть»². Были подвезены и розданы стрелы в количестве четырехсот верблюжьих тюков. Коленопреклоненные воины ислама вознесли молитву о победе в завтрашнем сражении; тысячеголосое «Аллах акбар» («Аллах велик») громом оглашало горы, за чем последовала проповедь борцов за Истинную веру.

Скорпионы и пауки, заползавшие рыцарям под доспехи, сделали эту ночь невыносимой. Сарацины издевались над выставленными часовыми — набирали драгоценную воду в пригоршню, а затем по капле выливали ее в песок.

В субботу 4 июля 1187 года, на восходе, возглавляемые королем рыцари преклонили колени и обратились к Господу:

— Боже всемогущий, — взывал Гвидо, — обрати Твое всевидящее око на Твоих детей, несущих во Твое святое Имя крест Истинной Веры. И если мы должны дать

¹ После битвы Саладин повелел возвести на этом холме мечеть. (Примеч. автора).

² *Estoire d'Eracles*. (Примеч. автора).

последнюю битву, пусть битва эта останется за нами, а не за ними.

Но Бог, занятый проблемами Царствия Небесного, не очень вникал в дела земных королей.

Утреннюю тишину разорвал торопливый стук копыт. Молодой, роскошно одетый воин с кривой саблей в золоченых ножнах на боку подскакал к королю и спрыгнул с коня.

— Господин, я прибыл с предложением мира. — Парламентер говорил громко и отчетливо, в явном расчете, что его слова услышат все рыцари. — Мой повелитель султан доводит до вашего сведения, что вы должны закончить войну, вернуться в свои заморские земли и не возвращаться сюда впредь.

— Никогда, клянусь Святым Крестом, — взревел Рейнальд Шатилонский.

— Никогда, так и передай своему неверному господину, — поддержал его гроссмейстер тамплиеров.

Король оглянулся в поисках какого-нибудь более благоразумного советника и обжегся о недружелюбные взгляды закованных в броню рыцарей. Раймонда Триполитанского, как на зло, не оказалось поблизости, а кто кроме этого мудрого графа мог подсказать выход из тупика, грозившего трагедией? Гвидо Лузиньян медленно повернулся к гонцу, его лицо побледнело от напряжения.

— Передай своему сюзерену, что я, король Иерусалимский, вызываю его на Божий Суд.

Когда граф Раймонд узнал о предложении парламентера и полученном им ответе, он приблизился к королю Гвидо, припал на правое колено и сказал:

— Мой господин, раз ты решил погибнуть сегодня в этой дикой пустыне, я буду рядом с тобой. Мы не одер-

жим победы, сколько бы врагов ни удалось нам уничтожить, мы отдаем Святую Землю Саладину.

На что король ответил:

— Я с большей охотой паду здесь, на этом поле, вместе с моими рыцарями, чем увижу Святой Иерусалим попавшим в руки неверных.

Сказав так, он велел армии франков сворачивать лагерь и выступить по длинному, пологому склону к Источникам Хаттина. Вместо того чтобы двигаться в упорядоченном строю, что обеспечивало хоть какую-то защиту, многие из пеших солдат оставили свои отряды и бросились вперед, стремясь поскорее достигнуть спасительных источников. Крупные отряды сарацинов преграждали им дорогу, осыпали градом стрел, уцелевшие падали под ударами кривых сабель. Затем конница Саладина напала на крестоносцев сразу с обоих флангов. Руководимый Раймондом авангард стойко выдержал первый удар. Его пехотинцы уперли копья в землю и выставили их под углом, так чтобы стальные наконечники были на уровне глаз лошади; сарацинские кони не выдерживали и шарахались. Вооруженные луками и саблями сарацины спешили и снова пошли в атаку, однако закованные в сталь рыцари прочно удерживали позицию, выпущенные из коротких сарацинских луков стрелы не могли пробить их тяжелую броню. Некий молодой головорез в отчаянном броске на неудачно обнажившуюся часть строя крестоносцев изрубил множество лучников — и тут же погиб, разрубленный пополам тяжелым рыцарским мечом. Эта смерть настолько разъярила сарацинов, что они бросились в беспощадную атаку. Рыцари ответили встречным ударом, но тут накатилась новая волна сарацинов, и бой, проходивший до того более или менее упорядоченно, превратился в

сплошное месиво разноязыкокричащих людей и звенящей стали. Христиане и мусульмане рубили друг друга, как мясники скотину. Саладин следил за ходом кровавой бойни с плохо скрываемой озабоченностью. Даже подавляющее численное превосходство не помогло легковооруженным сарацинам быстро сломить сопротивление закованных в броню, вооруженных длинными копьями и тяжелыми мечами рыцарей. Битва развивалась с переменным успехом — тамплиерам и госпитальерам удавалось на время потеснить противника, но затем накатывалась новая волна, и все повторялось. Ряды крестоносцев быстро редели. Так не могло продолжаться долго — две сотни рыцарей не имели никаких шансов выстоять под напором многотысячной армии сарацинов, неустанно атаковавшей их со всех сторон.

Граф Раймонд Триполитанский высоко поднял меч и повел своих соратников в отчаянную атаку на центр заслона, установленного Таки ад-Дином. Сарацины не оказали почти никакого сопротивления, они фактически расступились перед отрядом графа и пропустили его в горы, к спасительной воде; вполне возможно, что это было сделано по прямому указанию султана Саладина, высоко ценившего отвагу и благородство графа. Затем ряды мусульман сомкнулись, судьба короля Гвидо и оставшихся при нем воинов была решена.

Рядом с Саладином находился его сын Афдал.

«Афдал сидел на коне; вместе со своим отцом, благороднейшим султаном, он наблюдал, как король франков отступает на вершину холма. Неверные сопротивлялись отважно, как подобает мужчинам, и они падали сраженные один за другим. Саладин был весьма печален и держал себя за бороду; «Кончайте с ними!» — крикнул он, и наши воины бросились вперед. «Они бегут!» —

закричал Афдал, но его отец, Меч Аллаха, прервал его словами: «Замолчи! Они будут сражаться, пока не падет шатер их короля»¹

Последние христианские пехотинцы разбежались, оставив рыцарей на произвол судьбы; никакие приказы и даже просьбы короля Гвидо не могли заставить их вернуться и продолжить сражение. Тогда король Гвидо собрал свои быстро тающие силы вокруг королевского стяга, чтобы защищать Руфина, епископа Акры, и Истинный Крест. Саладин ввел в бой последние резервы и окружил спешившихся рыцарей тесным, быстро сжимавшимся кольцом. Фактором, окончательно сломившим сопротивление франков, оказалось не падение королевского шатра, а смелый бросок Таки ад-Дина; племянник султана саблей проложил себе дорогу к епископу Акры, зарубил его, схватил Истинный Крест и поскакал назад, высоко поднимая свой драгоценный трофей. Сарацины разразились торжествующими криками, а боевой дух франкских рыцарей, увидевших, что наисвященнейшая из христианских святынь попала в руки неверных, был окончательно сломлен. Крестonosцы опустили оружие и сдались на милость победителя. Сарацинские орды устремились вперед и перебили большую часть прекративших сопротивление христиан. Из всей армии короля Гвидо в живых осталось только 200 рыцарей и около 1000 пеших солдат². Подъехав к месту последней схватки, Саладин спешился, расстелил на за-

¹ По свидетельству арабского летописца Ибн аль-Атира. (Примеч. автора).

² В том числе Раймонд Триполитанский, четверо его сыновей (Гуго, Гийом, Рауль и Отто), а также Балиан Ибелинский. (Примеч. автора).

литом кровью песке молитвенный коврик и воздал хвалу Аллаху Великому и Всесильному.

В начале битвы христиане были подобны львам, к концу же они превратились в овечье стадо. Из многих тысяч лишь очень малому числу удалось избежать гибели. В ужасе взирая на окровавленные, засыпанные песком лица, на тела, покрытые пылью пустыни, я восхвалял Аллаха Единственного, даровавшего нам победу¹.

Пленных франкских вождей привели к Саладину. Среди них были король Гвидо Лузиньян, его брат Жоффруа, Жерар де Ридефор, епископ Лидды, Бернар, Рейнальд Шатильонский и сын прежнего хозяина Керака, Гонфред де Тюрон. Саладин, ценивший отвагу как в друзьях, так и в противниках, встретил их милостиво. Видя жалкое состояние рыцарей, понимая, как мучит их жажда, он велел принести чашу изысканного фруктового шербета со снегом и лично вручил ее королю Гвидо. Однако, когда король передал недопитую чашу Рейнальду Шатильонскому, Саладин выразил крайнее недовольство.

— Мне не нравится, — сказал он, — что ты даешь ему пить из моей чаши. Этот проклятый не смеет пить в моем шатре без моего на то соизволения, иначе он сам подпишет себе приговор.

Рейнальда все-таки допил шербет. Саладин не стал ему мешать и только сказал:

— Сейчас тыпил последний раз в своей жизни.

Затем он спросил Рейнальда, почему тот нарушил законы рыцарства, на что Рейнальд ответил:

¹ Имад ад-Дин, современник описываемых событий, в его «Хронике Хаттина». (Примеч. автора).

— *C'est la countume entre les princes et j'ai suivi le sentier battu* (Так принято у князей, я лишь следовал протоптанной дорогой).

Саладин взглянул на него с ненавистью, но все же предложил пощадить его жизнь, если Рейнальда отринет христианство и обратится в истинную веру, на что Рейнальда ответил презрительным отказом. После этого Саладин не оставил бы Рейнальда в живых даже за все богатства мира¹.

Когда Рейнальда отставил чашу, Саладин приказал вывести его из шатра, взял саблю и одним мощным ударом отделил ему голову. По приказу султана отрубленная голова была взята на копье и *пронесена по всем землям, в знак победы Аллаха над неверными*.

В этот день решилась судьба Иерусалима — вскоре он был утрачен крестоносцами навсегда.

Ну, а если бы...

Ну а если бы — Рейнальда Шатильонский не захватил караван султана? Хрупкий мир, установленный Саладином и Раймондом Триполитанским, мог бы сохраниться, что обеспечило бы — на какое-то время — существование Иерусалимского королевства франков. Крайне сомнительно, чтобы Саладин, истовый

¹ «*Etoire d'Eracles*» и «*Passio Reginaldi*» — труд Пьера де Блуа, современника Саладина. (Примеч. автора).

мусульманин, надолго смирился с христианским присутствием в святых для каждого мусульманина местах.

Ну а если бы — Жерар де Ридефор был убит при Крессонских источниках, за несколько месяцев до катастрофического поражения при Хаттине? Гвидо Лузиньян не получил бы рокового совета.

А теперь о фактах

После 1099 года, когда крестоносцы штурмом взяли Иерусалим, делалось все возможное для поддержания хрупкого равновесия между двумя враждующими религиями, христианством и исламом, которые с равным пылом отстаивали свое право называться единственной Истинной Верой. Ситуация усугублялась постоянно нарастающим вмешательством мирских властей в божественные прерогативы Папы, а также стараниями королей и баронов использовать крестовые походы для своего обогащения. Армии крестоносцев сражались друг с другом, но в то же самое время и султанат стремительно разлагался. Затем появился Саладин. Христианские владыки, напуганные стремительным восхождением на небосвод новой яркой звезды, были вынуждены объединиться, теперь только тонкий, как папиросная бумага, мир не позволял армиям двух религий приступить ко взаимному уничтожению.

В конечном счете, сарацинское благородство взяло верх над христианским предательством. Саладин, безо всяких сомнений являвшийся самым великим и благо-

родным воителем эпохи Крестовых походов¹, взялся за меч. Утрата в битве при Хаттине Истинного Креста вдребезги разбила все надежды франков, победа досталась не христианскому Богу, а Аллаху. Хаттин покончил с христианским владычеством на Ближнем и Среднем Востоке, все последующие крестовые походы были не более чем долгой, мучительной агонией.

После Хаттина события развивались настолько стремительно, что так и подмывает назвать их «блицкриг Саладина». Уже через три дня, 7 июля, капитулировала Тиверия, а 10 июля перед победоносным султаном распахнулись ворота Акры, затем пали Яффа и Назарет, чуть позже — Саффурия, Кесария и Хайфа. Потом — Наблус. 29 июля пал Сидон, 9 августа — Бейрут. В начале сентября граф Раймонд, бежавший в свою крепость Триполи, скончался от плеврита. Исключением был Тир, устоявший благодаря своевременному прибытию по морю графа Конрада де Монферра и его рыцарей. Саладин снял с Тира осаду, передвинулся к Аскелону и уже 5 сентября принял его капитуляцию. Отсюда он направился на север, к средоточию конфликта — Иерусалиму. Обороной Святого Города руководил Балиан Ибелинский. Саладин начал осаду 19 сентября, и вскоре его саперы пробили городскую стену. Несмотря на яростное сопротивление крестоносцев, ко 2 октября все было кончено. Город был разграблен, его христианское население частью погибло, частью попало в плен, вся христианская символика подверглась уничтожению.

¹ Однажды, когда Ричард Львиное Сердце лишился в бою коня, Саладин послал ему кровного арабского скакуна. (Примеч. автора).

Из смятения, последовавшего за триумфальным вступлением Саладина в Иерусалим, родился призыв к новым крестовым походам, дальнейшие события развивались с головокружительной быстротой. Гвидо Лузиньян, отпущенный Саладином под честное слово, отправился на Кипр. Сперва Крест взяли в свои руки король Франции Филипп II Август, Генрих II Английский и глава Священной Римской Империи Фридрих I, известный под прозвищем Барбаросса. Генрих II умер, Барбаросса утонул, а Филипп Французский вернулся во Францию. Их место занял Ричард Львиное Сердце: после многих славных сражений он покинул Святую Землю, так и не достигнув главного — вернуть Иерусалим под владычество христиан. Папа Иннокентий III организовал Четвертый Крестовый поход, однако тех, кто откликнулся на его призыв, интересовали не столько христианские святыни, сколько удачная возможность поживиться богатствами Востока. Дорвавшись до чужих земель, рыцарские орды захватили и разграбили Константинополь, грабили христианские церкви, насиловали христианских женщин. В погоне за земными ценностями были забыты ценности Мира Горнего. Начался век ересей¹, приведший власти церковные в прямое столкновение с властями мирскими. В 1229 году германский император Фридрих II, отлученный папой Григорием IX от церкви, использовал братоубийственную ссору мусульманских правителей Сирии и Египта, чтобы принудить их к подписанию мирного договора. Христиане получили, хоть и на короткое время (1229—1244), Иерусалим и другие святыне места, что, однако, далеко не покончило с распрями в их собственном лагере, так как император

¹ В частности, вальденсы и альбигойцы в Южной Франции.

воспользовался помощью тевтонских рыцарей Германа фон Зальца, чтобы вышвырнуть французских тамплиеров.

Королевство Иерусалимское, превратившееся после битвы при Хаттине в редкую цепочку прибрежных крепостей, пришло к своему кровавому концу 18 мая 1291 года, с падением Акры и зверским избиением ее защитников.

Иерусалим, колыбель христианства, навсегда перестал быть христианским городом.

Решающим фактором в битве при Хаттине стала безжалостная пустыня.

«...Ибо сказано, что тот, кто вступит в бесплодные земли, не воззав к милости Аллаха, обречен погибнуть...»

25 октября 1415 г., Азенкур

Необу́тый сброд

«С отвагой в сердце риньтесь в бой, крича: «Господь за Гарри и Святой Георг!»

Шекспир, «Генрих V»¹

В ночь накануне дня святого Криспина коннетабль² Франции Шарль д'Альбре, граф Дро, покинул армейский лагерь, чтобы осмотреть равнину, выбранную им как место предстоящей битвы. Его сопровождал герцог Алансонский. От темного, густого леса Траменкура до рощ Азенкура к безлунному небу взлетали искры сотен лагерных костров. Между коническими шатрами суетились слуги и лакеи; и роскошь шатра, и количество слуг при нем прямо зависели от богатства хозяина. Лучники в кожаных безрукавках, непременно украшенных шитым гербом сеньора, держали над головой зажженные факелы, ос-

¹ Перевод Е. Бируковой.

² С XII по начало XVII века так именовался главнокомандующий Королевской армией Франции. (Прим. перев.)

вещая пространство между шатрами и прославленные штандарты, горделиво стоявшие перед каждым из них. Виват Бургундия, виват Арманьяк, Орлеан, Бурбон, Алансон, виват Брабант! Цвет рыцарства, собравшийся на свой последний турнир.

От шатрового поселка аристократии грязная проселочная дорога вела к лагерю совсем иного рода. Здесь грелись у костров арбалетчики попеременно с кухарками, проститутками и мародерами, люди, для которых война стала средством заработать себе на хлеб, а при удаче и обогатиться. В некотором отдалении от пьяных криков, мужских проклятий и женского визга неслышно бормотал молитву коленопреклоненный монах.

Двое благородных рыцарей не обращали внимания на шум и гвалт, их глаза оцепывали темные очертания поля. За этот день коннетабль успел трижды изменить свой выбор поля будущей битвы. В конечном итоге он остановился на поле, шириной приблизительно в половину мили, принадлежавшем, как и все вокруг, сеньору Азенкура. Вассальные крестьяне недавно вспахали эту жирную, богатую землю, готовя ее к озимому севу.

Коннетабль указал на далекие огоньки английских костров.

— Мы атакуем двумя колоннами. Вы возьмете под свое командование шестьсот рыцарей и *gens d'armes* левого крыла. Опасайтесь английских лучников, пересеките поле поскорее и втопчите их в грязь.

— А кто будет с правым крылом? — поинтересовался герцог.

— Я. А теперь вернемся в лагерь, нужно приготовиться к турниру.

Турниром он именовал предстоящую битву. 8000 французских рыцарей, поддержанным 10000 рядовых кавалеристов и пехотинцев, противостояли жалкая 1000 кавалеристов да 5000 полуголодных лучников и пехотинцев, противник менее чем серьезный¹. Даст Бог, завтра английская чума навсегда исчезнет с лица Франции.

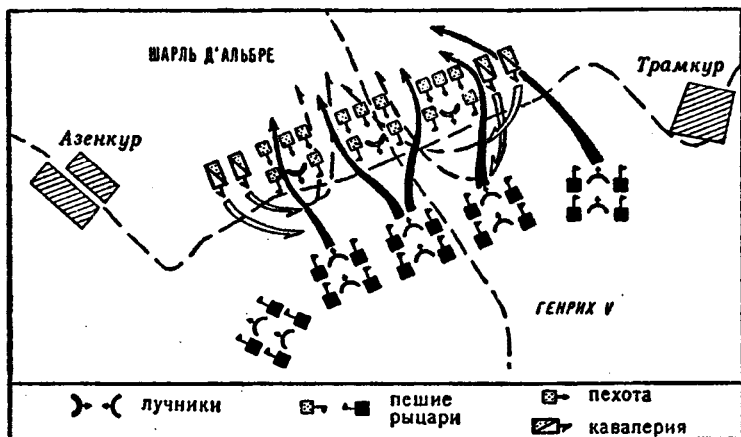
На противоположной стороне поля, так близко, что ветер доносил из французского лагеря обрывки криков, стояла английская армия короля Гарри. Затравленный, измотанный сброд, страдавший от недоедания и дизентерии. Их гнали сюда от самой Нормандии. Теперь англичан приперли к стенке, французская армия отрезала им путь отхода к крепости Кале. Король Генрих V понимал, что ему нужно сражаться и выстоять; собственно говоря, у него просто не было иного выхода. А еще он знал, что ошеломляющая мощь французского рыцарства попросту втопчет его пехотинцев в грязь.

— Французы наступают с восемью тысячами копий, — размышлял он, — а у меня всего одна тысяча.

Королю Гарри случалось уже выбираться из подобных передраг, однако на этот раз он чувствовал себя особенно неуютно. Он остро сознавал свою несолидную

¹ Разные средневековые источники дают различную численность армий, вполне возможно, что 5000 англичан противостояло до 25000 французов. Но все эти числа не меняют общую картину событий. (Примеч. автора).

По современным оценкам численность французского войска при Азенкуре составляла немногим более 10000 человек. Потери французов в этой битве составили 4000 убитыми и 1500 пленными. Таким образом, если бы их войско действительно имело 18000 или даже 25000 человек, ничто не помешало бы оставшейся его части попросту раздавить англичан своей массой.

Битва при Азенкуре 25 октября 1415 г.

молодость — какие-то двадцать восемь лет. Надо думать, король обладал ярко выраженной харизмой, в противном случае люди попросту игнорировали бы его приказы. Его лагерь затих, в резком контрасте с веселым галдежом, долетавшем через поле с французской стороны, где пьяная солдатня и наглые лагерные шлюхи заранее праздновали завтрашнюю, неизбежную, как восход солнца, победу. Генриха слегка знобило от сырого ночного воздуха, а частью, пожалуй, и от страха. Он подошел к костру, вокруг которого отдыхали его лучники, шайка сомнительных головорезов, одетых в кожаные безрукавки и замызганные килты¹. Один из лучников, мосластый парень с задубелым от солнца и ветра лицом, узнал ночного гостя.

¹ «Бог и естество закрепили право носить доспехи и пользоваться оружием за людьми высородными». (Полковник Ллойд, «История пехоты») (Примеч. автора).

— Вставай, ребята, вы что, не видите, кто пришел? — хрипло заорал он. — Поприветствуйте своего короля.

Лучники дружно вскочили на ноги и выразили свое почтение нестройным криком: «Привет, Гарри!»

Они были главной силой Англии, так повелось еще с тех пор, когда Эдуард III, прадед Генриха V, разбил французов при Креси (1346 год). Генрих мог положиться на этих людей, но сейчас он ощутил перед ними что-то вроде вины.

— Перебьют нас всех, и зачем только завел я вас в эту чужую страну?

— Мой король, — усмехнулся мосластый вожак, — да разве это хуже, чем подыхать от голода в Англии?

Голодать в Англии? Как же мало знал он о бедах простых людей — он, с утра до вечера и с вечера до утра ставивший на уши все лондонские кабаки и бордели, за компанию со своим жирным, как боров, дружкой Фальстафом.

— Как тебя звать, лучник? — спросил он солдата, смерив его взглядом.

— Флюэлен, сир. Флюэлен из Уэльса¹.

Взгляды короля и безвестного лучника на мгновение встретились.

— Ну что ж, Флюэлен из Уэльса, буде Господь дарует нам победу, твердо обещаю, что с завтрашнего дня ни ты, ни твои люди, никто из вас никогда не будет голодать.

— Да здравствует Гарри Английский! — проревел Флюэлен, его крик, подхваченный десятками глоток, покатился волной, через минуту кричал уже весь лагерь, «Гарри, Гарри, Гарри...»

¹ Персонаж из трагедии Шекспира «Генрих V».

Генрих Ланкастерский, Божьей милостью король Англии, с трудом заставил себя сохранить внешнее бесстрашие. Однако он не мог отделаться от мыслей о смерти. Завтра, чуть взойдет солнце, на свежевспаханном поле, вдали от дома. Пока король, стоя на коленях, совершал вечернюю молитву, начало моросить. Вскоре морось превратилась в ливень, загасивший лагерные костры; падавшая с неба вода быстро впитывалась в развороченную плугом землю.

Дождь продолжался до самого утра.

Мы находимся в 1415 году. Средние века подходят к концу. Никаких наций нет еще и в помине — только владения королей, князей и прочих феодальных властителей, унаследовавших от своих предков право вести личные войны и чеканить монету. Строители соборов утратили свою веру, по континенту прокатилась чума, крестьянам надоела война — опустошительная война, длящаяся уже семьдесят пять лет.

Столетняя война началась не в правление Эдуарда III, что бы там ни говорили историки. Столетняя война длилась не сто лет, она началась чуть не триста лет назад, а точнее — в год 1152 от Рождества Христова, когда Алиенор Аквитанская сочеталась браком с Генрихом Плантагенетом, графом Анжуйским, герцогом Нормандским. Ее приданым стал юго-запад Франции, богатое герцогство Аквитанское. Двумя годами позднее Генрих прибрал к рукам английскую корону и прибавил к своему имени слово «Второй». Ну а дальше следовало триста лет истории, насквозь пропитанных кровью. Это время называют по-разному, кто — «высший расцвет рыцарства», кто — «мрачное средневековье».

Франция с ее 14-ю миллионами жителей была самой густонаселенной страной Европы, в то время как король английский мог похвастаться всего лишь четырьмя миллионами подданных. Каждый из противников имел свою феодальную армию — люди служили в ней долгий, но ограниченный срок, после чего получали вознаграждение землей. Основной боевой единицей каждой из армий было «копье» — рыцарь, его оруженосец плюс несколько лучников и легких копейщиков. Победа или поражение верховых рыцарей, как правило, определяли и судьбу вспомогательных сил. В том далеком прошлом английская армия компенсировала свою малочисленность качественными преимуществами, а особенно — умелым использованием длинного лука, примитивного оружия, позаимствованного у полудиких валлийцев и шотландцев. Лук стрелял дальше, чем принятые у французов арбалеты, и имел в четыре раза большую скорострельность. С его помощью английские короли выиграли целый ряд битв, в том числе при Креси и при Пуатье. Английская армия шла от победы к победе — как это будет с армией Наполеона через 450 лет и с армиями союзников после Сталинграда и Эль-Аламейна. Но здесь, на этом поле, в 1415 году, противник Генриха V имел такое подавляющее численное превосходство, что англичанам было не на что надеяться, разве что на доблестную смерть в бою.

Генрих Ланкастерский взошел на престол в 1413 году, после смерти своего отца Генриха IV. Это был безгранично амбициозный молодой человек, стремившийся к победам и воинской славе. Он вспомнил о своих (весьма сомнительных) правах на французский престол и решил за них побороться. Собрав армию, он высадился

в Нормандии, неподалеку от Арфле, произошло это 13 августа 1415 года. Узнав, что против него направлена огромная французская армия, король Генрих решил укрыться в своей крепости Кале. Однако голод и болезни замедлили движение его армии, французский авангард успел перекрыть единственный проходимый брод через Сомму, 24 октября основные силы французских рыцарей нагнали его неподалеку от деревни Азенкур, в одном дне перехода от Кале.

25 октября 1415 года, день святого Криспина. К рассвету дождь прекратился. Король Генрих собрал свое жалкое воинство. Он призвал каждого из соратников укрепить свои сухожилия и мускулы, взогреть кровь и драться, подобно тиграм. Его рука в кольчужной перчатке взялась за древко королевского стяга.

*Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом
Иль трупами своих всю брешь завалим.*

(Шекспир, «Генрих V», III-I)

— Генрих! Генрих! — кричали лучники Флюэлле-на. — У них есть копья, зато у нас — луки. Посмотрим, как им понравится вкус английских стрел.

Лучники нарубили небольших деревьев, сделали из них колья, обожгли для крепости острия на огне и устроили заграждение, способное отчасти сдержать напор верховых рыцарей¹. Генрих собрал все свои силы в один кулак. Рядом с ним были все его благородные

¹ Острый кол из такого заграждения — это как раз тот «рожон», на который прут, само же заграждение называлось в России «рогатки». (Прим. перев.)

рыцари — Уорвик, Оксфорд, Толбот, Глостер, Экстер, Бедфорд. Король снова преклонил колени.

Memento Nostrī Domine! Наши враги собрались, их сердца преполнены гордыни. Господи, лиши их отваги, обрати их в бегство, чтобы знали, что ты сражаешься на нашей стороне, Господи.

Затем он прислонился к древку королевской орифламмы¹ и начал ждать.

По небу ползли серые, тяжелые облака. Беспристрастный герольд граф Монжуа взял на себя обязанность проследить, чтобы предстоящая битва велась в строгом соответствии с рыцарскими обычаями. Он въехал в английский лагерь, сопровождаемый двумя знаменосцами, под белым штандартом герольда.

— Милорд, — спросил Монжуа у Генриха, — вы хотите сражаться?

— Нет, — качнул головой Генрих. — Передай моим кузенам, что я предпочел бы мирную беседу. Но если нужно сражаться — мы сразимся.

Герольд обещал передать его слова и поскакал через поле. Расстояние между двумя изготовившимися к битве армиями не превышало тысячи ярдов.

— Коннетабль, ваш противник говорит о мире. Вы готовы прийти к соглашению?

Шарль д'Альбре вопросительно посмотрел на собравшихся вокруг него герцогов и графов.

¹ Орифламма (букв. «золотое пламя») — красное знамя с многохвостым концом. Орифламма была знаменем аббатства Сен-Дени, а в XII—XV веках — что существенно для этой сцены — штандартом французских королей. Сражаясь под орифламмой, Генрих V фактически говорит: «Это я — истинный король Франции».

— Так вот, мессир, *le roi Henri* предлагает нам мир. Что вы на это скажете?

Общее мнение французских рыцарей выразил герцог Алансонский:

— *Sans pardon*. Во имя чести мы должны сразиться. Так что по коням, и вперед.

Коннетабль согласно кивнул.

— Вы слышали решение рыцарей, герольд. Отправляйтесь к королю Генриху и скажите, что он должен изготавиться и сразиться с нами.

Герольд снова поскакал в английский лагерь, чтобы передать вызов. С этого момента предстоящая катастрофа стала неизбежной.

На французской стороне поля благородные рыцари исповедовались своим священникам. Впервые за многие годы они отложили в сторону взаимное недоверие, интриги и борьбу за власть, свое тщеславие и амбиции. Их объединил дух национального единства, даже такие заклятые враги, как герцоги Арманьяк и Бурбон, пожали друг другу руки¹. Протрубили рожки герольдов. Рыцари в сверкающих, до блеска начищенных кольчугах и кованых, стальных латах тяжело взгромоздились (с помощью своих верных оруженосцев) на коней. Кони не выразили по этому случаю ровно никакой радости. Затем оруженосцы вручили рыцарям и сопровождавшим их всадникам копьа. По случаю мокрой, вязкой почвы копьа были укорочены. Перед когортой верховых рыцарей выстроились пешие арбалетчики. Коннетабль построил свою армию тре-

¹ 24 ноября 1407 года был убит герцог Орлеанский. Между бургундцами и арманьяками (орлеанистами) разгорелась кровавая гражданская война. (Примеч. автора).

мя волнами: впереди — две волны пехотинцев и лучников, за ними — рыцари. От мокрой земли поднимался пар; вымпелы, украшавшие рыцарские копья, отсырели и бессильно обвисли. Перед тем как сесть в седло, коннетабль проверил состояние грунта. Готовясь к предстоящей битве, он учел буквально все. Все — за исключением погоды. Дождь превратил свежевспаханное поле в бурую, противно чавкающую трясину. Коням, несущим на себе закованных в сталь рыцарей, придется очень трудно. Почва была настолько вязкой, что оруженосцы подсаживали рыцарей в седло на спешно изготовленных настилах.

Шарль д'Альбре был опытным воином, он прекрасно понимал, что конские копыта будут вязнуть в грязи. В отличие от многих благороднейших рыцарей д'Альбре никогда не забывал об осторожности. Военская мудрость, накопленная в бесчисленных сражениях, не позволяла ему радоваться еще не достигнутой победе. Он имел под своим началом армию, многократно превосходившую силы англичан, — и беспокоился о состоянии грунта. Он не хотел атаковать противника, пока не сложатся более благоприятные условия, не хотел рисковать.

— Мессиры, нам следует повременить, земля слишком мокрая.

— А я считаю, что нечего нам медлить. В атаку — и дело с концом, — проворчал Антуан, герцог Брабантский.

— Наши кони увязнут в этом болоте, — предостерег его Филипп де Невэр.

— Неужели вы, благороднейший граф, боитесь каких-то там *canaille aux pieds nus*?¹ — высокомерно вскинулся герцог Брабантский.

1 *Canaille aux pieds nus*, буквально — «сброд с босыми ногами», оборванцы. (Примеч. автора).

Непрерывные свары, раздиравшие французскую аристократию, снова всплыли на поверхность, недавнее согласие перед лицом общего врага мгновенно испарилось.

Коннетабль понял бессмысленность дальнейших споров; чтобы доказать свою абсолютную неустранимость, французский рыцарь готов поступиться чем угодно, в том числе и здравым смыслом. Д'Альбре потребовалось все его дипломатическое искусство, чтобы остановить перебранку благороднейших рыцарей, выдвигавших все новые и новые доводы за и против скорейшей атаки. Они не понимали, что все уже решено — без их участия.

Нельзя не отметить, что Генрих Ланкастерский прекрасно знал человеческую натуру. Ответ, принесенный ему герольдом, со всей ясностью свидетельствовал: французы рвутся в бой. Генрих понимал, что теперь ему нужно действовать быстро и решительно. Ни один военачальник, находящийся в здравом уме, не пошлет тяжелую кавалерию в атаку по грунту настолько мокрому, что кони просто не смогут разогнаться. А если так, надо спровоцировать французов на преждевременное выступление, и поскорее, пока земля не успела высохнуть, пока английские лучники и легкие копейщики имеют дополнительное преимущество над увязающими в грязи рыцарями. Англичане были легче и подвижнее французов, к тому же им благоприятствовали условия на местности. Французы сделали крайне неудачный выбор. Несмотря на свое огромное численное превосходство, они решили дать бой на поле, слишком узком для такой массы кавалерии. Леса, окаймлявшие поле с обеих сторон, ограничивали свободу маневра. Если заманить рыцарей

под английские стрелы, появится вполне реальный шанс пережить этот день.

Генрих приказал отвести обоз подальше в тыл. В обозе находились королевская казна, корона и личные вещи аристократов; нельзя забывать и о «трофейных фурах» с добром, награбленным англичанами во время их *chevauchée* (верховой прогулки) по северной Франции. Крайняя малочисленность английской армии принудила Генриха оставить обоз почти без охраны — фактор, сыгравший в течении битвы неожиданную, трагическую роль. Далее он сознательно пошел на определенный риск, приказав лучникам приблизиться к противнику на расстояние, с которого стрелы могли уже наносить ощутимый ущерб. Цепочка английских лучников начала осторожно выдвигаться. Правый фланг, находившийся под командованием герцога Йоркского, упирался в лес, то же самое относилось и к левому флангу лорда Камуа. Центр, которым командовал сам Генрих, выдвинулся несколько меньше, в результате чего английская линия обороны образовала нечто вроде полумесяца; в случае ожидавшейся лобовой атаки фланговые лучники получали возможность поражать французов стрельбой с флангов. Приблизившись к противнику на восемьсот ярдов, английские лучники установили свое ограждение из кольев.

Далее последовал эпизод, так никогда и не получивший у историков внятного объяснения. То ли по приказу короля, то ли по собственной отчаянной инициативе небольшая группа английских лучников прокралась вперед по краю поля, под укрытием деревьев. Выйдя на расстояние эффективного выстрела, они первыми вступили в бой. Три или четыре стрелы попали в цель; французские рыцари не понесли особого ущерба, однако

пришли в неопишемую ярость. Этот булавочный укол резко ускорил события, рекомендация коннетабля д'Альбре отложить атаку до того времени, когда земля подсохнет, была окончательно отвергнута. Взвились знамена и вымпелы, затрубили горны, зазвенела сталь. Среди французских аристократов завязалась свара — каждый из них старался быть впереди. Рыцари жили войной, бранная слава сопровождалась весьма ощутимыми материальными вознаграждениями: титулами, замками и земельными наделами. Д'Альбре сбился с ног, тщетно пытаясь построить свою армию более или менее упорядоченно. Рыцари соединялись в отдельные группы, каждый крупный сюзерен собирал своих *gens d'armes*¹ под свое знамя. Арбалетчики и пехотинцы, спешно построенные командирами в цепи, начали продвигаться вперед. Скованные вязкой, налипавшей на ноги землей, они шли очень медленно. Французские рыцари на своих тяжелых боевых конях нетерпеливо ждали сигнала к наступлению.

Генрих напряженно наблюдал за развитием событий. Как только французский авангард приблизился на пятьсот шагов, лучшие из английских лучников, специально отобранные за умение поражать цель издали, натянули луки. Большая часть стрел ушла в «молоко», и все же несколько арбалетчиков упало, наступающая цель нерешительно остановилась.

Это переполнило чашу терпения взвинченных долгим ожиданием рыцарей. Аристократическая спесь, порывистость и презрение к жалкому противнику дела-

¹ *Gens d'armes*, буквально — «люди оружия». Отсюда происходит позднейшее слово «жандарм». (Примеч. автора).

ли их абсолютно неуправляемыми, лишали всякой осторожности. Д'Альбре предпринял последнюю попытку построить сражение сколько-нибудь разумным образом, однако его план выдвинуть вперед заслон из арбалетчиков и подождать, пока те уничтожат английских лучников, был высокомерно отвергнут. «Вы хотите лишить нас заслуженной славы!» — таково было всеобщее мнение рыцарей.

Самые горячие из них, не дожидаясь приказа, вонзили в бока своих коней стальные шпоры. Французские аристократы не привыкли подчиняться кому бы то ни было, не знали, что такое дисциплина; они выводили свои личные отряды на вспаханное поле совершенно хаотичным образом, не заботясь о взаимодействии. Примеру лидеров вскоре последовали и все остальные — никто не хотел пропустить предстоящей забавы. Рыцари и их сопровождение двигались тяжелой рысью, с воинственными криками. По пути они взломали строй арбалетчиков, привели его в окончательный беспорядок. Более того, теперь арбалетчики были фактически выведены из боя, они не могли стрелять из опасения поразить своими короткими стальными стрелами своих же собственных господ. На англичан двигались две отдельные колонны, руководимые Гийомом Савойским и Клинье Брабантским, в каждой из них было около шестисот вооруженных всадников. Как и предсказывал коннетабль, наступление захлебнулось в грязи. Распаханное, раскисшее после дождя поле не позволяло коням, изнемогавшим под тяжестью закованных в сталь седоков, двигаться сколько-нибудь быстро. То, что планировалось как яростный, стремительный бросок, превратилось — и по темпу, и по конечному итогу — в нечто, вроде похоронной процессии. Кони поскальзывались и спотыкались, стесненные чрезмерно узким полем

всадники постоянно сталкивались друг с другом. Рыцари изо всех сил понукали своих коней, стремясь поскорее добраться до английских лучников, однако все их усилия были тщетны: конские копыта вязли в черной мокрой грязи, как в патоке¹.

Английские лучники, растянувшись в цепь перед своим заграждением, молча наблюдали за приближением противника. Их замызганные кожаные безрукавки не выдерживали никакого сравнения с великолепиям до блеска начищенных рыцарских доспехов. Протрубил рожок. Всадники перестроились в шеренги по двести человек в каждой и взяли свои тяжелые копья наизготовку.

Генрих напряженно наблюдал за наступлением противника. Опытный турнирный боец, он видел, что черепашья медлительность рыцарей превращает их в идеальную мишень для лучников, оставалось только выбрать момент. Выждав, пока рыцари не приблизились на триста шагов, он выхватил меч и воскликнул:

— *За Англию и Георгия Победоносца!*

Каждый из тысячи лучников натянул тетиву до правого уха². Затем раздался громкий, дружный звон, в небо

¹ *Les Français étaient pesamment armés et étaient en terre molle jusqu'au gros des jambes, ce qui leur était moult grand travail: car a grand peine pouvaient ils ravoire leur jambes et se tirer de la terre.* (Ювенал Урсинский) (Примеч. автора).

² Английские лучники дразнили французов, показывая им большой и указательный пальцы правой руки — пальцы, которыми они натягивали лук; этот издевательский жест сохранился и тогда, когда луки вышли из боевого применения. Если английский лучник попадал французам в руки, они отрубали ему эти пальцы, чтобы не стрелял и не дразнился. (Примеч. автора).

Вообще-то у этого жеста есть и второе значение..

взметнулась туча стрел. Английские длинные луки позволяли вести массированный обстрел противника, долго не имевший себе равных и превзойденный только четыре века спустя огнестрельным оружием наполеоновской пехоты. Плоские, в форме зубила наконечники стрел били по стальной броне с оглушительным звоном. Шлем-басинет достаточно хорошо защищал голову и плечи рыцаря, поэтому основными жертвами обстрела были кони, а не их всадники. Не ожидая результатов первого залпа, английские лучники сделали второй. Каждую минуту на французскую кавалерию обрушивалось до 40000 стрел, что имело самые сокрушительные последствия. Выполняя приказ короля Генриха, лучники целились низко, стремились поразить не столько закованных в сталь рыцарей, сколько почти не защищенные крупы их коней. Кони вставали на дыбы и сбрасывали седоков в грязь; упав на спину, обремененные доспехами рыцари не могли самостоятельно подняться, они валялись на земле, как огромные стальные жуки. С каждым новым залпом английских лучников наступающая кавалерия несла все больший урон.

Уцелевшие, удержавшиеся в седлах французские рыцари с криками рвались вперед, к спасению от оперенной смерти — и к победе. Лучники обрушили на приближающуюся кавалерию еще три тучи стрел, а затем, чтобы не погибнуть под конскими копытами, отошли за свое остроконечное заграждение. Французские рыцари, чудом уцелевшие под градом стрел, неожиданно для себя оказались перед смертельно опасным препятствием. Кони тех, кто скакал впереди, напарывались на острые колья, кто-то успевал вовремя остановиться — и тут же вылетал из седла, сбитый своим же, сзади скакавшим соратником. Некоторые кони

шарахались от препятствия и сбрасывали седоков прямо на колья. Гийом Савойский, возглавлявший атаку, погиб на кольях одним из первых. Теперь лучники стреляли не по массе атакующих, а по отдельным целям, незначительное расстояние позволяло их стрелам пробивать стальные доспехи рыцарей.

Сидевший на коне Генрих наблюдал за этим побоищем с мрачным удовлетворением. Настало время переходить в контрнаступление. Он поднял свое знамя, подавая сигнал правому флангу. Верховые рыцари графа Эксфордского обогнули заграждение и помчались на врага. Французы, наступавшие в центре на боевые позиции самого Генриха, попали под таранный удар английских копий. Тяжелые мечи обрушивались на броню, раскалывали шлемы, копья с маху пробивали самое слабое место доспехов — подмышки кольчуг. Однако французы даже не помышляли о бегстве, ведь на кону стояла *L'honneur de la chevalerie*, рыцарская честь. Они забывали, сколько битв было проиграно из-за чрезмерной гордости, из-за слепого повиновения законам этой самой чести.

Накатила следующая волна французской кавалерии. Картина, открывшаяся рыцарям, когда они приблизились к заграждению, вряд ли укрепила их *elan*¹. Когда же кони атакующих начали спотыкаться о конские и человеческие трупы, началась полная сумятица. Отступающие рыцари и лишившиеся седоков, в панике уносящиеся прочь кони врзались в строй атакующей пехоты, сшибали солдат с ног, как кегли. Французские пехотинцы наступали тремя плотными колоннами; несмотря на потери, понесенные от своих же собственных рыца-

¹ *Felan* (фр.) — порыв, боевой порыв.

рей, они сумели сохранить строй. Из-за плотного построения на относительно узком фронте французы не могли толком использовать свое подавляющее численное превосходство. Запыхавшись после изматывающего марша по вязкой земле и заключительного броска, они вступили наконец в соприкосновение с противником, в ход пошла копья. Глубина французского строя была до двадцати шеренг, давление задних шеренг буквально накололо первую на английские копья. Задние не видели, что происходит впереди, и рвались вперед, чтобы вступить в бой. Строй смешался, линия атакующих колебалась, попытка быстрого, решительного прорыва явно не удалась. Копья не выдерживали напряжения и ломались, расстояние между сражающимися противниками быстро сузилось, в ход пошли алебарды, булавы и мечи. Битва «стенка на стенку» превратилась во множество отдельных поединков. Рыцари валились на землю, их место тут же занимали другие, из задних шеренг. Задние спотыкались о трупы передних и тоже падали, сраженные ударами сквозь забрало или в слабо защищенные под мышки. На поле вырастали кучи трупов; теперь, чтобы вступить в бой, французским рыцарям, отягощенным стальной броней, приходилось карабкаться через эти скользкие, неустойчивые препятствия. Над полем стоял оглушительный грохот, битва не стихала, а становилась все яростнее. А задние французы продолжали напирать, опрокидывая передних на трупы павших, это был самый неподходящий момент для новой атаки. И все же, вместо того чтобы перегруппироваться и выровнять строй, пехотинцы второй волны беспорядочно вступили в бой. Им повезло ничуть не больше. Рукопашные схватки кипели настолько яростно, что отдельные кучи трупов превратились, по словам лето-

писцев, в стену из мертвых рыцарей. Вскоре вал из мертвой человеческой плоти и стали поднялся так высоко, что полностью преградил путь последующим волнам атакующих¹. Эти первые пятнадцать минут ужасающей бойни окончательно определили исход сражения при Азенкуре.

Генрих V опустил забрало, вознес меч над головой и воскликнул: «Святой Георгий!»

Возглавляемые им рыцари проехали между кольев заграждения и ударили по отступающим французам. Армия Шарля д'Альбре разбилась на отдельные мелкие группки, неудержимый вал сверкающей стали превратился в беспорядочную, ищущую и не находящую спасения толпу. Все пути отхода были блокированы трупами коней и их седоков. Герцог Алансонский, возглавлявший атаку на позиции герцога Глостера, был окружен английскими пехотинцами. Стараясь перекрыть грохот битвы, Алансон крикнул, что сдается на милость короля Генриха, однако был тут же убит — Генрих пытался спасти жизнь благородного герцога, но не успел.

У английских лучников почти не осталось стрел. Перед кольями их заграждения на скользкой, вязкой земле валялся цвет французского рыцарства. Не в силах подняться из-за своих шестидесятифунтовых доспехов, рыцари лежали навзничь, подобно огромным стальным жукам, и беспомощно дергали закованными в сталь конечностями. Стальные доспехи обеспечивали хорошую защиту, но в подобных ситуациях они превращались в

¹ *Les archers d'Angleterre, legerement armes, frappaient les Francais atas...* («Легковооруженные английские лучники убивали французов целыми кучами»). (Ювенал Урсинский) (Примеч. автора).

ловушку. Когда лучники увидели, что французы смешались и частично обратились в бегство, они бросились вперед и начали нападать на отбившихся от своих отряды рыцарей. По трое, по четверо на одного, эти *canailles aux pieds nus* лупили аристократов по головам тяжелыми кувалдами, предназначенными для забивания в землю кольев — примерно так же мясник оглушает боров, прежде чем его зарезать. Это неожиданное нападение презренных простолюдинов завершило разгром французского рыцарства. Лучники торопливо грабили убитых и раненых, срывали с них драгоценности, если какое-нибудь кольцо плохо снималось — отрубали вместе с пальцем. Нищие парни из лондонских трущоб, йомены из Уэльса, Кента и Сассекса думали уже не о битве, а только об огромных ценностях, переходивших в их колчаны.

Некоторые из английских рыцарей вмешались в этот ужас и отогнали распаленных добычей мародеров от беспомощных жертв, их вмешательство спасло жизнь многих французских аристократов. Лишенные шлемов и латных перчаток, они были препровождены в тыл и остались там под весьма внушительной охраной — каждый английский рыцарь бдительно сторожил своего пленника, надеясь получить за него очень и очень внушительный выкуп.

В тот момент когда король Генрих считал уже сражение окончательно выигранным, обнаружили две новые опасности. Одна из них возникла в тылу. Мародеры напали на обоз, перебили его малочисленную охрану и чуть было не утащили королевскую казну. Генрих решил, что это новая вылазка противника, совершившего тайный обходной маневр, и поручил урегулирование ситуации большому отряду рыцарей. Те выполнили королевский

приказ с величайшим энтузиазмом и жестокостью, хотя сразу же выяснилось, что обоз грабят местные крестьяне, не устоявшие перед соблазном быстрой наживы, а никаких французских рыцарей в тылу нет и в помине. И тут же английская линия обороны, заметно поредевшая из-за эпизода с обозом, подверглась новой опасности. Ее левый фланг был яростно атакован внушительным отрядом французов, бретонцев, гасконцев и пуатуанцев. Не считаясь с потерями, рыцари пришпорили коней и прорвались сквозь строй лучников, а затем нанесли тяжелый урон пешим английским копейщикам. В прорубленные ими проходы устремились все, находившиеся рядом французские рыцари. Обострившееся положение заставило Генриха лично вмешаться в схватку. В какой-то момент король оказался отрезан от своих соратников. Юный французский рыцарь шевалье де Роган увидел прекрасную возможность запечатлеть свое имя в истории и с радостью ею воспользовался. Он рванулся вперед и прежде, чем Генрих сумел уклониться, рубанул его мечом по шлему¹. Генрих ответил аналогичным ударом и расколол голову пылкого юноши пополам. Однако опасность сохранялась. Мощное давление французов заставляло английских лучников и копейщиков отступать к королевскому штандарту. Если французы окончательно разгромят фланг, они бросят силы на возглавляемый королем центр. Наступил критический момент сражения. Без поддержки рыцарей английские копейщики были обречены на гибель, французы гонялись за ними и уничтожали одного за другим. Генрих не мог оказать им никакой помощи, так как его собственный рыцарский отряд едва

¹ Помятый шлем и сейчас лежит в Вестминстерском аббатстве, на могиле Генриха V. (Примеч. автора).

отбивался от наседавших в центре французов. У короля не было под рукой никаких резервов — отряд, высланный на защиту обоза от мародеров, так и не вернулся, а многие лучшие английские рыцари, в чьей помощи король отчаянно нуждался, охраняли своих личных, весьма и весьма ценных пленников. Генрих понимал: если не остановить атакующих французов, они сомнут линию обороны и освободят пленных соотечественников. Освобожденные рыцари вооружатся мечами убитых (чего-чего, а уж этого-то добра на поле хватало) и ударят по англичанам с тыла.

Надо было найти выход из безвыходного положения — и Генрих V его нашел. Он нарушил все законы рыцарства, запятнал свое имя в глазах современников и потомков, но зато выиграл битву. Команда, отданная английским королем, вошла в историю:

— Пусть каждый из моих рыцарей убьет своих пленников.

Рыцари дружно осудили своего сюзерена.

— Это противоречит законам честной битвы.

Они наотрез отказались выполнить его приказ. Трудно сказать, что двигало при этом рыцарями в большей степени — веление чести или соображения более меркантильные: убьешь пленника — не получишь выкуп. Чистоплюйство аристократов заставило Генриха обратиться к людям попроще, он вызвал к себе Флюэлена, командира лучников¹. Подлое деяние, предложенное Генрихом, грозило рыцарям полным бесчестьем, с лучниками же все обстояло иначе. Простолюдины, не включенные

¹ У Шекспира Флюэлен не получал такого приказа и тем более — не осуществлял его. Более того, шекспировский Флюэлен осуждает злодеяние Генриха. (Прим. перев.)

в рыцарскую систему ценностей, они не боялись запятнать себя соучастием в массовом убийстве — тем более что значительную их часть составляли осужденные преступники, воры и убийцы, рекрутированные в армию буквально с эшафота. Выполняя приказ своего командира, двести лучников принудительно отвели в тыл большую, в 2000—3000 человек, группу пленников. По большей своей части французы находились в весьма жалком состоянии, были слишком измотаны, чтобы хотя бы помышлять о сопротивлении. Они покорно плелись нисколько не догадываясь о предстоящем ужасе. Затем лучники разделились на несколько групп и принялись за дело. Когда Флюэзлен опустил свою кувалду на голову первого рыцаря, по атакующим французским войскам прошел страдальческий стон мучительного отчаяния. Головы безоружных пленников разлетались одна за другой, уцелели лишь те из них, кто мог обещать особенно большой выкуп. Палачи Генриха V жестоко и хладнокровно перебили значительную часть французской родовой аристократии. Кровь текла ручьями, хрипели перерезанные глотки, предсмертные вопли заглушали грохот боя. Атакующие французы наблюдали эту кошмарную сцену в бессильном отчаянии, их боевой дух заметно упал¹. Генрих собрал своих немногочисленных рыцарей и повел их вперед, чтобы укрепить отступающую цепь лучников и копейщиков. Французы дрогнули и бросились бежать;

¹ *Henri V ordonna que chacun tuat son prisonnier. Mais ceux quiés avaient pris ne voulurent as les tuer, car ils en attendaient grande finance. Les archers se chargent de la besogne moult pitoyable chose. Car, de sang-froid, toute cette noblesse francaise fut la tuee et decoupes tetes et viages* (Генрих V приказал, чтобы каждый убил своего пленника. Но те, кто захватил

английская кавалерия, возглавляемая герцогом Йоркским пустилась в погоню, безжалостно убивая беглецов, так что спастись удалось только части конных воинов, все остальные полегли в жирную грязь вспаханного крестьянского поля. В самом конце продолжавшейся четыре часа битвы герцог Йоркский был сражен ударом копья.

Генрих V поднял забрало и окинул взглядом бесчисленные трупы подло умерщвленных пленников. Эти отважные рыцари заслуживали лучшей участи. Генрих приказал их убить из крайней необходимости, однако он понимал, что теперь история запомнит его как человека жестокого и бесчестного.

Победно завершив сражение, Генрих поднял свое знамя, английская армия разразилась торжествующими криками. Король спешился, преклонил колени и обратился к Господу с благодарственной молитвой. Затем он послал за Монжуа, французским герольдом, взявшим на себя обязанность беспристрастно следить за ходом битвы. Рыцарь в белом прижал бронированный кулак к закованной в сталь груди и спросил:

- *Сир*, вы звали меня?
- Герольд, как вы назовете исход этой битвы?
- *Une victoire anglaise* — победа англичан.

Гнусное деяние ланкастерца возмутило герольда до глубины души, однако лицо его сохраняло ледяную бес-

пленников, не хотели их убивать, потому что ожидали получить за них большие деньги. Тогда это крайне гнусное дело было препоручено лучникам. После чего все эти французские аристократы были хладнокровно умерщвлены, их головы и лица — изуродованы.) Хроника Жана Лефевра. (Примеч. автора).

страстность. Герольд не судья, он фиксирует события, не давая им никакой оценки. Пусть этого гнусного типа судят равные ему по положению. Или история. Или Бог.

— Скажите мне, герольд, как называется вон тот замок?

— Азенкур, *сир*.

— Тогда сообщите всем, что стойкие и отважные англичане выиграли битву при Азенкуре.

Над усеянным трупами полем сгущались вечерние сумерки. Здесь полегли лучшие из французских аристократов, 1500 рыцарей, в том числе и такие видные, как герцоги Брабантский и Алансонский, граф Неверский, Жак де Шатильон, сеньор Гишар и коннетабль Шарль д'Альбре. Помощники герольда насчитали до 10000 убитых французских пехотинцев¹. Но были и французы, сумевшие обернуть битву при Азенкуре к своей выгоде — мародеры, следовавшие за армией с целью наживы. В пылу битвы они умудрились даже утащить корону Генриха V.

Англичане потеряли герцога Йоркского, графа Оксфордского и несколько сотен бойцов попроще. Разрушенная победой армия вкушала заслуженный отдых.

На следующее утро Генрих V Английский в последний раз окинул взглядом поле, на котором он победил, хотя и находился на волосок от поражения. Его глазам открылось скорбное зрелище — везде валялись непрбранные трупы блестящих французских аристократов,

¹ *Ouvre de Dieu qui leur etait adversaire* (Отправились к Господу, который был их врагом.) (Шарль Орлеанский, написано в плену.) (Примеч. автора).

людей, отдавших жизнь за своего сюзерена, *le roi de France* Карла VI, умственно отсталого урода, который прятал свое слабоумие за стенами отдаленного замка. Мародеры успели уже поживиться доспехами павших рыцарей, обрекая их на бесчестие наготы. Эти люди дорого заплатили за свою спесь и тщеславие.

Король Генрих сел на коня и направился — теперь уже безо всяких помех — в сторону Кале.

Ну а если бы...

Ну а если бы — ночь перед битвой была ясной? Французские рыцари с разгона втоптали бы лучников Генриха V в грязь, в результате чего Столетняя война закончилась бы на полстолетия раньше.

А теперь о фактах

В битве при Азенкуре пешие солдаты Генриха V, отребье тогдашнего общества, уничтожили цвет средневекового рыцарства. Французы забыли урок, преподанный им в 1346 году при Креси, старомодные представления о чести и отваге — вкупе с огневым (если это слово применимо к луку) превосходством противника — снова привели их к катастрофе.

Массовое избиение безоружных пленников потрясло все рыцарское общество и отметило Генриха V, потомка славного рода Плантагенетов, несмываемым позорным пятном¹. Именно эта намеренная подлость, а

¹ *Troisieme defaite, et cette fois le massacre sauvage de toute la haute noblesse de France...* (Третье поражение, на

не поражение на поле боя на много веков вселило во французов прочную ненависть ко всему английскому. Волна французского реваншизма, поднятая этой ненавистью, не улеглась окончательно и по наши дни¹.

1429 год, Орлеан. Пылкий энтузиазм Жанны д'Арк превозмог охватившую французов обреченность, заставил их поверить в победу — это был переломный момент. Смерть Жанны на костре возвеличила ее до положения мученицы за правое дело, дух Орлеанской Девы сплотил Францию воедино. Столетняя война пришла к своему кровавому завершению 17 июля 1453 года, при Кастильоне, когда последний английский полководец, престарелый граф Толбот, повел свою кавалерию в лобовую атаку на пушки — оружие, которому предстояло вскоре полностью изменить облик войны.

Эра феодализма закончилась, наступала эра пороха.

Решающим фактором в битве при Азенкуре явилась погода, поле, размокшее от дождя, а также роковое презрение аристократов к социально низкому противнику.

этот раз — зверское избиение всей высшей французской аристократии.) (История Франции.) (Примеч. автора).

¹ Даже в наше время в разговорном французском языке все мерзкое обозначается словом «английское». (Примеч. автора).

20 сентября 1788 г.

Бочка шнапса

«Я очищу мир от этого варварского племени»

*Иосиф II, австрийский император.
Кампания 1788 года.*

Треск, близкие крики, звуки какой-то возни и снова оглушительный грохот. Мозг солдата, опасно балансирующий на грани сна и яви, мучительно пытался разобраться в происходящем. Мрак, беспорядочные звуки, тупая боль. И хоть бы одна звезда в черном, бездонном провале небес. Его пальцы бессильно царапали влажную землю. Где мои сапоги? Почему стреляют? Теперь он отчетливо различал звуки боя. Грохот и смерть. «Только не я, Господи, только не я...» Его рот разверзся в беззвучном вопле. Парализованный страхом, он не мог пошевелить ни одним мускулом, снова и снова повторяя свою горячую молитву. «Только не я...» По его лицу струился холодный пот, грудь судорожно вздымалась, ему не хватало воздуха. Па-

нический страх сковал его надежнее стальных цепей, в мозгу колотился безобразный, туго стянутый узел. «Я умираю». Никакой надежды дожидаться рассвета, а быть мертвым — это так одиноко... Что это все такое, кошмарный сон? Нет, какой там сон. Вспышки, на мгновение озаряющие ночь, тяжелый грохот пушек, отчаянные вопли раненых, предсмертные стоны. И крик, тысячеголосый нестройный крик: «Спасайтесь! Турки! Турки! Все пропало, тут турки!»¹

Иосиф II², Божьей милостью император Австрийский, имел слабость и далеко не маленькую. Он хотел запечатлеть свое имя в истории, хотел, чтобы потомки вспоминали его как гениального полководца, наравне с королем Пруссии Фридрихом Великим³, а может быть — даже выше этого сверкающего идеала. К сожалению, милосердный (и мягкотелый) австрийский монарх попросту не обладал нужными для достижения столь величественной цели качествами. Он не показал себя ни изощренным дипломатом, ни искусным стратегом. В далеко не юном возрасте Иосиф ни с того ни с сего решил освободить Балканы от турецкого ига. Прусский король Фридрих Вильгельм II⁴ любезно предложил свою помощь в

¹ Большая часть прямых цитат взята из мемуаров А.И. Гросс-Хоффингера, находившегося в то время в лагере императора. По вполне очевидным причинам его записки не были опубликованы в Австрии. Они напечатаны в Германии, в 1847 году, под названием «История Иосифа II». (Примеч. автора).

² Иосиф II (1741—1790) — император Австрийской империи (1765—1790).

³ Фридрих II Великий (1712—1786) — король Пруссии (1740—1786).

⁴ Фридрих Вильгельм II (1744—1797) — король Пруссии (1786—1797).

дипломатическом урегулировании конфликта между Портой и домом Габсбургов, однако, вместо того чтобы с радостью ухватиться за это предложение, Иосиф II смертельно оскорбил прусского короля, написав ему, в частности, следующее: «Дом Гогенцоллернов пришел к власти посредством сомнительных уловок, какие впору разве что богомерзким туркам». Возмущенный Фридрих Вильгельм не придумал ничего лучшего, чем договориться со шведским королем о совместном выступлении против русской императрицы Екатерины II. Их поход окончился быстро и бесславно, однако в результате него у России, единственной державы, на чью помощь мог рассчитывать Иосиф II, оказались связаны руки, и в тот самый момент, когда нужда в этой помощи ощущалась чрезвычайно остро. Тем временем Иосиф начал ломиться в двери Балкан. Странным образом он совсем забыл предупредить турецкого посла в Вене, что Австрия находится в состоянии войны с его державой, и вспомнил о своей оплошности только через шесть месяцев после того, как австрийская армия вступила на турецкую территорию¹. Во исправление упущения он послал своему канцлеру, графу фон Кауницу, записку следующего содержания: «К моему глубочайшему сожалению, Османская Империя вступила в войну с царицей, нашей союзницей. В согласии с договорами, заключенными между Россией и нами, я обязан прийти императрице на помощь. Я приказываю вам сообщить послу Османской Империи, что наши державы находятся в состоянии войны»².

¹ 2 декабря 1787 года австрийцы осадили турецкую крепость Белград, война же была объявлена только 9 февраля 1788 г. (Примеч. автора).

² *Briefe von Joseph II an Fuerst Kaunitz*, 1788 г. Оригинальный текст написан по-французски. (Примеч. автора).

В марте 1788 года Иосиф отправился в долгое и утомительное путешествие из Вены в Валахию¹, к спорной границе, на которой противостояли друг другу христианство и ислам. Ему грезилась слава и видное место в истории. Что ж, в историю Иосиф II действительно вошел, но вот насчет славы получилась промашка.

Первым делом австрийцы намеревались освободить Саву, стратегический водный путь, для чего требовалось захватить Шабац, Белград и Видин, главные опорные пункты противника. Далее, после захвата ключевой крепости Ниш, Иосиф планировал включить всю Сербию в состав Австрийской Империи. Для достижения этих целей он собрал весьма внушительные силы — шесть армейских корпусов, общей численностью в 245062 солдат и офицеров, с 36725 лошадьми². Авангард, находившийся под прямым командованием императора, насчитывал 125000 солдат и 22000 лошадей. Его артиллерия, состоявшая из 898 полевых орудий, имела в запасе 176700 пушечных ядер и 1000 тонн пороха. За один день похода его армия съела 800 тонн муки и 200 тонн говядины³.

¹ Она же Трансильвания, в настоящее время является частью Румынии. (Примеч. автора).

² Это *полный* численный состав австрийской армии. Первоначально же количество направленных против Турции австрийских войск лишь немного превышало 50000 человек. Действовавшая против Турции русская армия имела 150000 человек. Турки выставили против союзников двухсоттысячную армию, большую часть которой составляла кавалерия.

³ Вместо того чтобы продвигать способных офицеров, австрийцы предпочитали бюрократов, которые и оставили нам все эти числовые подробности. (Примеч. автора).

Возглавляли эту армию люди, прославившиеся в анналах австрийской военной истории своей глупостью и некомпетентностью: Кобург, Фабиус, Вартерслебен, Митровски, Девинс, Лихтенштейн. Единственный достойный полководец, маршал Лаудон, отлично послуживший императрице Марии Терезии¹, был оставлен дома. Император считал его слишком старым для таких утомительных прогулок. В этом, пожалуй, и состоял единственный талант незадачливого монарха — безошибочно подбирать для каждого дела самых неподходящих исполнителей. На этот раз он поставил во главе армии глупейшего из глупцов — маршала Ласци, чье продвижение по ступеням военной карьеры было связано с единственным, но весьма ценным талантом: он всегда и беспрекословно соглашался с мнением вышестоящих. Император Иосиф был крайне неопытен в военных делах, поддакивающий маршал если и компенсировал эту неопытность, то лишь в очень малой степени.

Австрийцы восприняли участие своего императора в военной кампании с величайшей тревогой. Он был знаменит своей добротой и гуманностью, никто не понимал, каким образом его присутствие в армии поможет выиграть войну. Однако Иосиф страстно стремился к славе триумфатора и не слушал тех, кто пытался его переубедить. Поэтому многие с самого начала кампании предрекали ей печальный конец, будущее развитие событий доказало их правоту².

¹ Мария Терезия (1717—1780) — императрица Австрийской империи.

² А.И. Гросс-Хоффингер. (Примеч. автора).

По первоначальному плану кампании (если, конечно же, у Иосифа таковой имелся), превосходящие силы австрийской армии должны были быть использованы не в быстром, решительном наступлении, а для создания чего-то вроде патовой ситуации. Иными словами, Император всея Австрии начинал войну «не взрывом, а всхлипом»¹.

Штурм турецкой крепости Белград был намечен на 16 мая. Артиллерия заняла позиции, пехота стояла наготове, однако вечером 15 мая император неожиданно передумал. Вместо того чтобы штурмовать крепость с ее малочисленным гарнизоном, он отдал приказ об отходе, объясняя свое странное решение тем, что русские так и не пришли ему на помощь². Робкий и нерешительный, Иосиф не выдерживал никакого сравнения со своим идеалом — Фридрихом Великим; по сути дела, он никогда не понимал военного искусства этого полководца, не понимал его жестких, решительных действий³. Неожиданная болезнь тоже не прибавила императору энергии. Не зная, что делать дальше, он приказал генералам разбить лагерь на болотистом берегу Дуная. Комары оказались противником почище любых янычар. В армии вспыхнула эпидемия болотной лихорадки. Положение станови-

¹ «Не взрывом, а всхлипом» — заключительная строка поэмы Т.С.Элиота «Полюе люди».

² В результате упомянутого выше дипломатического ляпа русским пришлось воевать с прусско-шведской армией. Кауниц писал: «Мы не можем рассчитывать на русских, они усыпили нас своими посулами». (Примеч. автора).

³ «*Coup d'oeil* (фр. “взгляд”) генерала — это талант, позволяющий великим полководцам мгновенно постигать характеристики местности и то, как использовать их во благо своей армии». (Фридрих Великий) (Примеч. автора).

лось все более отчаянным, однако император упорно не желал переместить лагерь в другое место. Смертельная болезнь выкашивала целые полки, похоронные команды не успевали копать братские могилы. Вскоре количество солдат, заболевших малярией и дизентерией, достигло 172000, 33000 из них умерли. Того количества войск, которое Иосиф погубил в придунайских болотах, ему с лихвой хватило бы и на взятие Белграда, и на полный разгром турецкой армии. Те, кто не заболел, страдали от бездействия. Тем временем как губительный климат убивал все новые тысячи солдат, их здоровые товарищи сидели вокруг костров и резались в карты. В этническом смысле австрийская армия — так же как и сама австрийская империя — представляла собой нечто вроде лоскутного одеяла: ошалевшие от безделья солдаты вспоминали свои национальные распри, стычки на этой почве стали регулярным явлением. Венгры дрались с хорватами, ломбардцы со словенами, и все они дружно ненавидели своих австрийских офицеров. А император все медлил, ожидая обещанных ему русских подкреплений, которые так никогда и не появились¹. Вскоре лагерь остался без хлеба: всю запасенную муку использовали, а новую нужно было везти по Дунаю из далекой Австрии². Когда долгожданная мука прибыла, оказалось, что она сплошь кишит червями. Вслед за продовольственными складами опустела и армейская казна, солдаты перестали получать жалование, что сказывалось на их боевом духе далеко не лучшим образом.

¹ Есть сведения, что князь Потемкин настраивал Екатерину против оказания помощи Иосифу. (Примеч. автора).

² На самом деле австро-турецкая граница в этом месте проходила по Дунаю и Белград являлся передовой крепостью на турецком берегу.

Тем временем турки укрепили гарнизон Белграда 9000 свежих солдат, а турецкий губернатор города обещал платить по десять золотых дукатов за каждую принесенную ему австрийскую голову. Это стало известно и в австрийской армии; теперь, если кто-либо из солдат исчезал (он мог утонуть в Дунае или попросту сбежать домой, к семье), по лагерю прокатывалась очередная волна слухов о турецких зверствах. Солдаты потеряли веру в своих офицеров, офицеры все громче роптали на императора. В конечном итоге, Иосифу пришлось обратиться к старику Лаудону с просьбой взять командование на себя. *«Дорогой фельдмаршал Лаудон, я отнюдь не приказываю вам принять на себя командование моей армией, но смиренно прошу вас сделать это во благо державы и из любви в вашему императору».*

Лаудон принял предложение — не из пылкой любви к своему императору, а чтобы спасти австрийскую армию. 18 июля он прибыл в императорскую ставку и уже 19-го захватил крепость Дубица. Армия наконец зашевелилась. Начало было положено хорошее, однако генералы, исполнявшие приказания *«der Alte»*, не отличались особой расторопностью и сообразительностью, что привело к ряду неудач. Наблюдались примеры истинного героизма. Так, при обороне замка Рама лейтенант Лопрески с 23 солдатами противостоял 4000 турок; в полном соответствии с легендой о Леониде и сорока спартанцах¹, все они погибли, не сложив оружия². На перевале Боза 4000 австрийцев в пух и прах разнесли

¹ В отечественной традиции их триста...

² Это произвело на турок такое впечатление, что Паша приказал запеленать тело героического лейтенанта Лопрески в шелк и отвезти к императору Иосифу. (Примеч. автора).

десятитысячный турецкий отряд. Однако такие случаи были, скорее, исключением, чем правилом, и не оказывали существенного влияния на общий ход военных действий.

Не в силах придумать что-нибудь лучшее, император обратился к церкви с просьбой провести по всей империи молебен следующего содержания:

«Боже Великий и Всесильный, Ты, чья рука карает всех Твоих врагов, защити нас всею силой Твоей. Упаси воинов Твоих от опасностей, навлеченных на них нехристями».

Судя по дальнейшему развитию событий, молитвы этих «нехристей» были более эффективными.

«О Аллах, о Ты, держащий во длани Твоей солнце и звезды и всю вселенную, Ты, пославший нам пророка Твоего, дабы обучил чад Твоих Истинной Вере, почему попускаешь ты врагам опустошать наши земли? Восстань, Всемогущий, и даруй рабам Твоим силу, дабы восславили милость Твою в Мекке».

Лаудон творил чудеса и захватил целый ряд второстепенных городов, однако на большее ему не хватало сил. Дивизия, которой командовал генерал Папилла, вступила в бой с 30000 турок и понесла тяжелейшие потери, а к 18 августа майору фон Штейну пришлось оставить стратегически важные позиции у Дубовы. После его отхода австрийцы были вынуждены отдать противнику долину Дуная вплоть до самого Белграда. Затем пришло сообщение, что семидесятитысячная турецкая армия под командованием великого визиря Юсуфа-паши продвигается к Видину, а другая, тридцатитысячная, возглавляемая сераскиром Румелии¹, приближается к Нишу. Австрийцам пред-

¹ Местный властитель, прославившийся своей жестокостью. (Примеч. автора).

ставлялся прекрасный случай завязать решающее сражение, для этого их главные силы, численностью около 100000 солдат, должны были занять позиции вдоль реки Темеш, в районе небольшого городка Карансебеша¹.

— Здесь мы непременно победим, — радостно воскликнул император, — ибо так решила история. Именно здесь принц Евгений одержал блестящую победу над турками, трудно придумать более подходящее место, чтобы разбить их еще раз.

Да, это будет «вторая битва при Карансебеше». И то, что там произойдет, не имеет параллелей в мировой военной истории. Инцидент, как нельзя лучше демонстрирующий полное разложение австрийской армии, «*чья худшая часть была сколочена из представителей варварских племен, а лучшая не доверяла своим командирам*»².

Это случилось в безлунную ночь 19 сентября 1788 года, когда авангард имперских гусар переправился по мосту через Темеш, неподалеку от Карансебеша. Достигнув противоположного берега реки, гусары обнаружили там не турецких головорезов, а табор бродячих валахов³, которые встретили отважных воинов с превеликой радостью и тут же предложили им шнапс и деву-

¹ Карансебеш находится неподалеку от румынского города Тимо. Есть мнение, что название «Карансебеш» происходит от латинской оды Овидия: *Sara tibi sedes*. Там опальный поэт и похоронен. (Примеч. автора).

² А.И. Гросс-Хоффингер. (Примеч. автора).

³ Кочевое племя, близкое по происхождению к цыганам, основное занятие валахов — торговля и ремесленничество. (Примеч. автора).

В действительности валахами до середины прошлого века именовали румын.

шек. После недолгой торговли цена была согласована, гусары спешили и предались буйному веселью. Несколько часами позднее по тому же самому мосту через Темеш перешли несколько пехотных рот. Измученные солдатики тоже были не прочь промочить свои иссохшие глотки, однако к этому моменту гусары скупили у валахов все запасы шнапса. Чтобы защититься от незваных гостей, они быстренько установили вокруг своей бочки шнапса плотную охрану и послали пешую солдатню подальше. Изжаждавшиеся воины были крайне обескуражены.

Прогремел выстрел, прозвучал отчаянный вопль, один из солдат рухнул на землю. Затем гусары обнажили сабли и смело атаковали пехоту. В первый момент грохот выстрела испугал пехотинцев, однако они тут же оправались от потрясения и тоже принялись стрелять. Вскоре разгорелось самое настоящее сражение. Выстрелы звучали все чаще, появились первые убитые. Солдаты пошли в лобовую атаку, однако гусары не сдавали своих позиций. Тогда какие-то, не в меру сообразительные, пехотинцы решили прибегнуть к военной хитрости и закричали «*Турки! Турки!*» Перспектива близкого общения с противником совершенно не устраивала перепившихся гусар, они вскочили на коней и спешно улепетнули на свой берег. Однако в том же направлении хлынула и пехота, напуганная криками своих же хитроумных товарищей. Их полковник пытался прекратить панику, пытался остановить солдат криками «*Halt stehen bleiben! Halt!*» Все его старания пропали втуне, так как эти венгры, ломбардцы и словаки почти не понимали по-немецки. В их более чем ограниченном словаре не было такой команды, оптимистически настроенные командиры научили своих подчиненных слову «*Vorwärts!*»,

но не «Halt!». Так что они не поняли, чего хочет от них полковник, — а может быть, попросту хотели скорее обратиться в тыл, подальше от возможной битвы.

— Halt! Halt! — надрывался австрийский офицер. Некоторые солдаты приняли непонятную команду за хорошо известный им клич: «Алла! Алла!» и начали палить куда ни попадя.

Тем временем на другом берегу реки мирно уснувшая австрийская армия была неожиданно разбужена звуками беспорядочной пальбы. *Авангард наткнулся на турок!* Над землей нависла полная, пугающая темнота, солдаты не видели происходящего за рекой, только слышали выстрелы и крики, им и в голову не пришло, что турки здесь абсолютно ни при чем. Стоны умирающих укрепляли в них самое, пожалуй, глубокое из человеческих чувств — страх перед смертью.

Посреди лагеря находился загон с упряжными лошадьми. Перепуганные все нараставшим бедламом животные повалили ограду и умчались прочь, цокая копытами не хуже кавалерийского полка. Командир армейского корпуса решил, что подвергся налету вражеской конницы, и приказал артиллерии открыть огонь. Загрохотали орудия, ночь озарилась багровыми вспышками, ничего не понимающие солдаты падали на землю и умирали. В небо взвился нестройный, отчаянный вопль: «Турки! Турки! Спасайтесь! Все пропало!»

За какие-то минуты паника охватила всю армию, теперь можно было и не пытаться объяснить этой разноязычной толпе, что именно произошло на другом конце моста. Один из полков снялся с места и поспешно двинулся в тыл, его примеру последовал другой, третий... Вскоре вся армия плотной людской волной покатила назад. Благодаря своей этнической разнородности, авст-

рийские полки по большей части не имели общего языка, не могли переговариваться, а потому, зачастую, принимали друг друга за вражеские отряды. В ужасе от перспективы попасть в руки диких турецких головорезов, которых хлебом не корми, только дай отхватить ятаганом христианскую голову, они в упор палили друг в друга.

Император, все еще не совсем оправившийся от болезни, изволил почивать в своей карете. Ошалелый от сна и лекарств, Иосиф выбрался наружу и попытался разобраться в происходящем. Он слышал дикие вопли быстро приближающейся толпы. Едва один из адъютантов помог ему сесть на коня, как толпа накатила. Адъютант заслонил императора и стал отбиваться от обезумевших, бегущих куда глаза глядят солдат. Он зарубил нескольких из них саблей, но затем упал на землю и был затоптан. Императора сбросили с коня, в конечном итоге, он оказался в реке. Промокший до нитки, дрожащий от страха перед турками, Иосиф добрался до Карансебеша и укрылся в каком-то доме, где его и нашли сбившиеся с ног телохранители. (Нечто похожее случилось и с его младшим братом, эрцгерцогом Францем, которого, в конечном счете, выручил его полк.)

Возницы интендантских фур улепетывали в тыл на своих битюгах, артиллеристы обрезали построшки, бросали орудия на произвол судьбы и мчались туда же, в тыл, подальше от непонятной, но грозной опасности. Они топтали копытами и рубили саблями любого, кто пытался их остановить. Таким образом нашли свой конец многие офицеры, паника раздулась до невероятных размеров. Люди убегали, стреляли, умирали, взывали к Господу, проклинали все на свете. Они грабили попадавшиеся под руку дома, насиловали женщин, поджи-

гали деревни. Путь этого панического бегства был усеян брошенными ружьями, седлами, палатками, дохлыми лошадьми, одним словом — всем тем мусором, который оставляет за собой наголову разбитая армия. В конце концов, офицерам и генералам удалось кое-как остановить безумное бегство, однако произошло это очень нескоро. Австрийская армия рассыпалась, перестала существовать как военная сила.

Через два дня великий визирь и его войска добрались, наконец, до Карансебеша — и не увидели австрийской армии. Зато они нашли там около 10000 мертвых и раненых австрийцев и быстренько поотрубили им головы.

Ну а если бы...

Ну а если бы — австрийские офицеры умели разговаривать со своими солдатами на их родных языках? Скорее всего, они смогли бы потушить панику в самом зародыше.

А теперь о фактах

Вскоре после Карансебешской катастрофы император писал своему брату: «Я не знаю, что делать дальше. Я утратил сон и провожу ночи в мрачных размышлениях».

А вот отрывок письма, посланного им в то же самое время канцлеру Кауницу:

«Позорная трусость некоторых частей нашей армии послужила причиной бедствия, последствия которого невозможно исчислить. Паника охватила всех — ар-

мию, жителей Карансебеша и окрестных сел, распространилась на расстояние добрых десяти лиг. Я не в силах описать словами, какие ужасы там творились, все эти насилия и убийства».

Только отвага графа Кински и его кавалерийского полка остановила орды турецких всадников у Карансебеша, не позволила им уничтожить деморализованную австрийскую армию. К осени Лаудон сумел навести в армии порядок и повел Австрию от победы к победе. Затем наступила зима. Император был при смерти. Военная кампания 1788 года завершилась.

Весной 1789 года Селим III вззошел на престол султана и тут же повел свою армию в бой. Однако на этот раз туркам пришлось иметь дело с маршалом Лаудоном, который быстро объяснил им что к чему и изгнал их из Баната. Дунай снова стал австрийской рекой. Пока кипели эти сражения, император Иосиф II умер, сказав перед смертью: «Единственная моя мечта — это долгий и прочный мир во всей Европе».

14 июля 1789 года парижане взяли штурмом Бастилию, началась новая эра. Европе предстояло двадцать пять лет почти непрерывных войн.

Решающим фактором в битве при Карансебеше явилась бочка шнапса.

18 июля 1815 г., Ватерлоо

Пригоршня гвоздей

План, приведший к победе, называют смелым, приведший к поражению — безрассудным.

Генерал Карл фон Клаузевиц
«О войне», 1832 г.

Генерал, объезжавший строй дивизии, сидел в седле плотно, как приклеенный. Густой загар придавал его глазам почти неправдоподобную голубизну. Он осматривал своих кавалеристов со спокойным удовлетворением. Это были лучшие из лучших — *les Cuirassiers de l'Empereur*¹, крепкие надежные солдаты, с гордостью носившие свои стальные нагрудники и греческие шлемы, украшенные плюмажами из конских хвостов. По лицу генерала промелькнула улыбка. Да, с такими ребятами можно прорваться в самое пекло и обратно. Он лучше, чем кто-либо другой, знал, сколько

¹ Les Cuirassiers de l'Empereur (фр.) — кирасиры императора.

раз их молниеносный удар разрушал вражескую оборону и тем определял исход битвы.

В воздухе густо мешались едкие запахи пороха, конского пота и плотно спрессованной человеческой ярости — ярости, всецело направленной на врага, расположившегося там, впереди, на далекой холмистой гряде. Каждый солдат думал о скорой битве, все остальное отошло в сторону. Страх не имел над ними власти, ведь по большей части это были ветераны, давно научившиеся беспрекословно выполнять любой приказ. 5000 отборных бойцов, воины, топтавшие копытами своих коней плодородные поля Австрии и Пруссии, Италии и России, герои, чьи победы обессмертили Аустерлиц и Ваграм, Иену, Фридланд и Бородино. Эти люди покрыли себя великой славой.

Среди суровых, закаленных в боях во славу императора, иссеченных шрамами ветеранов резко выделялись совсем еще юные новобранцы, занявшие место павших. Рано повзрослевшие подростки, не знакомые с грохотом битвы, не успевшие познать сладкий вкус победы. А ведь битва — это не только гром пушек и слава, битва — это смерть.

Солнце начинало клониться к закату. Кавалеристы молча застыли рядом со своими конями. Это молчание длилось с полдня, когда там, вдали, заговорили пушки. Паскаль Ле Менье, тридцать два года, уроженец Мобежа, младший капрал возглавляемого генералом Мило *4me Corps de Cavalerie*¹, изо всех сил старался не обращать внимания на боль. Удар саблей по голове, полученный два дня назад у стратегического перекрестка Катр-Бра в

¹ 4-й кавалерийский корпус.

Сражение у Ватерлоо 18 июня 1815 г.

стычке с кавалерией генерала Аксбриджа. Гноящуюся рану густо обсели мухи. Менее мог бы поднять руку и прогнать их, но он этого не сделал. Умение владеть собой было первым и главным достоинством кирасиров, это умение вбивалось в них с самого начала весьма немилосердным образом. Переноси страдания молча.

К войскам подскакала группа офицеров с развевающимися по ветру плюмажами. Возглавлял эту группу невысокий, плотный человек в умопомрачительно роскошной форме маршала Франции. Мишель Ней, князь

Московский, *le Bravee de Bravees*¹, это имя давно стало легендой. Навстречу маршалу выехал всадник с генеральскими знаками отличия. Генерал Делор, командир *la division des cuirassiers*².

Ней улыбнулся.

— Рад, что вы снова с нами, генерал.

— *Toujours heureux de servir aux ordres de mon Marechal*³.

Делор занимал в сердце маршала особое место. В тот день, в 1805 году при Иене, когда прусская артиллерия в упор била по атакующим кирасирам, Ней в какой-то момент оказался отрезан от своей кавалерии. Делор, в то время рядовой кирасир, бросился на открытое, простреливаемое место, чтобы заслонить генерала своим телом. Наполеон лично произвел его в лейтенанты. Боевой опыт Делора, его участие в самых различных кампаниях и беззаветная преданность императору обеспечили ему головокружительную карьеру. Он гордился своими шрамами ничуть не меньше, чем орденами. Через час одна лишь железная воля закаленного командира сможет провести молодых, необстрелянных новобранцев среди смертельных ловушек грядущей битвы. Делор знал, что многим суждено погибнуть, однако оставшиеся в живых смогут с гордостью сказать, что они сражались за своего императора и за Францию.

Ней повернулся к генералу Мило, командиру корпуса.

— *General, prenez le commandement du corps*⁴.

— *A vos ordres, mon Marechal*⁵.

¹ Смелычак из смелычаков.

² Кирасирская дивизия.

³ Всегда счастлив служить под началом моего маршала.

⁴ Генерал, примите командование корпусом.

⁵ Слушаюсь, маршал.

Мило кивнул Делору.

— *Division des Cuirassiers*, по коням!

5000 кавалеристов (в это число входили и приданные подразделения *Brigades legeres*¹ Дормона и Дюберви) предстояло атаковать противника, находившегося под защитой своей артиллерии. Трудная будет работа. Эскадроны построились двумя цепями, по шестьдесят всадников в каждой, командир эскадрона — впереди, в двадцати шагах от первой цепи.

— *Premiere division*?²

— Готова.

— *Deuxieme division*?³

— Готова.

И так по всему растянувшемуся строю. Мило подъехал к человеку с белым роскошным плюмажем и отсалютовал ему саблей.

— *Mon Marechal*, четвертый кавалерийский корпус ждет вашего приказа.

На кратчайший из моментов Ней поднял глаза к небу, не знающему ни жалости, ни прощения. Затем он взглянул на свои эскадроны: *cuirassiers, lanciers rouges, chasseurs a cheval de la Garde*⁴. 5000 начищенных кирас и стальные наконечники пик ярко блестели в лучах клонящегося к закату солнца.

— *Pour le salut de la France! En avant!*⁵

5000 сабель звонко ударили по стальным кирасам.

— *Vive l'Empereur!*

¹ Легкие бригады.

² Первая дивизия?

³ Вторая дивизия?

⁴ Кирасиры, красные уланы, конные егеря гвардии.

⁵ Во спасение Франции! Вперед!

Протрубил рожок. Князь Московский вскинул саблю. Вся, насколько хватало глаз, масса всадников пришла в движение, 5000 человек, спаянных воедино тем, что называется «l' esprit de corps»¹, медленной рысью поскакали вверх по склону.

Время действия: четыре часа три минуты пополудни.

День: 18 июля 1815 года.

Место действия: Ватерлоо.

27 февраля 1815 года Наполеон бежал с Эльбы. Начались знаменитые Сто дней — время, когда всех властителей Европы враз поразила бессонница. Добравшись до Парижа, Наполеон собрал армию и тут же двинул ее во Фландрию, где находились основные вражеские силы. Наполеон понимал, что все зависит от скорости и неожиданности удара, ведь ему предстояло померяться силами сразу с двумя давними и очень серьезными противниками. Артур Уэллесли, герцог Веллингтонский, «герой войны на Полуострове»², и маршал Гебхард фон Блюхер, «железный пруссак».

Блюхера император знал очень хорошо, а вот Веллингтона — не очень. Он всегда объяснял серию французских поражений на полуострове неумелыми действиями своих подчиненных, а не тактическим превосходством возглавляемой Веллингтоном армии. В результате,

¹ Букв. «дух корпуса». Нечто, похожее на «боевое содружество».

² Война 1808—1811 годов на Пиренейском полуострове, где французам противостояли англичане, испанцы и португальцы

один из величайших военных гениев сделал грубейшую, недопустимую ошибку: он недооценил противника.

Уникальное умение мгновенно схватывать любую ситуацию сразу подсказало Наполеону коренной недостаток диспозиции противников: их силы были разобщены. Он перехватил инициативу, вторгся в Бельгию и серьезно потрепал англичан и пруссаков, прежде чем те успели соединиться. 12 июля к нему на помощь подошел Ней, в очередной раз изменивший присяге — ведь всего три месяца назад он обещал королю Людовику XVIII «доставить Наполеона в железной клетке».

Наполеон 1815 года заметно уступал устрашавшему всех Наполеону Аустерлица и Иены. Долгое, постоянное напряжение брало свое. Наполеон битвы при Ватерлоо находился в плохом физическом и психическом состоянии, он страдал от хронического поноса, выпадающий геморрой превращал для него каждую поездку верхом в мучительную пытку. Он начал допускать ошибки в руководстве армией и возлагал слишком много ответственности на своих подчиненных. Исходная ошибка Наполеона в бельгийской кампании 1815 года связана с распределением основных ролей.

Из его прославленных маршалов, способных командовать войсками самостоятельно, одни умерли, другие присягнули на верность новому французскому монарху. Дезе погиб под Маренго, Ланн — под Асперном, Жюно застрелился. Массена, Мюрат, Макдональд, Суше, Сен-Сир и Ожеро хранили верность Людовику XVIII. Самой большой утратой был Бертье, изумительный штабист; Сульт, поставленный Наполеоном на его место, никогда не был серьезным стратегом. Чтобы защитить свою спину от мятежа роялистов, император оставил Даву в Париже губернатором и препоручил его левый фланг Нею,

человеку, чья безупречная отвага зачастую переходила в излишнюю горячность и нетерпеливость. Зато правый фланг достался Груши — престарелому, почти ископаемому генералу, вытасченному для этой цели из отставки и начисто лишенному боевого задора. Чего никак нельзя было сказать о нижних чинах армии. Сводка, поступившая к Веллингтону, сравнивала *l'esprit de la troupe* Наполеоновской армии 1815 года с безудержным энтузиазмом революционных войск времен битвы при Вальми (1792 год). Как записал в своем дневнике генерал Фуа, «Наши войска проявляют не просто патриотизм и воодушевление, а пламенный порыв, страстное желание сражаться за императора, против его врагов».

Северная армия Наполеона состояла из пяти пехотных корпусов, кавалерийского корпуса и Императорской Гвардии. Пехотным корпусом командовали д'Эрлон, Рейль, Вандам, Жерар и Лобау, гвардией — Фриан, Морган и Дюэсм, кавалерией — Мило, Келлерман, Гюйо и Лефевр. Резервы находились под началом Груши.

Этой устрашающей мощи противостояли сводная армия Веллингтона, имевшая в своем составе 93000 англичан, ганноверцев, голландцев, бельгийцев, брауншвейгцев и нассаусцев и 117000 пруссаков под командованием Блюхера. 210000 австрийцев фюрста Шварценберга и 150000 русских Барклая де Толли находились чересчур далеко, чтобы поспеть к самому интересному. Личные качества противостоящих Наполеону полководцев играли не меньшую, а, пожалуй, даже и большую роль, чем численность их армий. Блестящий военный талант Веллингтона и бульдожья хватка Блюхера.

Мы уже знаем, что Наполеон перебросил свою армию на север, но чем же был занят в это время Веллин-

гтон? Ничем, если верить преподобному Спенсеру Мадэну, который писал 13 июня в Брюссель следующее: «Сегодня благородный герцог сопровождал леди Джейн Леннок на крикетный матч с единственной целью: доставить ей развлечение...»

Ночью с четырнадцатого на пятнадцатое июля 1815 года французы неожиданно подошли к Шарлеруа и застали прусский лагерь врасплох. Блюхеру пришлось отступить к Линьи. В этот самый момент французский генерал Шуан Бурмон перебежал к пруссакам и выдал им стратегический замысел Наполеона. Узнав об этом предательстве, Наполеон незамедлительно поручил Нею оседлать стратегически важный узел дорог у деревни Les Quatre-Bras («четыре руки», т.е. перекресток), чтобы помешать Веллингтону и Блюхеру соединиться. Ней столкнулся с упорным сопротивлением крошечного английского отряда — и не смог взять деревню. Пытаясь побороть свою дизентерию, Наполеон наглотался сильнодействующих лекарств, рано лег спать и узнал о неудаче Ней только на следующее утро. Блюхер же успел за ночь возвести вокруг Линьи солидную оборонительную линию. Старый лис догадывался, что первый удар достанется ему. Сульт послал застрявшему у Катр-Бра Нею записку следующего содержания: «Его Величество желает, чтобы вы атаковали противостоящие вам силы, решительно их отбросили, а затем присоединились к нам, чтобы завершить окружение пруссаков».

16-го утром Ней снова атаковал Катр-Бра. К этому времени Веллингтон осознал стратегическую важность этого перекрестка и направил к нему подкрепления, которые организовали сильную оборону. Пока Ней по частям и довольно бестолково вводил свои войска в бой, Наполеон послал ему на помощь корпус д'Эрлона. И

тут возникла прискорбная неразбериха: Ней неверно понял небрежно нацарапанный императором приказ и направил столь своевременно посланное ему подкрепление в сторону от Катр-Бра. Корпус д'Эрлона начал бессмысленно блуждать между двумя полями сражения. Французы лишились трети своих сил, так как теперь солдаты д'Эрлона не участвовали ни в попытках захватить Катр-Бра, ни в сражении под Линьи, где Наполеон нанес удар по центру обороны Блюхера. «Сражайтесь отважно, и прусская армия рухнет. Солдаты империи, в ваших руках судьба Франции», — с таким призывом обратился он к идущим в атаку войскам. Вдохновленные императорским напутствием французы смяли оборону Блюхера. Наполеон ожидал, что с минуты на минуту Ней ударит Блюхеру во фланг. Наблюдая за ходом сражения, он сказал Жерару: «Исход войны может решиться в ближайшие три часа. Если Ней выполнит приказ, от нас не уйдет ни одна прусская пушка». Но Ней так и не появился. Выполни он приказы Наполеона, Пруссия перестала бы существовать как военная сила, и дальнейшая судьба Европы могла бы оказаться совсем иной.

Пруссакам приходилось очень тяжело. Под Блюхером убили коня; далеко не молодой фельдмаршал был придавлен конской тушей и не подавал признаков жизни. Тем бы, вероятно, и закончилась карьера главнокомандующего прусской армии, если бы не расторопность его адъютанта Ностица, который вовремя наброшенным плащом укрыл своего командира от глаз французских кавалеристов. Пруссаки потеряли убитыми 16000 человек, а Наполеон — 11000. В отсутствии Блюхера (никто не сомневался, что он погиб) командование принял его начальник штаба граф Август фон Гнейзе-

нау. Рядом блестяще выполненных маневров Гнейзенау вывел изрядно потрепанные дивизии из боя. Граф, постоянно конфликтовавший со своими британскими союзниками, считал, что Веллингтон его предал. Герцог обещал прийти пруссакам на помощь, но так этого и не сделал. Оскорбленный Гнейзенау приказал войскам отходить к Льежу, то есть еще больше отдаляться от англичан. Однако «Железный» Блюхер вскоре снова объявился — солдаты нашли командующего на крестьянском дворе, где он пил пиво и натирал свои синяки чесноком. Узнав о планах Гнейзенау, Блюхер тут же отменил их и приказал корпусам генералов фон Бюлова, Пирха и Цитена выступить в направлении последних известных ему позиций Веллингтона. К деревушке Ватерлоо.

Чтобы закрепить свою победу над Блюхером, Наполеон поручил Груши с его тридцатитрехтысячным резервом выдавить пруссаков за Рейн. Хитрый Блюхер послал в этом направлении несколько наиболее потрепанных дивизий. Груши проглотил приманку вместе с поплавком, его корпус начал увлеченно гнать разрозненные прусские части на восток. Как только Веллингтон узнал о поражении Блюхера, он понял, что далее удерживать позиции при Катр-Бра невозможно. Планы Наполеона не вызывали сомнений: он отрежет англичанам пути отхода, а затем ударит с фланга. Веллингтон приказал своим войскам спешно отойти на ближайшую возвышенную позицию, каковой оказался пологий склон перед деревней Ватерлоо, поднимавшийся к плато Мон-Сен-Жан. Он решил укрепиться на этом месте и дать французам бой при том обязательном условии, что прусский фельдмаршал сможет помочь ему хотя бы одним корпусом.

Ней начисто утратил былую напористость; вместо того чтобы энергично преследовать отступающих англичан, он маршировал своих солдат на бивуаках. В ярости, что упущена такая великолепная возможность, Наполеон взял дело в свои собственные руки и организовал преследование. Однако его планы разрушило Божественное вмешательство: страшная гроза с ливнем сковала продвижение французов в тот самый момент, когда они уже догоняли бегущих англичан. Это спасло армию Веллингтона от почти неизбежного уничтожения. Перед тем как отойти ко сну, Наполеон продиктовал следующее послание маршалу Груши: «Его Величество намерен атаковать английскую армию, занявшую позиции у Ватерлоо. Его Величество желает, чтобы вы направились к Вавру, чтобы приблизиться к нам и вступить в соприкосновение с нашими действиями, тесня перед собой те части прусской армии, которые бежали в этом направлении».

В два часа ночи пришел ответ Груши, что пруссаки разделились на две колонны: малая часть прусской армии намерена, судя по всему, присоединиться к Веллингтону, в то время как центр, возглавляемый Блюхером, отходит к Льежу. К сожалению, все было как раз наоборот. Пока император спал, основные части прусской армии спешили на помощь Веллингтону.

18 июля 1815 года. Дождь прекратился, и наступило великолепное утро. В 9.00 Наполеон отзавтракал со своими генералами на хуторе Россом, где расположилась его штаб-квартира. Маршал Султ выразил беспокойство относительно сильных позиций, занятых Веллингтоном на Мон-Сен-Жан.

— Неужели то, что он когда-то вас разбил, дает основание считать его великим генералом? — презрительно фыркнул император. — Наши шансы на победу девяносто процентов.

Так оно и было: французы имели 72000 человек и 246 орудий против 67000 человек и 156 орудий Веллингтона. Наполеон, истинный артиллерийский гений, прекрасно знал, что правильное размещение пушек гораздо важнее ударной силы вооруженных саблями и штыками людей. Он поднял это искусство на невиданные прежде высоты. Усовершенствование артиллерии, осуществленное на грани веков, изменило методику военных действий не менее радикально, чем штыковая атака, придуманная на полвека раньше Фридрихом Великим. Разработанная императором тактика давала пушкам решительное превосходство над ружьями пехоты. Главную роль в создании технической базы этой тактики сыграл француз Грибоваль, бывший при Людовике XVI генеральным инспектором артиллерии. Его стандартизированные орудийные передки и лафеты позволяли наступающим войскам быстро размещать и вводить в действие свою артиллерию. Как французская, так и союзная армия применяли бронзовые, заряжаемые с дула пушки, по большей части — двенадцати- и шестнадцатифунтовые, стрелявшие ядрами или картечью — весьма эффективное оружие против плотного строя пехоты. Чтобы выстрелить из такой пушки, нужно было поднести тлеющий фитиль к запальному отверстию — узкой дырке, просверленной сквозь бронзовую стенку ствола.

Наполеон был одет в серую шинель, лиловый шелковый сюртук и белые рейтузы, заправленные в гусарские сапоги. Он выехал к войскам на низкорослом сером коне.

Войска были уже построены для смотра¹. *Chasseurs, fanatassins, hussards, dragons, lanciers, cuirassiers, la Garde Imperiale*². В небо рванулся тысячеголосый крик: «*Vive l'Empereur!*»

Император повернулся к Нею.

— Если мои приказы будут должным образом исполняться, сегодня мы заночуем в Брюсселе.

И ведь это вполне могло произойти!

— Сир, — вмешался маршал Дрюо, очень способный артиллерист, — земля слишком мокрая, мы не сможем быстро развернуть мобильную артиллерию. Лучше отложить выступление на час.

К несчастью для Франции, Наполеон охотно последовал этому совету. Изнуренный своими болезнями, он удалился на хутор Кайу, где и проспал следующие два часа. Кроме всего прочего, он хотел дождаться подхода со стороны Вавра возглавляемых Груши резервов. Фатальная ошибка. К Ватерлоо спешил не ожидаемый Наполеоном Груши, а лучший из блохеровских корпусов под командованием генерала фон Бюлова.

Падение с коня повредило физическому здоровью Блюхера, отнюдь не затронув его здравомыслия. Он надиктовал квартирмейстеру Мюфлингу следующее письмо, приказав, чтобы его доставили герцогу Веллингтону *со всей возможной поспешностью*:

¹ Это был не просто парад, а демонстрация силы с явной целью запугать противника. (Примеч. автора).

² Егеря, пехотинцы, гусары, драгуны, уланы, кирасиры, императорская гвардия.

Вавр, 18 июня 1815, 1/2 10 час.

Ваше превосходительство.

Как бы ни пострадало мое здоровье, я выступаю в поход во главе армии, чтобы связать первое крыло противника в тот самый момент, когда Наполеон предпримет враждебные действия против армии герцога Веллингтонского. Если же этот день пройдет без вражеской атаки, то, по моему сильнейшему убеждению, завтра мы сами должны будем объединенными силами атаковать французскую армию¹.

Герцог Веллингтон, чей наблюдательный пункт располагался на холме рядом с Брюссельской дорогой, еще раз осмотрел боевые порядки французской армии. Картина вселяла в него беспокойство и нерешительность. Этот хитрый лис Бонапарт неспроста разделил свою армию на две части. Можно не сомневаться, что Груши ударит по союзным силам с фланга. А может, отойти? Однако выбор — стоять или отойти — был вскоре сделан без его участия. Пока Наполеон спал, прусский посыльный на взмыленном коне доставил Веллингтону письмо фельдмаршала и такое устное сообщение:

— Ваша светлость, фельдмаршал Блюхер желает сообщить вам, что корпус генерала фон Бюлова выступил

¹ Ew. Hochwohlgeboren ersuche ich namens meiner dem Herzog Wellington zu sagen, dass, so krank ich auch bin, ich mich dennoch an die Spitze meiner Truppe stellen werde, um den rechten Flügel des Feindes sofort anzugreifen, sobald Napoleon etwas gegen den Herzog unternimmt sollte der heutige Tag aber ohne feindlichen Angriff hingehen, so ist es meine Meinung dass wir morgen vereint die französische Armee angreifen. (Bluecher, Dokumente der Befreiung, 1815). (Примеч. автора).

на рассвете, за ним следует корпус Пирха. Кроме того, он хочет довести до вашего сведения, что каваллеристы Цитена, а также первый и третий прусские корпуса будут находиться в резерве, готовые выступить по первому приказанию.

В довершение пруссак сообщал Веллингтону новость, настолько великолепную новость, что тот не сразу решился в нее поверить. Этот идиот Груши забрал все резервы Бонапарта и увел их на восток! Угроза флангового удара мгновенно исчезла. Это окончательно определило решение Веллингтона: он останется на занятых позициях и примет бой. Теперь оставалось молиться об одном: чтобы его драгоценные 156 орудий сумели сдерживать массивную атаку вражеской пехоты до подхода пруссаков.

Маршал Блюхер, кряхтя и постанывая, вскарабкался на коня и обратился к своей армии:

— Дети мои, нам нужно выступить. Это кажется невозможным, но это должно быть сделано, так я обещал моему брату Веллингтону. Вы хорошо меня слышите? Вы же не хотите, чтобы я нарушил обещание?¹

Прусские солдаты вскинули ружья на плечо и зашагали вперед.

¹ *Kinder, wir nussen vorwärts. Es heisst wohl es geht nicht, aber es muss gehen, ich habe es meinem Bruder Wellington versprochen. Hört ihr wohl? Ich wollt doch nicht dass ich wortbrüchig werden soll?* (Примеч. автора).

Одиннадцать часов утра. Наполеон, чьего слова с нетерпением ждали генералы, обмяк в седле и резко побледнел. Сделав над собой усилие, он поборол дурноту и небрежно пожал плечами: «Секундное недомогание, и только». Затем император указал на видневшуюся вдали ветряную мельницу и сказал:

— *Messieurs*, вот ваш противник. Наша первая задача состоит в том, чтобы ликвидировать его опорные пункты в Угомоне и Ла Э-Сент. Мы не можем предпринимать сколько-нибудь крупных действий, пока не уничтожены эти фланкирующие бастионы.

В его памяти всплывали великие битвы прошлого, имена давно похороненных полководцев.

— Сир, кавалерия готова.

— Оставим ее пока в резерве. Первым атакует корпус Рейль. С поддержкой Жерома.

Наполеон задумчиво смотрел на одного из главных своих помощников. Ней — великолепный командир кавалерийского корпуса, несколько легкомысленный, но зато весьма и весьма решительный, получал сегодня под свое начало целый фланг, и кавалерию, и пехоту. Сумеет ли он справиться?

— *Messieurs*, возвращайтесь к своим войскам.

В 11.30 утра Наполеон подал сигнал к началу битвы. Дружно рывкнули 120 пушек Большой батареи, в тот же самый момент Второй корпус генерала Рейля пошел в атаку на замок Угомон, где держала оборону Вторая бригада Колдстримской гвардии под командованием полковника Макдоннелла. Вместо того чтобы разбить стены здания сосредоточенным огнем мобильной артиллерии, Рейль и Жером раз за разом бросали на него

волны пехоты. Французские батальоны увязли в этой схватке, они несли большие потери — и все попусту, Угомон держался. В какой-то момент французские пехотинцы сумели даже проломиться через ворота во двор замка, однако капитан Уиндем и сержант Джеймс Грэхем подняли английских солдат в штыковую атаку, вытеснили противника из замка и снова заперли ворота. Затем сержант Грэхем бросился к пылающему сараю, вытащил из огня своего раненого брата и вернулся к прерванному основному занятию — стрелять через амбразуру вседающих французов.

Веллингтон, организовавший наблюдательный пункт на гребне Мон-Сен-Жан под кривым вязом, отлично видел, как волны французской пехоты одна за другой разбиваются о каменные стены замка. Тем временем на склон холма дождем сыпались ядра. Однако Веллингтон давным-давно научился не размещать войска на позициях, уязвимых для артиллерийского обстрела. Он держал большую часть своих полков в резерве, за гребнем, вне досягаемости для настильного огня французских пушек. В первом эшелоне находился совсем небольшой голландско-бельгийский отряд генерала Байлендта; нетрудно понять, что он нес тяжелейшие потери.

Пока разворачивались все эти события, солдаты 33000 резерва маршала Груши предавались полному безделью; несмотря на далеко не раннее время, их командир и генерал Жерар только-только сели завтракать. Издалека доносился глухой рокот пушек.

— Сражение началось, — кисло заметил Груши.

— *Mon marechal*, — взывал Жерар, — нам нужно незамедлительно выступить туда, где стреляют.

Груши и слушать об этом не хотел. Престарелый маршал считал своей первейшей обязанностью точное выполнение приказов императора, которых он в силу своего скудоумия абсолютно не понимал.

Корпуса Рейля и Жерома застряли перед Угомом, так и не сумев сломить сопротивление Колдстримской гвардии Макдоннелла. Тогда император приказал Нею захватить постройки Ла Э-Сент. После яростной рукопашной схватки, разгоревшейся у каменной ограды, пехотинцы Нея проникли в огород, однако так и не сумели взять штурмом здания, где насмерть стояла рота Королевского германского легиона под командованием майора Бэринга. Одним словом, здесь тоже вышла осечка, фланговые укрепления, способные серьезно помешать атаке по центру, так и остались в руках англичан.

Около часа дня в дело вступил новый, жизненно важный фактор. Один из адъютантов Наполеона заметил на горизонте облачко пыли. Наполеон взял подзорную трубу и увидел плотную массу войск, явно направляющуюся к позициям Веллингтона. Он облегченно вздохнул — Груши нацелился на незащищенный фланг герцога. Однако радость императора продолжалась совсем недолго — пока к нему не привели пленного пруссака. Неожиданная новость оглушила, как удар кувалдой по голове. Никакой это не Груши, а корпус фон Бюлова, идущий на соединение с Веллингтоном. Наполеон не сомневался, что Груши со своими 33000 с минуты на минуту остановит пруссаков, однако, на всякий случай, он послал ему записку: «Бюлов намерен атаковать наш правый фланг. Поэтому, не теряя ни минуты, присоединяйтесь к нам, дабы разгромить Бюлова, чьи силы к моменту вашего подхода уже успеют вступить в дей-

ствии»¹. Чтобы подстраховаться от любых неожиданностей, он приказал легкой кавалерии Дюберви и Дормона выставить заслон на правом фланге, к которому медленно, но неуклонно приближались пруссаки, а затем послал туда же шестой пехотный корпус под командованием Лобау. Император знал, что имеющиеся в его распоряжении войска вполне способны разбить Веллингтона до того, как прусский корпус сумеет ввязаться в сражение. Он быстро обдумал ситуацию. И Угомон, и Ла Э-Сент все еще в руках противника, а прусский корпус угрожающе нацелился на правый фланг. Нужно атаковать Веллингтона в центре.

— Сульт, направьте приказ Первому корпусу д'Эрлона и передайте Нею, чтобы он поддержал его кавалерией Мило.

— Но, сир, пруссаки...

— К черту пруссаков, мы разобьем Веллингтона раньше, чем они сюда поспеют.

Он не сомневался в своей правоте, пруссаки подходили слишком медленно и осторожно, чтобы повлиять на исход предстоящей схватки. Нужно взломать центр английской обороны, все остальное приложится.

Веллингтон провел все это время под своим кривым вязом. Французские ядра с воем проносились над его головой и падали за спиной, не принося никакого вреда войскам. Отчаянно палило солнце, однако герцог не замечал жары, все его внимание было сосредоточено на

¹ Это кажется совершенно невероятным, но даже тогда, когда Груши увидел, что главные силы прусской армии пересекают линию его продвижения и направляются к Мон-Сен-Жан, он не попытался преградить им путь. (Примеч. автора).

склоне холма. Там начиналось что-то новое. Из плотных клубов пушечного дыма показалась атакующая пехота. Корпус д'Эрлона, состоящий из четырех пехотных дивизий, и приданная ему легкая артиллерия. Они сходу захватили Сандпит и хутор Паплот, однако Ла Э-Сент все еще держалась. Веллингтон встревожился, в его обороне обозначились серьезные прорехи. Он послал депешу Байлендту, возглавлявшему голландско-бельгийский отряд: «Генерал, вы не можете отступать. В противном случае, у нас оголятся фланги». Байлендт и сам это понимал. Но как могли его незначительные и сильно поредевшие силы остановить продвижение четырех свежих дивизий?

Солдаты д'Эрлона поднимались к плато Мон-Сен-Жан под барабанную дробь, тысячи штыков ярко блестели на солнце. Корпус двигался медленно, четыре его дивизии были построены побатальонно, как на параде — далеко не лучший способ атаковать упорного противника. Император, наблюдавший эту картину в подзорную трубу, был вне себя от ярости. Плотные каре из двадцати четырех шеренг по двадцать четыре солдата в каждой медленно ползли по пшеничному полю, выкошенному пушечными ядрами. Идеальная цель для английской картечи. Было уже поздно посылать д'Эрлону приказ растянуть фронт атаки, перестроить корпус подивизионно в три шеренги. Императору оставалось только молить Бога и надеяться на лучшее. Надежды не сбылись: на этот раз величайший полководец своего времени столкнулся с противником, не уступавшим ему в проницательности. Герцог Веллингтонский сразу заметил грубую оплошность д'Эрлона и успел уже отдать приказ, резко изменивший дальнейший ход этой битвы.

Сержант Жак Гурмелен сражался под Аустерлицем, под Ваграмом и при Бородино, однако он никогда еще не видел такого идеально правильного атакующего строя. Подниматься по склону было трудно, по лицу Гурмелена ручьями струился пот, он видел прямо впереди разверстые жерла английских пушек. Но почему они молчат? Можно подумать, что им мешает какое-то невидимое французам препятствие. Эта мысль пришла и тут же ушла, сержанта снова охватило страстное ожидание предстоящей схватки. Под четкую барабанную дробь французские колонны ползли вверх и вперед.

Генерал д'Эрлон был вне себя от ярости. Он не знал, что происходит впереди, там, куда наступали его солдаты. «Да где же эта чертова кавалерия?» — восклицал он раз за разом. Пехоте без поддерживающей кавалерии сражаться так же трудно, как кавалерии без пехоты. Кавалерия была его глазами, сейчас же приходилось наступать вслепую.

Наполеон, чей наблюдательный пункт находился в хуторе Россом, склонился над картой. «Передайте Нею, чтобы он помог д'Эрлону».

— Сир, Ней сражается при Ла Э-Сент.

— Тогда Келлерман.

— Я сейчас же пошлю приказ, — откликнулся Сульт.

Верховой посыльный поскакал через поле, непрерывно простреливавшееся артиллерией. Императорский приказ так и не был доставлен, Келлерман и его 3678 кавалеристов сидели в резерве и смотрели, как батальоны д'Эрлона продвигаются к плато Мон-Сен-Жан. Как только колонны достигли первой линии английской обороны, остатки голландско-бельгийских полков Байленд-

та обратились в бегство. В этот момент Наполеон, наблюдавший за развитием событий в подзорную трубу, решил, что битва выиграна.

Британский генерал Пиктон следил за развитием событий с другой, чем Наполеон, стороны — с самой возвышенной части гребня. Его неподвижная фигура, четко рисовавшаяся на фоне неба, напоминала конную статую. Пиктон не пошевелился даже тогда, когда первая колонна французской пехоты закончила подъем и вышла на плато. «Передай нашим ребятам, — сказал он полковому адъютанту, — чтобы не стреляли, пока я не взмахну шляпой».

Сержант фузилеров Гурмелен, шагавший в первой шеренге своего батальона, находился уже совсем рядом с наторенным Ваврским трактом, когда видневшийся вдали всадник взмахнул шляпой, а затем ткнул ею прямо вперед. И тут, словно призраки, вставшие из могилы, шагах в сорока впереди появились британцы, двойная линия солдат в ярко-красных мундирах. Они дружно разрядили свои ружья, и первая шеренга французов упала. *Les fusiliers* были в полном замешательстве. Кто-то бросился вперед, кто-то остановился, чтобы выстрелить, кто-то побежал назад. Сердце Гурмелена чуть не выскакивало из груди. Милосердный Господь сохранил ему жизнь. Еще один залп — и снова пронесло. Оглушенный, почти утративший способность соображать, он видел, как падают сраженные насмерть товарищи, видел, как рассыпается строй...

— *Vive l'Empereur!* — яростно проревел Гурмелен. Его крик повторили тысячи глоток. «Да здравствует император!» — кричали все, кто пережил эти два залпа. Генералу не пришлось отдавать приказ — солдаты груп-

пами и поодиночке бросились в штыковую атаку. Английский красномундирник бросил ружье, собираясь бежать, но Гурмелен в несколько прыжков догнал его. Из густой пшеницы поднялась еще одна красная шеренга, но на этот раз французы не дали застать себя врасплох и выстрелили первыми, а затем неудержимой волной смяли противника. Ни о каком правильном строе не было больше и речи, единое наступление превратилось во множество отдельных рукопашных схваток. Солдаты спотыкались о мертвых, умирающих и раненых, они вцеплялись в противников руками, ревели, как дикие звери. Некоторые не выдерживали этого ужаса и обращались в бегство. Полное смятение продолжалось, пока...

Английские полковники Пак и Кемпт укрыли свои полки за невысокими грядами, тянувшимися по краю Ваврского тракта. Команда «Примкнуть штыки» была отдана вполголоса и передавалась от солдата к солдату. Когда французы подбежали почти вплотную, один из полковников вскочил на ноги, взмахнул саблей и кричал изо всех сил: «В штыки!»

Два полка поднялись, как один человек, и бросились в контратаку. Джон Макграт, необстрелянный новобранец из трущоб Глазго, не слышал свиста пуль, не видел ничего, кроме этих проклятых французов, их ошеломленных лиц с широко раскрытыми в беззвучном крике ртами. И слева, и справа от него другие английские солдаты неслись вперед, кричали, кололи, парировали удары противника. Джон споткнулся, упал, поднялся и снова упал. Неожиданный удар смял редкую, неорганизованную цепь французов. Все рубили и стреляли, кололи и топтали упавших противников ногами, смерть неслась широким потоком. Сержант Гурмелен оказался в

самом центре схватки. Двое его товарищей упали бок о бок, оставив во французской цепи широкий, зияющий разрыв. Гурмелен, чье лицо было черным от порохового дыма, бросился в этот разрыв, закрыл его собой. Красномундирники неслись вперед, стреляя на бегу. Гурмелен увидел, как французская цепь заколебалась и рассыпалась. Он почувствовал сильный удар в грудь, рухнул на колени и тут же ощутил во рту острый привкус крови. «Значит, я умру?» Собрав последние силы, он забил в ружье заряд, закатил пулю. «Цель, Господи, дай мне цель.» Его молитва была услышана, впереди показалась фигура верхового офицера... Тяжело раненный французский солдат тщательно прицелился и спустил курок.

Потерявший седока конь шархнул в сторону. Генерал Пиктон был мертв. Остатки батальонов д'Эрлона бежали, сержант Гурмелен, получивший колотую рану в грудь, лежал в окружении мертвецов¹. Все плато было усеяно убитыми и ранеными, англичанами и французами, их кровь впитывалась в обильную, плодородную почву, яркими пятнами окрашивала вытоптанную пшеницу. Умирал английский мальчишка, рядом с ним бормотал свое последнее слово француз с жуткой штыковой раной. Лейтенант сидел на земле, пытаясь остановить кровь из обрубка руки — картечная пуля начисто срезала ему кисть.

— Гоните их! — бесстрастно приказал командир английской кавалерии. Лорд Аксбридж бросил в сражение кавалерийские бригады генералов Сомерсета и Понсенби. Те разрезали толпу беспорядочно бегущих французов, сбили французские заставы — и безнадежно ото-

¹ Гурмелен выжил и описал все это десятью годами позднее. (Примеч. автора).

рвались от своих войск. Аксбридж увидел грозящую опасность и приказал трубить отход, но бешеный бросок английских конников было уже не остановить.

До этого момента полковник Мартигью и его уланы не участвовали в сражении. С криком: «Vive l'Empereur!» они ударили во фланг «Серых шотландцев» Понсенби. Понсенби отбилсЯ от своей бригады, полдюжины уланов устроили за ним самую настоящую охоту и под конец пронзили генерала тремя пиками¹. В тот момент они даже не догадывались, что убили такую крупную птицу. Вскоре вся английская кавалерия обратилась в паническое бегство. «Сумей мы собрать организованный отряд в сотню человек, нам, пожалуй, удалось бы отступить достойным образом и с много меньшими потерями. Однако мы оказались так же беспомощны перед атакой французов, как их пехота — перед нашей.» В организованной Аксбриджем атаке почти впустую погибла значительная часть английской кавалерии. Общая численность бригад Сомерсета и Понсенби составляла 2407 человек, 1058 из них остались на поле боя².

Наполеон чувствовал, что время поджимает. Пруссаки подходили и подходили, с каждой минутой их становилось все больше — а от Груши ни слуху, ни духу. Ла Э-Сент так и не сдалась Нею, но мысли маршала переключились уже на другую, более высокую цель.

¹ Понсенби очень дорожил своим лучшим конем и оставил его в лагере: чтоб не подставлять столь ценное животное под пули. Вполне возможно, что это и стало причиной его гибели. (Примеч. автора).

² Хесслер. (Примеч. автора).

Центр английской обороны так и не был взломан. Чрезмерно себялюбивый, Ней не мог допустить, чтобы главным триумфатором этой битвы оказался кто-то другой. Нет, он и только он нанесет решающий удар. С такими мыслями в голове Ней подсказал к *4me Corps de Cavalerie* генерала Мило — сорока свежим, готовым к бою эскадронам. Сокрушительный кавалерийский удар снесет этих проклятых англичан с плато, сотрет их с лица земли.

Нею действительно предстояло изменить историю — только несколько иначе, чем он планировал. Он совершил ошибку, довольно обычную для прирожденного кавалериста, — пошел в атаку без пехотной поддержки. Он как никто умел водить в стремительную атаку свою элитную кавалерию, а что касается пехотной поддержки, этим скучным делом всегда занимался кто-нибудь другой. Маршал совершенно упустил из внимания тот факт, что на этот раз он командует не кавалерией, а всем флангом, что пехота не двинется с места, если он ей того не прикажет. Он был кавалеристом, пехота не попала ему на глаза, и он начисто о ней забыл. Двенадцать свежих батальонов Рейля, стоявшие наготове в некотором удалении от корпуса Мило, так и не получили приказа оказать кавалерии поддержку. Судьба сделала свой выбор.

— *Mon Marechal*, четвертый кавалерийский корпус ждет ваших приказаний.

На кратчайший из моментов Ней поднял глаза к небу, не знающему ни жалости, ни прощения. Затем он взглянул на свои эскадроны. 5000 начищенных кирас и стальные наконечники пик ярко блестели в лучах клонящегося к закату солнца. Вымпелы трепетали на ветру. Маршал еще раз обдумал ситуацию: один отчаянный удар отбросит врагов от пушек, затем разбить их пехот-

ные каре. Да, пожалуй, выйдет. Должно выйти! Он знал по прошлому своему опыту, что хорошая кавалерийская атака оказывает на врага психологическое воздействие куда более сокрушительное, чем его реальные потери. Неудержимый натиск кирасиров обратит англичан в паническое бегство! Для большего эффекта лучше не разделять дивизии, а атаковать единым широким фронтом. Маршал Ней привстал в стременах. «*En avant, pour la salut de la France!*» 5000 всадников, спаянных воедино тем, что называется «*l' esprit de corps*», медленной рысью поскакали вверх по склону. Было три минуты пятого пополудни.

Кавалерия Ней наступала эшелонами, при поддержке артиллерийского огня. Однако через некоторое время французские батареи перестали стрелять, над полем сражения повисла неожиданная тишина. Приближалась решительная минута, дивизии перестроились для атаки в цепь. Дивизии Делора досталось место в самом центре, его кавалеристы скакали прямо на вражеские батареи. И вдруг долго молчавшие пушки открыли огонь, английские артиллеристы забивали в стволы своих орудий двойные картечные заряды, в лицо французам летели тысячи увесистых свинцовых дробинок. Взмахом сабли Ней бросил свою кавалерию в атаку. 5000 коней понеслись галопом, топот копыт сотрясал землю. «*Vive l' Empereur!*»

Полковник Корнелиус Фрейзер, командир одного из батальонов бригады генерала Мейтленда, посмотрел вниз, по направлению дороги Брюссель-Шарлеруа. Его глазам открылось невероятное зрелище. По всему фронту от Угомона до Ла Э-Сент на расположенные за Ваврским трактом позиции англичан катилась стальная волна. «Они

захлестнут нас», — подумал полковник, однако лицо его осталось бесстрастным. Ему было некогда бояться. «Построиться в каре!» Еще немного, и атакующих можно будет достать картечью. Сколько выстрелов успеют сделать канониры? Два? Три? Никак не больше, а потом французы их сомкнут.

Они скакали плотным строем, колено к колену, в две цепи, скакали прямо на сеющие смерть пушки. Картечь разрывала тела, кони спотыкались, всадники падали на землю, но их уцелевшие товарищи продолжали неудержимо рваться вперед. По сигналу рожка «В пики» дружно опустились 5000 пик. Строй атакующей кавалерии ошетинился сталью. И снова смертоносный град картечи...

— Заряжай!.. Огонь!.. Заряжай!.. Огонь!..

— Мы не можем быстрее...

— Побереги дыхание, мальчик, заряжай и стреляй...

Ну вот так, хорошо...

Джон Катлер, вьедливый и желчный офицер из батареи капитана де Кливза, чувствовал себя столетним стариком. Ветеран войны на Полуострове, он повидал, казалось бы, все, что можно увидеть на войне, — и все равно был ошеломлен этим самоубийственным броском кавалерии прямо на извергающие смерть пушки. Все пушки всех сосредоточенных на плато батарей не могли сдержать героическую атаку французской кавалерии. Генерал Делор знал свое дело. Его кавалеристы мчались во весь опор, не давая засевшему впереди врагу времени лишний раз перезарядить пушки, мчались, чтобы изрубить проклятых англичан в капусту.

Канониры Катлера дали последний залп двойными зарядами картечи, когда атакующая цепь была уже в

семидесяти шагах. Лошади и их седоки валились пачками, как карты, мертвые всадники, не успевшие упасть из седла, скакали на батарею бок о бок с живыми. «Канониры, в каре!», — отчаянно заорал Катлер и бросился под одну из пушек.

Ней скакал в первой шеренге. Еще один — последний — удар картечью, снова спотыкаются и падают кони, летят из седла всадники. Английская пехота торопливо строилась в каре. Канониры бросали свои банники и искали спасения в строю пехотинцев. Затем кавалеристы накатились на артиллерийские позиции, изготовившаяся к обороне пехота стояла двадцатью метрами дальше. В этот самый момент выпущенная из ружья пуля убила под маршалом коня. Ней вылетел из седла вперед, однако остался невредим. Он поймал за поводья коня, чей всадник был, наверное, убит, и снова вскочил в седло. Все произошло с головокружительной быстротой, какие-то пять минут назад прозвучала команда: «По коням!», и вот они уже здесь, среди брошенных противником пушек, теперь остается самая малость — разделаться с пехотой.

Видя, что атакующая цель мчится прямо на его каре, полковник Корнелиус Фрейзер резко взмахнул саблей и скомандовал: «Огонь!» Круглые ружейные пули отскакивали от клиновидных кирас, как градины от черепичной крыши. «Целься по лошадям!» — заорал сержант. Несколько всадников упало, однако остальные доскакали до противника, их пики вонзались в тела, кони перепрыгивали через построенное из телег заграждение и трупы, носились вокруг каре. «Вторая шеренга — огонь!» Еще один залп. Пока одна шеренга била штыками коней, другая, за их спинами, торопливо перезаряжала ружья.

В первый раз с того самого момента, как Ней повел корпус в атаку, он никуда не скакал, а спокойно наблюдал за развитием событий. За время стремительного броска маршал потерял свою треуголку с плюмажем, в надетом поверх кирасы мундире зияли дыры. Но главное было сделано: кавалеристы взломали английскую линию обороны. Они отбросили дивизию генерала Олтена, привели в полное замешательство солдат Мейтленда. Кирасиры гонялись за одиночными противниками, пытавшимися улизнуть в тыл, рубили и кололи несчастную пехоту. Великолепный успех, и он, Мишель Ней, князь Империи, добился его сам, без чьей-либо помощи. Эта славная победа поставит его имя рядом с именем величайших полководцев прошлого. *Ней Ватерлооский*. Ни маршал, ни его отважные кавалеристы не обращали никакого внимания на брошенные английские пушки.

Звучный хлопок, и в коре старого вяза появилась аккуратная круглая дырка. Железный Герцог даже не повернулся — все его внимание было сосредоточено на атаке Нея. Он смотрел, как англичане, ганноверцы, брауншвейгцы и немцы строятся в двадцать изолированных квадратов, и беспокоился все больше и больше. Какое-то время такая оборона продержится, но стоит одному из каре отступить, и все пропало. Больше всего его тревожила утрата артиллерии. Веллингтон знал, что с минуты на минуту последует новая пехотная атака, без пушек ее не остановишь. Оставался очень простой выбор: либо отойти, либо держаться и ждать неизбежного уничтожения. На плато вылетали все новые и новые всадники. Но где же французская пехота, которая одна только и может окончательно закрепить победу

Бонапарта? И когда же французские *grenadiers* развернут английские пушки против английских солдат?

Железный Герцог вздохнул: «Как мне хотелось бы, чтобы наступила ночь, или подошли пруссаки...»

Однако пруссаков остановили под Планшнуа.

Грохот орудий на правом фронте отвлек внимание императора. Наблюдая за тем, как включается в действие артиллерия фон Бюлова, он не сразу заметил импульсивную атаку Нея, заметив же воскликнул: «Рано, чересчур рано, Ней поторопился! Это может закончиться катастрофой».

— Этого человека не исправишь, — заметил Сульт. — Точно так же, как под Иеной, он подпортит победу Вашего Величества.

— А где же его пехота? — поразился император. — Бросай ее в бой, Сульт, бросай ее в бой, может быть, еще не поздно.

На плато Мон-Сен-Жан кавалеристы Нея бешено крутились вокруг английских каре. Каре густо оцетинилось штыками и держалось; чтобы их разбить, была нужна либо атака вооруженной ружьями пехоты, либо артиллерия. Французской пехоты поблизости не было, французской артиллерии — тоже, однако в распоряжении атакующих находились отбитые у англичан пушки, почти весь артиллерийский парк Веллингтона¹...

¹ Есть мнение, что настоящий кавалерист не слезает с коня, пока его не убьют. Возможно, именно это и объясняет, почему французские кавалеристы не воспользовались английскими пушками. (Примеч. автора).

Батальон полковника Фрейзера держался. Полковник ничуть не сомневался в мужестве своих солдат, а вот приказ герцога вызвал у него горькое недоумение: открытая позиция и отсутствие огневой поддержки заранее обрекали ушедших в глухую оборону англичан на гибель. Битва проиграна, это стало ясно с того самого момента, когда кирасиры доскакали до пушек. Рано или поздно, французы развернут английскую артиллерию против английских каре, от картечи штыками не прикроешься. Однако кавалеристы Нея и думать не думали ни о каких пушках, вместо этого они тратили драгоценное время, увлеченно гонясь за отдельными солдатами, не успевшими занять свое место в ошметинившихся штыками каре. Над батальоном Фрейзера развевались Юнион Джек¹, королевский флаг и батальонный вымпел. Полковник сильно опасался, что стоит одному из этих полотнищ упасть, и солдаты бросятся врассыпную. Каре находилось в постоянном движении — растягивалось, сжималось, перестраивалось. Как только шеренга делала залп, она отходила назад, чтобы перезарядить ружья, длинные пики французов медленно, но верно прореживали первую шеренгу. Фрейзер почувствовал удар и обжигающую боль, из разорванной ружейной пулей штанины выглядывала перебитая кость; он схватил ружье убитого солдата и оперся на него, как на костыль. Следующий выстрел поразил одного из знаменосцев; сделав огромное усилие, полковник подхватил падающий вымпел. Английские солдаты не проявляли ни малейших признаков паники. Как написал Фрейзер в своем поз-

¹ Юнион Джек — государственный флаг Великобритании.

днейшем рапорте, «Кавалерия действовала с невиданной отвагой, наша же пехота держалась с невиданной стойкостью.»

Общеизвестно, что именно в критические моменты лучше всего раскрываются качества великих полководцев. Веллингтон повернулся к коменданту своей кавалерии, лорду Аксбриджу.

— Какими силами вы располагаете?

— Милорд, у нас есть кавалеристы Доренберга, Ареншилда, герцога Брауншвейгского, ван Мерлена и Гинги.

— Сколько человек осталось в строю?

— Четыре тысячи, может быть, пять.

— Вводите их в бой. И поскорее, пока Бонапарт не подтянул пехоту. Или мы отобьем наши пушки, или все пропало.

Английская кавалерия пошла в атаку. В ее авангарде можно было видеть яркие мундиры Эннискилленского драгунского полка и серые — Шотландского.

Полковник Эме, помощник Нея, услышал быстро нарастающий грохот копыт — кавалерия Аксбриджа была уже совсем рядом. И тут ему на глаза попались английские пушки, так и промолчавшие все это время. Более того, возбужденные своим первоначальным успехом французы даже не позаботились оттащить эти грозные трофеи в свое расположение или хотя бы привести их в негодность. И теперь, если английским кавалеристам удастся потеснить противника... Эме поискал глазами командира, но тот торопливо строил кавалеристов в линию, чтобы встретить натиск англичан. Нужно было действовать, и как можно быстрее.

— *Les clouts!* — закричал Эме. — Берите гвозди и заклепывайте пушки!

В те времена пушка была настолько простым устройством, что существовал один-единственный способ быстро и надежно вывести ее из строя: забить в запальное отверстие гвоздь без шляпки. Несколько человек из каждого кавалерийского подразделения в обязательном порядке имели в своих седельных сумках предельно простые инструменты для заклепывания вражеских пушек — гвозди и молотки.

— Гвозди! Гвозди! Гвозди! У кого есть гвозди?

Этот призыв катился от эскадрона к эскадрону. Эме был близок к отчаянию. Он скакал вдоль строя, поминутно выкрикивая все то же слово: «*Les clouts! Les clouts!*»

Гвоздей ни у кого не было. Все «клепальщики» погибли. Имей французы пригоршню гвоздей, успеют они вывести английские пушки из строя — и Веллингтона не спасли бы в тот день от поражения никакие пруссаки.

Далее последовала кавалерийская схватка, не имеющая себе равных в военной истории. Англичане и французы не уступали друг другу ни в ярости, ни в беззаветной отваге; ни прежде, ни потом не встречались на поле битвы столь великие, прославленные противники, как *Cuirassiers Imperiales* Наполеона и Веллингтоновы Бригады тяжелой кавалерии. Французские кавалеристы не успели еще толком разогнаться, когда в их строй врезались шотландские серые драгуны и эннискиленцы. За время войны на Полуострове эти полки прославились своими неудержимыми кавалерийскими атаками. Зазвенела сталь, в яростной схватке смешались гусары Ареншилда и кирасиры Делора, черные уланы герцога Брауншвейгского, красные уланы де Стюерса и драгуны Дернберга. Словно по заказу, поднялся ураганный ветер; казалось, что в этой битве участвует сама природа. Вскоре сражение стало совершенно беспорядочным. На

поле, сплошь усеянное человеческими и лошадиными трупами, кипело множество индивидуальных схваток.

Лейтенант Гамильтон, принадлежавший к полку Серых шотландцев, оставил нам описание одного из таких быстротечных поединков. «Некий красный улан ударил моего коня пикой в голову. Я рубанул его саблей, стараясь попасть по руке, и поскакал дальше. Чуть позже я посмотрел на свою саблю и увидел на ней кровь. Улан был ранен, очень может быть, что это спасло мою жизнь — я очень боялся, что он выстрелит в меня из пистолета, среди нас ходили слухи, что *красные уланы зачастую так поступают*».¹

Кирасир Паскаль ле Минье выхватил пистолет и выстрелил скакавшему на него всаднику прямо в лицо. Другой красномундирный кавалерист попытался достать его пикой, однако Паскаль парировал этот удар саблей и выбил противника из седла. Затем он почувствовал страшный удар по защищенной шлемом голове, покачнулся, медленно сполз из седла и покатился по земле, не ощущая ничего, кроме всепоглощающей боли. Открыв глаза, Паскаль увидел над собой огромного, вставшего на дыбы жеребца, еще мгновение, и на него обрушились подкованные сталью копыта.

Схватка была короткой, но предельно яростной. Французские кавалеристы и их кони были утомлены недавней бешеной скачкой вверх по склону холма, англичане же пошли в атаку на совершенно свежих конях, эта разница не могла не сказаться. Ней метался по полю битвы, стараясь воодушевить своих солдат, он потерял нескольких коней, сам же не был даже ранен. Однако

¹ Лейтенант Гамильтон из «Серых шотландцев» (F.T. Сиборн). (Примеч. автора).

усилия маршала не приносили желаемого результата: *les cuirassiers* встретили равного противника. Непобедимая прежде французская кавалерия держалась из последних сил, но силы эти быстро иссякали. Английские пехотные каре с торжествующими криками продвигались вперед, штыками вытесняли дрогнувших кирасиров с плато Мон-Сен-Жан. Ней был в отчаянии от своей грубейшей, непоправимой ошибки. Вместо того чтобы поддержать кавалерией пехотную атаку, он попусту загубил лучшие войска императора — и даже не вывел из строя артиллерию противника!

В бешеной неразберихе схватки наступила короткая передышка. Вздумай английская кавалерия преследовать отступающего противника, она неизбежно попала бы под плотный огонь французской артиллерии, однако лорд Аксбридж даже не думал о таком безрассудстве. По звуку рожка его кавалеристы отошли за линию батарей и начали перегруппировку, тем временем уцелевшие канониры покинули каре и бросились к своим пушкам.

А затем случилось неизбежное. Грохот, резкий свист, и вдогонку отступающим французам полетело первое ядро. Затем второе. Вскоре все английские пушки дружно выплевывали языки оранжевого пламени, осыпая бегущих кирасиров ядрами и смертоносным градом картечи. Сжав в бессильном отчаянии кулаки, Наполеон смотрел, как гибнет его кавалерия¹.

¹ Кирасиры проскакали через батарею шесть или семь раз, загоня нас в каре и под пушки. Один или два эскадрона двигались по склону на нашем непосредственном фронте, когда они отступали под напором нашей кавалерии, мы воспользовались удобным случаем, дабы послать им вслед смерть и разрушение... (Редьярд, офицер батареи девятифунтовых пушек И. Ллойда.) (Примеч. автора).

Железный герцог и лорд Аксбридж наблюдали эту картину с удовлетворением и облегчением. Французские артиллеристы пытались прикрыть отступление конницы Нея огнем. И тут произошел эпизод, породивший один из самых знаменитых в военной истории анекдотов. Если верить рассказам, когда очередное французское ядро раздробило лорду Аксбриджу ногу, тот сказал:

— Господи, сэра, похоже, я лишился ноги.

На что герцог Веллингтон ответил:

— Господи, сэра, похоже, что так оно и есть.

Наполеон смотрел, как бегут остатки конницы Нея.

— Незамедлительно отправьте туда пехоту д'Эрлона.

— Сир, они только начали перегруппировку.

— Флао, скачите к Келлерману, пусть он бросит на поддержку Нея всех своих солдат, до последнего.

Скорее всего, Наполеон отдавал этот приказ, почти не сомневаясь в его запоздалости. Но он понимал и другое — если оставить Нея на произвол судьбы, в войсках, стоящих на передовой линии, может вспыхнуть всеобщая паника. Пока Келлерман готовился к выступлению, Ней подсакал к д'Эрлону, торопливо перестраивавшему свой потрепанный корпус.

— Держитесь, д'Эрлон, держитесь, мой друг, на смерть. Если мы не погибнем здесь, сегодня, то погибнем чуть позднее, от пуль эмигрантов.¹

¹ Эмигранты — роялисты, эмигрировавшие из Франции во время Великой французской революции. После реставрации они вернулись на родину.

Его слова оказались пророческими¹.

Смятение нарастало, каждый кавалерийский генерал считал своим долгом повторить грубую ошибку Нея, один за другим они бросали свои дивизии на все тот же гибельный склон. Сперва пошла в наступление 1-я дивизия генерала л'Эртье, затем 2-я Русселя, их примеру последовали Гюйо и Лефевр — и все это без какого-либо плана, без приказа императора. 10000 кавалеристов наступали по фронту менее пятисот метров, теснота на поле полностью исключала возможность маневрирования. Зато французские кавалеристы представляли собой идеальную мишень для плотного, смертоносного огня оживших английских пушек. Вторую кавалерийскую атаку постигла та же участь, что и первую. Только на этот раз кавалеристы наступали в тесном строю, так что каждый выстрел каждой из ста пятидесяти шести пушек Веллингтона собирал с них богатую кровавую дань. Это было не сражение, а мясорубка.

Второй кавалерийский корпус Блюхера, которым командовал Цитен, генерал с седыми, увязанными в подобие лошадиного хвоста волосами и длинными, закрученными вверх усами, соединился с корпусом фон Бюлова. Фельдмаршал направил свою пехоту против наполеоновской Молодой гвардии и быстро захватил деревню Планшнуа. Император послал в Планшнуа один единственный батальон Старой гвардии. Закаленные в битвах солдаты прошли сквозь наступающую прусскую

¹ Ней был расстрелян в декабре 1815 года. (Примеч. автора).

армию как стопушечный линейный корабль сквозь стайку рыбацких лодчонок. Пруссаки остановились.

Пока они стояли, битва приняла новый поворот. Пехота Нея в конце концов сумела захватить Ла Э-Сент. Английская линия обороны опасно прогнулась. Ней, успевший уже прийти в себя после катастрофической кавалерийской атаки, двинул пехотные колонны вдоль Брюссельской дороги. Ему представилась уникальная возможность фланговым ударом смести всю вражескую линию обороны, несколько дополнительных батальонов могли обеспечить полную победу. Если бы Наполеон прислал в этот момент Нею хотя бы небольшую часть своей гвардии, тот превратил бы локальный прорыв в полный разгром противника. Памятуя завет императора: *«Судьба сражения определяется в один, критический момент одним, удачно найденным решением... когда наступает такой момент, чашу весов может склонить малейший из резервов»*, — Ней послал к нему своего адъютанта, полковника Эме.

— *Votre Majeste*, маршал просит у вас пехоту.

— Пехоту? — вскричал император, все еще не простивший Нею недавний провал кавалерийской атаки. — И где же, по вашему мнению, должен я ее взять? Вы что, думаете, что я делаю пехоту?

Войска, находившиеся под его личным командованием, ожесточенно сражались на двух фронтах, большую часть своих резервов он бросил против одетых в черные мундиры пруссаков, и все же у Наполеона было под рукой пятнадцать элитных батальонов, восемь — Старой Гвардии и шесть — Средней. Будь сейчас при нем маршал Бертье, этот опытный начальник штаба сразу же рассмотрел бы удачную возможность для нанесения удара и постарался бы переубедить своего императора.

Но Сульту было далеко до Бертье. Трудно сказать, что именно определило поведение Наполеона — злость на Нея, усталость или недомогание, во всяком случае он не сделал ничего и упустил свой последний шанс.

Примерно в это же время появился Блюхер с основными силами своей армии.

— *Vorwärts, meine Kinder!*¹

Волны одетых в черное солдат захлестнули Планшнуа и начали угрожать открытому флангу Наполеона у Ла Бель-Альянс. Генерал Цитен приказал полковнику фон Райхе, своему начальнику штаба, переместиться вместе с кавалерийским корпусом в центр английской оборонительной линии.

К этому моменту Наполеон уже осознал свою ошибку и горько каялся, что отказал Нею в пехотной поддержке. Однако он надеялся, что все еще сможет разгромить английский центр, потрепанный ничуть не меньше его собственных войск. Император решил поставить все на одну карту — заслуженную и неумеренно восхваляемую Старую Гвардию.

— Дрюо, я хочу, чтобы Фриан вывел пять батальонов к этой точке.

Он указал на избитую пушечными ядрами ветряную мельницу поселка Мон-Сен-Жан.

Чеканя шаг под звуки оркестра из ста пятидесяти музыкантов, игравшего «*La marche du Carousel*»², 6000 гренадеров подошли к Ла Бель-Альянс, где Фриан представил их императору. Наполеон, морщась от боли, вскарабкался на коня и лично сопровождал своих любимцев в Ла Э-Сент.

¹ Вперед, дети мои!

² Кавалерийский парадный марш.

— Вот вам пехота, *marechal*,— сказал он Нею.— Возьмите этот проклятый холм.

Слишком мало, и слишком поздно. Генерал Фриан выстроил своих *Grenadiers de la Garde* для атаки. Их длинные синие шинели, огромные эполеты и меховые кивера с красными развевающимися плюмажами являли собой весьма живописное зрелище. В заплечном мешке каждого гренадера лежала парадная форма для триумфального вступления в Брюссель.

— En avant en bataille!¹

Пять гвардейских батальонов выступили против всей английской армии. Французский офицер-перебежчик предупредил Веллингтона о задуманной Наполеоном атаке. Веллингтон испытывал катастрофическую нехватку сил. В большинстве своем его батальоны понесли настолько тяжелые потери, что начисто утратили боеспособность. Герцог торопливо сколотил несколько новых батальонов из легкораненых и отбившихся от своих частей солдат, из этих батальонов и своих последних резервов он организовал на Мон-Сен-Жан еще один оборонительный рубеж.

19.30. Французские артиллеристы падали без передышки, грохот выстрелов сотрясал землю. На этот раз они брали низкий прицел. Веллингтон видел, как первые ядра поразили центр, где стояли гвардия под командованием Мейтленда и легкая кавалерийская бригада Адамса. Вскоре английская линия обороны скрылась за густыми клубами порохового дыма своих собственных пушек.

А там, на этой линии, капитан Пауэлл из 1-го пехотного гвардейского полка бессильно наблюдал, как

¹ Вперед, в битву!

нескончаемый железный град сметает его товарищей. Ядра взрывали землю, отрывали людям руки и ноги, прореживали стрелковые роты. Пушки на конной тяге бесцельно перевозились с места на место, по полю испуганно металась потерявшие седоков кони, тела убитых лежали в странных, неестественных позах, как сломанные игрушки. Крики раненых едва пробивались сквозь свист ядер и грохот английских орудий. Некоторые подразделения пытались укрыться в неглубокой выемке наезженной проселочной дороги, по большей части солдаты прятались за кучами земли, выкинутыми ядрами противника, или за телами своих павших товарищей. Непрерывный, оглушительный грохот убаюкивал солдат Пауэлла, манил их обманчивой безопасностью вечного сна. Они судорожно цеплялись за землю и ждали неизбежного конца. Ну как смогут эти оглушенные, ошеломленные люди отразить атаку противника, если они не способны даже встать и перезарядить ружья? Однако у Пауэлла не было выбора, он не мог вывести своих солдат из-под обстрела, в тыл. Приказ пришел от самого герцога: «Стойте насмерть, до последнего человека, но дождитесь подхода пруссаков.» Неожиданно стрельба стихла, пушечный дым рассеялся. Глазам оглушенных, сильно поредевших англичан открылось леденящее сердце зрелище. На них медленно и неукротимо надвигались батальоны Императорской гвардии.

Все командиры гренадеров шагали в первой шеренге. Фриан, Порре де Морван, Арле, Мишель, Малле, Анрион. Впереди всех ехал Ней. Раненый конь сбросил его на землю. Два егеря мгновенно подхватили маршала, теперь он шагал перед наступающим строем с поднятой над головой саблей. *Les Grenadiers de la Garde* наступали подчеркнуто медленно, на их лицах застыло

неуклонное упорство. А впереди, там, куда они направлялись, жерла английских пушек расцветали красными смертельными цветами. По склону холма катились клубы дыма. Артиллерия, которую так и не заклепали кавалеристы Нея, извергала потоки картечи, тысячи металлических шариков, в каждом из которых дремала смерть. В строю гвардии появлялись разрывы, но она ни разу не сбилась с четкого, отмеренного барабаном шага. «Сомкнуть ряды!» — кричали командиры. «Сомкнуть ряды!» Гвардейцы смыкали ряды и шли вперед. Прозвучала команда: «Сдвоить шаг!», и барабаны застучали вдвое быстрее. Английские пушки были уже совсем рядом.

Бельгийский генерал Шассе подтянул к центру полдюжины пушек, позаимствованных у голландского полка генерала ван дер Смиссена, и снял их с передков на краю Ваврского тракта. Уродливые машины убийства замерли в ожидании.

Тридцать третий полк генерала Колина Халкетта отступал. Пытаясь остановить своих солдат, генерал схватил полковой вымпел — и тут же был срезан пулей. Укрытый плотным пушечным дымом выжидал своего момента полковник сэр Джон Колборн, высокий аристократ, получивший боевую закалку на крикетных площадках Итона; солдаты прозвали его «Огнеглотатель». Колборн вывел свой 52-й легкий пехотный полк на позицию, параллельную продвижению французских колонн¹.

Первый и второй батальоны Третьего егерского полка французов стали уже выходить на плато, когда сбоку

¹ В пятьдесят втором полку было четыре шеренги по 250 человек, т.е. они выпустили 1000 ружейных пуль с расстояния в 50 ярдов. Кроме того, им оказал поддержку девяносто пятый полк. (Примеч. автора).

от них неожиданно поднялась стена красных мундиров. Прогремели ружья, три сотни егерей вскинули руки и умерли.

Капитал Пауэлл из первого гвардейского пехотного полка находился почти прямо на пути наступающей французской колонны и отлично видел происходящее.

«Они поднимались по склону *en pas de charge*¹, с криками “Vive l'Empereur”. Они продолжали наступать, пока не оказались в пятидесяти шагах от нашего фронта, и тут Бригада получила приказ остановиться. Не могу сказать точно, что было причиной этого — неожиданное появление рядом с ними пеших солдат, которые словно выросли из земли, или наш невероятно плотный огонь, но только *La Garde*, никогда прежде не прерывавшая атакующего броска, неожиданно остановилась»².

Солдаты Колборна поднялись во весь рост, окутались густым дымом и на мгновение исчезли из вида. Когда дым рассеялся, оказалось, что их и французов разделяют уже только пятьдесят шагов. Лейтенант Гоулер командовал головной ротой. Он увидел, как остановилась *La Garde*, и тут же услышал серию четких, как на учениях команд:

— *Demi Bataillon de la gauche... joue!... feu!*³

Гвардейцы развернулись как один человек и выстрелили. Их пули срезали первую шеренгу роты Гоулера. Один из старых солдат бормотал, скусывая кончик бумажного патрона:

¹ «Атакующим шагом», то есть в атакующем темпе.

² Из описания событий, данного капитаном Пауэллом генерал-майору Сиборну. (Примеч. автора).

³ Полубатальон нале-во! Пли!

— Шевелись, ребята, теперь все дело в том, кто убьет больше, мы или они...

Полковник Колборн понимал, что еще один, столь же сокрушительный залп, и от первого полка ничего не останется. С криком: «Вперед, ребята! Бей их!» он надел свою шляпу на саблю и бросился во главе солдат к ближайшему вражескому батальону, откуда доносился торопливый стук шомполов — гренадеры кончали перезаряжать ружья. Загремели выстрелы, строй французских гвардейцев окутался дымом, атакующую цепь англичан словно срезало ножом.

Лейтенант Гоулер споткнулся, его мундир окрасился кровью солдата, только что бежавшего рядом, а теперь лежавшего на земле с разнесенным черепом. На кратчайший из моментов лейтенант задумался об этом парне, принявшем на себя пулю, предназначавшуюся, возможно, ему, Гоулеру... в раю должно быть место, специально отведенное для таких людей... и тут по англичанам хлестнул еще один ружейный залп.

Пятьдесят второй полк был спасен от полного уничтожения новым обстоятельством. Фланговая атака заставила французский батальон развернуть строй налево, навстречу неожиданной угрозе, в результате он расположился под острым углом к голландским пушкам генерала Шассе. С вершины холма донесся оглушительный грохот. С расстояния в двести шагов шестипушечный залп картечью буквально смел плотные ряды гренадеров. Однако они не нарушили своего девиза: «Гвардия никогда не отступает!»

— Пятьдесят второй, за мной! — закричал Колборн, поднимая упавший полковой вымпел. Лейтенант Гоулер все еще оставался невредим, хотя мушкетная пуля сбила с него шляпу. Последние шаги, отделявшие его от

противника, он прошел, как лунатик, движимый внутренним призывом, «За короля и отечество!» Все происходило как-то медленно, словно во сне. Дым застилал глаза, солдаты падали, их место занимали другие... Слева опять загремели выстрелы... наши? французские?.. хрипы, стоны, жуткий предсмертный вопль. Кто-то ткнул ему в лицо штыком. Гоулер отбил удар саблей, штык скользнул в сторону и вонзился ему в тело. лейтенант упал на четвереньки, по его груди текло что-то теплое, но боли почему-то не было. Он встал и снова пошел на врага... «За короля и отечество!» Чуть впереди высокий, бородатый французский гвардеец в располованной картечью шинели получил пулю в живот, согнулся пополам и рухнул наземь...

— Вперед, Пятьдесят второй! — кричал полковник Колборн.

— Мы из Семьдесят первого, сэр!

— В атаку, Семьдесят первый, они не устоят!

Английские гвардейцы лавиной неслись вперед.

— Бей их, не давай им пощады!

Французы пребывали в полном замешательстве. Все их командиры погибли, строй сломался... Ней, скакавший на новом коне, заметил смятение своих солдат и сделал последнюю попытку их воодушевить. Он привстал в стременах и воскликнул:

— *Mes amis, avec moi!* — или смотрите, как с честью гибнет французский маршал!

Ней не погиб. За этот день под ним было убито пять коней.

Подход Второго прусского кавалерийского корпуса под командованием Цитена окончательно решил исход

¹ За мной, друзья.

схватки. Ней не мог больше противиться неизбежному. Случилось нечто, до этого дня невероятное — *La Garde Imperiale* отступила! По французской армии волной прокатился крик:

— Нас предали! *Sauve qui peut!*¹

Наполеон молча наблюдал за кошмарным исходом сражения. Его горделивая армия рассыпалась на глазах, стройные полки превратились в кучки едва ковыляющих людей в грязной, изодранной одежде с почерневшими от пороха лицами, кое-кто из раненых использовал в качестве костылей штандарты «орлов империи». А там, на далеком гребне, вражеские солдаты вскинули к небу мушкеты, чтобы салютовать человеку, стоявшему под скрюченным вязом...

Впервые с начала сражения Веллингтон пришпорил коня и подскакал к краю плато. Здесь, на виду у всех своих войск, он снял шляпу и медленно махнул ею вперед, в сторону французов. *Сигнал!* Солдаты поднялись как один. 40000 человек многонациональной армии, удостоившейся у Наполеона презрительной клички «разноязыкий сброд» с гусарами Вивьяна и драгунами Ванделора во главе, покатались вниз по изрытому ядрами, обильно политому кровью склону.

Наполеон приказал своим последним шести батальонам занять оборону, но его судьба была уже решена. Первый гренадерский полк императорской гвардии, элита элит, построился вокруг своего императора в три каре. Веллингтон приказал подвезти пушки, которые — в данный момент это казалось совершенно невероятным, — пробыли в руках французов чуть ли не целый

¹ Спасайся, кто может!

час. Канониры расположили орудия в шестидесяти ярдах от французских каре.

Момент тусклой тишины... Боже милосердный... *Mon Dieu... Lieber Gott...* Англичане и ганноверцы, бельгийцы и голландцы, дополненные пруссаками Блюхера, окружили то, что осталось от Наполеоновой империи. Но *Le Bataillon Sacre*¹ императорской Старой Гвардии не сдастся. Эти солдаты до конца сохранили верность присяге, которую они дали своему императору.

La Garde meurt mais ne se rend pas — гвардия умирает, но не сдаётся. Генерал Камброн, командир императорской гвардии, гордо восседавший на коне посреди каре Первого егерского полка Императорской гвардии, получил от Веллингтона предложение сложить оружие. «*Merde!*» — ответил Камброн с подобающей герою грубостью. Его солдаты смотрели в разверстые жерла английских пушек с презрительным вызовом. Веллингтон приподнял шляпу, они хорошо понимали, что это значит. Окутавшиеся дымом пушки смели каре...

Битва при Ватерлоо закончилась, в наступившей темноте английский оркестр играл «Боже, храни короля», пруссаки пели свое «*Lieber Gott, wir loben Dich*»². Старый прусский фельдмаршал обнял Железного Герцога.

¹ Священный батальон.

² Хвала тебе, любимый Боже.

— *Mein lieber Kamerad*¹, — тихо сказал он, — *Quelle affaire*^{2 3}

На полях Ватерлоо остались 7000 пруссаков 15000 англичан и 25000 французов. Лучше всего трагичность случившегося выражена в донесении, которое Веллингтон послал в Лондон после осмотра поля вчерашней битвы:

Ничто — кроме проигранного сражения — не может быть печальнее, чем сражение выигранное.

¹ Мой дорогой друг (нем.)

² Какие [печальные] события (фр.)

³ После битвы фельдмаршал Блюхер написал два письма. Первое он послал своей жене:

Genappes, 19 Junius 1815. Schlachtfeld by Belle Alliance.

Was ich versprochen habe ich gehalten, den 16. Junius wurde ich gezwungen der Gewalt zu weichen; de 18. habe ich in Verbindung meines Freundes Wellington Napoleonden Garaus gemacht. Wo er hingekommen weiss kein Mensch. (Я выполнил то, что обещал. 16-го июня я был вынужден уступить силе. 18-го я, вместе с моим другом Веллингтоном, разгромил Наполеона. Куда он потом подевался, не знает никто.)

Второе можно считать политическим завещанием Блюхера, он направил его своему королю.

Wavre, 24 Junius 1815.

«Ich bitte alleruntanigst Ew. Majestat, die Diplomaten dahin anzuweisen, dass sie nicht wieder das verlieren, was der Soldat mit seinem Blut errunden hat.» (Я нижайше молю Ваше Величество проинструктировать дипломатов таким образом, чтобы они больше не теряли того, что солдат завоевал своей кровью.) (Примеч. автора).

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — Блюхер погиб под Линьи при падении с коня, и Гнейзенау осуществил свое намерение переместить прусскую армию к Льежу?

Без пруссаков Веллингтон был бы раздавлен.

Ну, а если бы — Груши действовал бы в соответствии с донесениями разведчиков, а не гонялся за двумя почти не существовавшими дивизиями — или прислушался к словам Жерара и выступил на звуки канонады?

Это помешало бы пруссакам прийти на помощь Веллингтону¹.

Ну, а если бы — Кавалеристы Делора нашли у себя пригоршню гвоздей и заклепали бы английские пушки?

Англичане лишились бы артиллерии. В такой ситуации Веллингтона не спасла бы никакая прусская помощь.

Ну, а если бы — Наполеон победил при Ватерлоо?

Он потерпел бы поражение чуть позже.

¹ Наполеон пишет в своих мемуарах: «Маршал Груши, имевший 34000 человек и 108 орудий, открыл секрет почти невозможного — как не присутствовать ни на поле битвы при Мон-Сен-Жан, ни в Вавре.

А теперь о фактах

Не приходится сомневаться, что при Ватерлоо развернулась самая решающая битва за всю историю наполеоновских войн — и все же она почти ничего не решила, все было решено заранее.

В 1805 году победа в Трафальгарском сражении обеспечила Британии статус господствующей морской державы, вскоре она стала и мировым банкиром. Следующее столетие прошло под знаком *Pax Britannica*.

В 1806 году, с отречением императора Австрии Франца II от престола, закончилась восьмисотлетняя история Священной Римской Империи, на ее месте появилась шаткая Германская конфедерация сорока независимых государств, главное положение среди которых занимала сильная — и быстро наращивавшая свою военную мощь — Пруссия.

В битвах при Иене и Ауэрштадте Наполеон уничтожил последние остатки европейского феодализма. На его развалинах расцвел европейский национализм, который уже через семь лет, в Битве Народов под Лейпцигом (1813 г.), уничтожил самого Наполеона и благополучно просуществовал до наших дней.

Ватерлоо стало знаком окончательного поражения Наполеона — но и не более того.

А вот как парировал эти обвинения Груши: «На войне один лишь главнокомандующий может руководствоваться своим вдохновением, подчиненные обязаны ограничиться строгим выполнением приказов». (Примеч. автора).

Французская революция разрушила Старый мир, Наполеон же построил Новый. Наш, современный мир ведет свое начало от Наполеона, нравится нам это или нет. Когда блестящие свершения живут так долго и приносят такие обильные плоды, они сами становятся своим оправданием.

Решающий фактор битвы при Ватерлоо ироничен почти до предела. Пригоршня гвоздей и пара молотков могли полностью изменить ее исход.

25 октября 1854 г., Балаклава

Четвертый приказ

*«Theirs not to reason why,
Theirs but to do and die,
Into the Valley of Death rode the six
hundred».*

Альфред Теннисон

Погода 25 октября выдалась великолепная, как по заказу. С вершины горы была видна вся Южная долина, залитая солнцем. Там близко сошлись две кавалерийские группы. Одна из них, русская, была огромной и серой. Английская тяжелая бригада генерала Скарлетта была красной и крошечной. Назревало столкновение. Неожиданным образом инициативу взяли на себя малочисленные красные, они поскакали вверх по склону — и пошли в атаку!

В каких-то пятистах метрах от обнаженного фланга русской кавалерии прозябала в бездействии другая кавалерийская группа — легкая бригада. Несколькими днями раньше лорд Лукан издал следующий приказ:

«Главная обязанность легкой бригады состоит в том, чтобы обеспечивать безопасность армии ото всех неожиданностей. Она не должна, без крайней необходимости, не получив на то приказа, завязывать стычки с противником, никакая ее часть не должна ни под каким видом атаковать или преследовать противника, не получив специальных указаний на этот счет.»

Именно по этой причине лорд Кардиган, комендант легкой бригады, сохранял позицию постороннего наблюдателя. Ему и в голову не приходило действовать по собственной инициативе. Его шесть сотен грелись на солнце и смотрели, как седоусый генерал Скарлетт, с саблей наголо, вел три сотни своих тяжелых драгун¹ в самоубийственную атаку на плотную массу из 5000 русских кавалеристов.

Было одиннадцать часов утра.

В ретроспективе можно, по справедливости, сказать, что безбрежная глупость командиров крымской кампании 1854 года находилась в прямой пропорции с их рангом. Чтобы командовать элитными частями английской кавалерии, нужно было иметь только две вещи — титул и деньги. Лорд Лукан, командовавший всей кавалерией, не отличался ни особым умом, ни боевым опытом. Поставить под начало Лукана лорда Кардигана, приходившегося ему шурином, было верхом безрассудства. Взаимная неприязнь этих людей могла сравниться только с их высокомерным отношением к своим подчиненным и их общей одержимостью славой, орденами и прочей воинской мишурой.

¹ На самом деле тяжелая бригада Скарлетта (два полка) имела 1550 сабель, а легкая бригада Кардигана — 700 сабель.

Положительные качества лорда Раглана¹, главнокомандующего, ограничивались тем, что он не принимал ни малейшего участия в руководстве кампанией, почитая за лучшее не вмешиваться в действия своих подчиненных. Словно забывая, что идет война с Россией, он постоянно называл французов, своих союзников, *противником*. Вот эти-то три ключевых игрока и привели легкую бригаду к полному уничтожению. Викторианские поэты сочли для себя необходимым громко восславить героизм кавалеристов и по возможности затушевать бездарность военного руководства. Должны быть минуты сто лет, чтобы «Британская энциклопедия» прямо констатировала: *«Крымскую войну следует считать наиболее бездарно проведенной военной кампанией во всей истории Великобритании»*.

Ключом к Балаклаве был контроль над Семякиными высотами и стратегической Воронцовской дорогой, которая вела прямо к лагерю союзников. Для укрепления обороны этой гряды холмов от неожиданных русских атак на них было построено шесть редутов с двенадцатифунтовыми пушками. Редуты располагались вдоль гребня Семякиных высот, разделявшего две низменности — Южную долину и Северную долину.

¹ Лорд Раглан в чине субалтерна сражался под командованием Веллингтона при Ватерлоо. Он так и остался в эпохе штыковых атак *a la Napoleon*. Наука и техника, расцветшие в это время в Европе, не нашли себе места в его мозгу. Он не читал ничего, кроме «Графа Монте-Кристо». (К. Хибберт) (Примеч. автора).

Балаклавский бой 13 октября 1854 г.

Ранним утром 25 октября к редутам подошли 11000 русских пехотинцев¹ с тридцатью восемью пушками. Лорд Лукан, командовавший кавалерией, спешно известил об этом лорда Раглана. Главнокомандующий прочитал депешу и ответил на нее в обычном своем духе,

¹ Всего войска генерала Липранди, которые должны были взять Балаклаву, насчитывали 16000 штыков и сабель. Однако эти силы были разбросаны по широкому фронту, а часть их в течение всего боя находилась в резерве.

«Ну и прекрасно. Если у лорда Лукана будет что-нибудь новенькое, пусть докладывает, так ему, пожалуйста, и передайте.»

У лорда Раглана была предвзятая идея, что эта атака — всего лишь обманный маневр, что основные силы русской пехоты остались в Севастополе, что в действительности князь Меншиков¹ решил атаковать союзные силы, осаждавшие город. А раз так — назревавшая битва не имела особого значения, в нее можно было и не вмешиваться. Со своей площадки на *Feldhermnhugel*², окруженный адъютантами и супругами некоторых рядовых офицеров британской армии, которые последовали за своими мужьями в Крым на личных яхтах, а также репортера газеты «Таймс» Уильяма Говарда Рассела³, лорд Раглан взирал на обе вышеупомянутые долины, исполосованные длинными утренними тенями. И вот, что видел там главнокомандующий: вражеские полки, похожие издали на колонны муравьев, медленно подползали к его шести редутам.

¹ Князь Меншиков — главнокомандующий русских войск. Севастополь стал кульминацией его абсолютно провальной дипломатической и военной карьеры. (*Примеч. автора*).

² Господствующая высота (*нем.*).

³ Репортажи, отсылавшиеся Уильямом Говардом Расселом в лондонскую «Таймс», являются наилучшим источником по событиям, происходившим в Балаклаве. Даже сейчас они расцениваются как непревзойденные шедевры военного репортажа. Что напоминает людям моей профессии (прежде я был военным корреспондентом), зачастую воспринимаемым как «профессиональные зеваки», что мы — не пустое место и что воздействие событий, описанных нами сегодня, не прекращается с выходом завтрашнего номера газеты. (*Примеч. автора*).

Эти редуты находились на попечении тысячи турок, также входивших в состав Союзной армии. Увидев перед собой огромную массу русской пехоты — и не получив никакой помощи от британской кавалерии — они бежали с криками: «Корабль! Корабль!» Русские убили нескольких зазевавшихся турок и захватили четыре редута. Лорд Раглан с крайним неудовольствием наблюдал, как противник прибрал к рукам семь английских двенадцатифунтовых пушек, — факт, сыгравший существенную роль в дальнейших, очень печальных событиях.

Джордж Паджет, другой лорд, командовавший легкой бригадой в отсутствие лорда Кардигана, занял тактическую позицию на западном краю Семякиной гряды. Он ожидал, что бригаду введут в действие, как только русские двинутся на Балаклаву. Ситуация была угрожающая — настолько угрожающая, что лорд Кардиган, находившийся тем утром в Балаклавской бухте, на борту своей яхты, оставил недоеденный завтрак и спешно вернулся на передовую.

После захвата четырех редутов не оставалось уже никаких сомнений, что целью противника является союзный лагерь в Балаклаве. Лорд Раглан вздохнул и отдал *первый* из четырех приказов: «Кавалерии занять позиции слева от второй линии редутов, удерживаемых турками».

Приказ привел лорда Лукана в крайнее недоумение. Не существовало никакой «второй линии редутов», разве что применить это название к двум артиллерийским позициям, все еще находившимся в руках турок. Отвод кавалерии с занимаемых ею позиций откроет вход в Балаклавское ущелье, а заодно лишит всякой защиты шотландцев из 33-го Аргайлско-Сатерлендского полка,

единственную силу, преграждавшую 11000 русских путь к союзническому лагерю. Взбешенный Лукан приказал посыльному Раглана задержаться и посмотреть, как выполняется приказ, он ничуть не сомневался, что последствия будут самыми печальными, и не хотел нести за них вину. После отвода кавалерии, на пути русской армии остались 550 шотландцев, сотня раненых, которых стащили с лазаретных коек, вооружили и осторожно прислонили к камням, плюс некоторое количество турков, бежавших с редутов и не вызывавших никакого доверия. Огромная масса русских войск неумолимо приближалась.

— Горцы, — сказал их полковник, сэр Колин Кемпбелл, — вы не можете отступить, вы должны умереть там, где стоите.

На крошечный отряд Кемпбелла неслись четыре кавалерийских эскадрона. Эта атака оказалась слишком большим потрясением для перепуганных предыдущей стычкой турок, они побросали ружья и разбежались. Русские кавалеристы, выехавшие на последний перед ущельем гребень, считали уже ворота Балаклавы распахнутыми настежь, как вдруг на их пути возникла двойная цепочка одетых в красные мундиры горцев, вошедшая в историю как *«тонкая красная линия, окованная сталью»*¹. Шотландцы были полны решимости дорого продать свою жизнь. Озадаченные русские остановились — и в тот же самый момент по ним хлестнул сокрушительный ружейный залп, затем второй. Лошади и всадники валились пачками, оставшиеся в живых русские были в полном замешательстве.

¹ У.Г. Рассел. «Британский десант в Крым». (Примеч. автора).

Возбужденные успехом шотландцы бросились было в штыковую атаку, однако полковник остановил их, крикнув.

— Отставить, Девяносто третий! Ну чего вы там разошлись?

Третий прицельный залп обратил русских кавалеристов в беспорядочное бегство, вслед им неслись торжествующие крики шотландцев¹. «Тонкая красная линия» устояла и заслужила себе бессмертие. И все же по сравнению с дальнейшими событиями это была не более чем разминка. Балаклаве угрожала огромная масса русской кавалерии. Так как командиры обеих армий были в равной степени бездарны, ни одна из них не выслала вперед конных разведчиков, и последовавшее столкновение главных сил напоминало не столько военную операцию, сколько дорожно-транспортное происшествие.

Лорд Раглан расположился в таком гордом удалении от поля боя, что у верховых посыльных уходило на доставку его приказов не менее получаса. Кроме того, взгляда на долины сверху, вроде как с театрального балкона, искажал представление о местности, холмистая и болотистая в действительности, она казалась ему плоской и сухой. Как бы там ни было, он издал свой *второй* приказ: «*Восьми эскадронам тяжелых драгун отойти в направлении Балаклавы для оказания поддержки дрогнувшим туркам*».

К тому моменту как эта записка достигла командира тяжелых драгун, «дрогнувшие турки», которых он

¹ В 1858 году сэр Колин Кэмпбелл, к тому времени уже лорд Клайд, вел те же самые войска на освобождение Лакхнау от сипаев под лозунгом «Вспомним Балаклаву». (Примеч. автора).

должен был поддерживать, бежали с поля боя в гавань и теперь пытались забраться на какой-нибудь корабль. Генерал Скарлетт, багроволицый вояка с обширными седыми усами, чье дружелюбное отношение к подчиненным находилось в разительном контрасте с высокомерием всех этих герцогов, подчинился приказу главнокомандующего. Однако такой маневр поставил его войска прямо на пути главных сил русской кавалерии. Скарлетт был вынужден дать им бой, ставший одним из самых блестящих примеров действий кавалерии против кавалерии, наряду с сокрушительной контратакой лорда Аксбриджа против кирасиров Нея под Ватерлоо.

Русские имели численное превосходство, по крайней мере десять к одному¹. 4000 русских против трехсот англичан. Скарлетт обнажил саблю, приказал своим кавалеристам построиться цепью и повел их в атаку — вверх по склону! Наглость этого необычного маневра настолько поразила командира русских, что он подал сигнал остановиться, поставив своих кавалеристов в максимально неблагоприятное положение — неподвижные, они приняли на себя удар бешено скачущего противника. По самому своему принципу кавалерия, как и любая мобильная сила, эффективна лишь тогда, когда находится в движении. Серые шотландцы и эннискилленцы², возглавляемые отчаянным генералом Скарлеттом, врезались в строй русской кавалерии и сразу в нем утонули. Глазам тех, кто наблюдал за происходящим сверху,

¹ В действительности — не более трех к одному (непонятно, откуда автор взял, что тяжелая бригада в два раза меньше легкой?)

² По чистой случайности, здесь они опять сражались бок о бок — так же как при Ватерлоо. (Примеч. автора).

открылась невероятная сцена. Ярро-красные англичане, затерянные в огромной серой массе, бешено рубили, кололи, стреляли из пистолетов, никто из них не дрогнул и не отступил. Затем в схватку вступил и второй эшелон Скарлетта, 5-й тяжелый драгунский полк. Русская кавалерия заколебалась, это был самый подходящий момент для нанесения решающего удара, однако у тяжелой бригады не оставалось больше никаких резервов, все драгуны уже вступили в бой. Тем временем шестьсот кавалеристов легкой бригады пассивно наблюдали за разыгрывающейся драмой с расстояния в пятьсот ярдов, одна минута хорошего галопа, и они нанесли бы этот решающий удар. Но нет, они сидели в седлах, изнемогали от бессильной ярости и не вмешивались в бой, их командир, лорд Кардиган, наотрез отказывался предпринимать какие-либо активные действия без указаний свыше.

Позднее он оправдывал такое бездействие приказом своего непосредственного начальника: «Генерал-лейтенант герцог Луканский приказал мне ни под каким видом не покидать занимаемых позиций, а лишь оборонять их от русских атак. Русские нас не атаковали».

Отсюда видно, что этот человек был не просто бездарен, а в опасной степени — глуп. В его бригаду входили уланы 17-го полка под командованием талантливого отважного капитана Морриса, выпускника Королевского военного колледжа¹. Своей невысокой, плотной фигурой он заслужил у подчиненных почетное прозви-

¹ Моррис записал в своем дневнике: «Чем больше я смотрю на лорда Лукана и лорда Кардигана, тем большее презрение вызывают они у меня. Какое невежество — и какая надменность!» (Примеч. автора).

ще «Карманный Геркулес». Моррис пользовался среди солдат огромной популярностью, так же как и его ближайший друг, капитан Эдвард Ноулан. Оба они успели уже сходить в четыре кавалерийские атаки, оба всей душой презирали своих надменных командиров. Для кавалерийского офицера важнее всего умение мгновенно оценивать быстро меняющуюся обстановку и выбирать наилучший момент для нанесения удара. От средних веков до Наполеона каждый крупный полководец обладал таким талантом, но у Лукана и Кардигана он отсутствовал вчистую. Когда русские побежали, капитан Моррис подъехал к Кардигану:

— Милорд, разве наша бригада не намерена атаковать бегущего противника?

— Нет. Я имею приказ не покидать этих позиций.

— Но, сэр, мы просто обязаны использовать такую прекрасную возможность.

— Нет, сэр, — повторил третий герцог Кардигана, — я не нарушу полученного мной приказа.

— В таком случае, милорд, позвольте мне взять моих уланов и атаковать противника. Вы же видите, что русские в полном смятении.

— Нет, сэр, вы этого не сделаете! — высокомерно ответил герцог: настырный подчиненный вызывал у него крайнее раздражение.

Разъяренный Моррис повернулся к штабным офицерам, присутствовавшим при этой сцене:

— Джентльмены, вы были свидетелями моей просьбы, — бросил он сквозь судорожно сжатые зубы.

Случившийся неподалеку рядовой 17-го полка выразил вслух то, о чем думали все его товарищи:

— Боже милостивый, какой случай проходит мимо! Мы за это еще поплатимся.

Сильно потрепанные русские бежали. В конце Северной долины они остановились и начали снимать с передков свои мобильные пушки. По завершении победоносной операции лорд Лукан прислал лорду Кардигану письменный выговор за то, что тот не пришел на помощь тяжелой бригаде, впоследствии справедливость этого выговора долго и горячо обсуждалась на страницах «Таймс». Поразительный успех Скарлетта изменил всю перспективу сражения. Лорд Раглан решил, что удачно сложившаяся обстановка представляет прекрасную возможность отбить назад редуты, а вместе с ними и столь ценившиеся им пушки. Он послал лорду Лукану *третий* приказ: *«Кавалерии выступить вперед и использовать любую представляющуюся возможность для возвращения высот. Ее поддержит пехота, которая получила приказ наступать на двух фронтах.»*

С прочтением этого приказа возникла проблема. Текст, записанный адъютантом и попавший в руки лорда Лукана, выглядел несколько иначе. После слова «приказ» стояла точка, слово же «наступать» было написано с заглавной буквы. По сути дела, Лукан получил приказ «Наступать на двух фронтах», то есть и тяжелой, и легкой бригадами. Кроме того, Лукан сделал из приказа вывод, что наступление должно вестись при поддержке пехоты, «которая получила приказ». Он прождал полчаса, но пехоты как не было, так и не было. Наступать без обещанной поддержки? Это очень походило бы на безрассудную поспешность. Тяжелая бригада, воодушевленная недавней победой, рвалась в бой, однако Лукан ее сдерживал. В это время к разворачивавшейся драме добавился новый элемент. Один из адъютантов Раглана заметил на утраченных редутах какое-то движение.

— Господи, — воскликнул лорд Раглан, — они хотят утащить мои пушки!

Утрата пушек стала бы весомым доказательством одержанной русскими победы. (В действительности, они просто перемещали захваченные орудия на позиции, наиболее удобные для отражения предполагаемой атаки англичан.) Встревоженный Раглан продиктовал своему адъютанту генералу Эри новый приказ, генерал तो-ропливо записывал его слова карандашом¹.

Это и был роковой *четвертый* приказ: *«Лорд Раглан желает, чтобы кавалерия быстро выступила к фронтовой линии — чтобы преследовать противника и попытаться помешать ему увезти пушки. В наступлении может принять участие приданная мобильная артиллерия. Французская кавалерия находится слева от вас. К немедленному исполнению. (подписано) Р. Эри».*

Эри передал приказ своему адъютанту капитану Лесли, исполнявшему обязанности вестового. И тут в ход событий вмешалась судьба, а попросту говоря — капитан Эдвард Ноулан. Тот самый капитан Ноулан, который на пару со своим другом «Карманным Геркулесом» Моррисом имел крайне низкое мнение об «этих высокомерных аристократах». Ноулан схватил записку и, прежде чем кто-либо успел его остановить, поскакал по тропе, ведущей в Северную долину. Лорд Раглан едва успел крикнуть ему вслед:

— Капитан, передайте лорду Лукану, что кавалерия должна атаковать *незамедлительно!*

¹ Эта записка сохранилась и по наши дни. (Примеч. автора).

Кто-либо другой мог задуматься и изменить ход дальнейших событий. Кто-либо другой — но не капитан Ноулан, обуянный жаждой славы и до предела возмущенный позорным бездействием легкой бригады, не поддержавшей героическую атаку тяжелой бригады. Ноулан соединял в себе крайнее упрямство и безрассудную отвагу. Он поскакал к кавалерийским бригадам, располагавшимся теперь бок о бок. Герцог, вызывавший у него такую ненависть и презрение — «этот напыщенный павлин, неспособный принять самостоятельное решение», — сидел, прямой как палка, на коне, в своем роскошном парадном мундире.

— Приказ лорда Раглана, сэр.

Ноулан передал лорду Лукану кое-как накарябанную карандашом записку. Тот прочитал приказ — и ничего не понял. В отличие от Раглана, наблюдавшего за событиями с высоты «птичьего полета», Лукан находился в глубине долины и не видел ни редутов, ни копившихся рядом с ними русских солдат. И уж, конечно, он не видел пушек, упомянутых в приказе командующего. «Помешать увести пушки» — какие пушки, кто их уводит и куда? Лорд Лукан перечитывал приказ, задумчиво крутя свой роскошный ус, Ноулан же тем временем буквально кипел от ярости и нетерпения. В конце концов, капитан взорвался, его лицо перекосилось, в голосе звенела нескрываемая ненависть:

— Милорд, последними своими словами лорд Раглан приказал кавалерии *атаковать незамедлительно*.

— Атаковать, сэр? — насмешливо переспросил лорд Лукан. — Кого атаковать, сэр, какие пушки?

Судьбу не выбирают, она приходит сама и определяет твою жизнь и смерть: Судьба — это событие, полностью зависящее от воли других людей. Например, глу-

пый приказ или люди, достаточно глупые, чтобы принять этот приказ к исполнению. Или, как в данном случае, высокомерие одного человека, побудившее другого на презрительный, роковой ответ. Тут присутствовали все необходимые составляющие военной катастрофы: надменный герцог, невразумительный приказ и вспыльчивый капитан. Эдвард Ноулан, великолепный кавалерийский офицер, совсем недавно с бессильным отчаянием смотревший, как пропадает — из-за бездействия командира, такого же вот надутого герцога, — великолепная возможность, позволил своему гневу превозмочь рассудок. Многократно награжденный офицер элитного кавалерийского полка поднял руку и указал прямо вперед — не туда, где находились потерянные утром редуты и нежно любимые лордом Рагланом английские пушки, а в конец долины, прямо в пасть артиллерии князя Меншикова.

— *Вот ваш противник. Вот ваши пушки.*

Одной-единственной фразой чрезмерно возбужденный офицер определил роковую судьбу легкой бригады.

Считая разговор с Луканом законченным, Ноулан развернул коня и поскакал к своему другу, капитану Моррису из 17-го уланского. Между ними завязался оживленный разговор, о содержании которого мы ничего не знаем — капитан Моррис хранил на этот счет молчание. Однако до последних дней своей жизни он повсеместно выражал полную уверенность, что Эдвард Ноулан передал лорду Лукану указание лорда Раглана абсолютно точно.

Выполнить приказ, равносильный смертному приговору для английской кавалерии, или нарушить его на свой страх и риск? Лорду Лукану не хватило самостоятельности, он предпочел строго следовать уставу, где

имелось ясное и недвусмысленное указание: «...приказы, присланные через адъютанта, должны выполняться с той же неукоснительностью, как если бы они были получены лично от офицера, их отдавшего...»

Лукан поправил мундир, пожал плечами и легкой рысью подъехал к лорду Кардигану, чей конь нетерпеливо пританцовывал перед строем легкой бригады. Впервые, с самого начала Крымской кампании, третий герцог Лукана прямо обратился к человеку, глубоко им презираемому, к седьмому герцогу Кардигану.

— Лорд Кардиган, легкая бригада должна выступить вверх по Северной долине. Тяжелая бригада последует ее примеру.

И Лукан, и Кардиган должны были понимать, что этот приказ посылает английскую кавалерию на верную смерть. Не пылай между двумя герцогами такая всепоглощающая, взаимная ненависть, обсуди они приказ, вместо того чтобы играть сейчас в гляделки, легкая бригада могла бы уцелеть. В конце концов, Кардиган нарушил затянувшееся молчание,

— Сэр, позвольте мне напомнить вам, что у русских есть в долине батарея прямо по фронту¹, а также батареи и стрелки по обоим флангам.

— Я знаю, — бесстрастно пожал плечами Лукан, — но это приказ лорда Раглана.

Лорд Джордж Паджет, заместитель Кардигана, не верил своим ушам. Это же чистое безумие — посылать кавалерию без поддержки пехоты в место, с трех сто-

¹ В реальности этой батареи просто *не существовало*, поэтому приводимое ниже описание боя на ее позициях является чистейшим вымыслом. легкая бригада атаковала пустоту.

рон простреливаемое многочисленной артиллерией противника. Он только что раскурил дорогую сигару, так может — потушить ее? «Кой черт, — сказал себе Паджет, — хоть покурю напоследок с удовольствием. Вот так и погибнет последний из моего клана».

К нему подъехал лорд Кардиган.

— Лорд Джордж, нам приказано атаковать по фронту. Вы поведете вторую линию, я очень надеюсь получить от вас наилучшую поддержку.

— Вы получите ее, милорд.

Паджет сжал зубами сигару и отправился строить свою линию легких драгун 4-го и гусар 8-го полков.

Тем временем Кардиган строил первую атакующую линию — гусар 11-го, легких драгун 13-го и уланов 17-го. В последний момент гусаров 11-го оттянули назад и образовали из них третью линию. Когда построение было закончено, лорд Кардиган выехал перед, обнажил саблю и громко, спокойно скомандовал:

— Бригада выступает — шагом — маршем — рысью.

В идеальном, как на параде, строю Легкая бригада начала свой бросок в Долину Смерти.

Над долиной повисла тяжелая, предгрозовая тишина. Ни выстрелов, ни криков «ура!», только молчание. Британским солдатам, наблюдавшим безупречно точное продвижение трех цепочек конницы, это зрелище казалось невероятным. Так же как и русским офицерам — вполне возможно, они поражались, о чем должен думать командир, вот так вот ведущий свой отряд на верную смерть¹.

¹ Причиной катастрофы стало отсутствие взаимопонимания между пятью ключевыми фигурами — Регланом, Эри, Луканом, Кардиганом и чрезмерно порывистым Ноуланом. (Примеч. автора).

Вдоль Федюхиных высот, по левому флангу легкой бригады, русские разместили восемь батальонов пехоты, четыре кавалерийских эскадрона и четырнадцать пушек.¹ По правому флангу бригады располагались редуты с одиннадцатью русскими батальонами и тридцатью пушками² плюс дополнительная батарея полевой артиллерии. В конце долины темнела плотная масса русской кавалерии с двенадцатью тяжелыми орудиями. И вот такую, более чем внушительную, силу атаковали 673 легковооруженных всадника. Во главе их скакал лорд Кардиган; без сомнения, это был величайший день из пятидесяти семи лет, отпущенных ему Богом. Может быть, герцог и не мог похвастаться большим умом, зато он с лихвой искупал этот недостаток отвагой. Выглядел он просто великолепно — чопорно-прямая фигура в красно-синем мундире с отделанным мехом воротником и сдвинутой на бок шляпе с длинным страусиным пером.

Первый выстрел русской пушки разбил тишину вдребезги. Затем ядра и бомбы стали падать все чаще и чаще, убивая коней, разрывая всадников в клочья. Капитан Моррис чувствовал себя голым и беззащитным, «словно

¹ Это был отряд генерала Жабокритского (5000 штыков и сабель), выдвинувшийся с севера от Инкермана для поддержки войск Липранди и занявший позиции на Федюхиных высотах. Автор излишне критично относится к своим персонажам — о выдвигении этих сил английское командование знать не могло, так как от места расположения ставки Раглана Федюхины высоты закрыты склоном Сапун-горы. Таким образом, англичане залезли в артиллерийскую ловушку, о существовании которой не знали (хотя обязаны были подозревать).

² Чуть выше говорилось, что трофейных английских пушек было всего семь.

какой-нибудь жук, ползущий по этой долине». Он с опаской посматривал на окрестные холмы. Со всех сторон, за всеми камнями и кустами засели русские. В этот момент произошло нечто дикое, так никогда и не получившее разумного объяснения. Капитан Ноулан, скакавший с Моррисом бок о бок, неожиданно пришпорил своего коня. «Ты что, Ноулан, — удивленно воскликнул Моррис, — так нельзя!» Однако Ноулан вырвался далеко вперед, развернул коня и пересек — невиданное нарушение воинского этикета! — путь лорда Кардигана. Герцог был вне себя от ярости, Ноулан же поскакал навстречу атакующей бригаде, размахивая саблей и вопя, как сумасшедший. Что кричал капитан — неизвестно, его слова потонули в грохоте выстрелов и взрывов, чего он хотел — этого мы не знаем и не будем знать. Скорее всего, он испытал острый приступ вины — понял, что своей ужасной оплошностью он обрек товарищей на смерть, и сделал безнадежную попытку повернуть Бригаду назад. Но все это догадки, а факт состоит в том, что осколок близко разорвавшейся бомбы вспорол капитану грудь. С широкой раной, сквозь которую было видно его сердце, он продолжал кричать и цепляться за поводья. Конь пронес его сквозь атакующую линию и остановился, мертвый Эдвард Ноулан медленно соскользнул на землю.

Когда бригада достигла середины ущелья, русские пушки начали обстреливать ее со всех сторон. Размеренное продвижение идеальных цепей конницы делало их прекрасной мишенью. Капитан Моррис почувствовал, что у него волосы на затылке становятся дыбом, никогда прежде не испытывал он такого ужаса — бомбы рвались перед наступающим строем, позади, в самой его гуще, ружейные пули свистели слева и справа, поражали людей

и коней. Капитан оглянулся через плечо. Его солдаты не отставали от своего командира ни на шаг, они бесстрашно скакали сквозь густые клубы дыма, сквозь фонтаны земли пополам с железом, сквозь летящие вверх ошметки лошадиной и человеческой плоти. Он чувствовал себя абсолютно беспомощным, инстинкт приказывал ему скакать вперед во весь опор, чтобы поскорее вырваться из-под этого убийственного перекрестного обстрела, по сравнению с которым фронтальный огонь казался меньшим из зол. Но Кардиган все не давал сигнала к атакующему броску. Моррис подъехал к своему командиру.

— Милорд, нужно идти в атаку, иначе у нас будут тяжелейшие потери.

— Да, сэр, я думаю вы правы. Но так приказал лорд Лукан. Скажите вашим людям, чтобы они сомкнули ряды и продолжали двигаться в том же темпе.

Возможно, именно медленное, размеренное, как на парадном плацу, продвижение и обеспечило бессмертие «Броску легкой бригады».

Лорд Раглан, наблюдавший за этим безумием с вершины холма, пребывал в полном ужасе. Он не понимал, что случилось с этими людьми, о чем они думают. По мнению командующего, его приказ был совершенно четким и однозначным: отбить пушки, оставшиеся на редутах. А вместо этого — бессмысленный бросок под перекрестный артиллерийский огонь. Он различал среди бомбовых разрывов блеск обнаженных сабель. В не меньшем ужасе были и окружавшие Раглана офицеры, многие из них плакали. Лучшее всех охарактеризовал происходящее французский генерал Боске, вот его слова: *«C'est magnifique — mais ce n'est pas la guerre»*.

¹ Это великолепно, — но это не война (фр.)

Новые разрывы бомб, новые зияющие пробелы в цепях, новые трупы. В конце концов, лорд Лукан, следовавший за легкой бригадой со своей тяжелой, приказал ей остановиться.

— Легкой бригаде мы не поможем, а только погубим вместе с ней и тяжелую¹. Единственное, что мы можем сделать для легкой бригады, это прикрыть ее отход.

Тяжелые с ужасом смотрели, как их товарищи исчезают в дыму, окутывавшем конец долины.

Французский генерал Моррис не мог больше смотреть на это избиение. По собственной инициативе он повел своих *Chasseurs d'Afrique*² в атаку на русские оружейные позиции на Федюхиных высотах. Дикие воины с Атласских гор отвлекли на себя внимание противника — артиллерийский и ружейный обстрел левого фланга легкой бригады прекратился. К этому времени первая ее цепь почти достигла конца долины, до позиций русской артиллерии оставалось совсем немного. Жерла орудий зияли, как бездонные черные провалы, но времени пугаться не было, путь был один — вперед. Не дожидаясь приказа, оставшиеся в живых кавалеристы низко пригнулись и пришпорили коней. Они кричали во весь голос и размахивали саблями. То один, то другой всадник вылетал из седла, потерявшие седоков кони шаркались поперек продвижения цепи, их приходилось от-

¹ Между прочим, если бы тяжелая бригада продолжила наступление и атаковала (согласно приказу!) захваченные русскими редуты, бросок легкой бригады оказался бы не таким уж бессмысленным.

² Африканские егеря.

талкивать в сторону. Затем раздался жуткий, рвущий барабанные перепонки грохот артиллерийского залпа. Кони осекались на бегу и падали, люди умирали.

Вторая линия, возглавляемая лордом Паджетом, судорожно сжимавшим в зубах все ту же сигару, проскакала по мертвым и не совсем еще мертвым людям, чтобы оказать лорду Кардигану поддержку, на которую тот так надеялся. Конь Паджета был ранен, истекал кровью, но все же продолжал скакать вперед. Молодой лорд был со всех сторон окружен отчаянно мечущимися, потерявшими своих седоков конями. Свистели пули, оранжевым пламенем расцветали пушечные жерла, а легкая бригада все с тем же упорством рвалась вперед. Взрывы бомб, фонтаны земли, крики «Смыкай ряды! Смыкай ряды! Держи по центру!» Град картечи сметал кавалеристов пачками, за непрерывным грохотом пушек не было слышно стука копыт. Первым скакал лорд Кардиган. До пушек оставалось менее сотни ярдов. Восемьдесят ярдов... семьдесят... шестьдесят... а вдруг и вправду удастся? Грохот и нестерпимый жар, это снова выстрелили все двенадцать пушек разом. Первая линия растаяла, всадники выбиты из седел, погребены под своими конями. Вторая линия врезалась в клубы едко пахнущего порохового дыма. Британцы дрались с яростью и ожесточением диких кошек, но русской пехоты было много, слишком много...

К своему собственному удивлению, капитан Моррис все еще оставался в седле. Его глаза, слезившиеся от густого порохового дыма, не видели ни Кардигана, ни вообще кого-нибудь из своих. Дикий, невозможный бросок через строй дымящихся пушек, только что занимавший все его мысли, был позади, в голове остались звон и пустота. Высоко занеся саблю, он начал бесцель-

но ездить немного налево... немного направо... вперед... назад. Он пытался осмыслить происшедшее, понять, как же это вышло, что он остался жив? И что случится на обратном пути? Как бы там ни было, у благородного джентльмена, попавшего в такую жуткую переделку, не было выбора — поступить вот так или, может, вот эдак. Нужно собрать остатки Семнадцатого уланского и вывести ребят из этого ада. В этот момент Моррис заметил приближение группы русской конницы.

— Семнадцатый, за мной!

Двадцать человек — вот что осталось от Семнадцатого! И с этими двадцатью Моррис атаковал русских. Он был, как волк, рубил направо и налево, проклиная все и вся при каждом ударе. Почти тут же к нему на помощь пришел полковник Мейоу с жалкими остатками Тринадцатого легкого драгунского; действуя вместе, они отгеснили русских кавалеристов от батареи. Затем лорд Паджет бросил в схватку то, что осталось от Одиннадцатого гусарского; они ударили русских с фланга и обратили их в бегство. Четвертый легкий драгунский напал на русских канониров и перебил их до последнего, теперь пушки окончательно смолкли. Тем временем на Одиннадцатый гусарский начал надвигаться огромный отряд русской кавалерии. Англичане обратились было в бегство, однако лорд Джордж Паджет тут же их остановил:

— Держите фронт, ребята! Держите фронт, или всем нам крышка.

Гусары дружно развернули коней. Вместе с остатками Четвертого легкого драгунского их было не больше семидесяти человек.

— Милорд, — крикнул один из солдат, — они атакуют нас сзади!

— Ну и какого же черта мы будем делать? — спросил лорд Джордж. — Кто-нибудь видел лорда Кардигана?

Кардиган, возглавлявший эту атаку, остался невредим, а затем повернул обратно. В своем роскошном, за милю заметном мундире он проскакал в двадцати шагах от полутысячного отряда русской кавалерии. Их командир, князь Радзивилл, узнал герцога и не разрешил своим казакам его зарубить. Кардиган вернулся в расположение своих войск, не имея ни малейшего представления, что там случилось с остатками легкой бригады, не ощущая за собой ни малейшей вины за разразившуюся катастрофу — ведь он честно выполнил свой долг и «вел бригаду со всем нужным напором».

Немногим английским кавалеристам, хоть сколько-то сохранившим способность передвигаться — верхом или пешком, грозила опасность полного окружения. Капитан Моррис решил, что хорошенького понемножку, и повел своих людей назад, где их ждала тяжелая бригада.

Тем временем Кардиган подъехал к генералу Скарлетту и разразился негодующими обвинениями — не против лорда Раглана, отдавшего роковой приказ, но против капитана Ноулана.

— Вы только оцените наглость этого человека, он понятия не имеет о субординации — проскакал прямо перед моим носом, да к тому же вопил, как полоумная баба!

Скарлетт придержал его за руку и сказал:

— Милорд, вы только что проехали над трупом капитана Ноулана.

Отступление оказалось много ужаснее атаки. Кони истекали кровью, люди с жуткими ранами, едва ковылявшие вдоль просматриваемой со всех сторон долины, становились легкой добычей русских снайперов. Затем появилась русская кавалерия. К счастью, в общей суматохе боя она угодила под обстрел собственных пушек и отошла. Из Одиннадцатого гусарского, которым командовал лорд Паджет, и Четвертого легкого драгунского только семьдесят человек сумели избежать окружения, они безжалостно прищипорили утомленных коней и прорвались сквозь строй русских уланов. Пятнадцать человек из перемолотого пушками Семнадцатого уланского вместе с горсткой легких драгун из Тринадцатого промчались галопом сквозь самую гущу русской пехоты¹. «Черти! — испуганно кричали русские. — Черти!»

«Что за кошмар была эта последняя миля, сплошь усеянная мертвыми и ранеными людьми, каждый из которых был моим другом» — эти слова были записаны лордом Паджетом в дневник чуть позже, тем же вечером.

Затем произошел знаменитый, в мочалку изжеванный прессой разговор. Лорд Паджет, только что вырвавшийся из кровавого ада, столкнулся с герцогом Кардиганом, неторопливо ехавшим в прямо противоположном направлении. Паджет пришел в ярость, и по вполне объяснимой причине. Получив от Кардигана приказ обеспечить ему «наилучшую поддержку», он, после всего пережитого, неожиданно увидел своего командира едущим откуда-то из тыла.

¹ К концу отступления от 17-го уланского капитана Морриса осталось тридцать семь человек, от 13-го легкого драгунского — всего восемь. (Примеч. автора).

— Хэлло, лорд Кардиган. А вас-то что, совсем там не было?

— Еще как не было!

Этот краткий обмен репликами, услышанный солдатами и переданный ими одному из военных репортеров, дал жизнь раз за разом повторявшемуся слуху, что сам Кардиган не ходил в знаменитую атаку. Это совершенно несправедливо. Кардиган был на русской батарее, однако, увидев, что бригада почти уничтожена, он усккал прочь, даже не оглянувшись.

Из 673 кавалеристов, въехавших в Северную долину, вернулось только 195, многие из этих ста девяноста пяти умерли от ран, а вернее сказать — от отсутствия надлежащего лечения¹.

С момента, когда лорд Кардиган скомандовал: «Бригада наступает...» прошло каких-то двадцать минут, но эти двадцать минут вошли в историю, как «Бросок легкой бригады».

А также — бессмертным стихотворением, прославившим их отвагу:

*«...though the soldier knew
Someone had blundered:*

¹ Что хорошо показано в фильме Эррола Флинна и Дэвида Кертиса «Бросок легкой бригады». (Примеч. автора).

В итоге общие потери союзников в бою при Балаклаве составили около 600 человек только убитыми и пленными, потери русских войск (вместе с ранеными) — порядка 500 человек.

*Theirs not to make reply,
Theirs not to reason why,
Theirs but to do and die,
Into the Valley of Death rode the six hundred.»¹*

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — *четвертый приказ* был более конкретен?

Лорд Лукан, скорее всего, понял бы его истинную цель и не предпринял бы кавалерийскую атаку без поддержки пехоты.

Ну, а если бы — лорд Лукан не проявил такого высокомерия при разговоре с импульсивным капитаном Ноуланом?

Легкая бригада атаковала бы редуты и отбила английские пушки — ну а викторианские поэты лишились бы отличного материала для создания драматических стихов.

А теперь о фактах

Дальнейший ход Крымской кампании ясно свидетельствует о вопиющей некомпетентности ее руководи-

¹ Дословный перевод: «... хотя солдат знал, что кто-то допустил грубый промах / Не их дело возражать / Не их дело спорить / Их дело — сделать и умереть / В Долину Смерти поскакали шесть сотен.»

телей. С октября 1854 г. по апрель 1855 г. не осуществлялось никаких крупных военных действий, однако за этот период союзники потеряли 18000 человек. Эти люди погибли не от русских пуль, а от недоедания, холеры и холода¹. В Балаклаве хранилось на складах 9000 шинелей, однако их так и не раздали войскам. Согласно королевскому уставу, солдату полагалась одна шинель на три года, поэтому ему оставалось только умирать. Как за сорок лет до того наполеоновская *Grande Armee*, а через девяносто лет армии Гитлера — все они пали жертвами русской зимы².

По возвращении в Лондон лорд Лукан и лорд Кардиган подверглись яростным нападкам прессы, ураган общественного мнения вынудил армию предпринять расследование. В июле 1856 года специальный генеральский совет, получивший насмешливое название «The White Washing Board»³ полностью оправдал обоих лордов. Лорд Раглан сумел свалить всю ответственность на своего адъютанта, неудачно сформулировавшего четвер-

¹ Флоренс Найтингейл сделала жалкие условия, в которых прозябали английские солдаты, достоянием широкой общественности; крымская кампания стала причиной создания Международного Красного Креста.

«... на тысячу, и даже более того, страдающих от поноса и дизентерии, приходится двадцать ночных горшков... ампутированные конечности плавают в Балаклавской бухте...» (Примеч. автора).

² См. в главе «Москва: загадка Зорге». (Примеч. автора).

³ Непереводаемая игра слов. По-английски «washing board» — стиральная доска, а «white wash» — побелка, одновременно с этим board может также означать «совет». В результате получается что-то вроде «Отбеливающего Совета». (Прим. перев.)

тый приказ. А генерал Эри, человек, написавший этот самый приказ, отделался замечанием: «На войне такие вещи случаются». Весьма подходящая эпитафия броску легкой бригады.

Антъетам, 17 сентября 1862 г.

Три сигары

«Посади людей в окоп, поставь у них за спиной, на пригорке, хорошую батарею, и в таких условиях даже не слишком хорошие солдаты остановят противника, в три раза превосходящего их по численности».

Полковник Теодор Лайман, «В штабе юнионистской армии».

Сержант Джон Блосс зябко поежился и безнадежно махнул рукой — смотри не смотри, все равно ничего не видно. Предрассветный туман полностью скрывал ручей, рядом с которым расположился на бивуак 27-й индианский полк армии Союза. Ручей назывался Антъетам, он протекал к северу от городка Шарпсбург и впадал в реку Потомак.

Несмотря на холод, в лагере не горело ни одного костра, так приказал генерал Хукер, известный в войсках обеих сражающихся армий как «Задира Джо». Чтобы хоть немного взбодриться, солдаты жевали кофейные зерна.

— Сегодня тут у нас будет заварушка, уж это вы мне поверьте. Вся наша армия перебралась сюда с Потомака, вот сегодня все и начнется, попомните мое слово, — сказал Блосс солдатам с уверенностью вояки, подавшего немало сражений.

В нескольких сотнях ярдов от лагеря северян, на склоне холма Никодемус, стояла на позициях мобильная батарея генерала Джеба Стюарта. Командир батареи, лейтенант А.У.Гарбер, столь же напряженно — и тщетно — всматривается в тот же туман. Вчера вечером он видел, как там, на другом берегу ручья, занимала позиции армия юнионистов, решившая, по всей видимости, остановить поход генерала Ли на Вашингтон.

Неожиданно туман рассеивается, и лейтенант Гарбер видит смутные очертания вражеских укреплений. Он приказывает батарее открыть огонь.

Время — 5.45 утра. Начиналось самое кровопролитное из сражений американской Гражданской войны.

Роберт Эдвард Ли лучше, чем кто-либо другой, понимал, что скудные ресурсы южан не позволят им сколько-нибудь долго бороться с мощным промышленным Севером. Войну нужно было кончать, и как можно скорее. Для этого потребуются рискованные действия? Ничего страшного, Роберт Э. Ли никогда не боялся риска. Удар в самое сердце противника, поход на Вашингтон, столицу Союза! Чтобы закрепить победу во второй битве при Булл-Ране, одержанную конфедератами в последних числах августа, ему нужно было не давать армии

северян оправиться, одновременно снабжая свои войска из богатых запасов противника. Именно поэтому он послал Томаса Джонатана Джексона, получившего за стойкость, проявленную его бригадой в первой битве при Булл-Ране прозвище «Каменная стена», с шестью дивизиями в набег на Харперс-Ферри, а генерал Джеймса Лонгстрита к Хейгерстауну. Через десять дней армия снова объединится, вот тогда-то он и двинет ее на Филадельфию, Балтимор и Вашингтон. Война завершится в считанные недели, а то и дни. Чтобы оповестить отсутствующих подчиненных о своих намерениях, Роберт Э.Ли разослал две копии детального плана предполагаемой операции под грифом «*Специальные приказы, №191*».

13 сентября, когда части 12-го корпуса армии Союза преследовали конфедератов в районе Хейгерстауна, разведывательный дозор, возглавлявшийся старшим сержантом Джоном Блоссом и капралом Бартоном Митчеллом, отдыхал на поляне, где чуть раньше останавливался на привал один из отрядов южан. Угли костра не успели еще потухнуть. Блосс заметил на земле толстый конверт, открыл его и обнаружил самое настоящее сокровище — три сигары, завернутые в лист бумаги.

— Эй, ребята, — закричал он с восторгом, — гляньте, что я нашел! Бартон, будь другом, дай огоньку.

Огня у Бартона не оказалось; пока он искал спички у солдат, Блосс разглядел бумагу, служившую сигарам оберточной, чуть повнимательнее. Читать сержант не умел, однако печать и подпись выглядели достаточно серьезно, чтобы он показал свою находку командиру роты. Юный лейтенант вздрогнул от радостного возбуждения. Сигары были для северян невероятной роскошью — но

еще невероятнее была их обертка: *Оперативный приказ генерала Ли*¹. Лейтенант незамедлительно отослал приказ своему главнокомандующему, генералу Джорджу Мак-Клеллану. Не часто полководец получает такой подарок от судьбы. Три сигары привели в движение армию.

Генерал-майор Джордж Бринтон Мак-Клеллан, тридцатипятилетний командующий армией Союза, получивший в войсках прозвище «молодой Наполеон», повернулся к генералу Амброузу Бернсайду и широко улыбнулся:

— Если уж теперь я не вздую этого Бобби Ли, можешь называть меня, как угодно.

Шанс представлялся редкостный, невероятный. Из приказа ясно следовало, что Ли разделил свои войска. «Молодой Наполеон» без труда сделал надлежащие выводы: он мог вбить между крыльями армии противника клин, лишит их взаимодействия, а затем разбить по одиночке, одним словом — осуществить излюбленный маневр Наполеона настоящего. Однако он повел себя до крайности странно: все видел и ничего не делал. Он не организовывал разведывательных вылазок, не издавал никаких приказов. Ни один из его подчиненных не решался подтолкнуть своего командующего на более решительные действия — лишнее доказательство того, что люди, стоявшие во главе армии Севера, не могли похвастаться большими полководческими способностями. Там был генерал-майор Амброуз Бернсайд, человек приятный и порядочный, однако явно не соответствовавший

¹ Это был экземпляр, направленный генералу А.П.Хиллу. (Примеч. автора).

своей должности. Бригадный генерал Джозеф Хукер, по кличке Задира Джо, упорный, амбициозный, но все же лишенный качеств настоящего лидера. Бригадир Эдвин В. Самнер — излишне импульсивный, так навсегда и оставшийся ветхозаветным кавалеристом. Бригадный генерал Джозеф Мэнсфилд — почти шестидесятилетний, ушедший было в отставку, но вернувшийся на службу по необходимости военного времени.

Северу противостояла не слишком дисциплинированная, однако единодушно уверенная в правоте своего дела армия мятежников. Основным оружием конфедератов была шомпольная винтовка Энфилда калибра 0,577¹, имевшая дальность эффективного огня 500 ярдов — в отличие от кремневого ружья наполеоновских времен, прицельно бившего только на пятьдесят ярдов. Она идеально соответствовала характеру солдата-южанина, бывшего зачастую опытным охотником. Однако главной силой Юга являлись его полководцы, люди, чья слава не померкнет в веках. Роберт Э. Ли, «Каменная стена» Джексон, Джеймс Лонгстрит по прозвищу Старина Пит, Джеб (Джеймс Эвел Браун) Стюарт, Амброуз Пауэлл Хилл — каждый из них и способностями, и отвагой далеко превосходил командиров Севера.

Вскоре Ли узнал от шпиона, что его оперативный приказ попал в руки северян, в результате чего их армия оседлала ведущую к Вашингтону дорогу. Однако вождь конфедератов относился к генералу Мак-Клеллану со вполне

¹ Здесь имеется в виду английский дульнозарядный капсюльный штуцер Энфилда образца 1853 года с конической пулей Минье, расширяющейся в канале ствола.

обоснованным пренебрежением. Имея за спиной реку Потомак, отрезавшую пути возможного отступления перед лицом противника, обладавшего тройным численным превосходством¹, Роберт Э.Ли с почти безрассудной смелостью решил принять бой на берегу маленького, прежде никому, кроме жителей штата Мэриленд, не известного ручья Антьетам. До начала сражения оставалось сорок восемь часов. Доска была раскрыта, фигуры расставлены.

17 сентября 1862 года. Пешки всех великих сражений, те, кому предстояло умереть за правое, или какое уж там, дело, отдыхали на бивуаках. Например, сержант Билли-Бой Кунс, пришедший в Мэриленд с хлопковых полей Алабамы. 14 сентября ему исполнилось девятнадцать лет. Наступающий день стал для него и многих его товарищей (а также и врагов) днем смерти. Лагерь просыпался. Кто-то варил кофе, кто-то просто сидел у костра. Ну а многие... дело в том, что у армии мятежников была некая проблема, заметно подтачивавшая ее силы: повальный понос. Теперь, когда стрельба должна была начаться с минуты на минуту и по большому счету, они не особенно мучились поисками кустика, за которым спрятаться. Билли-Бой Кунс мечтал о сражении, он страстно ненавидел «этих пижонов янки». «Чего мне больше всего хочется? Угробить собственной рукой побольше проклятых синемундириков,— сказал он, улыбнувшись от уха до уха,— а потом гоняться за юбками, сидеть в стогу да пить виски. Только с этим придется повременить до завтра».

¹ 87000 солдат Федерации против 30000 конфедератов. (Примеч. автора).

В сумме численность обеих группировок южан составляла 52000 человек.

В нескольких сотнях ярдов от него, на другом берегу ручья, в Северном лесу отдыхал сержант юнионистской армии Блосс — тот самый, что нашел сигары. Как и каждый в его роте, он прекрасно понимал, что битвы не избежать. Так сказал им лейтенант, этот прыщавый недомерок из Уэст-Пойнта. В отличие от Билли-Боя, Блосс предвкушал грядущее сражение без особого энтузиазма. И не то чтобы у него дрожали коленки — просто погода была холодная. К тому же он изо дня в день питался такими же лежалыми галетами, что и парни по другую сторону линии фронта, а потому страдал от тех же самых желудочных недомоганий.

— Я жду не дождусь: когда же вернусь домой и пожру наконец чего-нибудь приличного.

В главном штабе северян, занимавшем помещения молельного дома, генерал Мак-Клеелан нервно расхаживал из угла в угол. Войска были наготове, артиллерия заняла позиции, оставалось только отдать приказ. Но он никак не мог принять окончательного решения. Окруженный своими ближайшими помощниками, генерал снова и снова изучал карту, разрисованную разноцветными флажками и стрелами. Линия обороны, руководимой Робертом Ли, армии Северной Вирджинии северным своим концом опиралась на кавалерию Джеба Стюарта, затем огибала городок Шарпсбург и шла по берегу Антьетама на юг, до самого Потوماка. В 5.30 утра Мак-Клеелан издал, наконец, приказ, предельно путаный и оставлявший обширное поле для неоднозначных толкований:

«Атаковать левый фланг противника, осуществить в поддержку основной атаки отвлекающие действия, в

надежде добиться как можно большего; тогда же, когда оба фланговых движения добьются полного успеха, атаковать по центру с привлечением всех резервов, какие окажутся у меня под рукой».

Группа федеральных разведчиков крадется сквозь утренний туман вдоль хейгерстаунской дороги. Впереди, на холме, виднеется сельская, аккуратно побеленная церковь, а рядом с ней изготовленные к бою пушки батальона южной конной артиллерии. И ведь эти ребята в сером умеют стрелять. Еще несколько минут — и разверзся весь ад кромешный.

Артиллерия обеих сторон открыла огонь, как только канониры увидели цели. Целей было в избытке. Генерал Хукер оправдал данное ему прозвище Задира Джо, двинув свой корпус в развернутом строю на оборону конфедератов. Те встретили ненавистных синемундирников градом картечи с господствующей высоты, где «Каменная стена» Джонсон сосредоточил свою артиллерию. Часть артиллерии Джеба Стюарта обосновалась на холме Никодемус, в результате канониры конфедератов могли держать северян, атакующих в этом направлении, под перекрестным обстрелом.

Первоначальная атака Хукера быстро захлебнулась. Тогда он приказал своей артиллерии выдвинуться вперед. Канониры с пушками на конной тяге рысью пересекли поле и заняли позиции на пологом возвышении, господствовавшем над Хейгерстаунской дорогой. За дорогой виднелось большое золотое пятно — кукурузное поле, площадью в тридцать акров, примыкавшее к баптистской церкви.

Посмотрим на эту сцену глазами генерала Хукера: «Солнце ярко блестело на штыках, торчавших из кукурузы, поэтому мы поняли, что в этом поле полным-полно солдат противника. Я приказал собрать всю, какую можно, артиллерию, подтянуть ее поближе и стрелять картечью».

Картечный заряд — это нечто до крайности неприятное: артиллерийский снаряд, представляющий собой жестяную банку, набитую сотнями крупных свинцовых дробинок. При выстреле жестянка разлетается, еще не выйдя из ствола, в результате пушка действует на манер исполинского дробовика, страшное оружие против плотного скопления людей — вроде несчастных мятежников, неумело спрятавшихся в кукурузе.

Трудно себе представить, о чем думали эти ребята, сидевшие на корточках среди толстых, увешанных тяжелыми початками стеблей, пригнувшие головы, не видевшие ничего вокруг перед тем, как яростный поток свинца скосил и кукурузу, и их самих. Это была, пожалуй, самая ужасная бойня во всей истории Гражданской войны Севера с Югом. Массированный артиллерийский огонь с близкого расстояния по массированному скоплению живой силы. Первые юнионистские солдаты, прибежавшие на это кукурузное поле, ежесекундно поскальзывались на пропитанном кровью грунте, такая страшная была там мясорубка. В яростной атаке корпус Хукера быстро оставил позади кукурузное поле и почти достиг церкви, однако Техасская бригада «Каменной стены» Джексона в не менее яростной контратаке отбросила федералов и вернула утраченную территорию. Следующий час прошел в последовательных атаках и контратаках. Хлестали картечью конфедератские пушки, стоявшие под стенами церкви; хлестали кар-

течью пушки федералов, стоявшие за кукурузным полем, падали, обливаясь кровью, атакующие, только что бывшие оборонявшимися, падали обороняющиеся, только что ходившие в атаку.

Крику «Двадцать седьмой индианский, за мной!» вторил крик «За мной, вирджинцы!»

Сержант Блосс находится в самой гуще этого безумия. Он видит, как солдаты не выдерживают и обращаются в бегство, как их преследуют другие, одетые в серое солдаты, от чьих диких воплей холодеет позвоночник. Синяя волна накатывается на серые штыки и бессильно на них повисает. Уэст-пойнтский лейтенант туго обмотал шарфом обрубок руки и пытается поднять залегшую роту в атаку, шарф насквозь пропитался кровью, теперь и не скажешь, какого он был цвета. И снова синие гонят серых вверх по холму, к этой маленькой белой церквушке, около которой их артиллерия. Людские волны ходят то туда, то сюда, как на пшеничном поле в сильный ветер. Солдаты ступают по спинам мертвых, синих и серых, только ведь эти, лежащие на земле, они теперь все одного цвета, кроваво-красного.

В их числе оказался и тот, кто нашел злополучные сигары, послужившие толчком к этой братоубийственной бойне.

Разведывательный взвод, возглавляемый сержантом Блоссом, обходил правый фланг конфедератов и напоролся на кавалерийскую роту из бригады Джеба Стюарта. Кавалеристы зарубили почти всех солдат; Блосс был ранен и притворился мертвым, что и спасло ему жизнь.

Подавляющее превосходство федералов как в живой силе, так и в огневой мощи начинает сказываться. На левом фланге синяя волна почти захлестнула артиллерийские позиции конфедератов около церкви. Затем

неожиданный каприз судьбы играет Роберту Ли на руку. «Задира Джо» Хукер, уверенный в близкой, гарантированной победе, садится на своего огромного белого жеребца. Импозантная фигура генерала выделяется на фоне местности, как маяк в бушующем море.

Семнадцатилетний Осси Дэвис, стрелок девятнадцатого миссисипского полка, притаился за бревенчатой изгородью. Он только-только забил в длинный ствол своей винтовки пулю Минье, когда сквозь густой пороховой дым проступила фигура всадника на белом коне, гордо возвышавшаяся над недалекой грядой. Осси не знал, кто этот человек, наверное кто-нибудь из вражеских офицеров. Мальчишка, научившийся стрелять из ружья в восьмилетнем возрасте под руководством отца, поклонил палец и протер мушку, чтобы не блестела — старый прием, которым он бесчисленное число раз пользовался при охоте на опоссумов. Затем он тщательно прицелился и медленно спустил курок. Белый жеребец взвился на дыбы и выбросил Задиру Джо из седла; рана оказалась серьезной, но не смертельной — пуля перебила Хукеру ногу. Покидая — на руках солдат — усеянное трупами поле, генерал пребывал в счастливой уверенности, что последняя атака его корпуса окончательно решила исход сражения.

Согласно одной из первейших военных заповедей, *апогей успешного наступления является моментом величайшей опасности*. В этот момент должен быть под рукой второй эшелон, готовый закрепить первоначальный успех. Нужны подкрепления, способные расширить прорыв и удержать завоеванные позиции. Великий Наполеон просчитался под Ватерлоо, теперь же «Молодой Наполеон» повторил его ошибку. Мак-Клееллан слишком долго раздумывал и потерял возможность одержать

быструю, решительную победу. Утратив своего энергичного командира, хукеровский корпус разбивается об оборонительную линию конфедератов. К тому времени как корпус генерала Мэнсфилда получил приказ вступить в бой, серые стабилизировали свою оборону. Старый генерал сумел все-таки по которому уже разу пройти кукурузное поле, его солдаты почти достигли церкви, но выдохлись и были вынуждены остановиться. После осуществленного Хукером прорыва было попусту растрачено столько времени, что Ли успел укрепить опасный участок частью резервов генерала Лонгстрита. Поле перед белой церквушкой завалено трупами. Генерал-майор Мэнсфилд получает смертельное ранение; лишившись руководства, его корпус отступает. Союзная армия несет колоссальные потери: ее дивизии одна за другой попадают в мясорубку, общее смятение нарастает. У Мак-Клеллана нет старшего командира на правом фланге, однако он не торопится исправить эту ненормальную ситуацию. Предоставленные сами себе офицеры издают взаимно противоречащие приказы, отменяют приказы друг друга.

В сражении наступает нечто вроде передышки, так как оба корпуса северян, чьими силами велось наступление, находятся в крайне плачевном состоянии, а у конфедератов слишком мало солдат, чтобы думать о масштабной контратаке. Но это именно «нечто вроде передышки» — в течение следующего часа земля непрерывно дрожит от грохота, противники увлеченно обстреливают друг друга из пушек. К этому времени нет никаких сомнений, что атака федералов на севере захлебнулась.

Второй акт драмы начался около 11 утра в Западном лесу (Вест-Вуд). Генерал Эдвин Самнер, шестидесяти-

пятилетний кавалерист, командовавший 12-м корпусом северян, ожидал, что его пошлют на передовую в самом начале сражения, с первыми же выстрелами. Он два часа прислушивался к доносящейся справа канонаде, но так и не получил приказа идти в наступление. Истомившийся Самнер посылает в штаб Мак-Клеллана своего адъютанта, капитана Джона Хастингса. Хастингс так и не попал к главнокомандующему, однако поговорил с его адъютантом. «Передайте генералу Самнеру, — сказал адъютант, — что все это не более, чем разведка боем. Когда генерал Мак-Клеллан решит, что настал черед 12-го корпуса, мы пришлем вам приказ».

Все это оказалось излишним сотрясением воздуха. Не дожидаясь возвращения своего гонца, не имея никакого представления ни об общем ходе сражения, ни о том, где находятся главные силы «этого проклятого Бобби Ли», Самнер, даже к шестидесяти пяти годам не утративший кавалерийской импульсивности, решает ударить по центру обороны противника. Беда только в том, что он не знает ни того, где находится этот самый центр, ни того, какие силы южан находятся прямо перед ним. Хуже того, из-за нескольких путаных приказов у него не получается решительного удара всеми силами корпуса, дивизии идут в наступление не все вместе, а поодиночке, с большим разрывом. Он бросает свою передовую дивизию в плотном побригадном строю прямо в зубы конфедератской обороне. На фланге у Самнера в Западном лесу скрывается мощный резерв южан, возглавляемый ни много ни мало как самим Джексоном, который «Каменная стена». Две полновесные дивизии мятежников, неожиданно появившиеся там, где их никто не ожидал, наголову разбили янки. Нетерпеливая поспешность Самнера обернулась несколькими тысячами

убитых и раненых. Генерал впадает в панику и бросается назад, чтобы спасти остальные свои дивизии от участи первой. Слишком поздно — отставшие дивизии 12-го корпуса уже на марше. Они подходят к Восточному лесу, намереваясь поддержать авангардную дивизию — самнеровские офицеры еще не знают о ее разгроме. Заметив слева некоторое количество синемундирников, командиры дивизий решают, что бой идет именно там, и разворачивают свои колонны к узкой проселочной дороге. Сами того не понимая, две дивизии Союза нацелились на слабейший участок обороны конфедератов, удерживаемый несколькими алабамскими ротами.

Генерал Ли мгновенно увидел надвигающуюся угрозу. В отличие от главнокомандующего северян, безвылазно сидевшего в своем штабе и наблюдавшего за битвой — за маленьким ее кусочком — в подзорную трубу, Ли все время находится в центре событий¹. Он галопом прискакал в расположение 6-го алабамского батальона, удерживавшего глубоко протоптанную проселочную дорогу.

— Генерал, — заверил его командир батальона, — ваши алабамцы продержатся здесь до захода солнца — или до полной победы.

Этой дороге, чье полотно было утоплено ниже уровня окружающего поля чуть ли не на целый ярд, предстояло стать местом особенно яростных и кровопролитных боев. «Глубокая дорога», как называли ее фермеры, вошла в историю под именем «Кровавая аллея». Это был момент славы для маленького отряда южан, которых возглавлял сержант Билли-Бой Кунс, алабамец, лю-

¹ В этот день Ли был ранен пять раз, и только потом он позволил отвезти себя в тыл. (Примеч. автора).

бивший виски и девушек. Дорога была чем-то вроде естественного окопа. Разломав деревянный забор фермы, южане соорудили из его кусков импровизированный бруствер. Теперь они могли стрелять по наступающим федералам, не особенно подставляя себя под их пули. Сквозь щели в бруствере Билли-Бой Кунс наблюдал за приближением самнеровцев. Они шли в четыре шеренги, размеренно и неторопливо, как на пасхальном параде. Неожиданно он вспомнил, как они с отцом охотились на уток. «Всегда стреляй в последнюю из стаи, — учил его отец. — Остальные не заметят, и ты перебьешь их всех». Билли-Бой пополз по окопу, каждому стрелку он говорил одно и то же. «Не стреляй по первой шеренге. Когда янки опустятся на колено, чтобы стрелять — пригнись пониже. Пусть они стреляют и попусту тратят пули. Затем целься получше, но не в первую шеренгу, а во вторую, которая еще не выстрелила. Это даст нам время перезарядить; нам нужно просто шевелиться быстрее, чем эти янки, тогда мы их сделаем».

Добавить ему было нечего. Он закрыл глаза и молча воззвал к Господу — теперь все зависит от Его воли. Все молчали, тишину нарушал только далекий грохот пушек да мерный звук шагов приближающихся колонн противника. Билли-Бой вздрогнул, когда один из алабамцев начал рассказывать анекдот. «Заткнись, парень», — зло прошептал он. «Парню» было не меньше тридцати лет, а ему — всего лишь девятнадцать, разве можно умирать в таком возрасте? Он снова прильнул к щели. Нет, слишком далеко, пусть эти проклятые янки подойдут поближе, а потом мы пошлем их в преисподнюю, где самое место для подобной публики. Солдаты скрючились в три погребели за бруствером, офицер стоит за их спинами во

весь рост, не сгибаясь. Подойдя на сто ярдов, северяне останавливаются, их первая шеренга припадает на левое колено, целится. Дружный грохот залпа, свист пуль, летят вырванные из бруствера щепки, никто из солдат не получил ни царапинки, но офицер падает замертво. Билли-Бой принимает командование сектором на себя.

— Алабамцы... — это очень тихо, а затем — во весь голос: — Пли!

Южане дружно разряжают винтовки. Что-что, а уж стрелять-то они умеют, целая шеренга атакующих валится как подкошенная, остальные приходят в замешательство. Им требуется целых полминуты, чтобы перезарядить ружья, за это время алабамцы успевают сделать еще два залпа; синемундирники бегут, оставляя множество трупов.

Вот общая картина: атака северян на северном фланге захлебнулась. Корпус Хукера утратил боеспособность, корпус Мэнсфилда — тоже. Хукер тяжело ранен, Мэнсфилд убит. Первоначальная атака Самнера не привела ни к чему, кроме катастрофических потерь, центр обороны конфедератов держится, а Мак-Клеллан так и не ввел в бой резервы.

Самнеровские дивизии раз за разом пытаются преодолеть обороняемую алабамцами дорогу. Солдаты в синих мундирах с яростными криками бегут к деревянному брустверу. Они останавливаются, чтобы выстрелить, снова бегут, останавливаются, чтобы умереть. Перед «Кровавой аллеей» лежат вперемежку мертвые и умирающие, целые горы трупов. Самнер бросал в бой все новых и новых солдат, мятежники тоже несли большие потери, но держались. Они обещали Бобби Ли держаться до последнего и не нарушили своего обещания.

Нью-йоркский полк сумел просочиться по флангу алабамцев и занял высоту за их линией обороны, нью-йоркцы отчетливо видели обтянутые серой униформой спины отважных защитников «Кровавой аллеи» и обрушили на них шквал огня. Отряд мятежников быстро таял, но Билли-Бой Кунс и его последние солдаты все еще удерживали фронт. Это была жутчайшая бойня — и высочайший героизм. Алабамцев остается всего шестьдесят, тридцать...

Для Юга наступает момент истины. Удайся предпринятая Самнером атака, — и войско конфедератов развалится на две малоэффективные части. Мак-Клеллану требовалось всего лишь действовать поэнергичнее, двинуть в центр свежие резервы, и он сбросил бы армию Северной Вирджинии в Потомак. Ли видит смертельную опасность, нависшую над его центром. Он наспех латает оборону всем, что оказывается под рукой, повара и писари берут винтовки павших и идут умирать. «Кровавая аллея» завалена трупами. А затем происходит чудо, синяя волна замирает и откатывается. Ли очень встревожен, что же это такое задумал Мак-Клеллан? Ничего, если верить очевидцам.

Самнеру надоела бессмысленная бойня, а «Наполеон» все еще не решался ввести в бой резервы. Трудно понять, чем была вызвана столь пагубная медлительность. Возможно, Мак-Клеллан просто не понимал реального положения вещей и основывал свои действия на мрачных донесениях о неудачной атаке Самнера, а также на том факте, что федералы за несколько часов потеряли большую часть своих высших офицеров — Хукера, Мэнсфилда и Ричардсона. Он вполне мог сделать отсюда вывод, что весь его первый фланг находится на грани катастрофы, а центр опасно трещит. Вспомним, однако, что в центре у

Мак-Клеелана стоял свежий армейский корпус, 30000 солдат под командованием генерала Франклина. И вот, вместо того, чтобы бросить этот корпус в атаку и прорвать почти оголившийся центр обороны мятежников, Мак-Клеелан приказывает ему перейти к обороне! Первоначальный план сражения пошел насмарку; подобно лесному пожару, бои перекидываются с севера в центр и готовы уже вспыхнуть на юге.

Генерал-майор Амброуз Бернсайд, командующий левым флангом конфедератов, с раннего утра ждет приказа приступить к активным действиям. Ожидание затягивается, и только в 9.00, когда уже стало ясно, что атаки федералов по правому флангу и по центру провалились, к Бернсайду приезжает вестовой из штаба. «Генерал Мак-Клеелан желает, чтобы вы начали наступление, так как все идет хорошо».

В полной уверенности, что центр конфедератской обороны прорван, Бернсайд начинает атаку по фронту, тянущемуся вдоль Антьетама. Запоздалую и крайне плохо согласованную атаку. Вся его информация относительно возможных способов переправы через ручей получена посредством допроса двух дрожащих от страха и — как выяснилось позднее — тайно сочувствующих конфедератам фермеров. Бернсайду приходится по душе некий конкретный мост, носящий с тех пор его имя. Он приказывает своим Пенсильванскому и Нью-Йоркскому полкам захватить этот мост и тут же сталкивается с проблемой, не имеющей ни малейшего отношения к упорству мятежников. Несколько дней он отказывался выдавать своему корпусу рационный виски, теперь же солдаты отказываются выполнять приказ, не получив положенного сполна. И даже внушительное алкогольное вливание не при-

бавило бравым воякам энтузиазма: штурм моста, оборонявшегося одним-единственным полком конфедератов, занял у них целых два часа.

Задержка Бернсайда оказалась весьма дорогостоящей. К тому же сосредоточенные усилия целого корпуса по захвату каменного мостика шириной в восемь футов выглядят довольно юмористически. Ранней осенью воды в Антьетаме по колено, так что бернсайдовские 30000 солдат могли без труда перейти его вброд в первом попавшемся месте. Более того, участок ручья, длиной в целую милю, вообще не оборонялся, на нем не было ни одного конфедератского солдата — у Роберта Ли попросту не хватало на это войск. К тому же берег ручья был сплошь покрыт густыми зарослями кустарника, генерал понадеялся, что ни один солдат без крайней к тому нужды не полезет в такие дебри. Понадеялся вполне справедливо — в тот день ни один северянин не промочил ног.

На севере сложилась патовая ситуация. В центре жертвенная отвага алабамцев заставили корпус Самнера остановиться, теперь же Амброуз Бернсайд вчистую екомкал свою попытку смять южный фланг южан. Положение Роберта Э.Ли остается критическим, но в игру уже готов вступить новый элемент — дикая шайка мятежников в синих — как это ни странно — мундирах. Это люди генерал-майора Конфедерации Амброуза Пауэлла Хилла, переодевшиеся в новехонькое обмундирование и сапоги, позаимствованные со складов армии Севера в Харперс-Ферри. Генерал А.П.Хилл безжалостно гнал свои дивизии от Харперс-Ферри до Боутлер-Форд, этот семнадцатимильный марш-бросок далеко превзошел по своему значению любой аналогичный маневр за период войны Севера с Югом.

Разведчики оповестили Мак-Клеллана о том, что А.П.Хилл идет на соединение с основной массой конфедератской армии. В распоряжении главнокомандующего федералов все еще находится нетронутый корпус Франклина плюс кавалерийский резерв, численностью в 11000 сабель, однако Ли ничуть не ошибся в своих расчетах на пассивность противника. «Молодой Наполеон» ставит крест на своей военной карьере, когда, обуянный все теми же сомнениями, так и не решается отправить резервную кавалерию наперехват приближающемуся корпусу А.П.Хилла. Для ровного счета он совершает еще одну грубейшую ошибку — забывает оповестить генерала Амброуза Бернсайда, под чьим началом находится южный фланг, о скором подходе вражеских дивизий.

Акт третий. Время — чуть за полдень. Несмотря на «алкогольную проблему» и сдерживающие действия конфедератского полка, оборонявшего мост, вялая атака Бернсайда достигла в конце концов цели. Его четыре дивизии перебрались по узенькой каменной перемычке через ручей и двинулись вперед, не встречая больше никакого сопротивления. Еще немного, и армия Роберта Ли была бы разрезана на две части. К счастью для Юга, «Усатый» Бернсайд не слишком торопит свои войска — он не получал соответствующих приказов и не имеет ни малейшего представления об общей оперативной ситуации.

Сражение принимает драматический оборот. Последняя, доступная для Ли, поддержка приходит в тот момент, когда она особенно необходима. Генерал Амброуз П.Хилл встречается с генералом Робертом Э.Ли, старые друзья сердечно обнимаются.

— Ты появился в самое время, — облегченно говорит Ли. — Веди своих ребят направо.

Заметив вдали темное облако пыли, а затем приближающуюся массу солдат, генерал Амброуз Бернсайд делает ту же ошибку, что и Наполеон при Ватерлоо с блохеровскими пруссаками. Он долго смотрит в подзорную трубу, а затем машет рукой, успокаивая встревоженных офицеров. Все в порядке — на них синее обмундирование. Скорее всего, это обещанные Мак-Клелланом резервы, в худшем случае — федеральные солдаты, отбившиеся от основных сил армии. Солдаты получают приказ не стрелять. Вскоре выясняется, что далеко не все в порядке. Бернсайд видит бредущего по полю коня, из дырок в боку животного толчками выбивается кровь. Генерал с ужасом узнает скакуна одного из дивизионных командиров; пока он рассылает приказы, чтобы перестроить свои дивизии, дико вопящие мятежники из корпуса А.П.Хилла оказываются совсем рядом.

Далее следует битва двух Амброузов — Хилла и Бернсайда. Южный Амброуз оказывается заметно энергичнее — яростный напор его солдат заставляет федералов остановиться. Дикие крики мятежников разрывают воздух. От этих криков кровь стынет в жилах, их не может заглушить даже грохот артиллерии Союза. Бой становится совершенно неуправляемым — мелкие группки солдат маневрируют по полю, сражаются друг с другом, командиры по большей части перебиты, штабы остаются не у дел — они не знают, какие части и подразделения сохранили боеспособность, а также, где они находятся. Все роты и взводы перепутались, стоны раненых мешаются с грохотом канонады, кое-где пушки противников бьют друг по другу с расстояния в сотню ярдов. Постепенно стрельба стихает. Ли и Хилл крайне

обеспокоены — у их солдат кончаются патроны. Если Мак-Клеллан пошлет свои войска в контратаку, южане будут смяты. Однако федералы не думают ни о каких контратаках, у них возникла та же проблема с боеприпасами. Корпус Бернсайда отброшен за ручей, мятежники останавливаются на своем берегу.

Время — пять с небольшими минутами. Битва при Антьетаме завершилась.

Подведем непосредственные итоги одного из самых кровопролитных сражений войн Севера с Югом. Измученные, заметно поредевшие армии занимают примерно те же позиции, что и двенадцать часов назад; правда, южане потеряли 14000 человек, северяне — 12000.

Сержант Блосс из Индианы тяжело ранен, однако выжил и вернулся в строй. Он погиб в битве при Геттисберге.

Сержант Кунс, мальчик, мечтавший гоняться за юбками, сидеть в стогу и пить виски, Билли-Бой Кунс¹ остался лежать в «Кровавой аллее».

Вскоре после битвы, молоденький солдат из Висконсина написал своей матери: «Мне казалось, что земля смешалась с небом».

Полевой хирург южной армии закрыл лицо измазанными кровью ладонями и закричал сквозь слезы: «Я ненавижу пушки».

Дэвид Стродер, энергичный военный корреспондент «Харперс Уикли» видел на поле боя почерневшие, непомерно раздувшиеся трупы. Он написал в своем репортаже: «Многие тела были настолько покрыты пы-

¹ Один из его потомков, Гарри Джозеф Кунс, возглавлял во Вьетнаме атаку на высоту 943. (Примеч. автора).

лю, изуродованы, истоптаны и раздавлены, что походили на комья земли: лишь со второго взгляда удавалось мне с уверенностью признать в них останки человеческих существ».

Окончательный итог подвел конфедерат, павший на все том же кукурузном поле. Один из федеральных офицеров задержался рядом с умирающим мятежником и сказал:

— Вы хорошо сражались, хорошо стояли.

— Да, — ответил мятежник, — а теперь вот лежим.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — сержант Блосс не любил сигары?

Роберт Э. Ли нашел бы дорогу на Вашингтон открытой.

Ну, а если бы — получив оперативные планы Роберта Ли, Мак-Клеллан действовал более решительно?

Он мог бы расколоть конфедератскую армию, а затем уничтожить ее по частям.

И в том, и другом случае войне пришел бы конец.

А теперь о фактах

На поле сражения ничего не было решено. Амброузу Бернсайду было далеко до «Каменной стены» Джексона, а Джорджу Мак-Клеллану — до Роберта Эдварда Ли.

Битва при Антьетаме, или, как еще ее называют, при Шарпсбурге, окончилась моральной победой Ли и политической победой Союза¹. С этого момента Авраам Линкольн перехватил инициативу, и ход войны решительно изменился.

Антьетам удержал Британию и Францию от дипломатического признания Конфедерации Штатов Америки. Поступи две главнейшие европейские державы таким образом, Соединенные Штаты раскололись бы на две отдельные республики, 22 штата составили бы Федерацию, а 13 — Конфедерацию.

Кроме того, Антьетам предоставил президенту Линкольну великолепную возможность издать «Прокламацию об освобождении», отменяющую рабство. Сменились два поколения, и Соединенные Штаты Америки стали мощнейшей в мире промышленной державой.

Если оглянуться назад: тщательное изучение тактических особенностей битвы при Антьетаме позволило бы европейским державам избежать страшных ошибок, допущенных ими в ходе европейских войн 1866 и 1871 годов, а также в начале Первой мировой войны. Американцы испытали на собственной шкуре весь ужас сосредоточенного артиллерийского огня по плотным скоплениям живой силы — однако европейцы не усвоили этого урока.

¹ После этого сражения генерал Мак-Клеелан был смещен со своего поста и новым главнокомандующим стал Бернсайд. Однако начатое по его приказу наступление генерала Хукера на Ричмонд (по следам отступивших за Потомак южан) закончилось поражением Потомакской армии северян под Фредериксбергом 13 декабря 1862 года.

Решающим фактором битвы при Антьетаме явился сверток с тремя сигарами. Из-за него гражданская война в США продлилась на четыре кровавых года больше.

3 июля 1866 г., Кенигграц

Два графа и один принц

*Ihr glaube Ihr habt ein Reich gegründet?
Und habt doch nur ein Volk zerstört!*

Франц Грильпарцер.

Комендант австрийской крепости Кенигграц² приказал открыть шлюзы; вода перед крепостными стенами начала медленно подниматься. Армия *en deroute*³ безнадежно забила узкую, на одну колею, дамбу — единственную дорогу через затопленный *glacis*⁴. Офицеры, облепившие бастионы крепости, кричали по-немецки и по-венгерски, по-польски, по сербохорватски и по-итальянски, пытаясь навести хоть какой-то порядок в окружающем хаосе. Длинная, чуть не до горизонта колонна

¹ Вы думаете, что основали империю? Вместо этого вы уничтожили нацию.

² Сейчас — Градец-Кралове.

³ *En deroute* (фр.) — бегущая.

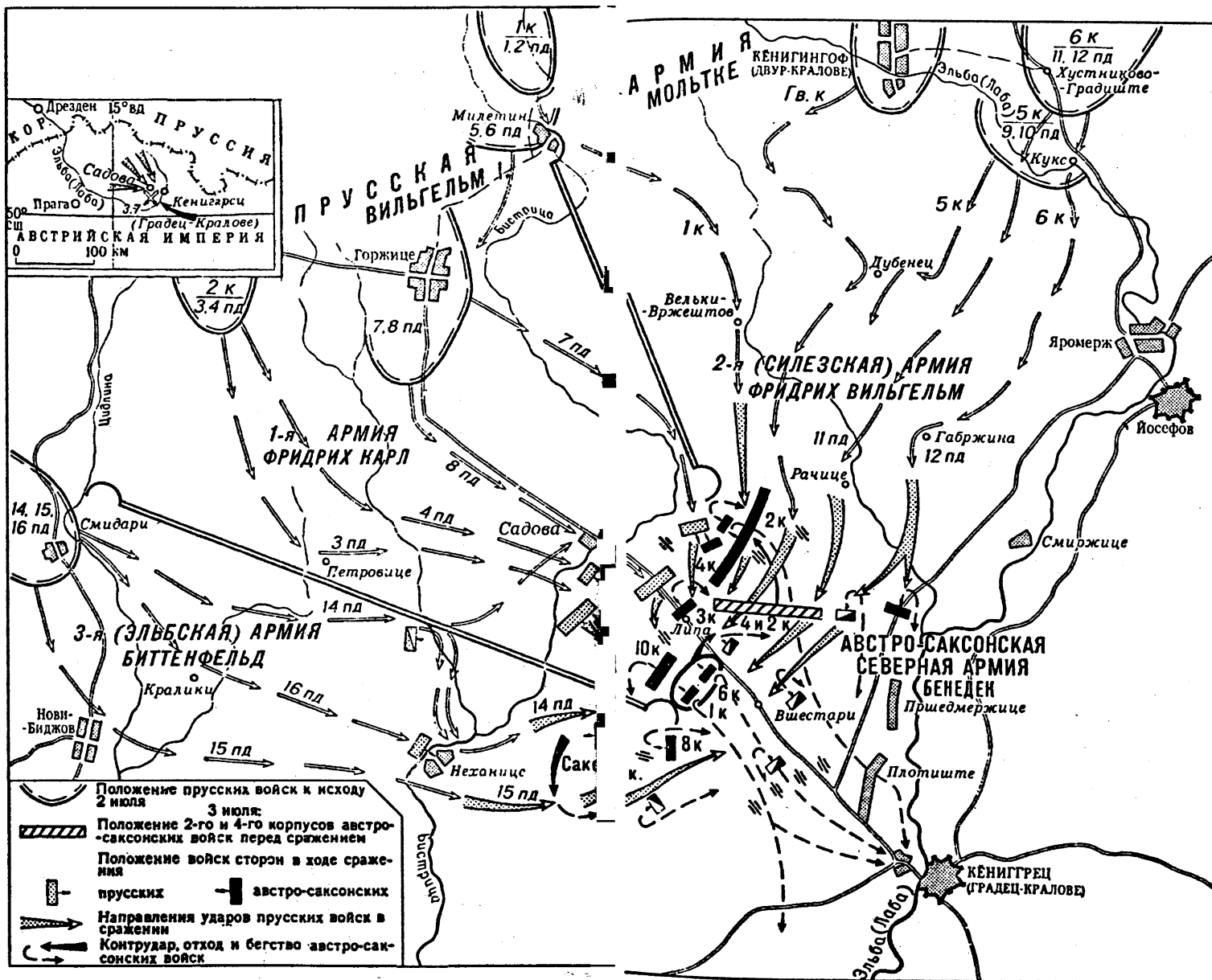
⁴ *Glacis* (фр.) — гласис, откос перед укреплением.

солдат в белом, измазанном в грязи, усеянном черными точками пороха, окровавленном обмундировании уныло тащилась от реки к крепостным воротам. Толпа сталкивала телеги, в несколько слоев заваленные ранеными, в неуклонно поднимающуюся воду. Утопающие зывали о помощи. Туда же, в воду, летели артиллерийские орудия. Всадники спускались по крутому каменному склону дамбы, чаще всего — ломая шею и коню, и себе. Беги, армия, беги, все уже потеряно. Вечерний туман, поднимавшийся над затопленными полями, окутывал трагедию полупрозрачной пеленой.

Командующий разгромленной армии ничего этого не видел и не знал. Он оставался на поле битвы до самого конца, затем воспользовался другим мостом, направился на юг и вернулся в ту же самую гостиницу, которую покинул ранним утром. Двенадцать часов назад — но эти двенадцать часов решительно изменили будущее Европы. Побежденные генералы уже сидели за столом. Худощавый человек с огромными усами поднял бокал и провозгласил: «Помянем всех отважных людей, которые погибли сегодня попусту». Двенадцать часов назад он повел в бой 215000 юных, воодушевленных солдат. И во что превратилась эта гордая армия за какие-то часы? Судьба была к ней предельно жестока. Фельдмаршал медленно встал и вышел за дверь. Сев на своего коня, он поехал прочь.

С закатом солнца комендант крепости отбил императору телеграмму: «Все армейские корпуса *en debandade*¹ в Кенигтраце и вокруг него. О дальнейших оборонительных действиях не может быть и речи. Телеграфируйте, пожалуйста, ваши приказы».

¹ En debandade (фр.) — в паническом бегстве.

Никаких приказов не последовало.

Австро-прусская война 1866 года обычно теряется в тени франко-прусской войны 1871 года. Однако именно этот конфликт заложил основу прусской военной экспансии, которая привела к созданию Германской империи Гогенцоллернов, — каковое, собственно, и произошло в зеркальном зале Версаля. Победы Австрия в битве при Кенигграце¹, Отто фон Бисмарк если и попал бы в учебники истории, то лишь в примечания — как человек, чьи фантазии далеко превосходили реальные возможности. Осуществление его грандиозного плана объединить все германские народы произошло бы значительно позже — или вообще никогда. Не было бы кайзеров Вильгельма I и II; вполне возможно, что не было бы и мировых войн, Первой и Второй. Немецкая военная дисциплина и эффективность не стали бы образцом, которому пытался подражать весь мир.

Бисмарк придерживался крайне простой стратегии: держать армии тщеславного императора Наполеона III подальше от полей сражения в течение времени, достаточно продолжительного, чтобы успеть разгромить Австрию и установить прусский контроль над всеми германскими княжествами. Для этого требовалась быстрая и решительная победа. Решительная — и в то же самое время не унижительная для Австрии. Было жизненно необходимо, чтобы Вена сохранила нейтралитет, если разразится война с Францией, — в более далекой перспективе Австрия представлялась наиболее подходящим

¹ В отечественной литературе это сражение обычно называется битвой при Садове (Садовой).

союзником для возможной войны с Россией¹. Нужны были скорость и готовность идти на риск. Исходя из этих соображений, Бисмарк мудро выбрал военным инструментом осуществления своей политики генерала графа Гельмута фон Мольтке.

Австрия представляла собой огромную империю, слепленную из множества народов и рас, языков и религий. Поляки, венгры и итальянцы восставали против жесткого диктата Вены, однако армия императора Франца-Иосифа немилосердно подавляла эти мятежи. К середине девятнадцатого столетия австрийская армия стала основной опорой восьмисотлетней, быстро клонившейся к распаду монархии Габсбургов. Армия, и только она одна, несет ответственность за поражения Австрии в войнах с двумя слабейшими, чем она, противниками — Италией (1859 г.)² и Пруссией (1866 г.).

Основной причиной этих поражений была вопиющая некомпетентность австрийского офицерского корпуса, который растратил долгие годы Меттерниховского мира на парадную шагистику вместо того, чтобы научить солдат пользоваться винтовкой, а также уделял плачевно мало внимания моральному духу войск — если не считать таковым вниманием выдачу перед битвой двойных порций спиртного. Деньги военного ведомства щедро растрачивались на излишних офицеров и удуша-

¹ Основной доктриной Бисмарка было уклонение от войны на два фронта. Игнорирование его заветов в начале Первой мировой войны привело Германию к катастрофе. (*Примеч. автора*).

² В 1859 году Италии как государства еще не существовало, Австрия вела войну с Францией и Пьемонтским королевством.

ющую все живое бюрократию. Неэффективность армейской администрации могла сравниться разве что с ее коррумпированностью, основная часть средств уходила не на закупку современного оружия, а на жалования. Технические факторы, стремительно изменявшие лицо войны, — не нужно забывать, что это был период промышленной революции — полностью игнорировались.

Командиры австрийских дивизий продолжали цепляться за наполеоновскую *charge a l'outrance*¹, забывая, что на дворе уже середина века. В результате огромные армии гибли в бессмысленных атаках. И это при том, что под руководством компетентных военачальников австрийская пехота сражалась вполне успешно. При Мадженте (1859 г.) австрийский центр выстоял перед яростным натиском французов и решительно их отбросил². При Сольферино граф Стадион успешно отразил натиск Императорской гвардии Наполеона III и лишь потом отступил, причем нанес французам настолько серьезные потери, что они не смогли воспользоваться организованным отходом австрийской армии³. В тот день многонациональные войска показали себя с самой лучшей стороны — особенно те, которыми руководил командир австро-венгерского корпуса. Это был риттер Людвиг фон Бенедек, генерал австрийской армии, любимый своими солдатами и пользовавшийся величайшим ува-

¹ Французское выражение *charge a l'outrance* можно приблизительно перевести как «штыковая атака кто-кого».

² Австрийцы, возглавляемые графом Гьюлаи, одержали бы победу — не поддайся их командующий панике. (Примеч. автора).

³ Хотя Наполеон III и отбил в Париж телеграмму: «*Grande bataille, grande victoire*» («Великая битва, великая победа»). (Примеч. автора).

жением не только вышестоящего командования, но и противника, окрестивших его Австрийский Байяр¹.

Бенедек был мадьяром — серьезный недостаток, с точки зрения австрийского генералитета. Однако стареющий фельдмаршал Радецкий² быстро обратил внимание на его командирские способности. Когда разразилась война с Пруссией, Бенедек — ему было уже шестьдесят два года — оказался самым подходящим кандидатом в командующие австрийскими войсками. Он принял это назначение с большой неохотой, уступая настоятельным просьбам императора. Во-первых, объяснял Бенедек, он совершенно не знаком с богемским театром военных действий, где будут разыгрываться все предстоящие сражения. Во-вторых, он сражался в прошлом против итальянцев и французов — но не против пруссаков. Ну а самое главное — он хорошо понимал пределы своих возможностей. Блестящий и решительный командир корпуса, Бенедек не представлял себя во главе четвертьмиллионной армии. Для полной радости император вынудил его принять в качестве руководителей штаба двух людей, абсолютно не подходивших для этой работы. Кришманек был сообразителен, но ленив, в то время как Хеникштейн сочетал крайнюю агрессивность с крайней же глупостью.

¹ Пьер Байяр (1476—1524) французский офицер, прославившийся своей храбростью. Хроникеры XVI в. называют его «Chevalier sans peur et sans reproche» («Рыцарь без страха и упрека», отсюда и идет это выражение). (Примеч. автора).

² Радецкий знаменит не столько своими успехами на бранном поприще, сколько маршем, который сочинил в его честь Иоганн Штраус, в Вене этим маршем неизменно завершается новогодний концерт. (Примеч. автора).

Получив императорский указ об их назначении, Бенедек сказал: «Из них обоих такие же штабисты, как из меня — оперный композитор». Бенедек умел командовать своей частью, но не работать с бумагами, поставленная задача была явно ему не по плечу. С того времени как этому блестящему, но ограниченному генералу поручили верховное командование, в воздухе запахло поражением.

Его противником был граф Гельмут фон Мольтке, жесткий, безжалостный пруссак. Мольтке тщательно изучил австро-итальянскую кампанию 1859 года и пришел к выводу, что главным фактором, определяющим исход сражений, становится огневая мощь пехоты. Имея это в виду, он вооружил своих солдат новейшей, революционной по тому времени игольчатой винтовкой Дрейзе, заряжавшейся с казенной части¹. Еще в 1864 году пруссаки успели опробовать ее на датчанах. Все получилось весьма удачно, батальоны графа Мольтке имели значительно больший темп стрельбы, чем их противник, кроме того, прусские солдаты могли перезаряжать свое оружие лежа. Разгромив датчан, Мольтке уже ничуть не сомневался, что новая винтовка обеспечит прусской армии полную победу над австрийцами, которые

¹ В этой винтовке, сконструированной оружейником Дрейзе, пороховой заряд воспламенялся длинной иголкой, протыкавшей доньшко картонной гильзы. Английская армия не решалась принять эту винтовку на вооружение, исходя из мнения лорда Уэйвелла, что «на войне нет места для тонких механизмов». После изучения факторов, изменивших исход битвы при Кенигтраце, французы вспомнили о своей винтовке Шаспо, разработанной А.М.Шаспо в 1863 году и превосходившей по своим качествам прусскую. (Примеч. автора).

все еще пользовались шомпольными ружьями¹. Обороняющийся противник, даже если он стреляет из-за укрытия, не сможет перезаряжать оружие со скоростью, достаточной для того, чтобы помешать пехотинцам Мольтке подойти на близкое расстояние и смести врагов шквальным огнем. Ну а если в обороне будут прусаки, они смогут стрелять лежа и встретят атакующего противника градом пуль.

При всех несомненных достоинствах игольчатой винтовки «богом войны» оставалась артиллерия. Сильным местом австрийской армии была ее великолепная артиллерия. После поражения при Сольферино ее перевооружили нарезными, заряжаемыми с дула восьмифунтовыми бронзовыми пушками.

Когда британский военно-морской флот осознал, что скоро владычество на морях будут определять паровые, закованные в сталь корабли, он начал экспериментировать с пушками из кованого железа, стволы которых для прочности скреплялись стальными кольцами. Затем последовало эпохальное изобретение — Альфред Крупп, владелец сталелитейного завода в Рейнланде, разработал революционный технологический процесс, позволявший отливать из стали великолепные трубы. Так родилась пушка, заряжаемая с казенной части. Мольтке вооружил часть своих полевых батарей этими новыми орудиями. Но пушки и винтовки не определяют сами по себе

¹ Винтовка Дрейзе имела также и серьезные недостатки. После нескольких выстрелов ее затвор терял герметичность, в результате чего из казенника вырывались пороховые газы, обжигавшие стрелка. Солдат терял возможность прижимать щеку к прикладу и тщательно целиться, вместо этого он стрелял с бедра. (Примеч. автора).

исход сражения, гораздо важнее — кто отдает приказы армиям. На поле под Кенигграцем две четвертьмиллионные армии ждали приказа.

Австрийский штаб в Кенигграце. Только что получена депеша от генерала Габленца, что его корпус одержал победу под Траутенау. Это хорошая новость, но есть и плохая — потери у победителей в три раза больше, чем у побежденных. «Да, — думал Бенедек, — это проблема, и очень серьезная. Австрийская армия так и не научилась стрелять, а потому полностью полагается на штыковые удары, даже находясь в обороне». Тем временем император непрерывно бомбардировал своего командующего телеграммами. Тот отвечал: «*Bitte Eure Majestaet dringend, Frieden zu schliessen. Katastrophe fuer Armee unvermeidlich*» (Я настоятельно прошу Ваше Величество заключить мир. Катастрофа Вашей армии неизбежна.) Ответ императора был кратким и резким: «Заключить мир невозможно. Я приказываю, если нет иного выхода, осуществить организованный отход. Мне не совсем ясно — была уже битва или нет?»

У Бенедека не оставалось выбора, он решил принять бой под Кенигграцем. Это была хорошая, удобная для обороны позиция. Его канониры имели широкий сектор обстрела на расстояние до двух километров. Центр обороны располагался на высоких склонах, обращенных лицом к противнику, правый фланг упирался в Эльбу, левый — в лесистую, пересеченную местность, исключавшую продвижение больших воинских формирований. На левом фланге намечались сдерживающие действия с возможным последующим отступлением к врытым в землю артиллерийским позициям.

«*Getrennt marschieren, gemeinsam schlagen*». Принцип Мольтке: «Маршировать отдельно, бить совместно».

Прусский генерал пошел на рассчитанный риск и разделил свою армию на два атакующих крыла. Успех операции зависел от согласованности продвижения этих половинок. Первую армию возглавлял кронпринц, Вторую — принц Фридрих-Карл. Обладай Бенедек тактическим гением Наполеона, он атаковал бы каждую из прусских армий поочередно и наверняка разгромил бы их. Но судьба улыбается тому, кто рискует, а на этот раз рисковали пруссаки. Кавалерийские разведывательные дозоры австрийской армии исполняли свои обязанности из рук вон плохо, так что Бенедек не имел ясного представления, где обретается князь Фридрих-Карл. В действительности Вторая прусская армия соединилась с Эльбской армией фон Герварта в районе Гитчина, в то время как главные прусские силы получили подкрепление в виде корпусов фон Бонина и фон Штейнмеца. Для этого потребовались довольно тонкие и сложные маневры. К 1 июля прусские армии сошлись достаточно близко, чтобы зажать австрийцев в клещи. Мольтке внимательно изучил — по докладам своих разведчиков — австрийские позиции и решил, что ключевым пунктом является Хлум, сонная деревушка с церковью в центре и одной главной улицей, окруженная лесом, известным как Свипвальд.

В полночь 2 июля генерал Мольтке представил свой окончательный план операции королю Пруссии. Эльбской армии предписывалось атаковать левый фланг австрийцев, Вторая армия Фридриха-Карла, усиленная корпусом фон Бонина, наступала на вражеский центр, в то время как основные силы прусской армии, возглавляемые кронпринцем, наносили удар по правому флангу

австрийской обороны. Погода заметно испортилась, всю ночь шел дождь, дороги развезло. Вторая армия принца Фридриха-Карла выступила в 3.00 ночи, армия кронпринца оставалась в лагере до самого утра.

Риттер фон Бенедек провел эту ночь под кровом гостиницы «Zur Stadt Prag». Он посмотрел в окно. Утро выдалось сырое и пасмурное, над вытоптанными пшеничными полями низко стлался туман. Бенедек сел за стол, чтобы написать письмо жене. (*Wenn mein altes Glueck mich nicht ganz verlaesst, kann es zum guten Ende fuehren, kommt es jedoch anders, dann sage ich in Dmut: wie Gott wil. Du, mein Kaiser, und Oesterreich werdet meiner allerletzen Gedanken und Gefuehle beherrschen. Bin ruhig und gefast, und wenn erst die Kanonen in rechter Naehle donnern werden, wird mir wohl werden.*) («Если прежнее везение меня не совсем оставит, эта история может получить счастливый конец; если события сложатся иначе, я говорю смиренно: на все Божья воля. Мои самые последние мысли и чувства будут обращены к тебе, моему кайзеру и Австрии. Я тверд и спокоен, и с нетерпением жду, когда же загрохочут пушки.»)

Пушки загрохотали прежде, чем он отложил перо.

Противники знали друг о друге довольно мало. Бенедек занимал хорошую оборонительную позицию, хотя и был прижат спиной к Эльбе. В 7.00 головные колонны Второй прусской армии принца Фридриха-Карла вступили в долину Бистрица. Думая, что австрийцы находятся на другом берегу реки — предположение весьма логичное с точки зрения стратегии — и не ожидая подхода армии, возглавляемой прусским кронпринцем, принц Фридрих-Карл отправил кавалерийский полк на

захват моста через Бистрицу у деревни Садова. Полк напнулся на батальоны австрийских егерей¹, оставленные для сдерживающих действий. Для австрийцев эта встреча тоже была неожиданностью, однако их батареи, расположенные в глубине обороны, быстро среагировали и подвергли пруссаков яростному обстрелу. Те понесли большие потери и поспешно ретировались. Тогда прусский принц послал к мосту несколько пехотных батальонов и прикрыл их продвижение массированным артиллерийским обстрелом противоположного берега Бистрица — снеся при этом с лица земли несколько деревень.

Пока происходила эта начальная разминка, Бенедек ехал на свой командный пункт, располагавшийся неподалеку от деревни Липа. Прибыв на место, он увидел Кришменика, только что получившего указ императора о своем отстранении от должности. Хеникштейн, второй адъютант Бенедека, был весьма доволен несчастьем, постигшим боевого товарища, и почти не скрывал своей радости.

Бенедек еще раз изучил диспозицию. В центре у него имелось 44000 солдат и 134 пушки, на левом фланге — 51000 солдат и 140 пушек, а на правом — 55000 солдат и 176 пушек. Резерв состоял из 47000 пехотинцев, 11500 кавалеристов и 320 пушек². Бенедек выстроил практически неприступную оборону — неприступную в том случае, если командиры корпусов будут четко следовать

¹ Егеря, то есть «охотники», обычно отличались меткостью стрельбы и умелым использованием рельефа местности. (Примеч. автора).

² Прусская армия была несколько сильнее — 220000 солдат при 924 орудиях.

приказам командующего и не переместят самовольно свои войска с назначенных им позиций. По размышлении, он решил укрепить центр частью резервной артиллерии. Прежде чем отдать приказ, Бенедек захотел лично проинспектировать резервные части. Австрийский Байяр пользовался огромной популярностью, войска приветствовали его дружными криками «Ура!», или «Живео!», или «Эльен», а полковые оркестры наяривали марш Радецкого. Затем Бенедек поднялся на холм, откуда было видно все поле битвы. В полном соответствии с планом три передовых корпуса левого фланга организовано отошли в лесистую местность около Садовы — там прусская чудо-винтовка была практически бесполезна. При каждой попытке перейти в наступление пруссаки попадали под сокрушительный огонь австрийских батарей, Свипвальд стал могилой для прусских батальонов.

Когда в долине Бистрица прогремели первые выстрелы, кронпринц все еще сидел за завтраком, затем он принял парад своего собственного полка¹. Во время парада прискакал гонец: «Ваше высочество, сражение началось». Возникла такая же ситуация, как пятьюдесятью годами ранее под Ватерлоо. Принц Фридрих-Карл (Наполеон) пошел в наступление, а кронпринц (Груши) услышал пушечную стрельбу. С единственной разницей — в отличие от Груши кронпринц повел свои войска на звуки канонады.

Не было никаких сомнений, что Мольтке крупно влип. Атака силами одной армии являлась грубейшей ошибкой. Кронпринц со своими войсками сильно за-

¹ После войны кронпринц объяснял свою задержку плохим состоянием раскисших после дождя дорог. (Примеч. автора).

держивался, так что австрийцам представлялась отчетливая возможность быстрой, красивой победы. Надежда Бенедека, что его превосходство в артиллерии деморализует пруссаков и приведет к их разгрому, отнюдь не была пустыми мечтаниями. Все могло бы обернуться именно таким образом — если бы не прискорбные события, разворачивавшиеся в это самое время.

Графы фон Тун и фон Фестетикс командовали двумя австрийскими корпусами. Оба графа обладали слишком большим богатством и связями, чтобы считать себя обязанными точно исполнять приказы какого-то там «риттера»¹ и стоять на своих фланговых позициях в ожидании армии кронпринца, которая совсем не спешила их атаковать и вообще блуждала неизвестно где. Графы, утомившиеся пассивным сидением на наблюдательных пунктах, сочли такое бездействие занятием скучным и неблагородным. Поэтому они совершили роковую ошибку — выдвинули свои корпуса на километр вперед от австрийской оборонительной линии, прежде прочно закрепленной вдоль гряды господствующих высот. Их действия создали именно такое положение, какого Бенедек изо всех сил старался избежать, в корне нарушив всю его диспозицию. Два графа выступили против прусской Седьмой дивизии генерала фон Франсецки, стоявшей в Свипвальде. В густом лесу, на узком фронте австрийцы не могли использовать свое подавляющее численное превосходство, их самоубийственные штыковые атаки не достигали цели. Все было почти как при Азенкуре — первые ряды вступали в яростную рукопашную схватку, в то время как задние ничем не могли им помочь. Вско-

¹ Риттер — низший дворянский титул (букв. всадник), рыцарь, как у французов — шевалье.

ре пруссаки сообразили, что австрийцы пошли в наступление, не озаботившись безопасностью своего фланга, и ударили по этому флангу силами нескольких полков. В последовавшей схватке у австрийских командиров все валилось из рук — одни подразделения шли в атаку, не дожидаясь приказа, другие отходили на защиту фланга, тем временем дисциплинированные пруссаки неуклонно двигались вперед и в конце концов захватили деревню Чистовеш. Граф Фестетикс осознал свою ошибку и послал бригаду, чтобы ликвидировать прорыв. Пруссаки засели в деревенских домах, они стреляли из окон и поверх заборов, осыпая накатывающие белые волны градом пуль. В этой неравной битве погибли все австрийские офицеры, а также большая часть венгерских солдат 12-го и итальянских 26-го полка.

Затем граф фон Фестетикс лично повел солдат в штыковую атаку на деревню. Безумно храбрая атака окончилась весьма печально: граф был в ней ранен, а его адъютант убит. Место Фестетикса занял генерал Моллилари. Граф Тун наблюдал за этими событиями издали; не понимая, что происходит с корпусами Фестетикса, и желая ему помочь, он бросил в яростную неразбериху Свипвальда свой Второй корпус. Австрийцы сражались с самоубийственной отвагой. Полковые оркестры играли марш Радецкого, офицеры с саблями наголо вели свои батальоны в атаку, солдаты не стреляли, полностью полагаясь на «сталь холодную штыков». И все это — под огнем новых скорострельных винтовок. По большей части батальонам не удавалось подойти к прусской обороне ближе, чем на пятьдесят метров, на подступах к лесу вырастали горы одетых в белое трупов, сверкающие штыки бессильно вонзались в обильно политую кровью землю. Гибли батальон за батальоном, это

была настоящая гекатомба австрийцев и венгров, итальянцев и хорватов. Солдаты фон Франсецки знали, что им нужно выстоять, иначе австрийцы накатятся на центр прусской обороны. Прусская 7-я дивизия истекала кровью, ей был отдан приказ: «Стоять насмерть». Они стояли и умирали один за другим, 84 офицера и 2036 рядовых солдат. Но им удалось притупить острие австрийской атаки.

Узнав о самовольстве двух корпусных командиров, о нарушении ими строжайших его предписаний, о тяжелейших потерях, понесенных их войсками в Свипвальде, Бенедек пришел в отчаяние — с этими недисциплинированными австрийскими аристократами вечно одна и та же проблема. В результате их необдуманных действий северная часть оборонительных позиций оказалась совершенно оголенной, оборонительные позиции — без обороняющихся. И назад их уже не позовешь, поздно. К счастью, противник не успел еще обнаружить незащищенной прорехи между Свипвальдом и частями, удерживавшими полосу вдоль берега Эльбы. Бенедеку оставалось только молить Бога, чтобы армия кронпринца подольше не появлялась на поле сражения. Но его молитва не была услышана.

В 11.30 Бенедек получил сообщение, что к его правому флангу приближаются подразделения гвардии кронпринца. Он побледнел, скомкал депешу и засунул ее в карман. Теперь все зависело от того, насколько быстро сумеют 4-й корпус Фестетикса (под командованием Моллилари) и 2-й корпус Туна закрыть зияющую дыру в австрийской обороне, образовавшуюся после их самовольного ухода.

Точно в это же самое время, после полутора часов отчаянных рукопашных схваток, ценой многотысячных потерь мужественные австрийцы осуществили в Свипвальде прорыв. И тут они слышали пение рожков, звавших их назад. «Назад? Отойти? Бросить то, что мы завоевали ценой таких жертв?» — спрашивали солдаты по-польски и по-венгерски, по-румынски, по-хорватски и по-итальянски. — «Как это так — отойти, что это они еще выдумали?» Они разбили пруссаков, так неужели их победа не имеет никакого значения, неужели вся эта кровь пролита впустую? Это не умещалось в мозгу. Офицеры тоже ничего не понимали, а если бы и понимали, не смогли бы ничего объяснить солдатам, так как все ротные командиры, вышедшие из этой бойни живыми, говорили только по-немецки. Но триумфальное настроение исчезло, полковые оркестры не воодушевляли больше солдат маршем Радецкого, над лесом, превращенным их усилиями в огромный морг, повисла тишина. Рота за ротой шли назад мимо своих мертвых, отворачиваясь от своих раненых. Теперь, когда поступил приказ об отходе, самопожертвование этих людей утратило всякий смысл. Солдаты чувствовали себя преданными, их боевой дух угас. Выйдя из посеченного артиллерийским обстрелом леса, они увидели впереди церковную колокольню Хлума.

Бенедек лично поехал проверить, выполняет ли генерал Моллилари его приказ, спешат ли обескровленные батальоны назад. Батальоны еще не успели занять свои, оставленные два часа назад позиции, когда армия прусского кронпринца пошла в атаку.

Кронпринцу привел свою армию в самый подходящий момент. Он быстро изучил ситуацию. В долине

Бистрица горели деревни, судя по всему, армия Фридриха-Карла увязла. Чтобы ей помочь, нужны срочные действия против правого фланга австрийцев. Прямо впереди полого поднимается голый склон холма, перерезанный поближе к вершине порослью вязов. Принц понимал, что цена может оказаться очень высокой, но выхода не было: приходилось идти на риск. Он приказал своим гвардейским батальонам растянуться в атаковую цепь. Гвардейцы начали медленно подниматься на холм, окрещенный принцем именем «Линденберг» («Липовая гора»). Австрийская артиллерия, расположенная на удаленных позициях, тут же начала забрасывать наступающих солдат бомбами, однако винтовки обороняющихся молчали. Более того, австрийской пехоты вообще не было видно. В чем дело? Наверное, этот хитрый черт Бенедек устроил засаду. Еще немного, и его батальоны ринутся вниз по склону со штыками наперевес и криками «Ура!». Ничего подобного не произошло.

Гвардия достигла поросли вязов — и увидела оставленные австрийцами позиции! Кронпринц приказал без задержки атаковать не защищенные пехотой австрийские батареи. Прусские батальоны бросились вверх и мгновенно их захватили. С вершины холма была видна вся австрийская армия, а чуть дальше — наступающие колонны прусского корпуса генерала фон Бонина.

Стратегически важную деревню удерживала бригада генерала Аппиано. В 14.45 в штаб Бенедека прибыл полковник Нойбер, лицо его было белым как полотно.

— *Feldzeugmeister*, сообщение исключительно для ваших ушей.

— У нас нет здесь секретов, дорогой Нойбер. Так что у вас там такое?

Штабные офицеры сгрудились вокруг своего командира, чтобы выслушать загадочное сообщение.

— В таком случае, я должен вам доложить, что пруссаки взяли Хлум.

— Не порите ерунду, Нойбер!

— Нет, *Feldzeugmeister*, это правда, пруссаки в Хлуме.

Теперь побелел Бенедек. Он и весь его штаб вскочили и поскакали проверять невероятную новость. Едва австрийские военачальники одолели подъем и увидели впереди деревню Хлум, как на них посыпался свинцовый град. Под Хеникштейном был убит конь, князь Эстергази упал из седла, граф Груенне получил тяжелое ранение. Так что же случилось с Алпиано и его бригадой? Никто этого не знал, однако было абсолютно ясно, пруссаки взломали австрийский центр. Реагировать нужно было быстро, счет шел на минуты. Бенедек поскакал к своему собственному Третьему корпусу, буквально моля помочь ему вышвырнуть пруссаков из этой деревни. Венгры его сильно разочаровали, они восприняли приказ генерала-соплеменника без малейшего энтузиазма, в их криках «Эльен» (Ура!) не чувствовалось боевого задора.

Как бы там ни было, Третий корпус пошел в атаку, на деревню покатались волны одетых в белое солдат. Стараясь вдохновить свои войска на сверхчеловеческие усилия, Бенедек лично возглавил штурм. Пруссаки стреляли из домов и сараев. Последнюю оборону они (в том числе и молодой сублейтенант Пауль фон Гинденбург)¹

¹ Будущий герой Таннеберга (Первая Мировая война). (Примеч. автора).

И будущий президент Германии, в 1933 году передавший власть в руки нацистов.

организовали рядом с церковью, за кладбищенской стеной. За двадцать минут австрийцы потеряли 300 офицеров и свыше 1000 солдат, однако в конце концов сумели проникнуть в деревню. Полк окружил церковь и взял в плен триста прусских гвардейцев. Их полковник, Вальдерзее, был среди державших последнюю оборону, он установил рядом с собой полковое знамя. Принц Антон фон Гогенцоллерн был ранен и попал в плен. Затем подошел самый знаменитый из австрийских полков, *Die Deutschmeister*, вскоре большая часть деревни была отбита у пруссаков, и только генерал фон Гиллер, командир дивизии, вместе с горсткой стрелков не складывал оружия. Неожиданно к ним подскочил майор из корпуса генерала фон Бонина.

— Слава Господу, — воскликнул Гиллер, — вы все-таки пришли!

— И в большом количестве, генерал.

— Теперь все будет хорошо, — облегченно вздохнул генерал фон Гиллер и замертво упал с коня.

Атака пруссаков фон Бонина оказалась успешной, они ударили австрийцев во фланг и вытеснили их из деревни.

Тогда австрийцы развернули на холме мобильную батарею, восемь орудий начали забрасывать весь Хлум бомбами. Пруссаки ответили огнем из тысяч скорострельных винтовок и почти сразу же убили командира батареи капитана Гребена. Вскоре пушки замолкли, теперь уже ничто не мешало наступлению пруссаков; достигнув батареи, они нашли там трупы двух офицеров и пятидесяти двух рядовых канониров.

Не имея возможности что-либо сделать с многочисленными прусскими войсками, затопившими Хлум, Бенедек перенес все свое внимание на правый фланг, где

корпусные командиры Тун и Фестетикс оставили ранее свои позиции. Там тоже все шло из рук вон плохо: не дожидаясь приказа Мольтке, кронпринц разгромил корпус Туна, атаковав его открытый фланг. Центра обороны у австрийцев не было, теперь у них не было и правого фланга.

В 15.00 Бенедек узнал, что его левый фланг отступает под напором прусской Эльбской армии. В 15.40 началось общее наступление всех трех прусских клиньев. Дальнейшее сопротивление австрийцев теряло всякий смысл, нужно было спасать все, что можно спасти, чем и занялся Бенедек. В первую очередь требовалось защитить мосты через Эльбу, единственный путь отступления. Чтобы задержать противника, Бенедек ввел в бой свои кавалерийские резервы. Далее последовала серия кавалерийских битв, по ярости и масштабу уступавших разве что отчаянному броску Нея под Ватерлоо. Огромные массы всадников, окутанные клубами пыли, перемещались, сталкивались, отступали, снова шли в атаку. Артиллерия обеих сторон засыпала вражеских кавалеристов бомбами, внося в их схватку еще большее смятение и ужас.

Ближе к закату прусский король и генерал фон Мольтке объехали поле недавней битвы. Обе стороны понесли тяжелые потери: погибло 44000 австрийцев¹ и 9000 пруссаков. Их тела лежали везде — на вытоптаных пшеничных полях, в высокой луговой траве, среди разбитых в щепки деревьев Свипвальда, на улочках разрушенных, сожженных дотла деревень.

¹ На самом деле австрийская армия потеряла 18000 человек убитыми и 24000 пленными.

Битва закончилась, поле битвы принадлежало павшим.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — армия кронпринца не запоздала, явилась бы, как ей и было положено, к началу битвы?

Два австрийских корпуса не покинули бы своих позиций и сумели бы остановить прусское наступление. Превосходство в артиллерии вполне могло бы обеспечить австрийцам победу.

А теперь о фактах

После битвы один из прусских генералов обратился к Бисмарку:

— Ваше превосходительство, теперь вы великий человек. Однако, если бы кронпринц опоздал чуть побольше, вы были бы величайшим злодеем.

— Да, — согласился Бисмарк и добавил знаменитую фразу Веллингтона: — Пронесло, а могло быть и хуже.

Прусские войска слишком выдохлись, чтобы преследовать разгромленных австрийцев. Это вполне устраивало Бисмарка, в его глобальных планах Австрии отводилось довольно заметное место. Граф Мольтке был настроен совсем иначе; тем же вечером он устроил своим генералам крупную выволочку за то, что они плохо воспользовались плодами победы. (Данный случай лишний

раз показывает, что война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам.) Следующей задачей Мольтке было коренное изменение тактической доктрины его армии. Он отчетливо видел, что под Кенигграцем наилучшим образом показала себя не игольчатая винтовка, а австрийская артиллерия, точнее говоря — меткость австрийских канониров, благодаря которой пруссаки были на волосок от поражения¹. Это честное наблюдение позволило ему позднее выиграть войну против Франции.

На поле битвы при Кенигграце Франция потерпела политическое поражение почти такое же серьезное, как сама Австрия. Теперь Наполеон III был вынужден пойти на прямую конфронтацию с быстро растущей военной мощью Пруссии. Чтобы свести на нет преимущества прусской игольчатой винтовки, Франция спешно перевооружила свою пехоту винтовкой Шаспо². Более того, французы разработали оружие со значительно большей поражающей способностью — *митральезу*, скорострельную автоматическую пушку³, однако не сделали следующего шага — не использовали тот же принцип для создания пулемета. В результате наиболее важное из технических усовершенствований, направленных на

¹ Упомянем для иллюстрации, что король позволил прусским войскам продолжить наступление по центру (от Хлума) только тогда, когда австрийская артиллерия перенесла огонь на правый фланг. (Примеч. автора).

² В 1870 году пруссаки, пытавшиеся наступать в плотном поротном строю, несли тяжелейшие потери. (Примеч. автора).

³ Первые образцы делали 150 выстрелов в минуту. (Примеч. автора).

увеличение огневой мощи пехоты, осталось неиспользованным¹.

Мужество и преданность генерала Людвиг фон Бенедек получили достойное вознаграждение. В депеше, присланной ему из Вены, говорилось: «Его величество кайзер счел необходимым, чтобы против вашего превосходительства было возбуждено расследование, касающееся управления армией...»²

Бенедек предстал перед закрытым военным судом. Вердикт не вызывал никаких сомнений — виновный должен быть найден, и уж, конечно, не в кругу австрийской аристократии. Бенедек, захудалый венгерский дворянин, под давлением суда подписал обещание никогда не предавать гласности истинные обстоятельства своего разговора с императором, после чего его бесцеремонно уволили со службы³. «Австрийский Байяр» умер совершенно сломленным человеком.

Командование австрийской армии серьезно перетрясли, в генеральный штаб пришли новые люди, они по возможности исправили недостатки и упущения, при-

¹ Французская митральеза рамочной системы Монтиньи фактически являлась не многозарядным, а многоствольным оружием для ведения залпового огня. Реальным прообразом пулемета (оружия, стреляющего очередями) стала американская митральеза системы Гатлинга с автоматическим механизмом подачи патронов.

² «Se Majesttaet der keiser haben anzubefehlen geruht, dass gegen Eure Excellenz eine Voruntersuchung ruecksichtlich der Fuehrung der hochdero Kommando anvertrauten Armeee... etcetera...» (Примеч. автора).

³ Дело дошло до того, что личный слуга украл у него все военные награды. Узнав об этом, кронпринц предложил Бенедеку свои собственные ордена. (Примеч. автора).

ведшие к катастрофе при Кенигграце. Император Франц-Иосиф остался в стороне от франко-прусской войны 1870—1871 гг., в результате чего зеркальный зал Версаля стал свидетелем триумфа Бисмарка. Вильгельм I возложил на себя императорскую корону. Объединенная Германия гусиным шагом прусской армии двинулась к 1914 году, к Первой мировой войне.

Восьмисотлетняя австрийская империя перестала играть сколько-нибудь серьезную роль на подмостках мировой истории. На богемских холмах она утратила последний шанс изменить свое будущее.

Решающим фактором битвы при Кенигграце было неповиновение двух австрийских графов строгому приказу своего командующего и своевременное появление армии прусского принца.

24 января 1900 г., Шпиен Коп,
Южная Африка

Честный бой

Буры совсем непохожи на суданцев, которые принимают честный бой. Они всегда убегают на своих крошечных пони.

Генерал Китченер, Кейптаун, 1900 г.

Wot the fock is this..?¹ — завопил Берт Бродбент, рядовой Второго ланкаширского стрелкового полка. Затем он упал навзничь с дыркой в голове, его светло-серый пробковый шлем покатился по крутому склону. Берт был первым погибшим в этот день — но далеко не последним.

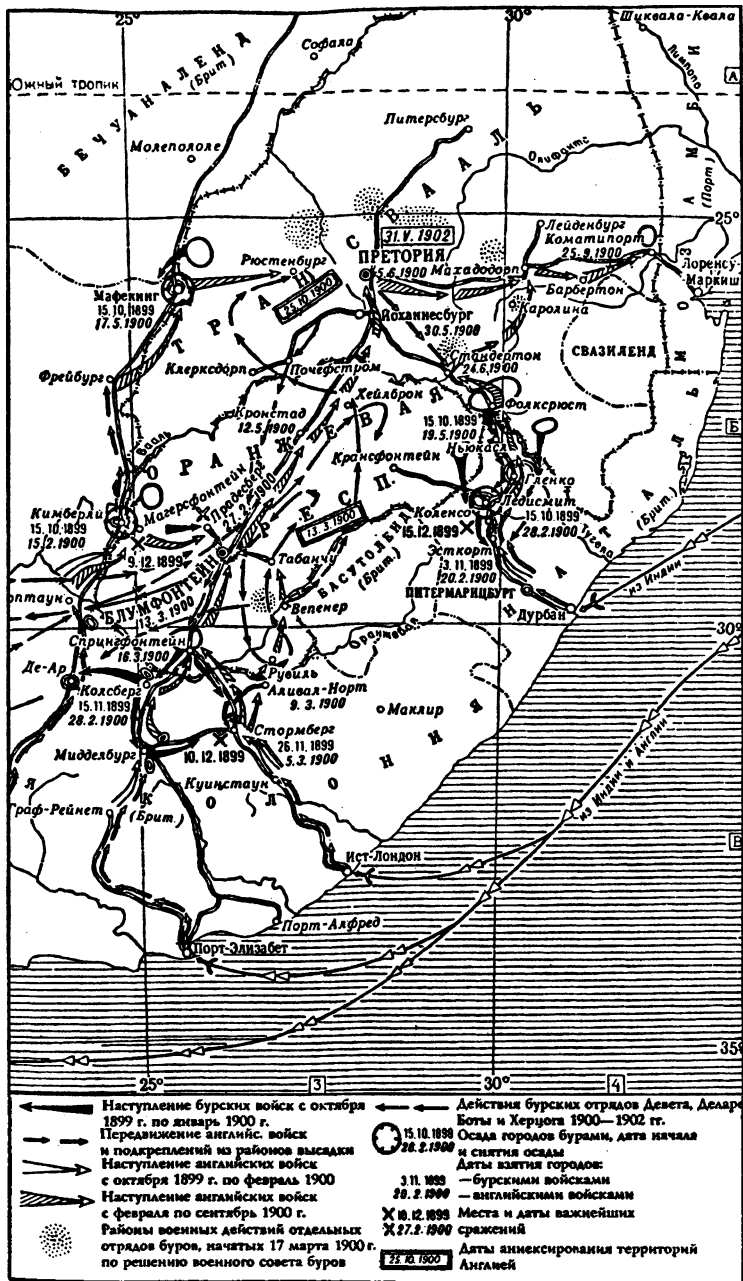
Повторим заданный им вопрос, но в несколько более широком аспекте. Что же все-таки происходило на вершине никому не известного холма с никому не известным — и непонятным — названием Шпиен Коп в это утро 24 января, первого или,

¹ Берт выражается не совсем прилично, да и произношение у него не слишком правильное. Ближайший русский аналог: «Какого хрена?»

если хотите, нулевого года нового столетия с этими великолепно обученными, одетыми в хаки солдатами колониальной армии, привыкшими гордиться яркими, цветов полкового знамени, нашлепками на своих шлемах? Они оставили родной дом, проплыли, проехали и прошагали тысячи миль, чтобы воевать в стране, которую не знали и знать не хотели. И с кем же они воевали? Не с армией, а всего лишь с муравьями, змеями и шайкой неотесанных мужиков, которые напрочь отказывались воевать, как положено порядочным людям, не позволяя убить себя в *честном бою*. И вот теперь эти профессиональные солдаты, замороженные и растерянные, прятались в неглубокой траншее, кое-как отрытой на самом верху узкой горной гряды. Они заняли эту позицию в ночной темноте, второпях нагромодили перед ней стенку из валунов и пошли спать. И вот вам, пожалуйте!

К половине девятого утра жар африканского солнца без остатка выжиг дымку, застилавшую горы, и вдруг оказалось, что окружающая местность совсем не напоминает то, что показывал им на карте полковник перед началом ночного восхождения. Укрытия здесь не было, никакого. Хуже того, разглядывая местность, им приходилось смотреть не вниз, а вверх! Прямо перед ними начинался склон, круто взмывавший к вершине. Это ж надо было выкинуть такое — забраться на плато, с трех сторон окруженное тремя горами, на каждой из которых засели враги, видящие их сверху, как на ладони! Короче говоря, они залезли явно не туда и находятся не на господствующей высоте, а вроде как в яме.

Полковник Алек Торникрофт, командир авангардного батальона из группы в 1800 солдат генерал-майора Э.Р.П. Вудгейта, медленно продвигался со своими людьми по

Англо-бурская война 1899 — 1902 гг.

крутой горной тропе. Он уже понял роковую ошибку и сразу связался с генералом при помощи *географа*. Тот приказал немедленно продвинуться вперед, к гряде валунов, видневшейся на краю плато. Но не успела первая рота преодолеть и половины пути, как попала под шквальный огонь отряда каролинских волонтеров, засевшего как раз за этими валунами. Британцам не оставалось ничего иного, как спешно прятаться — вот только куда? Местность вокруг была плоская, как доска, без единой травинки, без малейшего подобия укрытия, кроме разве что некоторого количества хилых, по колено высотой, валунов. Буры скрывались за такими же валунами, они были везде — впереди и наверху, слева и справа; пули смертоносных маузеровских винтовок выбивали из каменистого грунта маленькие фонтанчики пыли. Солдаты Ланкастерской бригады не могли двигаться ни вперед, ни назад, они лежали, как грязно-зеленые, непомерно большие жуки, пришпиленные к земле.

Все это началось поздним вечером 23-го, когда Вудгейт нанял в качестве проводников двоих *итландеров*, белых трансваальцев небурского происхождения. Возможно, эти ребята не знали дороги, возможно, это были буры, притворявшиеся инородцами, но как бы там ни было, в суматохе и ночной темноте они улизнули на полпути, предоставив британцам самостоятельно отыскивать эту самую стратегическую высоту. Под водительством полковника Алека Торникрофта из Конной пехоты ланкастерцы, в конце концов, достигли чего-то, похожего на вершину и вдруг услышали тревожный шепот: «*Wie's daar?* — Кто там?»

Ошарашенный полковник автоматически ответил английским паролем «Ватерлоо», в ту же самую секунду из темноты загремели выстрелы. «Примкнуть штыки!» — тихо скомандовал полковник. «Примкнуть штыки, примкнуть штыки», — прокатилось по отряду. Вскоре стрельба смолкла, невидимые противники перезаряжали винтовки.

— В штыки! — крикнул полковник, залегшие было солдаты дружно вскочили и с диким воплем «Маюба» бросились туда, откуда только что стреляли буры. Их клич показывал, что англичане горят желанием отомстить бурам за катастрофическое поражение в битве при холме Маюба, которое британцы потерпели в 1881 году.

«Маюба» dokonала буров, и они растворились в ночи. Собственно говоря, их и было-то всего пятнадцать человек, добровольцы из бурского *vryheid commando*, отряда свободы. Они были удивлены ничуть не меньше своих противников — ну кто бы мог подумать, что те полезут на абсолютно не нужный им холм?

«Покорив» таким образом «горную вершину», британцы огласили ночь троекратным громовым «Ура!», сообщая тем самым оставшемуся в долине генералу, что задание выполнено. Генерал Уоррен, сидевший в штабной палатке, услышал их крик и удовлетворенно улыбнулся.

— Так, значит, они захватили этот холм?

— Да, сэр, — подтвердил дежурный офицер.

— Сопrotивление?

Уоррен склонился над картой.

— Почти никакого, сэр, потери крайне малы, я бы сказал — до удивления малы.

He остановись генерал на этом, его солдаты могли бы спуститься с Копа по дальнему, пологому склону,

чтобы тут же направиться на выручку осажденному британскому гарнизону — что, собственно говоря, и было целью проводившейся операции. Но генерал Уоррен сделал иначе. Точнее говоря, он не сделал ничего. «Занять и удерживать высоту!» — таков был его приказ; генерал-лейтенант сэр Чарльз Уоррен не отличался излишним воображением.

Не получив приказа о дальнейшем продвижении, Ланкаширские полки, занявшие «высоту», попытались выкопать себе оборонительную траншею, однако вскоре бросили это занятие — земля под ногами была твердая, как камень. Они подкатали и установили вокруг выбранного для ночлега места некоторое количество валунов и завалились спать. Генерал-майор Э.Р.П.Вудгейт был человеком порядочным, и не хотел мешать отдыху утомленных карабканьем в гору солдат. Поэтому он последовал примеру вышестоящего начальника и тоже не сделал ничего, даже не выслал разведывательный дозор для исследования окружающей местности. Он просто решил дожидаться дальнейших указаний сверху (сверху в *иерархическом* смысле, в топографическом же — снизу). Указаний не поступило, связь между Верховным командованием Южно-Африканских экспедиционных сил и Уорреном, равно как и между Уорреном и его передовыми частями, полностью прервалась.

Незадолго до того, как первые лучи восходящего солнца озарили вельд, горы окутались легким туманом. А затем начались неприятности. В тумане появились разрывы.

— Wot the fock...

Теперь было поздно что-нибудь делать. Слишком поздно!

В 1652 году голландцы создали на мысе Доброй Надежды маленький поселок, служивший перевалочной базой для кораблей голландской Ост-Индской компании. Драгоценные шелка и пряности изобиловали на востоке, а не в неведомых дебрях черной Африки. Наполеоновские войны и последующее установление *Rax Britanica* в корне изменили морскую политику Великобритании. Королевский военно-морской флот нуждался в глобальной сети заправочных и ремонтных баз, а мыс Доброй Надежды находился на стратегически важном пути в Индию. Англичане захватили Капскую колонию и стали вытеснять буров¹ из прибрежных областей. В 1830 году буры начали свое Великое переселение в глубь материка. В 1856 и 1858 годах они организовали Оранжевую республику и республику Трансвааль, тем временем англичане обживали прибрежную полосу Капской провинции и провинции Наталь. Все шло более или менее мирно до 1886 года, когда в Кимберли были обнаружены алмазы, а в районе Витватерфанда — золото. Это привлекло живейший интерес британских финансовых магнатов, особенно сэра Сесила Родса, который составил на добыче драгоценных минералов огромное состояние и запечатлел свое имя на карте Африки в виде страны — Родезия. Пытаясь прибрать к рукам Трансвааль, он поручил лейтенанту Леандру Старру Джеймсону свергнуть Иоханнесбургское правительство, однако тот бездарно провалил дело. Тогда Родс стал подбивать на захват внутренних областей Южной Африки британское правительство. Однако буры извлекли из

¹ Буры были потомками голландцев, переселившихся сюда еще в семнадцатом веке и основавших здесь собственный субэтнос.

авантюры Родса очень важный урок: они поняли, что нуждаются в современном оружии и персонале, обученном обращению с этим оружием. Президент Трансвааля Пауль Крюгер начал отправлять бурское золото в Германию, получая взамен магазинные винтовки системы Маузер и крупновские пушки. Эти пушки обладали неоценимым преимуществом перед всеми ранними артиллерийскими системами: они стреляли при помощи бездымного пороха. Ценность этого технического новшества была ярко продемонстрирована в ходе последовавшей вскоре войны, наводчики английской артиллерии не могли уже, как прежде, находить цели по клубам дыма.

Подобно множеству других изобретений, бездымный порох обязан своим рождением чистой случайности. В 1846 году немецкий химик Христиан Фридрих Шонбейн, работавший на владельца хлопкопрядильной фабрики, занимался исследованием хлопкового волокна. Обработав его смесью азотной и серной кислот, он получил нитроцеллюлозу, известную еще как пироксилин, основу для будущего производства бездымного пороха. Владелец фабрики ума не мог приложить, что ему делать с этой «бесполезной штукой» — легковоспламеняющаяся ткань явно не подходила для производства одежды. Зато Альфред Крупп, работавший в это время над усовершенствованием стальных пушек, сразу же увидел все преимущества нового химического вещества.

Вместе с пушками немцы прислали в Трансвааль артиллерийского инструктора, майора Альбрехта, который набрался опыта в ходе франко-прусской войны. Альбрехт быстро сформировал республиканскую артиллерию — единственную часть бурских вооруженных сил, которая носила настоящую униформу, что лишний раз под-

черкивает ее исключительное положение. Он преподавал своим канонирам принципы гаубичной стрельбы¹ и, что имело еще большее значение, обучил их искусству быстрого перемещения батарей и стрельбе из одиночных орудий с закрытых позиций, в то время как их будущие противники все еще оставались на уровне наполеоновских шестипушечных батарей, установленных на открытом месте.

В воздухе пахло порохом. В июле 1899 года англичане и буры сели за стол переговоров в Блумфонтейне, столице Оранжевой республики. Британскую делегацию возглавлял верховный комиссар Капской провинции сэр Альфред Милнер. Блестящий джентльмен в безупречном мундире почти не скрывал своего высокомерного презрения к седобородому, одетому в черный сюртук и цилиндр Паулю Крюгеру, походившему скорее на состоятельного фермера, чем на президента. Их «дружественные беседы» закончились ничем; 11 октября 1899 года началась Вторая англо-бурская война или, как называют ее буры, «Tweede Vryhedsoorlog» («Вторая война за свободу»).

Англичане не сомневались, что буры будут придерживаться той же тактики массированной атаки волнами, которая год тому назад, при Омдурмане, привела к полному уничтожению суданских повстанцев. Во главе Южно-Африканского экспедиционного корпуса стоял генерал сэр Редверс Буллер, вскоре заслуживший у своих подчиненных насмешливое прозвище «Реверс Бул-

¹ В то время как пушки стреляют по настильным траекториям, гаубичный снаряд летит по крутой параболе, гаубица может поражать цели за высокими препятствиями.

лер»¹. Руководя учебным центром в Олдершоте, он поднял военное искусство на новый, высочайший уровень идиотизма, приказав, чтобы маневры проводились только от девяти часов утра до пяти вечера с часовым перерывом во время полуденной жары, а также, чтобы солдаты, попавшие под обстрел, не бросались в укрытие — ложась на землю, они могли испачкать казенное обмундирование.

Его заместитель, генерал-лейтенант сэра Джордж Уайт, прибыл в Наталь раньше своего начальника. Уайт принял решение форсировать опасную полноводную реку Тугела и взять город Ледисмит, хотя не мог не понимать, что его десятитысячная дивизия слишком слаба, чтобы справиться с 25000 буров, вторгшимися в Наталь. Далее случилось то, что и должно было случиться — дивизия Уайта попала в окружение, и началась долгая осада Ледисмита². Безрассудный, полностью противоречащий как азам военной науки, так и обычному здравому смыслу шаг привел британские войска к целой серии унижительных поражений.

Первое из этих поражений англичане потерпели в Оранжевой республике 28 ноября 1899 года, когда колонна генерала Метьюэна попала в засаду, организованную бурским генералом Питером Кронье. Потери Метьюэна составили 485 человек, из них 24 офицера.

¹ Направленный в Южную Африку экспедиционный корпус Буллера насчитывал 50000 человек, что превосходило всю объединенную бурскую армию.

² В действительности осада Ледисмита бурами началась еще 15 октября 1899 года — на четвертый день войны (правда, другие источники называют днем начала осады 11 ноября).

Две недели спустя, 11 декабря, случай снова свел Метьюэна с Кронье, на этот раз у Магерстонгейна. Метьюэн не усвоил недавнего урока. Он целый день обстреливал холм, занятый, как ему казалось, бурами, — которые вовремя его покинули. Убежденный, что уж теперь-то сопротивление противника сломлено наверняка, он послал на этот холм бригадира Уокера с 3500 шотландцев, сквозь грозу и проливной дождь.

Холм оказался смертельной ловушкой. Расставленные Кронье наблюдатели следили за всеми продвижениями шотландцев, меткие бурские стрелки, засевшие на верхних склонах, осыпали *rotneks* (красношеих), как они называли британских солдат, смертельным свинцовым градом. Шотландцы не выдержали и обратились в бегство, многие из них были убиты выстрелами в спину. Сам бригадир Уокер вел себя достойно, впоследствии его тело было найдено лежащим поперек бурского окопа. Новый эксперимент Метьюэна обошелся англичанам в 1079 убитых и раненых, из них 68 офицеров — правда, на этот раз буры тоже потеряли около двухсот человек. Командующий экспедиционным корпусом Буллер снова проявил малоуместное спокойствие: он не только не отстранил дважды прощтрафившегося генерала, но даже не объявил ему выговора.

Почти одновременно англичан постигло другое бедствие, на этот раз — связанное с именем генерала Уильяма Гатакра. Ночью 10 декабря 1899 года у железнодорожного разъезда Стормберг этот дуболом повел 3000 солдат не в ту сторону. Единственного человека, который знал дорогу, оставили в лагере. Когда рассвело, ан-

гличане обнаружили прямо перед своим носом крутой неприступный склон, а наверху — мирно завтракающих буров. Те были крайне удивлены, увидев, как «красношеие» разворачиваются и шагают назад, хотя по ним никто еще не сделал ни одного выстрела. В конечном итоге англичанам пришлось улепетывать со всех ног. Генерал Гатакр очень гордился, что его потери составили всего восемьдесят девять убитых и раненых — скромно умалчивая о шестистах тридцати трех солдатах и офицерах, попавших в плен, единственно потому, что никто не сообщил им об отходе.

Вечером Гатакр получил от своего командира сэра Редверса Буллера телеграмму: ЖЕЛАЮ БОЛЬШЕЙ УДАЧИ В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ.

Ответственность за конечное падение Буллера лежала не на ком-нибудь из бурских военачальников, а на его собственном подчиненном, командире дивизии генерал-лейтенанте сэре Чарльзе Уоррене, худшем, по весьма распространенному мнению, выпускнике британских военных академий за все время их существования. Когда фельмаршал лорд Уоллсли, главнокомандующий британской армией, спросил этого пятидесятидевятилетнего, вызванного из отставки генерала, что он думает о бурской кампании, Уоррен ответил: «Надо раздолбать Джонни-бура артиллерией, атаковать его цепью, а затем спустить с него штаны и выдрать по голой заднице».

Скорее всего, Буллер был осведомлен о столь своеобразных взглядах Уоррена, однако он все же поручил ему возглавить критически важную атаку на Шпиен Коп.

Но сперва был Коленсо, 15 декабря 1899 года. Буллер вел свои колонны через вельд, держась железной

дороги, проложенной между портом Дурбан и Ледисмитом. Английские войска сильно превосходили вторгшихся в Наталь буров по численности, а потому двигались, почти не встречая сопротивления. Чтобы прийти на помощь дивизии генерала Уайта, осажденной в Ледисмите, оставалось преодолеть единственное серьезное препятствие — вздувшуюся от дождей реку Тутелу. Буллер не был большим любителем высылать вперед разведывательные дозоры и шел по карте, как оказалось — безнадежно устаревшей. Ему предстояло выбрать одну из четырех возможных переправ: бродов Поттитер и Тричардт, по которым обычно переезжали реку запряженные волами телеги, а также два моста в Коленсо, один из них — стальной, железнодорожный. Вот на нем-то и остановил Буллер свой выбор, хотя трудно было ожидать, чтобы противник — пусть даже самый неопытный — не устроил там засаду.

Бурский генерал Луис Бота не был неопытным. Его стратегия не отличалась особой изощренностью — простая ситуация требовала простых решений, все определял элементарный здравый смысл. Бота взорвал железнодорожный мост, а на втором, обычном, устроил засаду. Однако англичане не попали в эту ловушку, и совсем не из-за необыкновенной прозорливости своего командира — они просто не сумели найти сохранившийся мост. Броды Поттитер и Тричардт располагались слишком далеко вверх по реке, к тому же оба они контролировались цепью холмов, высочайшим из которых был Шпиен Коп. Зато Буллер отыскал на карте Бридл Дрифт («Уздечный брод»), находившийся рядом с поселком Коленсо, в речной излучине. В конечном итоге из четырех возможных переправ была выбрана пятая.

С британской стороны к реке полого спускался гладкий открытый луг, дававший бурам великолепный сектор обстрела, зато с бурской стороны к ней близко примыкала холмистая гряда, целая цепь господствующих высот, столь любимых всеми тактиками. Оборона Боты имела слабое место — открытый левый фланг, однако англичане этого не знали и не узнали, так как не высылали разведывательных дозоров.

Буллер приказал подтянуть артиллерию, что заняло довольно много времени — под окованные железом колеса приходилось подкладывать ветки, чтобы они не утопали в раскисшей после дождя земле. Когда батареи были установлены, генерал приказал вести массированный обстрел холмов — в естественном предположении, что именно там и засели буры. Однако британские канониры жгли порох совершенно напрасно — в полном противоречии со всем, чему учат в военных академиях, бойцы генерала Боты окопались на ровном месте около самого берега реки и, конечно же, умело замаскировались. От них до места, где британцы собирались переходить реку, было рукой подать.

Буллер назначил атаку на 15 декабря 1899 года. Нужно упомянуть двоих актеров, которым было суждено играть в последовавшей драме важные роли. Это генерал-майор Харт, командовавший 5-й ирландской бригадой и полковник Лонг, под чьим командованием были 14-я и 66-я батареи полевой артиллерии с двенадцатью пушками, поддерживаемые лейтенантом Огилви с шестью тяжелыми морскими орудиями. События, развернувшиеся под Коленсо, можно считать уникальными.

В шесть часов пасмурного утра 15 декабря Харт приказал своим четырем батальонам выступить в плотном боевом строю по пологому травянистому склону вниз, к Бридл Дрифт, мелкому броду, находившемуся, как считали англичане, в узкой излучине реки Тутела. Тем самым он фактически повторил бросок легкой бригады.

Пушки справа от них/Пушки слева от них/Пушки прямо перед ними/... В челюсти смерти/В пасть ада/Ехали шесть сотен... Только на этот раз не ехали, а шли, и не 600, а 4000.

Вероятно, буры были крайне удивлены этим зрелищем — на них наступал типичный для начала века наполеоновский строй: плотные маршевые каре, возглавляемые генералом на коне с саблей наголо. Первыми печатали шаг дублинские и эннискилленские фузильеры, за ними выступали коннахты и Приграничный полк. Четыре батальона, 4000 человек, стиснутые на фронте в какие-то 800 ярдов! Это было настоящее самоубийство. Затаившиеся в глубоких окопах буры поджидали британцев со всех трех сторон речной излучины, нетерпеливо сжимая новенькие маузеровские винтовки, бывшие на два километра.

Харт и его ирландская бригада почти не встречали сопротивления. Редкая цепочка буров, засевшая на противоположном берегу реки, рассыпалась после первых же выстрелов. Для генерала это был самый волнующий момент всей его жизни. Он совсем не задумывался, где же находится армия Боты, ничуть не опасался бурской артиллерии. Несколько снарядов, выпущенных его собственной 33-й батареей Парана, просвистели над головами солдат и разорвались в далеких холмах. Логика

подсказывала артиллеристам, что именно там и засели враги. Но буры руководствовались не логикой учебников по тактике, а инстинктом и здравым смыслом.

Местный проводник Харта указал направо:

— Генерал, брод там.

Харт привстал в стремени и протянул саблю в направлении, указанном проводником. Батальоны четко, как на параде, развернулись и направились прямо к центру организованной бурами обороны. Когда британцы приблизились к реке на триста ярдов, прогремел выстрел из пятидюймовой крупновесной гаубицы. Ждавшие этого сигнала буры открыли по противнику частый, смертельно точный огонь.

При первых же выстрелах местный проводник куда-то испарился, оставив генерала Харта в полной растерянности. Противоположный берег извергал потоки свинца, сила и неожиданность оказанного бурами сопротивления заставили дрогнуть даже стойких, закаленных в боях ирландцев. «Дикая неразбериха» — так описал свои впечатления один из выживших счастливых. Идеальные каре хартовской бригады рассыпались на глазах.

— Стройся безотносительно к рангу, — кричал генерал. — Офицеры и рядовые, все в одну колонну.

Он справился по карте, торчащей из его полевой сумки, нашел на самом изгибе реки пометку, обозначающую брод, и тут же без всякой проверки выбранного места приказал начать переправу.

— Двигайтесь, двигайтесь, я пойду в первых рядах, — кричал Харт, — вы же не отстанете от своего генерала!

Солдаты разрывались между верностью королеве и отечеству и инстинктом самосохранения. Как это ни удивительно, первое чувство пересилило. Одна из рот бесстрашно бросилась к берегу.

Карта оказалась неточной. Ширина реки в выбранном для переправы месте была триста футов, а глубина— двадцать, немногие, сумевшие добежать до воды, ухнули в нее с головой. Пули и картечь, хлеставшие через реку, косили шеренгу за шеренгой одетых в хаки солдат. Харт застыл в седле, с ужасом глядя на противоположный, озаренный вспышками выстрелов берег, не обращая внимания на свистевшие вокруг пули. При всей своей безнадёжной некомпетентности он не был трусом. Возможно, он считал себя заговоренным от пуль. Никто не знает его мыслей, но даже самый законченный идиот, заговорен он от пуль или нет, не мог в этот момент не задуматься, как же это вышло, что он завел своих солдат в такую ловушку.

В толпе офицеров, наблюдавших за попыткой переправы с командного пункта, выделялась массивная фигура Буллера. Командующий смотрел в бинокль, как гибнет 5-я ирландская бригада.

— У Харта возникли проблемы, — сказал он Литлону, командиру 4-й шотландской бригады. — Поднимайте своих ребят и помогите ему разобраться. Сделайте все, что можете.

Однако не успел Литлтон отдать шотландцам приказ, как развернулись события, отвлекшие внимание Буллера в другом направлении.

На правом фланге наступала 2-я английская бригада под командованием Хилдьярда. Полковник Лонг, командующий его полевой артиллерией, раздраженный черепашьей медлительностью, с какой воли тащили шесть тяжелых морских орудий, неожиданно поскакал галопом к реке во главе 14-й и 66-й батарей. По его прика-

зу двенадцать легких пушек были развернуты на берегу, успели сделать несколько залпов, после чего шквал винтовочного огня буквально смел всю оружейную прислугу, тем более что пушки не имели защитных щитов.

— Ну кой черт этому типу так не терпелось, — выругался Буллер, — он же оставит меня без пушек.

Двенадцать пушек без канониров, большая часть которых погибла, и без боеприпасов молча застыли вдоль берега.

У Буллера все еще оставались нетронутые резервы, около 8000 штыков, однако вместо того, чтобы использовать их для оказания общей поддержки попавшей в тяжелое положение армии, он настолько взволновался судьбой пушек Лонга, что даже оставил свой командный пост, чтобы лично руководить возвращением утраченных сокровищ. Группа, отряженная для этой цели, проявила чудеса героизма, вознагражденные впоследствии семью Крестами Виктории (один из орденов достался посмертно Фредди Робертсу, чьему отцу предстояло вскоре сменить генерала Буллера). Ценой невероятных усилий и жертв удалось оттащить назад две пушки, остальные же остались на берегу. Буллер достаточно спокойно пережил разгром целой бригады, утрату многих сотен людей, однако утрата десяти пушек настолько потрясла генерала, что в 11:00 он приказал своим войскам отойти.

Вечером, когда англичане хоронили погибших, буры переправились через реку и подобрали трофеи. Подобно кавалеристам Нея при Ватерлоо, солдаты Лонга оставили пушки неповрежденными, таким образом республиканская артиллерия неожиданно удвоила свой оружейный парк.

Британия потеряла под Коленсо 71 офицера и 1055 солдат, половина из них относилась к ирландской бригаде, бурские же потери составили всего 40 человек. Однако худшее было впереди.

24 января 1900 года, Шпиен Коп, в переводе — «Наблюдательный холм». День и место, покрывшие позором имя генерал-лейтенанта сэра Чарльза Уоррена.

Холм заслужил свое название тем, что с него великолепно просматривалась окружающая местность. Именно отсюда в 1830 году бурские переселенцы со страхом и надеждой взирали на свою Землю Обетованную. Шпиен Коп являлся также стратегически важной высотой, контролировавшей две грунтовые дороги на Ледисмит. Его требовалось занять, каковая задача и была поручена генералу Уоррену. Удивительнее всего, что ни Уоррен, ни пославший его Буллер не имели ни малейшего представления, что же делать с этим очень стратегическим холмом после того, как он будет захвачен.

*«У герцога Йоркского был отряд,
Десять тысяч солдат.
Герцог велел им подняться на холм
А затем спуститься назад.»*

После прискорбных событий при Коленсо британская армия разбила на берегу Тутелы бивуак, сильно напоминавший огромный кемпинг, палаточный городок у воды на травке. Это вполне устраивало солдат, они стряпали, стирали одежонку и купались, оставляя обсуждение стратегических тонкостей генералам. 18 января 1900 года генерал Уоррен получил приказ форсировать реку у брода Тричардт и занять Шпиен Коп;

несколько последующих дней он посвятил осмотру, отбору и подготовке своего личного багажа, дабы не испытывать никаких неудобств при пересечении Тугелы и после этого. По тем временам британский генерал просто не мог отправляться в поход без запасов марочного портвейна, ящичков шампанского и прочих, жизненно необходимых в полевой жизни вещей. Кроме того, стареющий Уоррен очень любил купаться, так что, за недостатком у генерала времени, вся подготовка армии к походу легла на плечи его подчиненных. Непосредственное руководство атакой на Шпиен Коп он поручил генерал-майору Дж. Талбо-Коуку. Когда некстати выяснилось, что Талбо-Коук недавно сломал себе ногу и вряд ли сумеет карабкаться по горным кручам, Уоррен передал эту задачу генерал-майору Э. Р. П. Вудгейту. Одноногий на тот момент Талбо-Коук имел вполне приличную голову, но у здорового Вудгейта головы не было вовсе.

Им противостоял круглолицый здоровяк с длинными висячими усами, тридцатисемилетний «герой Наталя» генерал Луис Бота, человек, в высшей степени смелый и решительный, пользовавшийся всеобщей любовью своих соратников — тощих, мосластых, с глубоко проваленными щеками крестьян в крестьянской же одежде. Их скрюченные, мозолистые, покрытые сетью голубых прожилок руки уверенно управлялись с длинноствольными маузеровскими винтовками, они защищали голову от солнца широкополыми шляпами и не брились по несколько недель кряду. Рустенбергский отряд под началом Шалька Бюргера удерживал сектор Твин Пикс, рядом с ним, на Шпиен Копе, стояли каролинские волонтеры Хендрика Принслоо и преторианский (от города Претория) отряд

Даниэля Оппермана. Все бургские командиры были опытными охотниками, закаленными борцами с мятежными дикими племенами. В их распоряжении имелись пять трехдюймовых пушек, три крупновских и две Крезо — весьма серьезная огневая мощь по тому времени, особенно если учесть, что пушки размещал такой опытный специалист, как немецкий майор Альбрехт. При поддержке отрядов из Крюгерсдорпа, Боксбурга, Гейдельберга и Утрехта эти «провинциальные охломоны» преподавали профессиональным колониальным офицерам Британской империи весьма суровый урок.

В 9 часов вечера 23 января 1910 года генерал-майор Вудгейт и 1800 солдат и офицеров Ланкаширской бригады, состоявшей из ланкаширских фузильеров и собственных Его Величества королевских ланкастерцев, начали долгий подъем. Под прикрытием темноты проводники-итландеры ускользнули, дальше путь выбирал полковник Алек Торникрофт из Конной пехоты, единственный старший офицер, внимательно изучивший в бинокль рельеф гряды. Он и его отряд упорно карабкались по крутому склону.

Перед началом восхождения солдатам раздали мешки с песком, в соответствии со старой байкой: сперва плохая новость — там, наверху, не за чем спрятаться; а теперь хорошая новость — зато здесь, внизу, песка хоть засыпья, а заодно есть и мешки, так что насыпайте их песком и тащите в гору. Положившись на эту предосторожность Вудгейт приказал выдать почти двухтысячному отряду всего два десятка шанцевых инструментов. Подъем был крутой, ночь — темная, мешки — тяже-

лые, солдаты спотыкались, падали, теряли дыхание. Вскоре ведущая вверх тропа была усеяна брошенными мешками с песком. Во флягах солдат плескалась грязная речная вода, многие из них страдали от желудочных колик и разбредались по кустам.

— Давай, ребята, давай, не отставайте, этот холм кишит Джонни Бурами,— шептали офицеры.

— Есть сэ-э...

— Вы что, хотите пропустить все удовольствие?— бормотали сержанты, которым было настрого запрещено рывкать в обычном сержантском тоне.

— Не нравится мне тут, сардж, ловушка это.

— Заткнись и шевели ходулями.

Вскоре голова колонны оторвалась от остального отряда. Солдаты давно научились держаться подалеже от молодых, не растерявших еще энтузиазма офицеров, в любой момент готовых взвалить на подневольного человека какое-нибудь дополнительное задание. Когда передовая группа Торникрофта в лихой штыковой атаке очистила грядку от неприятеля, оставшаяся часть отряда даже не очень поняла, что же это такое там, наверху, происходило, какие-то крики и суета.

Пятнадцать буров из Каролинского отряда Хендрика Принслоо, стоявшие в дозоре на обращенной к неприятелю стороне, благополучно отступили и со всех ног помчались в лагерь, располагавшийся на дальнем склоне.

— «*Die Engeleske is op die Kop!*» («Англичане на горе!»)

После минутного замешательства — буры никак не ожидали ночной атаки на холм — сохранивший свою обычную хладнокровность Луис Бота приказал Хендрику Принслоо, Даниэлю Опперману и Шальку Бюргеру занять все высоты, еще не попавшие в руки противника, и постараться вытеснить *ротнеков* с господствующей высоты. Буры устроили дикую гонку по горным кручам, стараясь во что бы то ни стало опередить англичан. Они поднялись на Алоэ Коп, Коникал Коп и Твин Пикс — и с крайним удивлением обнаружили, что ни одна из этих жизненно важных вершин не занята противником. Теперь они были вверху, а англичане — внизу! Немного отдышавшись, буры сложили из валунов надежные, непроницаемые для винтовочного огня брустверы. Занятые позиции позволяли им обстреливать все еще не осознавших свою ошибку англичан сверху. Те слышали ночью звуки, словно от перекатываемых камней, но не придали этому никакого значения.

Одновременно Бота отдал второй приказ, возымевший решающее влияние на ход приближавшейся битвы. Он разместил свои артиллерийские орудия поодиночке на закрытых позициях, выбранных с таким расчетом, чтобы снаряды могли поражать англичан с достаточной точностью, не задевая при этом засевших в сотне метров от них буров. Решение было несколько рискованным, но оно вполне себя оправдало.

— *Wot the fock?...*

8:30 утра. Завеса тумана, окутывавшая гору, разорвалась, начались долгие страдания ланкастерцев. Загрохотала бурская артиллерия. Изготовленные Круппом и Крезо снаряды безжалостно перепаживали плато. С окрестных вершин летел град винтовочных пуль. Ланкас-

терская бригада попала в смертельное полукружье свинца и стали. Спрятаться было негде — немногие, кое-как уложенные валуны почти не давали защиты. Генерал Вудгейт пытался поднять солдат в атаку. В процессе этих попыток он поднял голову и тут же схлопотал чуть повыше глаза снарядный осколок. Вскоре погибших было так много, что уцелевшие получили возможность прятаться за трупами. Оказавшиеся в беспомощном положении солдаты цеплялись за жесткую как камень землю и молили Бога, чтобы следующий снаряд упал подальше, на кого-нибудь другого. Снаряды падали с регулярностью каплею из водопроводного крана, через каждые шесть-восемь секунд. Трехдюймовые снаряды орудий, изготовленных на заводах Круппа и Крезо, это была настоящая бойня. И хоть бы какое укрытие.

Так как ни Буллер, ни Уоррен не озаботились заранее мыслью, что же делать дальше — а оставшиеся в долине генералы совершенно не представляли себе, что происходит там, наверху, — Уоррен послал Вудгейту и Торникрофту приказ следующего содержания: «Оставайтесь там, где находитесь».

— Не могу оставаться на открытом месте. Нужно либо наступать либо отходить, — взмолился полковник Торникрофт, после чего шальная пуля вдребезги разбила зеркало его гелиографа.

Ответа не последовало.

Что и не мудрено. Генералу Уоррену приказали захватить холм, не сказав, что же делать со столь ценным приобретением дальше. Это уж была проблема генерала Буллера. И все же Уоррен не стал связываться с Буллером, не стал просить у него дальнейших указаний.

Уоррен смотрел со своего командного пункта на вершину, где умирали солдаты, — и не отдавал никаких приказов.

— А нельзя ли затащить наверх пушки? — поинтересовался он у артиллеристов.

Ответ был отрицательным. Обращенный к англичанам склон холма поднимался слишком круто, чтобы тащить по нему тяжелые, неуклюжие орудия. Вполне естественная мысль выслать разведывательные группы, попробовать найти во вражеской обороне уязвимое место не приходила Уоррену в голову.

Ниже по течению Буллер молча наблюдал за происходящим, затем он приказал обстрелять холмы из тяжелых орудий. Это не принесло особой пользы, буры хорошо окопались, а их орудия не удавалось обнаружить — все из-за того же бездымного пороха. Таким образом, британская артиллерия попусту растрачивала снаряды на скалы и прочую малоинтересную недвижимую собственность. Не подлежит никаким сомнениям, что Буллер понимал реальное положение вещей гораздо лучше Уоррена. Однако он не передал командиру дивизии никакой информации и указаний — не сообщил ему, в частности, что наблюдатели обнаружили на холмах, окружающих Шпиен Коп, буров, так что Уоррен остался при убеждении, что его войска заняли всю гряду. Командующий не хотел вмешиваться в действия своего подчиненного и оставил все управление боем в руках генерала, то ли впавшего в полный ступор, то ли абсолютно неспособного разобраться в обстановке; одно не лучше другого, особенно с точки зрения погибавших наверху солдат.

Один из морских артиллеристов Уоррена обнаружил на Алоэ Коп бура, перебежавшего от валуна к валу-ну (скорее всего, это был разведчик Луиса Боты, направлявшийся на вершину холма, откуда он корректировал действия бурской артиллерии, обстреливавшей несчастных ланкастерцев). Затем, чуть пониже, было замечено движение окопавшихся буров. По самостоятельному решению артиллеристов тяжелые морские орудия начали забрасывать передний склон Алоэ Коп снарядами, начиненными лиддитом — новейшим по тому времени взрывчатым веществом. Снаряды ложились в самой гуще бурской обороны и причиняли тяжелые потери. К счастью для бойцов генерала Боты, Уоррен настолько не понимал обстановки, что сразу же приказал прекратить этот весьма эффективный обстрел в ложной уверенности, что его жертвами становятся не буры, а британские солдаты. А ведь еще несколько снарядов, выпущенных с той же точностью, и Алоэ Коп перестал бы быть угрозой.

Безжалостные лучи солнца в сочетании с полным безветрием превратили Шпиен Коп в адское пекло. Пыль, тучами поднимавшаяся после каждого взрыва снаряда, забивала солдатам ноздри, они дышали широко раскрытыми ртами, теперь пыль попадала им в горло и легкие, вызывала приступы удушливого кашля. Кордитный дым разъедал глаза, слепил потоками слез. Бледное, призрачное солнце еле проглядывало сквозь коричневую завесу взбитой взрывами пыли. Жажда мучила британцев ничуть не меньше, чем обстрел, их распухшие языки едва помещались во рту, иссохшие губы растрескались и кровоточили, флаги давно опустели — все вода была выпита во время подъема. Вконец обезумевший солдат на-

брал горсть сахарно-белого песка, поднес ее к губам — и тут же получил пулю в голову. Такая судьба постигала любого, кто подавал признаки жизни, его сразу же срезала пуля одного из бургских снайперов, засевших за камнями на окрестных холмах. Тех же, кто не шевелился, кто притворился мертвым, доводили до безумия укусы залезавших под гимнастерку муравьев. Прямо перед окопом лежал убитый осколком командир роты, его лицо густо облепили мухи. Сержанту пуля разворотила бедро, чтобы остановить кровотечение, он перетянул ногу ремнем, снятым с одного из убитых. Солдаты стреляли по смутным теням, мелькавшим среди валунов, из-за трупов своих товарищей. Молодой парень царапал, лежа на спине, прощальное послание своей невесте.

Полковник Торникрофт был рядом со своими солдатами, его командный пункт представлял собой низкую, кое-как сложенную из камней стенку. Ланкастерцы гибли под пулями и снарядами, с этим нужно было что-то делать.

— Сержант, — приказал он, — доберитесь до генерала Уоррена. Это вопрос жизни и смерти. Нам нужны подкрепления — и заградительный артиллерийский огонь по этим холмам.

Торникрофт показал на карте позиции буров.

— Да, сэр, я доберусь.

Сержант понимал, что теперь все зависит от его проворства и везения. В первую очередь от везения.

— О'кей, а я пока вас прикрою. Ну — с Богом.

Полковник высунулся из-за бруствера и стрелял из револьвера, пока не остался без патронов. Сержант ужом проскользнул между трупов и валунов, а затем исчез из вида.

Час дня. Семь бесконечно долгих часов до заката. Один из солдат привязал носовой платок к винтовке и поднял над жалким подобием бруствера, его примеру последовали другие. Над плато повисла тишина. Свыше сотни солдат встали на ноги и поплелись к бурам, сдаваться. Все они были в наспех наложенных, грязных, насквозь пропитанных кровью перевязках.

Группа буров использовала эту передышку, чтобы подобраться к правому флангу британцев на пару десятков ярдов, а затем бросилась в атаку. В нескольких местах буры прорвались через сложенный из камней барьер, завязалась яростная рукопашная схватка. Люди стреляли в упор из револьверов, били противников прикладами, вцеплялись друг другу в горло. На место убитых и раненых британцев вставляли их товарищи, постепенно начальный порыв буров угас, и они ускользнули, подобно призракам, за свои валуны. Станным образом эта неожиданная атака укрепила боевой дух ланкастерцев, по плато прокатилась волна торжествующих криков: *«Мы им всыпали!»*

Генерал Буллер изучал в бинокль поле битвы (если, конечно же, можно назвать полем горные кручи). Рядом с ним стояли артиллерийские корректировщики. Они видели разрывы снарядов, но никак не могли обнаружить огневые позиции буров.

— Черт бы побрал этот немецкий порох, — выругался генерал. Излив таким образом свои чувства, он приказал вести дальний тревожащий артиллерийский огонь, чем и ограничилось его участие в битве.

На командном пункте Уоррена ситуация была такая же, если не хуже. Артиллерийские корректировщики, привыкшие высматривать ватные клубы дыма, извергнутого стволами вражеских пушек, впали в прострацию. Германский инструктор майор Альбрехт умело укрыв свои гаубицы и пушки, использовавшие для стрельбы бездымный порох — новинку, которая радикально изменила лицо будущих войн.

— Цели, мне нужны цели! — кричал в отчаянии офицер, в чьем ведении находились тяжелые морские орудия.

— Целей нет, сэр. Целей нет, — раз за разом отвечали корректировщики.

Британские артиллеристы стояли перед малоприятной дилеммой. Слепо стрелять по холмам с риском поразить своих, либо совсем не вести поддерживающего огня. Краткий ответ Торникрофта, посланный гелиографом с вершины холма, оказался последним, все дальнейшие попытки связаться с полковником ни к чему не приводили.

— Приостановить огневую поддержку до прояснения ситуации, — такой приказ получили в итоге артиллеристы.

Уоррен вышел из штабной палатки и устался на цепь холмов. Там что-то грохотало. Несколько часов назад командир армейской разведки поручил одному из своих лазутчиков пробраться на Шпиен Коп и посмотреть, как там ланкастерцы, однако солдат приковылял назад с насквозь прострелянным боком, так и не сумев ничего выяснить.

В конце концов, после трудного и опасного спуска (бурская пуля пробила его пробковый шлем, не зацепив, по счастью, голову) гонец Торникрофта добрался до Уоррена. Единственный, оставшийся в живых командир ланкастерцев докладывал генералу о положении, просил как можно скорее прислать подкрепления и оказать огневую поддержку. И даже теперь парализованный нерешительностью Уоррен не предпринял ничего.

Далее последовал эпизод, вошедший в историю. Молодой, неопытный военный корреспондент с бессильным отчаянием наблюдал за происходящей бойней. Не в силах сдержать своих чувств, он рискнул попросить Уоррена послать на спасение гибнущих ланкастерцев резервы.

— Генерал, — воскликнул он, — ради Бога, ну сделайте хоть что-нибудь!

— Не суйте свой нос, куда не просят! — проревел взбешенный Уоррен. — Изолируйте этого человека!

Инициативного журналиста посадили под арест. Его звали Уинстон Черчилль.

Генералу Уоррену даже не приходило в голову, что лучшим способом ослабить давление на Шпиен Коп была бы отвлекающая атака на какую-нибудь из соседних вершин. Однако среди его подчиненных нашелся человек, задумавшийся об этой возможности. Не обращаясь за разрешением к командиру, генерал Литтон направил шотландцев своего королевского стрелкового корпуса на холм, известный под названием Твин Пикс. Это решение казалось ему очевидным, так как буры сконцентрировались на Шпиен Копе и в его ближайших окрестностях. Вскоре он получил сообщение, что Твин Пикс находится в руках буров, что там стоит пуш-

ка, так что шотландцы рискуют полечь под градом картечи. Литлтон направил гонца с приказом об отмене атаки. Однако командир 60-го стрелкового полка полковник Буканан-Ридден не подчинился приказу командира, считая себя обязанным облегчить участь ланкастерцев. Вскоре он был убит, и его офицеры-шотландцы неохотно повернули свои подразделения назад. Однако мидсексский батальон полковника Хилла все-таки достиг вершины, где был тут же окружен отрядом буров и оказался в крайне опасном положении. Только быстрое вмешательство шотландских стрелков полковника Коука, которые чудесным образом появились в самый критический момент, спасло батальон Хилла от полного уничтожения. В яростной рукопашной схватке буры понесли тяжелые потери.

Насмешкой выглядит позднейшее заключение, что в этот момент исход сражения мог измениться на противоположный. Атака мидсексцев и шотландских стрелков настолько обеспокоила командира буров Шалька Бюргера, чьи люди сильно пострадали от британской артиллерии (при всей беспорядочности ее стрельбы), а вдобавок остались почти без боеприпасов, что он в ожидании новых атак противника приказал снять с позиции и отвести подальше крупновскую пушку, стоявшую за Алоэ Коп, — ту самую, которая наносила ланкастерцам наибольшие потери. Бюргер боялся повторить ошибку, допущенную британцами под Коленсо, понимая при этом, что без этой пушки свежие резервы противника рано или поздно захватят холмы. Он уже приказал своему сильно потрепанному отряду сниматься и отходить, когда ситуация резко изменилась.

Уже темнело. Полковнику Торникрофту начинало казаться, что верховное командование бросило его на

произвол судьбы. Дальнейшее удержание плато становилось бессмысленным. Отважные ланкастерцы и так уже проторчали там, в адской жаре, под непрерывным обстрелом больше тринадцати часов. Не дожидаясь разрешения Уоррена, он отдал приказ об общем отходе.

Спуск Ланкастерской бригады со Шпиен Коба, осуществленный ночью на 25 января 1900 года, вошел в историю Второй бурской (если пользоваться *английской терминологией*) войны как «долгая лестница боли». Когда окончательно стемнело, оставшиеся в живых ланкастерцы собрали раненых и покинули перепаханное снарядами плато. Сгибаясь под тяжестью своих страдающих при каждом толчке товарищей, они спускались по крутому, каменистому склону, ежесекундно поскальзываясь подкованными сталью, совершенно не приспособленными для подобных прогулок сапогами. Несмотря на темноту, буры продолжали стрелять; то один, то другой ланкастерец падал, получив случайную пулю в спину, остальные продолжали спускаться, используя винтовки как простые палки, для поддержания равновесия. Те, кто преодолел этот мучительный путь и спустился, мокрые от пота и черные от пороха, в долину, выглядели так, словно вырвались из ада. Да так оно, собственно, и было. Один из солдат плакал и стеснялся своих слез. «Да ты плачь, парень, не стесняйся, — успокоил его сержант, — ведь эти несчастные ублюдки, их же всех убили...» — и он тоже зашелся рыданиями.

«Все ближе, Господи, к Тебе», — нестройно пели солдаты.

Все их жертвы, все их страдания оказались напрасными. Буллер скомандовал общий отход за Тугелу (чем заслужил себе насмешливую кличку Тугельский паром-

щик). Обильно политый кровью Шпиен Коп снова попал в руки буров.

На следующее утро вершина холма представляла поистине жуткое зрелище. Буры свалили тела убитых врагов — многие из них были жутко изувечены прямыми попаданиями трехдюймовых снарядов — в узкий и неглубокий «Ланкастерский окоп». Трупы не помещались, приходилось наваливать их горой. По собственному подсчету буров, они потеряли 225 человек убитыми и ранеными, цифра очень низкая, если принять во внимание яростные рукопашные схватки и беспорядочный обстрел склонов английской артиллерией. Британцы потеряли 87 офицеров и 1647 солдат.

В Натале есть холм, навечно связанный с подвигами отважных буров и не менее отважных британцев, Наблюательный холм, *Spioen Kop*.

Когда королеве Виктории доложили про «Черную неделю» (такое название получила эта серия поражений британской армии), она ответила:

— В этом доме никто не впадает в уныние. Нас не интересуют возможности окончательного поражения — их попросту не существует.

На место сэра Редверса Буллера был поставлен генерал лорд Роберт Кандагарский, его заместителем стал лорд Китченер Хартумский. Ход войны радикально изменился, теперь уже бурская армия терпела за поражением поражение. 27 февраля 1900 года капитулировали генерал Питер Кронье и его четырехтысячная армия¹, Кимберли перешел в руки британцев. Днем позже Буллер вошел в Ле-

¹ Отряд Кронье был окружен английскими войсками численностью 25000 человек.

дисмит, чем и завершилась 118-дневная осада. 13 марта Робертс захватил Блумфонтейн, 31 мая — Иоханнесбург, 5 июня — Преторию. Президент Крюгер бежал в Голландию, Оранжевая республика и Трансвааль были аннексированы. Однако сопротивление буров продолжалось еще два года, по большей части в форме партизанской войны. Лорд Китченер отвечал на набеги неуловимых отрядов «народных мстителей» жестокой политикой выжженной земли.

Эта война не принесла Британской империи славы. Именно англичане в Южной Африке впервые применили такое кошмарное новшество, как *концентрационный лагерь*. Их отряды окружали целые бурские деревни и бросали всех их жителей без разбора — и мужчин, и женщин, и детей — за колючую проволоку. Каждый шестой пленник умирал от голода. Правительство Ее Величества пыталось отрицать существование таких лагерей. Однако пресса упорно описывала нечеловеческие условия существования в несуществующих лагерях, в Европе росли антибританские настроения. Палата общин осудила подобные методы умиротворения противника как «варварские».

«Ничто, даже неумение военных властей справиться с новой и неприятной для них задачей лишения свободы больших масс гражданских людей, не может оправдать условий, создавшихся в этих лагерях», — писал Уинстон Черчилль в статье «Великие демократы».

Вторая Англо-бурская война закончилась 31 мая 1902 года. Несколькими днями позднее скончался Сесиль Родс. Его последние слова оказались пророческими: «Вам кажется, что вы победили голландцев. Это не так. Эта страна все еще принадлежит им, в не меньшей степени, чем вам. Вам придется жить бок о бок с ними, так же как и в прошлом».

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — Буллер одновременно атаковал и у Коленсо, и у брода Тричардт?

Буров было так мало, что они, скорее всего, не смогли бы остановить противника.

Ну, а если бы — Уоррен приказал хотя бы небольшой части своих — весьма внушительных — резервов поддержать прижатых к земле ланкастерцев атакой на одну из соседних вершин?

Он этого не сделал, так что о чем тут говорить.

А теперь о фактах

Бурская война ознаменовала наступление нового века. Генри Форд заменил карету с лошадьми автомобилем, а мистер Джордж Истмэн из Уотервилла, штат Нью-Йорк, представил почтеннейшей публике свой «Волшебный фотографический аппарат». В Вене некий доктор Зигмунд Фрейд опубликовал работу «Толкование сновидений».

С военной точки зрения начало нового века принесло с собой радикальное изменение как систем оружия, так и стратегий.

«В этой войне древний страх перед видимым врагом уступил место парализующему ощущению прибли-

жения невидимого врага, порождавшему подозрение, что враги находятся всюду», — как писал позднее английский стратег, генерал-майор Дж.Ф. К. «Красавчик» Фуллер.

Для Британской империи бурская война была первым звонком, возвещавшим закат колониальной эры. Некоторое время — хоть и весьма недолгое — но профессиональные британские солдаты терпели поражение за поражением от столь презираемой ими «крысиной стаи».

В южноафриканском вельде британский генералитет заплатил весьма дорогую цену, чтобы узнать, что отныне невозможно идти на надежно окопавшихся, вооруженных малокалиберными магазинными винтовками людей в лихую штыковую атаку. И что бездымный порох радикально меняет способы ведения артиллерийской войны.

Этот урок следовало выучить к началу следующей войны. Первой Большой Войны.

Но никто не захотел учиться.

Решающим фактором сражения при Шпиен Копе стала полная бездарность двух британских генералов — ну и, конечно же, бездымный порох доктора Шонбейна.

28 августа 1914 года, Танненберг

Пощечина

Генерал Людендорф: *«Die russischen Soldaten kämpfen wie Bäre»*.¹

Полковник Макс Гофман: *«Gewiss, Herr General, aber diese Bären werden von Eseln angeführt»*.²

(Разговор генерала Людендорфа с полковником Гофманом, Танненберг, 1914 г.)

Человек, в измазанной грязью военной форме, бессильно привалился к расщепленной снарядом березе. Он проводил взглядом стаю диких гусей. Как хотелось бы ему улететь с ними. Но это невозможно. Человек медленно поднял зажатый в руке револьвер, поднес его к виску и спустил курок.

Есть мнение, что он стыдился показаться царю на глаза. Он не был похоронен — потому, что его так и не нашли. Просто один из многих тысяч, погибших в Мазурских болотах в тот переломный август 1914 года.

¹ «Русские солдаты сражаются, как медведи».

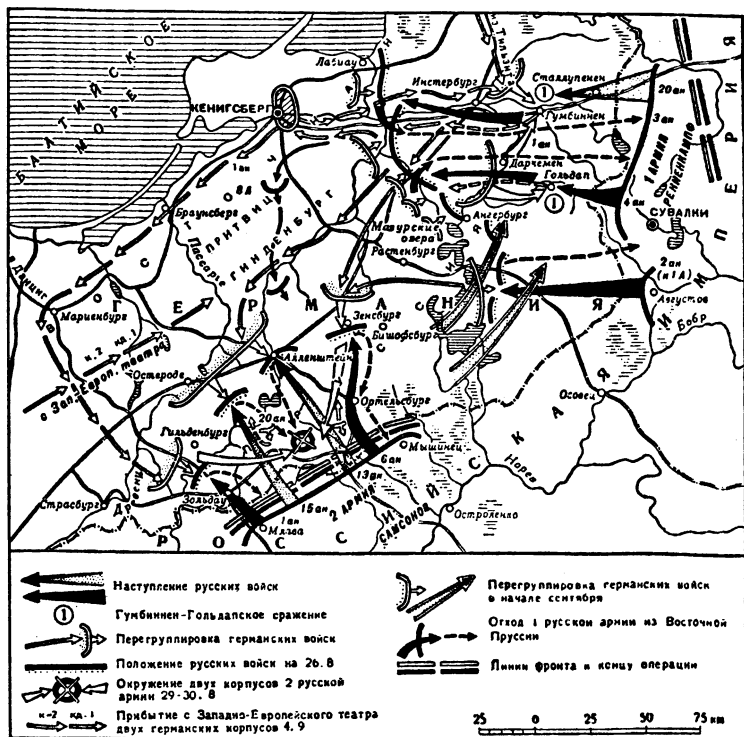
² «Да, господин генерал, но этих медведей ведут ослы».

В царской России весь блеск и вся слава войны приходилась на долю аристократии. К крестьянам относились как к пушечному мясу, в то время как графов мгновенно производили в полковники, князей — в генералы. Александр Самсонов был одним из редких исключений — не князь и даже не граф, а просто приличный военный администратор, имевший хорошие связи.

Верховное командование Российскими вооруженными силами находилось в руках великого князя Николая, дяди царя. Русские армии были разделены на две группы, Северная группа предназначалась для действий против Германии в Восточной Пруссии, а Южный фронт — против Австрии в польской Галиции. Оперативный план Северной группы, состоявшей из Первой и Второй армий, был составлен без учета того, что при совместном наступлении эти армии будут разделены Мазурскими озерами, а озера никогда не приносили царским солдатам особого счастья — вспомнить хотя бы озеро Аустерлица. Создавалась ситуация, когда немцы, уступавшие противнику в численности, но превосходившие его в подвижности, могли нанести удар по каждой из армий в отдельности, не давая им времени соединиться.

1-й русской армией, имевшей штаб в Вильно, командовал генерал Павел Ренненкамф, человек очень компетентный, очень аристократичный и очень высокомерный. Немецкое происхождение, прусская фамилия и юнкерские¹, усы генерала мало поднимали его популяр-

¹ «Юнкерские» — как у прусского юнкера, землевладельца.

Восточно-Прусская операция 4 (17) августа — 1 (14) сентября 1914 г.

ность в войсках — ровно как и злокозненный, настоятельно повторяемый слухок, что «наш генерал намылился к своим немецким родственничкам».

2-я армия находилась под началом Александра Самсонова, спешно вызванного из отставки всего двумя неделями раньше. Генерал страдал от тяжелых приступов астмы, любое эмоциональное напряжение обостряло его болезнь. Не самое лучшее состояние для полководца. Самсонов не обладал агрессивностью своего зачатого

соперника Ренненкампа — зато его отличало железное упрямство в исполнении полученных приказов.

Структура управления Северной группой буквально до запятых повторяла «синдром Ватерлоо». Правым крылом командовал Ренненкампа — агрессивный, быстро увлекающийся генерал той же породы, что и маршал Ней — и с той же прискорбной склонностью выходить из-под контроля, в то время как на левом крыле стоял недавний отставник Самсонов, похожий на Груши не только этим биографическим моментом, но и своей гипертрофированной осторожностью, — человек, вряд ли способный броситься на звуки канонады. Однако на этот раз все вышло наоборот: именно порывистый Ней не пожелал идти туда, где стреляли пушки.

Не нужно думать, что только в русской армии встречались плохие офицеры, Германия тоже страдала от этой напасти. 8-ю армию кайзера, расквартированную в Восточной Пруссии, возглавлял граф Макс фон Притвиц, восточно-прусский юнкер, удостоенный в армейских кругах не очень возвышенного титула «*der dicke Soldat*», «жирный солдат». Настоящий мозг штаба Восьмой армии располагался в наголо выбритой голове крепкого, ширококостного полковника Макса Гофмана — безо всяких «фон» перед фамилией. Судьба отвела ему в неуклонно надвигавшихся событиях решающую роль.

По первоначальным планам в начале войны 1-я русская армия должна была вести на германской границе сдерживающие действия, имея в резерве 2-ю армию, развернутую в районе Варшавы. Однако французы и англичане, воевавшие на западном фронте, сразу попали в тяжелейшее положение. Немецкий паровой каток буквально раздавил Бельгию, Первая армия генерала фон

Клука стучалась в ворота Парижа. Французское правительство обратилось в Петроград с отчаянной просьбой о помощи. Чтобы спасти Париж от германского джаггернаута, Россия должна была принять удар на себя. Русские армии не были к этому готовы, однако царь не внял мудрости великого фельмаршала Михаила Кутузова, человека, остановившего Наполеона под Москвой, забыл его слова: «Мы не должны стучаться в границу, словно какие-нибудь ободранные бродяги». Идя навстречу мольбам французов, Николай II через своего дядю, великого князя Николая, послал обе, плохо подготовленные, северные армии в Восточную Пруссию, колыбель прусского юнкерства.

Исход еще не начавшейся битвы был решен уже десять лет назад. Александр Самсонов и Павел Ранненкампф участвовали в русско-японской войне 1904—1905 годов в одинаковом ранге командиров дивизий. Сибирской казачьей дивизии Самсонова было приказано защищать яньтайские угольные копи в Маньчжурии. Дивизия Ранненкампфа, удерживавшая соседний сектор, получила специальный приказ поддерживать казаков Самсонова. Японцы атаковали самсоновскую дивизию и причинили ей тяжелейший ущерб, тем временем дивизия Ранненкампфа бездействовала.

Через несколько дней после этого кровавого побоища два генерала случайно встретились на железнодорожной платформе Мукденского вокзала. Разъяренный Самсонов бросился к Ранненкампфу, снял перчатку и вlepил своему малонадежному соратнику увесистую пощечину. Мгновение спустя два генерала катались, подобно мальчишкам, по земле, обрывая пуговицы, орден и погоны. Солидные люди, командиры дивизии били и душили друг друга, пока их не растащили случившиеся

ся рядом офицеры. У русских дворян подобный конфликт мог быть разрешен только одним способом, однако царь, не желавший попусту терять генералов, запретил им стреляться на дуэли. Взаимная ненависть Самсонова и Ренненкампа не исчезла, а только была загнана глубоко внутрь, оба они горели жаждой мести. К сожалению, это обстоятельство выпало из внимания, когда давние заклятые враги снова были поставлены рядом, на этот раз — во главе не дивизий, но армий.

Однако не все забыли об этом инциденте. В тот день на той же самой платформе Мукденского вокзала находился целый ряд иностранных военных обозревателей, в том числе английские, итальянские, американские¹ — и один немецкий. Капитан Макс Гофман, рослый гессенец, любивший толстые сосиски и безупречно владевший русским языком, — последнему факту было суждено изменить ход войны.

Три гигантские армии, 650000 русских солдат и 135000 немецких², шли к неизбежному уже столкнове-

¹ Чуть ли не все эти военные обозреватели сделали потом великолепную карьеру. Сэр Джон Гамильтон стал командующим армией, Кавилья возглавил итальянское министерство обороны, а некий капитан Першинг возглавил во время Первой мировой войны экспедиционный корпус Соединенных Штатов. (*Примеч. автора*).

² Автор примерно вдвое занижает численность немецких войск и во столько же раз завышает численность русских. В действительности две русские армии имели 26 пехотных и кавалерийских дивизий (14 у Самсонова и 12 у Ренненкампа) при 1212 орудиях и 54 самолетах. Немцы имели 16 дивизий при 1044 орудиях и 56 самолетах. Если к тому же учесть несколько большую численность немецкой дивизии, превосходство русских армий получится не столь уж значительным.

нию, которое и по наши дни сохранило одно печальное отличие: ни в одной другой битве за далеко не мирную историю человечества не погибло столько людей.

Гонка за бранной славой была в самом разгаре. Пока Самсонов задерживался, ожидая подвоза припасов, 1-я армия Ренненкампа вступила в Восточную Пруссию. Это произошло 17 августа 1914 года. Пыльная проселочная дорога, по которой тянулись бесконечные войсковые колонны, вилась среди болот, бесчисленные комары безжалостно жалили солдат. Тучи насекомых были такими плотными, что почти скрывали из вида чахлый березовый лес, они залезали в уши, в ноздри и в рот, заставляя своих жертв натужно кашлять и плевать. Солдаты уныло переставляли обмотанные тряпками ноги — командующий так торопился повести свою армию в поход, что интенданты не успели выдать лежавшие на складах сапоги. «В том-то и беда, — думал капитан Василий Кравченко, — что всего не хватает. Не хватает сапог, не хватает винтовок, не хватает патронов. Ну и как же, спрашивается, должны мы воевать?» Кравченко, офицер связи, прикомандированный к штабу Северо-Западной армии, и его начальник, полковник Сергей Михайлович Глаголев, ехали верхом, рядом с уныло плетущейся колонной.

— Ну разве можно так идти на войну? — вздохнул полковник. — Ты только посмотри на этих полуголодных мужиков, они же из винтовки ни разу не стреляли. Разве можно назвать это армией? Немцы перемещают свои войска по железной дороге, это и быстро, и солдат всегда свежий, отдохнувший. А мы тут тащимся босиком, какая ж потом война, если солдаты валяются с ног от усталости?

Не дождавшись от Кравченко ответа, полковник продолжал:

— Слева болото, справа болото, сплошные топи и бурелом. Что толку, что у нас в четыре раза больше солдат, чем у немцев? Где мы их развернем? Шаг в сторону с этой дороги, и ты ухнешь в болото по горло. Нашей армии придется наступать на узком фронте, можешь себе представить, какая там будет теснота. Немцы прекрасно это знают и поджидают нас с тяжелой артиллерией. Они понимают, что такое современная война. У них обученная, дисциплинированная армия, офицеры тщательно изучили местность. Мы тоже начнем кое-что понимать, вот только не пришлось бы заплатить за уроки слишком дорого.

Он был совершенно прав. Мобилизацию провели так быстро, что не хватило времени обучить новобранцев, когда же пришел приказ выступать, вся система снабжения мгновенно превратилась в хаос. Ренненкампф, обуянный желанием во что бы то ни стало опередить соперника, привел 1-ю армию в движение на целых шесть дней раньше, чем Самсонов сумел изготовить к походу свою 2-ю. Одно уже это подвергало обе армии риску фланговых ударов.

Разведывательные группы генерала фон Франсуа, командовавшего немецким 1-м корпусом, быстро обнаружили широкий разрыв между 3-м и 4-м корпусами Ренненкампфа. 18 августа, неподалеку от деревни Шталлупенен¹, фон Франсуа сумел провести в этот разрыв весь свой корпус, а затем атаковать Ренненкампфа с тыла. Немцы захватили свыше 3000 пленных, однако и сами понесли весьма серьезные потери, чего они, ввиду

¹ Ныне город Нестеров.

подавляющего численного превосходства противника, никак не могли себе позволить. Однако основной результат этой, относительно небольшой, стычки состоял совсем не в потерях той или другой стороны, а в невероятном открытии. Допрашивая пленного русского штабного офицера, немцы с удивлением узнали, что генерал Жилинский, командуя Северо-Западным фронтом, координирует перемещения 1-й и 2-й армий по обычному и беспроволочному телеграфу *en clair*¹. Уже через четыре часа немецкие телеграфисты сумели подключиться к линии, по которой передавались приказы русского Верховного командования².

19 августа передовые части Ренненкампа достигли немецкого городка Гумбиннена. У Германии не хватало солдат, чтобы остановить русский потоп, и на Восточную Пруссию обрушились ужасы войны. Генерал фон Притвиц был сторонником отступления, однако фон Франсуа уговорил его принять бой. Неподалеку от Гумбиннена корпуса фон Франсуа и фон Белова осуществили ограниченные сдерживающие действия, однако 17-й корпус фон Маккензена отступил³. Бои под Гумбинне-

¹ «Клером» (*фр. en clair*) — то есть открытым текстом. (Примеч. автора).

² Основная часть этого описания не соответствует действительности. Бой под Шталлупененом закончился поражением 1-го армейского корпуса Франсуа, который после этого торопливо отступил к Гумбиннену. История с допросом штабного офицера является художественным домыслом — для того чтобы понять, что русское командование отдает приказы по радио своим войскам в незашифрованном виде, немцам не требовалось брать пленных.

³ В бегство обратился не только 17-й корпус Маккензена, но и все тот же 1-й корпус Франсуа, что повлекло за собой

ном не имели сами по себе решающего значения, однако это частичное поражение германской армии привело чуть позднее к неизмеримым последствиям. Пока же происходило вот что. Вместо того чтобы активно преследовать потерпевших тактическую неудачу немцев, генерал Павел Ренненкампф решил отметить свою победу бутылкой шампанского, что показывает всю странность русского менталитета. Можно привести еще один характерный штрих. «Раздевайся-ка ты и ложись спать, — посоветовал Ренненкампф своему начальнику штаба. — Немцы отходят».

Трудно придумать менее подходящий момент для сна.

Отступление 17-го корпуса привело генерала фон Притвица в ужас. Он не знал, и даже не догадывался, что Ренненкампф считает положение под Гумбинненом патовым и остановил продвижение своих войск, а армия Самсонова, приближавшаяся к немецкому флангу с юга, настолько измотана форсированным маршем через Припятские болота, что не может с ходу вступить в бой. Запаниковавший генерал схватился за телефон и связался с Кобленцем, где располагалось Имперское верховное командование. Он сообщил графу фон Мольтке, что не в силах продолжать защиту Восточной Пруссии.

отступление и правого фланга. По немецким данным, потери германских войск составили 9000 человек, из них 1000 пленными. В течение двух последующих суток немцы отступили на 30 км, оставив не только Гумбиннен, но и Инстербург. Описанная ниже паника, в которую впал Притвиц, вовсе не была беспочвенной, и лишь преступное бездействие Ренненкампфа позволило немцам избежать полного разгрома.

Затем, не считаясь с мнением полковника Гофмана, фон Притвиц приказал своим войскам отойти за Вислу. Иными словами, он решил сдать Восточную Пруссию почти без боя.

Тем временем Самсонов не понимал, где он находится, потому что его армии не выдали карт. На российской территории офицеры могли спросить дорогу у местных крестьян, однако в Восточной Пруссии им попадались одни только брошенные деревни. Жилинский приказал Самсонову догнать Ренненкампфа, но это выходило за пределы возможного. Армия находилась в безобразном состоянии. Она шла по бездорожью, без всякой походной дисциплины, босые ноги солдат по щиколотку увязали в песке. Их обмундирование превратилось в лохмотья, на лицах лежал толстый слой пыли, воины Российской Империи сильно смахивали на оставших из гроба покойников. Армейские корпуса не имели ни хлеба для людей, ни овса для лошадей. Вместо того чтобы поспешать на бой с врагом, солдаты тратили большую часть сил и времени на поиски пищи, они резали крестьянский скот, воровали кур. В самое короткое время отборные казачьи части превратились в бандитские шайки.

Связь между подразделениями, дивизиями и корпусами безнадежно нарушилась. Верховное командование русской армии ничего не знало о действиях и намерениях противника; более того, оно не знало, где находятся и куда продвигаются его собственные армии. Еще хуже было то, что Верховное командование *знало*. Великий князь Николай очень быстро понял, что между 1-й и 2-й армиями нет абсолютно никакого взаимодействия.

Посеревший от усталости, Самсонов ежеминутно заходилась кашлем. В его временную ставку, расположившуюся к крестьянском доме, вошел начальник штаба армии генерал Потовский — нервический человек с пенсне на носу.

— Ваше превосходительство, телеграмма от генерала Жилинского.

Самсонов прочитал телеграмму. *«Ускорьте свое продвижение. Ваша медлительность подвергает опасности 1-ю армию».*

— Кой черт, — выругался генерал, — как я должен все это понимать? Почему бы им лучше не придержать этого идиота Ренненкампа?

— Этот проклятый песок ломает мне и пушки, и людей, — неожиданно сорвался Ворошилов, командир артиллерийского дивизиона. Лошади выбились из сил, и моим солдатам приходится тащить орудия буквально на руках. Каждые сто метров ломается то то, то другое. Какое там «ускорить», нам бы двенадцать верст в день пройти, и то бы хорошо.

— Да, — сказал кто-то из штабных офицеров, — если так и дальше пойдет, не скоро наша армия доберется до Берлина.

В данный момент Самсонов был бы счастлив добраться хотя бы до Восточной Пруссии.

А в Кобленце, в Имперской ставке, неудача германской армии под Гумбинненом дала толчок цепи событий, существеннейшим образом повлиявших на ход войны. Первая армия генерала фон Клука вышла на берег Марны в тридцати километрах от Парижа, поэтому генерал фон Мольтке ничуть не сомневался, что война на западном

фронте уже выиграна. В то же самое время кайзер бомбардировал его требованиями не позволить русским захватить «колыбель германского народа», то бишь восточно-прусского юнкерства. Мольтке принял два решения, каждое из которых имело самые серьезные последствия. Во-первых, он снял с Западного фронта четыре резервных корпуса — шаг, за который Германия заплатила очень дорого, так как он помешал ей захватить Париж¹.

Во-вторых, он отстранил от должности генерала фон Притвица и поставил на командование Восьмой армией старого отставного генерала Пауля фон Гинденбурга. Гинденбург был воспитан в лучших прусских военных традициях и не любил пустой болтовни; получив предложение, он ответил с предельной краткостью: «Я готов». Мольтке добавил еще одну козырную карту, прикомандировав к Гинденбургу в качестве начальника штаба «героя Люттиха», генерала Эриха фон Людендорфа. Старый закаленный вояка и молодой блестящий стратег встретились в Ганновере на железнодорожной платформе, после чего война в Восточной Пруссии приняла совершенно иной оборот.

Гумбиннен находился в русских руках. Штаб Ренненкампаффа ликовал, а многие неграмотные русские крестьяне серьезнейшим образом считали, что находятся в Берлине. Ренненкампф не стал преследовать отходящую 8-ю армию — по его мнению, с немцами было уже покончено.

Полковник Глаголев думал совершенно иначе. «Немцы далеко не разбиты, — говорил он. — Они просто

¹ Германское наступление захлебнулось в тридцати милях от Парижа, во время битвы на Марне. (Примеч. автора).

перегруппируются, чтобы двинуться на юг и ударить по 2-й армии. Им наверняка известно, что Самсонов попал в трудное положение и что Ренненкампф пальцем о палец не ударит, чтобы ему помочь. Эти двое, они же живьем друг друга готовы сожрать, не знаю уж почему».

22 августа русская 2-я армия резко отклонилась в сторону. Ситуация со снабжением стала настолько отчаянной, что Самсонов решил свернуть на Новогеоргиевск, чтобы выйти к железной дороге на Зольдау. Он понимал, что тем самым еще больше удаляется от армии Ренненкампфа, но не видел другого выхода¹.

— Потовский, отбейте телеграмму Жилинскому. Попросите его убедить Первую начать движение в нашем направлении.

Человек в пенсне поспешил выполнить поручение. Ответ оказался кратким:

«Первая армия двигается на запад, повторяю, не на юг; а на запад, с целью осадить Кенигсберг».

Когда Самсонов прочитал телеграмму, у него начался новый приступ астмы.

¹ На самом деле просьба Самсонова, разрешить ему изменить направление наступления с северного на северо-западное, была удовлетворена лишь 24 августа. Вопросы снабжения были здесь ни при чем, причиной такого поворота являлось желание Самсонова как можно скорее отрезать пути отступления немецким войскам, отходящим (как он предполагал) за Вислу — в этот момент русское командование считало сражение уже выигранным. Остается непонятным, зачем автор припел сюда Новогеоргиевск, являвшийся глубоким тылом русских войск.

— Ну, конечно, — прохрипел он, задыхаясь. — Я не знал точно, пойдет Ренненкампф дальше на запад или нет, но был уверен, что уж на юг-то он не свернет.

Ренненкампф не хотел помогать 2-й армии, а может быть, и не мог. Несоответствие русской широкой железнодорожной колеи и европейской, чуть более узкой, нарушило его собственную систему снабжения, как только Первая армия перешла границы Пруссии. Во всяком случае, именно этим объяснял он впоследствии свой отказ прийти на помощь Самсонову.

Немцы прочитали эту жизненно важную телеграмму даже раньше, чем она попала на стол Самсонову. Полковник Глаголев был совершенно прав в своих подозрениях — германская армия не отходила, а перегруппировывалась. Первоначальное решение Притвица отступить за Вислу было отменено. В довершение к прочим бедствиям, свалившимся на русских, патруль немецких уланов перехватил верховного курьера, посланного Жилинским в Первую армию. К пакету командующего Северо-Западным фронтом была приложена карта с наспех начерченной схемой ближайших намерений русских. К тому времени, как вновь назначенные руководители 8-й армии добрались до своего штаба, полковник Гофман успел уже набросать в общих чертах будущую стратегию¹; Гинденбург ее одобрил, после чего Гофман и Людендорф засели за работу. Основываясь на первоначальных замыслах Гофмана, они разработали смелый, почти наглый план, в рамках которого небольшие, но высококомобильные силы должны были атако-

¹ В действительности этот план разработал Притвиц еще до своей отставки.

вать и разгромить противника, имевшего многократное численное превосходство. Для этого предполагалось использовать благоприятное обстоятельство — Восточная Пруссия имела систему железных дорог, параллельных сложившейся линии фронта. Перехват русских телеграмм давал немцам полную картину всех передвижений 1-й и 2-й армий. Быстро выяснилось, что после Гумбиннена Ренненкампф решил отдохнуть и целых три дня не двигался с места. Армия Самсонова была на марше, а потому представляла собой наибольшую угрозу. Замысел Гоффмана состоял в том, чтобы бросить все силы Восьмой армии против Самсонова, оставив для отвода глаз Ренненкампфа малочисленный кавалерийский заслон¹.

Штаб Северо-Западного фронта бомбардировал Самсонова требованиями наступать в прежнем направлении, никуда не отклоняясь, и поскорее войти в соприкосновение с Первой армией. Однако солдаты Второй армии окончательно выбились из сил и не могли идти дальше. Утром 24-го августа Самсонову пришлось отдать приказ о суточном отдыхе. Эта задержка обеспечила немцам дополнительное время для организации засады.

Полковник Глаголев и капитан Кравченко выехали из расположения 1-й армии, чтобы попытаться найти Самсонова. Они получили такой приказ после того, как без вести пропал верховой посыльный, который должен

¹ Это известно как «принцип Торденшельда». Горсточка голландцев под командованием капитана Торденшельда перебежала задними дворами с улицы на улицу, в результате чего британский полк решил, что ему приходится иметь дело с целой голландской армией и благоразумно отступил. (Примеч. автора).

был доставить во 2-ю армию жизненно важные приказы Жилинского¹.

— Он либо убит, либо попал в плен. Одно другого не лучше.

— Как ты думаешь, сколько отсюда до 2-й?

— Бог его знает. Верст пятьдесят-шестьдесят, а то и все сто.

— Ничего себе «просвет»!

— Знаешь,— сказал Глаголев,— запомни-ка и ты, что нужно передать Самсонову, а то вдруг меня часом подстрелят.

— Хорошо.

— Ну так вот, слушай:

1. Противник ставит все на одну карту. Все его силы будут брошены против 2-й армии.

2. Так называемое «отступление» немцев является в действительности перегруппировкой сил для осуществления этого замысла.

3. 2-я армия должна немедленно войти в соприкосновение с 1-й, а 1-я должна двигаться на юг.²

— Все понятно?

— Да, все.

— Вот только боюсь, что мы уже опоздали,— печально улыбнулся Глаголев.— Паутина готова, муха вот-вот в ней запутается.

¹ Этот вестовой был захвачен немецкими уланами. (Примеч. автора).

² Данная сцена абсолютно неправдоподобна и уместна разве что в романе про королевских мушкетеров, но не в книге, претендующей на историческую достоверность.

Впервые в истории военных действий Германская армия применила новое оружие — аэроплан. Разведывательный биплан «фоккер», направленный для осмотра с воздуха расположения Первой и Второй русских армий, доложил, что между ними имеется огромная зияющая дыра. На основании этого доклада, подкрепленного собственными соображениями Гофмана, 8-я армия начала практическое проведение самой блестящей, а по своим результатам — самой важной кампании за весь период Первой мировой войны. Пока Самсонов еле-еле тащился на Запад по фронту в шестьдесят миль, Людендорф снял два корпуса, сдерживавшие прежде армию Ренненкампа: 1-й под командованием фон Франсуа и 17-й под командованием фон Маккензена¹, оставив на их месте слабый, не способный оказать никакого реального сопротивления заслон. Это был очень рискованный шаг.

«На генералах лежит огромная ответственность, потому им нужны очень крепкие нервы. Война с ее сложнейшим переплетением физических и психологических сил совершенно не похожа на математическую задачу, оперирующую заданными числами. Здесь приходится взаимодействовать с людьми, имеющими самые различные взгляды и волевые качества. Единственным заданным фактором является руководитель», — писал Карл фон Клаузевиц. Людендорф великолепно отвечал требованиям, предъявлявшимися «отцом стратегии» к полководцам, он перемещал германские силы легко и

¹ Людендорф снял с фронта три корпуса: 1-й резервный корпус Белова, 1-й армейский корпус Франсуа и 17-й корпус Маккензена.

непринужденно, словно и не опасаясь возможных последствий. Однако ему нужно было действовать как можно скорее, пока русский Генеральный штаб не заметил этих маневров и не разгадал их смысла. Людендорф организовал из нескольких своих корпусов оборону, блокировавшую продвижение армии Самсонова и одновременно приказал 1-му корпусу фон Франсуа и 17-му корпусу Маккензена осуществить двусторонний охват. Кости были брошены.

26 августа армия Самсонова подошла к Найденбургу. Здесь-то полковник Глаголев и капитан Кравченко и нашли командующего, только что севшего обедать вместе со своим адъютантом, генералом Потовским.

— Его прозвали Сумасшедший мулла, — прошептал другу Глаголев.

Самсонов встал им навстречу. Генерал выглядел ничем не лучше своей армии, такой же усталый и измотанный. В нем чувствовалось полное отчаяние и безнадежность.

— Ну и как там Первая? — спросил он, едва гости вошли в комнату.

— Генерал Ренненкампф намерен через день-другой продолжить движение на запад.

— Значит, не передумал. Водки, господа?

— Спасибо, не откажемся.

После нескольких стаканов гонцы передали Самсонову сообщение и карту.

— Великолепно, — восхитился генерал и тут же растелил карту на столе. Однако через минуту радость,

вспыхнувшая было на его лице, сменилась хмурым недоумением.

— Да-а, задачка. Ну и кто же, спрашивается, будет ее читать?

Удивленный Глаголев склонился над картой и увидел, что все надписи на ней сделаны латинским шрифтом. А русские офицеры умели читать только по-русски¹.

— Благодарю вас, господа,— вздохнул Самсонов.— Вы свободны.

Это дало им возможность поближе познакомиться со 2-й армией. Вскоре стало ясно, что солдаты находятся в кошмарном физическом состоянии. Над лагерем висела гробовая тишина — у людей не осталось сил даже на то, чтобы разговаривать. Откуда-то издалека доносился грохот тяжелых орудий.

— По звуку вроде бы не наши. Будем надеяться, что они не идут сюда, к нам в гости.

— Послушайте, полковник...— Самсонов открыл дверь превращенного в командный пункт дома и стоял на пороге.— А что, Жилинский больше ничего не хотел передать? Я ожидал, что мне позволят отказаться от этой идеи окружения главных немецких сил.

«Господи,— мелькнуло в голове Глаголева,— несчастный старик окончательно свихнулся».

— Господин генерал,— сказал он вслух,— с вашего позволения мне хотелось бы сказать, что вопрос об окружении противника сейчас уже не злободневен. Это вы рискуете попасть в окружение.

¹ Здесь даже трудно подобрать комментарий. Данный пассаж полностью характеризует уровень представления автора о русских.

И тут же, словно подтверждая его слова, на лагерь накатила первая волна отступающих.

— Уланы идут!

Через несколько минут все вокруг было запружено тысячами растерянных, панически перепуганных солдат. Генерал смотрел на происходящее со странной отстраненностью, словно все это его уже не касалось.

— Сколько уж дней прошло, а от жены ни слова, — пробормотал он, а затем пристегнул саблю, сел в машину и поехал на приближающийся грохот пушек, чтобы своими глазами взглянуть, что же там происходит.

Гинденбурга и Людендорфа беспокоила угроза, тяжелой грозовой тучей нависшая на севере. Ренненкампф медленно приближался к Кенигсбергу — слишком медленно, чтобы это имело хоть какое значение. Но что, если эта трехсоттысячная людская масса повернет на юг? Между двадцатью четырьмя пехотными и пятью кавалерийскими дивизиями Ренненкампфа¹ и полным уничтожением 8-й армии стояли две германские кавалерийские дивизии — и ничего больше. Судя по множеству перехваченных телеграфных переговоров между Жилинским и Ренненкампфом, такой поворот не намечался, но даже это не могло умерить тревогу генералов. Зато полковник Гофман проявлял завидное спокойствие. Он ничуть не сомневался, что никакие обстоятельства, никакие приказы не заставят Ренненкампфа направить армию на юг. А затем это случилось. 27 августа, во второй половине дня, пилот разведывательного «фоккера» обнаружил передвижение одной из кавалерийских час-

¹ В действительности у Ренненкампфа было всего 12 дивизий — 7 пехотных и 5 кавалерийских.

тей 1-й армии и незамедлительно доложил об этом генералу фон Франсуа, который тут же направил в штаб 8-й армии следующий рапорт: *«Замечен один русский корпус, продвигающийся к нашему левому флангу»*.

Эта новость взорвалась как бомба, даже Людендорф утратил свое хладнокровие. Русские армии смыкаются! Он предложил Гинденбургу, чтобы тот немедленно приказал 1-му корпусу фон Франсуа прекратить маневр охвата и занять оборонительные позиции фронтом к Ренненкампфу. Это был самый критический момент легендарной битвы, весь штаб 8-й армии с замирающим сердцем ждал, какое решение примет далеко уже не юный генерал. И тут вмешался Гофман.

— Господин генерал,— сказал он,— если вы не возражаете, мне хотелось бы сказать вам пару слов с глазу на глаз.

Гинденбург молча кивнул и отошел в дальний угол штабной комнаты.

— Говорите, полковник.

— Господин генерал, есть некое обстоятельство, могущее, как мне кажется, помочь вам принять верное решение.

Далее Гофман рассказал Гинденбургу о мукденском инциденте и пощечине, его завершившей.

— Так, значит, вы думаете, что Ренненкампф...— Конец фразы повис в воздухе.

— Да, господин генерал, я более чем уверен, что Ренненкампф ни при каких обстоятельствах не поможет Самсонову.

После чего Гинденбург отдал самый важный за всю его длительную карьеру военачальника приказ. Нервный срыв Людендорфа остался без последствий, возглавляемый фон Франсуа корпус продолжил охва-

тывающий маневр. Сражение развивалось по прежнему плану.

План был предельно прост. Самсонов попал в ловушку в тот момент, когда его 1-я армия вышла из Нейденбурга и атаковала ослабленный центр 20-го германского корпуса (командир фон Штольц), на помощь к которому пришли бригады ландвера¹ под командованием генерала фон дер Гольца, полностью состоявшие из жителей района Алленштайн-Танненберг, поднявшихся на защиту своих деревень и хуторов. Немецкая оборона устояла. Затем в дело вступила артиллерия корпусов фон Белова и фон Маккензена, массированным обстрелом она почти уничтожила правый фланг русских. Когда Самсонов попытался прорваться в северо-западном направлении, его войска были остановлены 3-м резервным корпусом (фон Морген), в то время как 17-й корпус (фон Маккензен) переместился на юг и там, вблизи поселка Вилленберг, соединился с 1-м корпусом фон Франсуа. Главным ключом к успеху была точность огня германской артиллерии, использовавшей для корректировки разведывательные самолеты.

Армия Самсонова рассыпалась. Она не могла вырваться из тесного стального кольца и гибла под жестоким, непрерывным обстрелом. Мало-помалу русские войска были оттеснены в Припятские болота. Вторая армия утратила всякое сходство с организованной военной силой, везде виднелись колонны раненых и груды мертвых, в клочья изорванных сокрушительно точным

¹ Бригады ландвера были созданы в период Наполеоновских войн, как подразделения местной самообороны. (Примеч. автора).

артиллерийским огнем тел. Генерал Самсонов видел, как тяжелые снаряды рвутся в самой гуще ищущих и не находящихся спасения колонн, как солдаты бросают на землю бесполезные винтовки, как одни обезумевшие от страха люди пытаются переплыть озеро на наспех сколоченных плотках, а другие сталкивают их в воду, чтобы занять освободившееся место. Сотни и тысячи русских солдат нашли свой конец в бездонной трясине, раненые истекали кровью, но бинтов, чтобы перевязать их раны, не было, — и над всем этим стоял тяжелый, неумолчный грохот вражеской артиллерии. Генерал Потовский отбивал одну отчаянную телеграмму за другой, но их не читал никто, кроме штабистов 8-й германской армии. Жилинский не мог оказать гибнущим войскам никакой помощи, Ренненкампф — тоже, время было упущено. Яростное сражение кипело, не затухая, весь день 27-го и весь день 28-го, русские сопротивлялись с отчаянием обреченных, но исход был уже предрешен. Через несколько дней Гинденбург смог отрапортовать кайзеру: *«Я нижайше прошу разрешения доложить Вашему Величеству, что кольцо вокруг большей части русской 2-й армии сомкнулось»*.

Вечером 29-го Самсонов отправил Жилинскому последнюю телеграмму: *«Я отсылаю назад свои вещи и беспроводочный аппарат, а затем отправляюсь на передовую. Да здравствует царь!»*¹

¹ На самом деле последняя телеграмма была отправлена Самсоновым 27 августа и гласила: «Переезжаю в штаб корпуса на Драу для руководства наступающими корпусами. Аппарат Юза снимаю, временно буду без связи с вами. Самсонов».

— Генерал, — умолял его Потовский, — возьмите, пожалуйста, автомобиль. С его помощью вы...

— Пусть бежит кто угодно, только не я, — вспыхнул Самсонов. — Отдайте автомобиль раненым. Я поеду верхом и приму командование войсками непосредственно на фронте.

Он и сам знал, что никакого «фронта» уже не осталось.

Небольшую группу всадников составляли Самсонов, восемь штабных офицеров (в том числе полковник Глаголев и капитан Кравченко), британский офицер связи Нокс и несколько казаков. Буквально на каждом шагу им попадались мертвые и умирающие люди. Те, кого пощадили немецкие снаряды, валялись с ног от усталости и явно не знали, что им делать дальше. Некоторые из них вернутся со временем домой и опишут жуткие подробности позорного поражения, их рассказы подтолкнут страну к революции, которая на семьдесят пять лет изменит курс мировой истории. Самсонов с ужасом смотрел на жалкие остатки своей армии. Около полудня он отослал британского офицера связи, сказав на прощание:

— Сегодня повезло противнику, в другой раз повезет нам.

На холме Самсонов повстречал генерала Мартоса, одного из корпусных командиров.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство, у меня нет больше корпуса.

Это наконец заставило его отдать приказ об общем отступлении. Совсем недавно он ввел в бой четверть миллиона человек, и что же с ними стало? Армия превратилась в скопище ободранных, затравленных, слом-

ленных душевно бродяг. Генерал Потовский предложил трезво оценить ситуацию на поле сражения.

— И что же вы намерены оценивать, ваше превосходительство? — взорвался Глаголев. — Сражение давно закончилось, никакого «поля сражения» нет и в помине.

Далеко впереди по колонне раненых, растянувшейся вдоль проселочной дороги, ударила длинная пулеметная очередь; люди валялись в пыль пачками, как скошенная трава. Глаголев догнал ехавшего впереди Самсонова.

— Генерал, уезжайте отсюда, спасайте свою жизнь.

Самсонов повернулся на голос, помолчал несколько секунд, а затем безразлично пожал плечами.

— Зачем?

В этот момент шальная пуля убила под ним коня.

31 августа российскому царю доложили: «Армия Самсонова полностью разгромлена.»

На что царь ответил: «Мы должны были пойти на эту жертву ради Франции, нашего вернейшего союзника».

*Кто виноват?*¹ А действительно — кто виноват? Что привело к катастрофе? Бездарность Самсонова? Злобная мстительность Ренненкампафа? Излишняя поспешность царя? Кто виноват? Все искали виновного или хотя бы козла отпущения, эти поиски растянулись на годы, а тем временем положение в Петрограде постепенно менялось. Солдаты и офицеры, вырвавшиеся из Припятских болот, рассказывали о пережитом ими

¹ В оригинале — латинским шрифтом, но по-русски.

ужасе, их рассказы разносились по другим армиям, по всей России, дошли они и до Владимира Ильича Ульянова, больше известного под фамилией Ленин.

Название маленькой деревушки Танненберг находит отклик в сердце каждого немца, именно здесь в 1410 году объединенная армия поляков и литовцев нанесла поражение тевтонским рыцарям. Полковник Гофман предложил генералу фон Гинденбургу связать августовский разгром русской армии с этим историческим названием, хотя при таком обширном поле сражения вариантов было много.

Сражение закончилось. Людендорф — опять же по предложению Гофмана — поручил одному из германских корпусов завершить уничтожение армии Самсонова. Это был, говоря словами Гинденбурга, «день жатвы». Немцы взяли 60000 пленных, полностью уничтожили 13-й, 15-й и 23-й корпуса, нанесли тяжелейший ущерб 1-му корпусу и 11-му. Были захвачены огромные трофеи. Полковник Гофман, ставший в одночасье генералом, не упивался видом трофейных пушек и бесконечных колонн одетых в лохмотья пленных, у него не было на это времени. Гофман уже планировал следующий этап операции, уничтожение еще одной русской армии.

Победоносная 8-я армия собралась вокруг танненбергского монумента, воздвигнутого в память о другой, давней битве. Триумфаторы спели боевой гимн Фридриха Великого, а затем стройными колоннами пошли к поездам, чтобы ехать на север. 1-ю русскую армию генерала Павла Ренненкампа ждали крупные неприятности.

31 августа.

— Глаголев, сколько сейчас времени?

— Четверть второго, ваше превосходительство.

По поросшему чахлым березняком болоту медленно пробирались пять человек — капитан Кравченко, полковник Глаголев, генерал Потовский, казак-проводник и генерал Самсонов. Они залезли в эти топи, спасаясь от рышущих по дорогам разездов немецких уланов. Каждый новый шаг давался с невероятным трудом, в сапогах хлюпала вода; время от времени кто-нибудь из них проваливался по пояс, тогда остальные образовывали человеческую цепь, чтобы вытащить его из липких объятий трясины. Самсонов совсем сдал, он часто останавливался, оглашая угрюмо молчавший лес надсадным астматическим кашлем. В конце концов, болото кончилось; почувствовав под ногами твердую почву, они зашагали быстрее и даже немного повеселели.

И тут тишину разорвал сухой треск винтовочных выстрелов; Глаголев смутно различил впереди какие-то движущиеся тени, отпрыгнул в кусты и прижался к земле. Выстрелы смолкли. Переждав несколько минут, Глаголев осторожно приподнял голову. Рядом с ним лежали неподвижные тела казака и Потовского. В траве весело поблескивали стеклышки генеральского пенсне. Услышав невнятное, захлебывающееся бормотание, Глаголев бросился назад и увидел лежавшего на земле Кравченко. На губах капитана пузырилась розовая пена; собрав последние силы, он прошептал традиционное: *«Я приказываю тебе долго жить»*.

Из глаз полковника брызнули слезы. *«Я приказываю тебе долго жить, Василий»*, — сказал он, а затем сел рядом с другом и положил его голову себе на

колени. Глаза Кравченко быстро мутнели, через несколько минут по его телу пробежала длинная предсмертная судорога...

Глаголев встал и внимательно осмотрел все вокруг. Самсонов исчез.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — немцы не перехватывали русские радиотелеграммы?

Людендорф и Гофман никак не рискнули бы привести свой, до крайности рискованный, план в действие.

Ну, а если бы — Ренненкампф пришел на помощь Самсонову?

8-я армия Гинденбурга прекратила бы свое существование.

Ну, а если бы — Мольтке оставил свои резервные корпуса во Франции, вместо того чтобы перебрасывать их на Восток?

Можно предполагать, что тогда немцы взяли бы Париж. Первая Мировая война закончилась бы через месяц, ценой нескольких сотен тысяч жизней, а не через четыре года, ценой многих миллионов.

Ну, а если бы — в самый критический момент человек, сыгравший в этой битве самую важную роль, то есть Гофман, не рассказал Гинденбургу о мукденском эпизоде?

Это отдельная история. Фельдмаршал Гинденбург проявил себя за время битвы всего один раз, но этого раза хватило, чтобы обеспечить немцам победу.¹

А теперь о фактах

Под Танненбергом нашло себе могилу блестящее, аристократическое русское офицерство. Это сражение покончило с царской Россией как с боеспособной силой. Дальше немцы повернулись против армии Ренненкампа и быстро ее уничтожили. Общие потери русских убитыми составили свыше четверти миллиона человек².

Танненберг непосредственно связан с поражением армии фон Клюке у самых ворот Парижа, ну а в Петрограде рассказы переживших эту катастрофу в конечном итоге подтолкнули царских солдат к восстанию. Таким образом, Танненберг имел неисчислимые послед-

¹ После войны генерал Макс Гофман посетил поле Танненбергской битвы и сказал одному из своих друзей: «Именно здесь фельдмаршал спал перед битвой, здесь он спал после битвы, и здесь он проспал всю битву». А затем добавил: «*Es ist wohl unsinnig die Frage zu erörtern wäre auch ohne den Wechsel der Oberbefehlshaber zu einem Sieg bei Tannenberg gekommen? Ich glaube, ja*». («Бессмысленно даже обсуждать вопрос, состоялась бы победа при Танненберге без смены высшего руководства или нет? Я верю, что да».) (Примеч. автора).

² В действительности эта цифра включает убитых, раненых и пленных.

ствия, которые обеспечили победу большевистской революции 1917 года, привели к падению как дома Романовых, так и дома Гогенцоллернов.

Последние исторические замечания. В ноябре 1918 года ни один русский батальон не принял участие в триумфальном шествии войск союзников по улицам Парижа, никто и словом не вспомнил об отваге и самопожертвовании русских, отдавших под Танненбергом четверть миллиона жизней ради грядущей победы Франции, Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

Решающим фактором битвы при Танненберге была пощечина, которая покончила с царизмом и привела большевиков к власти.

5 ноября 1914 г., Танга

Пчелиный укус

Война это скорее состязание двух разумов, чем состязание двух совокупностей вооруженных людей.

Из лекций в Британском штабном колледже, 1901 г.

Германская Восточная Африка мало походила на серьезную страну, Танга мало походила на город, а восемьсот аскеров¹ полковника фон Леттов-Форбека совсем уж не были похожи на армию. Однако именно бои под Тангой знаменовали вовлечение Африканского континента в Первую мировую войну.

Для 8000 индийских солдат генерал-майора Эйткена эта операция стала полной неожиданностью. С немцами все обстояло иначе. Многочисленные индийские сторонники Германии раз за разом предупреждали их в течении нескольких недель посредством самых обыкновенных писем, доставлявшихся регулярными пакетботами. Эти

¹ Аскер — местный солдат, обученный европейцами.

доброхоты писали, что индийский контингент британской армии готовится к посадке на пароходы в Бомбее, и что английские офицеры ставят на своем личном багаже пометку, «Индийский экспедиционный корпус «В», Момбаса, Восточная Африка». Несмотря на секретный (по замыслу) характер будущей операции, как британская, так и германская пресса описали ее заранее в малейших подробностях.

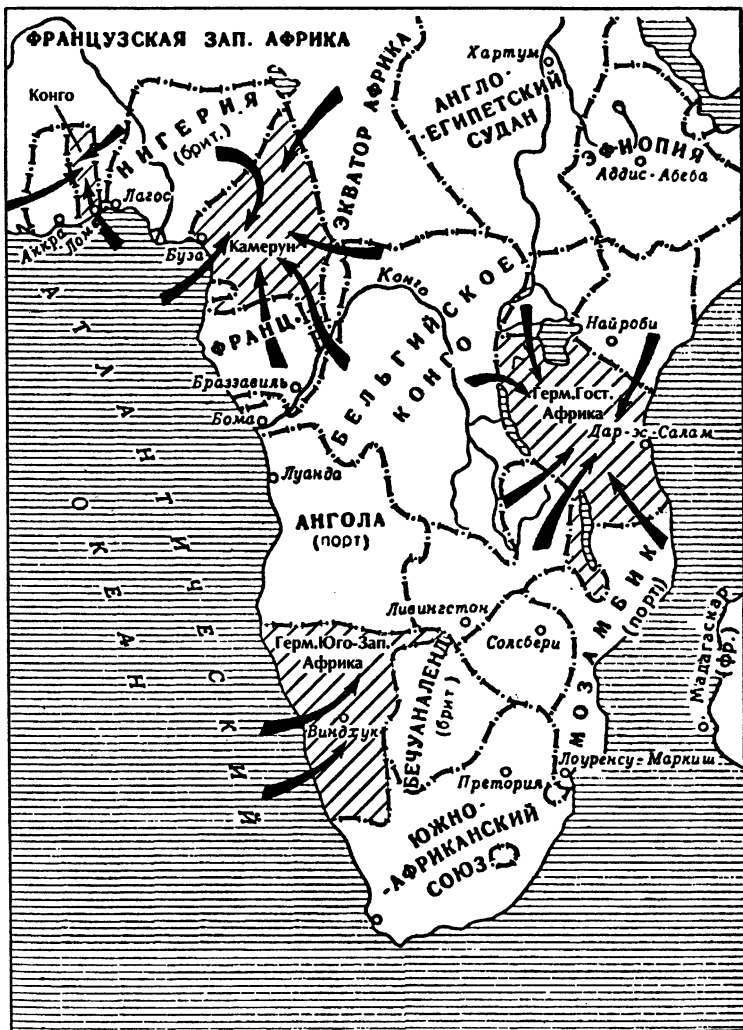
Так как Дар-эс-Салам, главный порт Германской Восточной Африки, был успешно блокирован старым судном, затопленным у входа в гавань, оставались всего два порта, подходивших для высадки британского десанта. *Die Deutsche Schutzstaffee* была стратегически размещена как раз посередине между этими двумя портами, Линди и Тангой.

В начале Первой мировой войны Британию ошеломило молниеносное наступление германской армии во Франции, на этом фоне все африканские проблемы воспринимались как второ- если даже не третьестепенные. Исходя из таких соображений задача завоевания Германской Восточной Африки была доверена самым малообученным подразделениям индийской армии, солдатам настолько неподготовленным, что большая их часть ни разу в жизни не стреляла из винтовки. Поставив такие войска под командование некомпетентного генерала, англичане буквально сами напрашивались на неприятности. Впрочем, генерал-майор Эйткен ничуть не сомневался в собственных способностях. Опыт, приобретенный за тридцать лет колониальной службы в Индии, переполнил его абсолютной уверенностью, что предстоящая кампания в Восточной Африке будет увеселительной прогулкой, что «шайка полуголых чернокожих,

возглавляемая невежественными гуннами», не сможет оказать никакого, сколько-нибудь серьезного сопротивления. При первой же штыковой атаке негры побросают оружие и поднимут руки, после чего останется только согнать их в одну кучу, запереть под замок и вернуться домой к Рождеству 1914 года.

Восьмитысячный корпус генерала Эйткена был собран с бору по сосенке в самый последний момент. Солдаты говорили на двенадцати различных языках, принадлежали к шести различным вероисповеданиям и находились под руководством офицеров, которые познакомились со своими подчиненными только после посадки на пароходы, не говорили на их языках и не бывали прежде в Африке. Все это в равной степени относилось и к генералу. Получив приказ, Эйткен сразу же погрузил свой корпус на пароходы. Испортившаяся погода задержала отплытие на целых шестнадцать дней, однако, по его настоянию, солдаты провели все это время на борту, в душных и тесных кубриках. Морская болезнь и понос, вызванные штормовой качкой, мало способствовали поддержанию в них боевого духа. Дисциплина исчезла, ежечасно разгорались ссоры и драки. Прикомандированный к Эйткену офицер разведки капитан Майнерцхаген характеризовал солдат как «индийское отребье». В письме, отправленном домой, он делился своими опасениями: *«Одна уже мысль, что может случиться, если мы столкнемся с серьезным сопротивлением, заставляет меня дрожать»*. Действительность превзошла самые худшие его ожидания.

К несчастью Эйткена, его противником оказался один из самых блестящих тактиков Первой мировой войны. Имея под рукой всего лишь крошечную горстку инст-

Африканский театр военных действий

рукторов, переманенных со случайно забредшего немецкого крейсера, полковник Пауль фон Леттов-Форбек рекрутировал из среды самых воинственных племен региона 1000 молодых парней и потратил уйму времени и сил на их обучение. Он превратил диких первобытных воинов в отлично вымуштрованную ударную силу наподобие диверсионного отряда, преподал им навыки координированного взаимодействия в бою, научил их действовать в соответствии с характером противника, укрываться на местности и использовать любую представляющуюся возможность для организации засад. Одним из элементов «выпускного экзамена» была стрельба в цель на дистанции в пятьсот метров. Более того, аскеры были хорошо знакомы со змеями, львами и скорпионами, знали наизусть каждый метр своих родных мест, в то время как у англичан даже не было мало-мальски приличных карт, и они пользовались страницами, вырванными из школьных атласов.

Генерал Эйткен совершенно не обладал гибкостью и не видел в том нужды, не понимал, что оперативные условия в африканском буше совсем не те, с какими он имел дело в Индии, а потому здесь требуется совсем иная тактика. И он был далеко не единственным, кто не усвоил урок недавних колониальных войн в Африке, наглядно показавших высочайшую эффективность такого оружия, как пулемет. Пулемет позволял горстке белых людей наносить большим, плотным массам атакующего противника максимальный ущерб¹, однако в Индийской армии считали, что это оружие чересчур дорого,

¹ Забавно отметить, что эта техника была впервые применена именно британцами — в Омдурмане (1898 г.), против мятежных последователей Махди. (Примеч. автора).

использует чересчур много боеприпасов и создает в войсках оборонительные настроения.

Танга была маленьким, тихим портовым городком; невысокие, тщательно выбеленные деревянные домики, хорошо ухоженные сады и цветники придавали ей вид, совершенно необычный для побережья Восточной Африки. Со всегдашней своей дотошностью и эффективностью немецкие колониальные администраторы превратили Тангу в полное подобие прусского города на Балтике. Перед зданием ратуши стоял высокий, ослепительно белый флагшток, взвод аскеров каждое утро поднимал на нем черно-бело-красный флаг Германского рейха. Герр Аурахер, мэр Танги, прилагал уйму стараний, чтобы все жители вверенной его заботам территории неукоснительно придерживались прусских гражданских добродетелей; под его строгим, но благожелательным управлением город функционировал с безупречной точностью швейцарских часов. Все здесь жили тихой, размеренной колониальной жизнью. Начальник герра Аурахера, губернатор барон фон Шнее, жил в полном мире и согласии с воинственными планами внутренних областей колонии; для поддержания этого благолепия он щедрой рукой раздавал местным вождям и царькам стеклянные бусы и олеографические, вставленные в золоченые рамки портреты кайзера.

Безоблачное спокойствие, царившее в этой гавани 2 ноября 1914 года, когда к ней подошел британский конвой во главе со старым крейсером «Фоко» приятно удивило Ф.У.Кофилда, капитана крейсера. Не замечалось никаких признаков враждебной активности, более того, на флагштоке не развевался флаг. «Прекрасный знак,— подумал капитан Кофилд.— Особенно, если

учесть ярый национализм этих гуннов». Он спустился в вельбот и приказал матросам грести к набережной, где уже стоял герр Аурахер в ослепительно белом сюртуке, накрахмаленной рубашке, темном галстуке и пробковом шлеме. Бургомистр вежливо извинился перед капитаном за отсутствие губернатора фон Шнее, каковой «отправился в небольшую инспекционную поездку».

«Герр бургомистр, от имени Его Величества я должен вам сообщить, что все мирные соглашения, заключенные ранее между нашими двумя странами, отныне считаются недействительными».

Бургомистр понимающе кивнул; судя по всему, его не слишком потрясла эта новость.

— Герр капитан, надеюсь, вы дадите мне некоторое время на проведение необходимых консультаций с вышестоящим начальством?

— Пожалуйста, пожалуйста,— великодушно согласился капитан. Спешить было особенно некуда, к тому же ему очень хотелось предварительно проверить некий тревожный слух. Не так давно в близлежащих водах было отмечено появление немецкого крейсера «Кенигсберг», зарегистрированного в британских военно-морских справочниках как минный заградитель.

— Да, кстати,— сказал Кауфидд,— вы не могли бы меня проинструктировать, заминирована эта гавань или нет?

Аурахер бросил опасливый взгляд на крейсер, маячивший у входа в гавань; орудия главного калибра смотрели прямо на его деревянную, аккуратно побеленную ратушу.

— Конечно же, да, герр капитан, это стандартная практика, предусмотренная германским военным уставом.

С каковыми словами бургомистр попросил у гостей разрешение удалиться и исчез. Вместо мифической «консультации с вышестоящим начальством» он направил полковнику Леттову-Форбеку экстренное сообщение, что Индийский экспедиционный корпус «В» прибыл и стучится в ворота его маленького городка. Полковник тут же поднял по тревоге две роты и направил их на заранее подготовленные укрепленные позиции, сам же герр Аурахер снял пробковый шлем, переделся в форму немецкого офицера и в качестве дополнительного вызова поднял на флагшток флаг Германского рейха.

Тем временем капитан Кофилд приказал морякам «Фокса» проверить бухту на наличие мин. Мин вроде бы не было, но все это отняло дополнительное время, а день был безветренный и безоблачный, солнце палило немилосердно, экспедиционные силы генерала Эйткена изнывали от удушающей тропической жары. Британский генерал был крайне недоволен непредвиденной задержкой. Моряки продолжали прочесывать бухту. Несмотря на всю бесплодность их стараний, капитан Кофилд убедил генерала не рисковать кораблями, а высадить силы милей дальше по побережью. Избранное капитаном место пришлось на почти непролазное болото, кишевшее комарами и ядовитыми гадами, однако это выяснилось лишь после того, как первые солдаты ступили на берег. К этому времени совсем стемнело; так как несчастные индейцы по большей своей части до этого похода никогда не отходили от своего дома дальше соседней деревни, а на кораблях ходили страшные слухи об африканских людоедах и безжалостно жестоким немцам, нервы у них были на пределе. Солдатам мерещились враги за каждым деревом и кустом, они без раздумья стреляли в каждую движущуюся тень, пе-

ребив таким образом немало собственных своих товарищей.

С рассветом полная непригодность местности для высадки десанта стала окончательно очевидной, и все же генерал Эйткен, страстно мечтавший закончить свою африканскую кампанию к Рождеству, приказал выгрузить припасы экспедиционного корпуса на берег. Там были мотоциклы и аппараты беспроволочной связи, ящики патронов, говяжья тушенка и снаряды. Кроме того, следуя примеру своего командира, каждый офицер прихватил с собой парадную форму (для триумфального вступления в столицу завоеванной колонии), а также уйму ящиков и коробок с личными вещами. Перевоз на берег всего этого хозяйства веселыми шлюпками через опасные коралловые рифы растянулся на двое суток, что дало немцам вполне достаточно времени на дополнительное укрепление занятых позиций.

В отличие от британского генерала, не удосужившегося провести перед высадкой — или хотя бы после нее — разведку местности, Леттов-Форбек послал одного из своих офицеров познакомиться с будущим противником поближе. Офицер (берлинец, кое-как загримированный под арабского рыбака) доложил по возвращении, что плацдарм вторжения выглядит как «берег Рейна в воскресенье», сплошные пикники, купание и загорание.

Все эти сорок восемь часов бригадир Тай, пребывавший в полном восторге от того, что удачно высадил бригаду на берег, затягивал начало активных действий, убеждая своего командира, что солдаты слишком измотаны, чтобы «сделать приличный бросок» и атаковать Тангу. И даже тогда, когда некий предприимчивый арабский торговец, приплывший на лодке в надежде втюхать доб-

лестным британцам свои товары, сообщил одному из офицеров Эйткена, что в этом секторе почти нет немцев, генерал продолжал медлить с приказом о наступлении. Время уходило, а он все никак не мог ни на что решиться. Пользуясь этим, немцы подтянули на помощь своим, предельно малочисленным, силам еще две роты аскеров.

4 ноября 1914 года генерал Эйткен отдал приказ «выступить и атаковать», так и не проведя разведки. Любой командир, вступающий на враждебную территорию без предварительного ее исследования, дает противнику преимущество неожиданности, которое может обернуться самыми неприятными последствиями. Сипаи 63-го пальмакоттского легкого и 13-го раджпурского полков получили указание примкнуть штыки и образовать атакующую цепь длиной в 1000 ярдов, что было невыполнимо, так как им предстояло преодолеть трясину, брести по колено в болотной жиже, продираться через путаницу корней и упавших деревьев. Солдаты бангалорской бригады, возглавляемые своим командиром, бригадиром Таем, выбивались из сил, но так и не сумели обнаружить ни одного немца.

— Вот же черт, — разочаровано воскликнул молодой лейтенант, — эти проклятые боши смылись!

Вместе с двумя другими ротными командирами он поднялся на близлежащий холм, чтобы получше осмотреть местность. Защелкали выстрелы, и три британских офицера упали в густую, ярко-зеленую траву. По сигналу рожка из грязной болотной воды выскочили германские аскеры, похожие на черных, блестящих призраков; с жутким, леденящим сердце воплем они бросились на несчастных бангалорцев. Это привело сипаев в такой ужас, что они пустились наутек, даже не помыш-

ляя ни о каком сопротивлении; европейские офицеры, пытавшиеся остановить это паническое бегство, дорого заплатились за свою стойкость, подбежавшие аскеры перебили их, всех до единого. Паника достигла такой степени, что один из индийских офицеров замахнулся саблей на капитана Майнерцхагена, командира радж-пурцев, который встал на его пути, Майнерцхагену не оставалось ничего иного, как пристрелить обезумевшего индийца.

Бригадир Тай передал на стоявшие у берега корабли, что его атаковали 2000—3000 немцев, в то время как в действительности общее количество аскеров было около двух с половиной сотен, а в атаке принимало участие всего две неполных роты, 7-й и 8-й *Schutztruppen*¹. Безуспешная попытка наступления обошлась британскому экспедиционному корпусу в три с лишним сотни убитых, остальные сипаи, не останавливаясь, добежали до берега, многие из них увязли в трясине по горло и дико вопили, моля о спасении.

5 ноября. Трепка, полученная Бангалорской бригадой, а особенно — ее трусливое поведение, привели Эйткена в такую ярость, что он приказал высадить на берег все остающиеся резервы и бросить их против аскеров Леттова-Форбека. И снова — без проведения разведки. Генерал ярко продемонстрировал свою профессиональную некомпетентность, смешав в одну кучу самые слабые подразделения экспедиционного корпуса с двумя первоклассными — северо-ланкаширским полком и гуркхами из кашмирского стрелкового.

— Нам хватит на них и холодной стали, — ответил Эйткен на предложение моряков (которым очень хоте-

¹ *Schutztruppen* (нем.) — букв. «отряды обороны».

лось поучаствовать в военных действиях) провести арт-подготовку из орудий крейсера «Фокс». Как и вчера, командиры подразделений получили приказ наступать с примкнутыми штыками. К этому времени узкая полоса пляжа была так завалена припасами, что высаживавшимся на берег солдатам приходилось перелезать через нагромождения ящиков и продираться сквозь толпу ошалевших, окончательно переставших что-либо понимать сипаев. В конце концов, офицеры сколотили некое подобие атакующего строя и двинули его вперед, однако противника снова не было, немцы и аскеры словно утонули в болоте.

В трехстах метрах за городской чертой имелась узкая земляная плотина, насыпанная многими годами раньше для защиты Танги от напозавшего на нее болота; Леттов-Форбек превратил это место в солидную, хорошо оборудованную оборонительную линию. 4-я, 7-я, 8-я и 13-я *Schutztruppen* залегли в окопах, великолепно замаскированных бамбуковыми порослями, окружавшими болото, каждая рота имела связь с командным пунктом по полевому телефону. Перед укрепленными огневыми позициями пулеметчиков были поставлены несколько рядов заграждений из колючей проволоки, замаскированных травой и болотными цветами. Атаковать такую линию обороны «холодной сталью» было бы чистым самоубийством. Вообще говоря, немецкому полковнику не нужно было даже особенно стараться с организацией засады, противник полез в нее безо всяких раздумий. Пока измученные жарой и жаждой сипаи месили болотную жижу, ежесекундно спотыкаясь о путаницу корней, чернокожие снайперы, засевшие в густых кронах баобабов, охотились на их офицеров, отчетливо выделявшихся своими яркими портупеями и проб-

ковыми шлемами. Тревожащий пулеметный обстрел также оказался очень эффективным, то в одном, то в другом атакующем подразделении появлялись зияющие бреши. Все шло в точном соответствии с замыслом Леттова-Форбека. Индийцы металась в болоте, наугад паля в невидимого противника — и попадая зачастую в своих же товарищей. Их авангард отступал, задние же цепи продолжали двигаться вперед, все это создавало толкотню и неразбериху, то есть — идеальную мишень для немецких пулеметчиков. Однако северо-ланкаширцы и гуркхи проявили себя с самой лучшей стороны; после яростной рукопашной схватки они захватили здание местной таможни, а затем бросились к ратуше, сдернули с флагштока германский триколор и подняли на его место Юнион Джек — событие, замеченное на стоявших у берега кораблях и встреченное там торжествующими криками.

Фон Леттов-Форбек и его адъютанты, майор фон Принц и майор Краут, попали в крайне затруднительное положение. Британские войска ворвались в город, если их отсюда не изгнать, ворота колонии будут распахнуты настежь. Жуткие кривые ножи гурков навели на самых молодых, неопытных аскеров такой ужас, что те дрогнули и попрятались в домах. Выгнать их оттуда наружу и заставить сражаться оказалось далеко не просто.

— Кого я вижу, женщин или гордых воинственных сынов Вахехе и Ангоны? — спросил оробевших негров прусский юнкер фон Леттов-Форбек, но даже это их не проняло. Помог неожиданный случай.

Когда один из юных воинов племени Вахехе вскочил на ноги и задал стрелача, капитан фон Хаммерштейн, командир роты, выхватил из своей полевой сумки недо-

питую бутылку вина и швырнул ее вслед беглецу. Бутылка угодила прямо в курчавую, как каракулевая шапка, голову, трусливый вахехе свалился с ног — под издевательский хохот воинов ангони. Это в корне изменило обстановку. Воины вахехе до полусмерти измордовали незадачливого соплеменника, опозорившего их в глазах ангони, затем подхватили тяжелые маузеровские винтовки и с воплем «Вахинди ни вадуду!» бросились в бой следом за майором фон Принцем. Их примеру с неменьшим энтузиазмом последовали и воины ангони, кричавшие нечто аналогичное, только на другом языке. Они вихрем пронеслись по улицам, паля во все стороны из винтовок и ручных пулеметов (для большей устойчивости пулеметчики клали ствол этого, далеко не легкого, оружия, на плечи одного из своих товарищей), и мгновенно вышвырнули сипаев из города. Затем аскеры ударили по обнаженному флангу той части британских войск, которая все еще барахталась в болоте. Бой быстро превратился в кровавую мясорубку, в дело пошли *панги* (аскерские сабли) и *курки* (гуркхские ножи). Майор фон Принц был убит, однако потери британских войск оказались гораздо тяжелее, 101-й бомбейский гренадерский батальон был настолько выкошен пулеметным огнем и аскерскими саблями, что практически перестал существовать как боевая единица. В то же самое время бросок воинов вахехе и ангони из 4-й и 13-й рот оставил левый фланг Леттова-Форбека опасно оголенным перед лицом ланкаширцев, сосредоточившихся в районе таможни.

В отличие от своего германского оппонента, который руководил войсками прямо из окопов, а потому мгновенно использовал любую благоприятную возможность, британский генерал разместил свой командный

пункт на борту корабля и не видел разворачивающихся событий, так как густые тропические заросли заслоняли от него поле битвы. Командир Северных ланкаширцев прислал Эйткену депешу с указанием точного местоположения губительных немецких пулеметов и просьбой подавить их артиллерийским огнем, чтобы потом, когда оборона противника ослабнет, можно было подняться в атаку. Однако парализованный нерешительностью генерал так и не отдал приказа об обстреле из корабельных орудий. У ланкаширцев оставался единственный способ уменьшить свои потери — поливать заросли бамбука потоками пуль из своих собственных «Максимов», что давало весьма небольшой прямой эффект, так как противники, которым эти пули предназначались, сидели в глубоких окопах. Косвенный эффект был гораздо серьезнее: пулеметный обстрел не позволял немцам и аскерам высунуть голову, их убийственно точный винтовочно-пулеметный огонь почти прекратился. Было и еще одно, очень важное обстоятельство, о котором не догадывались британские командиры. У аскеров почти кончились патроны, и они готовились к последней, отчаянной штыковой атаке.

В этот момент британцы были на грани полной, решительной победы, немцам и аскерам оставалось надеяться разве что на чудо. И чудо — во всяком случае нечто, очень похожее на чудо, — свершилось. По краю болота высились множество мертвых деревьев, на их серых оголенных сучьях висели продолговатые сигарообразные корзины — своеобразные ульи, в которых местные жители содержали пчел. Африканские пчелы далеко превосходят своих европейских сестер как по размеру, так и по агрессивности, однако чернокожие пчеловоды научились защищаться от их необыкновенно

болезненных укусов, обмазывая руки и лицо толстым слоем жира. А мед — он и в Африке мед, то есть большое лакомство.

Но теперь грохот непрестанной стрельбы отвлек пчел от мирных трудов по сбору нектара с цветочков, нельзя исключить и того, что в один-другой плетеный улей угодила шальная пуля; как бы то ни было, но густые рои угрожающе жужжащих насекомых вылетели из ульев, поднялись к вершинам деревьев, а затем спикировали на не имевшие никакой противовоздушной обороны британские войска. Они жалили, и жалили, и жалили. Охваченные паникой индийцы пустились бежать, бросая бесполезные в борьбе с таким противником винтовки, взбесившиеся пчелы гнались за ними по пятам, не давая остановиться. Можно представить себе состояние генерала Эйткена, все еще находившегося на своем плавучем командном пункте, когда из тропических зарослей сотнями высыпали безоружные, бешено размахивающие руками солдаты и тут же, без остановки, стали прыгать в морскую воду. Так как не было слышно никакой стрельбы, только болезненные вопли улетающих солдат, один из штабных офицеров удивленно заметил: «Господи, генерал, наших ребят снова погнали. Непонятно только, что это за дьявольщину сделали с ними немцы?»

Объяснение было предельно просто: *все фурии ада, вместе взятые, не сравнятся по ярости с разозленной пчелой.* Почему эти насекомые атаквали исключительно британское подразделение? Возможно, это связано с запахом пота, известно ведь, например, что собаки носом чуют страх. Некий британский сигнальщик был награжден Военным Крестом за то, что он не прекращал передавать сообщения даже тогда, когда получил

триста пчелиных укусов. Это была первая в мировой истории награда, выданная за *отвагу, проявленную при воздушном налете*.

Не ужаленный ни одной пчелой, Эйткен был взбешен трусливым поведением находившихся в его подчинении войск и приказал начать обстрел Танги. Первый выпущенный крейсерами снаряд угодил прямо в местный госпиталь, под завязку набитый британскими ранеными. Последующие снаряды тоже ложились по большей части на британцев, начавших к этому времени общий отход. Когда остатки ланкаширцев кое-как добрались до берега, некий сержант; уроженец Манчестера, сухо заметил: «Когда в меня стреляют долбаные гунны, это нормально, но когда пчелы жалят меня в задницу, это уже слишком».

Когда над полем битвы снова повисла тишина, когда пчелы вернулись в свои ульи, к своим обычным занятиям, подсчет показал, что германская сторона потеряла шестьдесят девять человек — пятнадцать европейцев и пятьдесят четыре аскера, в то время как британцы оставили на африканском побережье около восьмисот трупов плюс такое же количество раненых и пропавших без вести (последние, скорее всего, бесследно утонули в болоте).

Наголову разбитая британская армада подняла якоря и вернулась в Момбасу, где в качестве последнего оскорбления свой же британский таможенный инспектор не позволил ей войти в гавань за отказ уплатить таможенную пошлину.

В Англии исход первой битвы на африканском континенте вызвал полное потрясение. Как случилось, что британский экспедиционный корпус потерпел столь позорное поражение от жалкой горстки местных чер-

нокожих солдат? В поисках объяснения «Таймо» зашла настолько далеко, что обвинила Пауля фон Леттова-Форбека в использовании нового тактического оружия — специально обученных боевых пчел. Никто не решался со всей откровенностью сказать, что генерал Эйткен абсолютно не соответствовал поставленной перед ним задаче, что он не только не понимал местных условий, но даже и не пытался их понять. Его основная идея — «в штыхы — и зададим им деру» — принадлежала далекому прошлому. В 1914 году со всей очевидностью выяснилось, что она не срабатывает и на европейских фронтах, а уж в Африке-то она не работала давно, с того времени, как буры, а за ними и Леттов-Форбек полностью переписали устав колониальных военных действий. Следует, правда, отметить, что в последующие годы немецкий полковник никогда не забывал воздать хвалу своим вспомогательным войскам — пчелам.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — экспедиция генерала Эйткена увенчалась успехом?

Германская Восточная Африка тогда же превратилась бы в британскую Танганьiku (часть современной Танзании), а африканская часть Первой мировой войны завершилась бы к Рождеству 1914 года.

А теперь о фактах

Имея в своем распоряжении всего лишь 155 немецких солдат и офицеров, 1200 африканских аскеров

плюс 3000 носильщиков, Пауль вон Леттов-Форбек мастерски организовал ряд операций, сковавших 120000 британскую колониальную армию, находившуюся под командованием южно-африканских генералов Смитса и ван Девентера. Аскеры Леттов-Форбека сражались до самого конца Первой Мировой войны, они сложили оружие в тот же самый день, что и германская армия в Европе.

Что касается последствий Пчелиной битвы, то имущество, оставленное экспедиционным корпусом Эйкена в окрестностях Танги, позволило Леттову-Форбеку набрать новые отряды аскеров, снарядить их современным британским оружием и воевать еще четыре года.

Вскоре после описанных событий полковник фон Леттов-Форбек получил чин генерал-майора. генерал-майора Эйткена разжаловали в полковники и отправили на пенсию.

В битве при Танге решающим фактором стал рой разъяренных пчел.

21 мая 1940 года, Франция

Der Halte Befehl¹

«Мы проиграли битву за Францию»

*Премьер-министр Франции Поль Рейно—
Уинстону Черчиллю, 15 мая 1940 г.*

Вечером 10 января 1940 года транспортный самолет германских Люфтваффе совершил аварийную посадку на поле в окрестностях Мехелен-сюр-Мез. На его борту находился штабной офицер 7-й германской пехотной дивизии, имевший при себе подробный план намеченного вторжения во Францию. Офицера схватили прежде, чем он успел сжечь свои бумаги и карты. Из захваченных документов явствовало, что начало операции было намечено на ту же весну, вторжение должно было происходить через Арденны с форсированием реки Мез (Маас) к югу от бель-

¹ Der Halte Befehl (нем.) — приказ об остановке.

гийской границы¹. Захваченные документы были спешно доставлены генералу Морису Гамелену, главнокомандующему армиями союзников.

Гамелен не поверил в их подлинность — так же как он не поверил руководителю своей разведки, полковнику Пайолю из Deuxième Bureau², получившему аналогичную информацию от своего глубоко законспирированного берлинского агента, высокопоставленного сотрудника германского Министерства обороны, работавшего под псевдонимом «Бертран»³.

— Нет, — решил Гамелен, — никакая армия не сможет пересечь Арденны!

Странным образом он забыл, что всего два года назад, во время маневров французской армии, проводив-

¹ На самом деле из захваченных документов следовало строго обратное — что германские войска, повторяя «план Шлиффена», собираются вторгнуться во Францию с севера, через территорию Бельгии и Голландии. Принято считать, что история с «заблудившимся» самолетом являлась целенаправленной акцией по дезинформации союзного командования и сокрытии истинного направления наступления — через Арденны, по левому краю «Линии Мажино».

² Deuxième Bureau (фр.) — «Второе бюро», французская разведка.

³ Ганс Тило-Шмидт считался убежденным нацистом, его брат командовал танковой дивизией, одним словом Тило-Шмидт был выше всяких подозрений. И все же этот человек многие годы снабжал французов ценнейшей информацией. Ганс Тило-Шмидт, он же «Бертран», был раскрыт абвером в тот же самый день, когда немцы вошли в Париж. На подъездных путях железнодорожной станции был обнаружен вагон с этой документацией «Второго бюро», в этих бумагах нашлось и имя самого ценного из французских шпионов. Он был казнен. (Примеч. автора).

шихся под его собственным руководством, генерал Преталат использовал тот же самый путь прорыва, который изобразили на своих картах немцы. В конце концов, французский военный атташе в Швейцарии сообщил Гамелену, что германское наступление на Седан назначено на 8 мая. Он ошибся всего на два дня.

Утром 10 мая 1940 года особое подразделение немецких парашютистов, отработавшее операцию на специально выстроенном макете будущей цели, было сброшено на форт Эбен-Эмель, контролировавший три жизненно важных моста на голландско-бельгийской границе. Уже через двадцать минут этот стратегический дорожный узел перешел в руки немцев, ворота Франции были распахнуты настежь.

1 сентября 1939 года мир впервые познакомился с тем, что такое немецкий «блицкриг». Стратегия молниеносной войны, основанная на сочетании быстрого передвижения бронетанковых сил с тактическими воздушными ударами, была разработана в промежутке между мировыми войнами германским танковым гением Гейнцем Гудерианом¹. Пока Германия создавала свои элитные танковые корпуса, британская армия скромно довольствовалась пулеметными танками «Матильда I»; у англичан имелись и несколько более тяже-

¹ Пока Германия захватывала Польшу, западные союзники, формально объявившие Германии войну, не предпринимали ровно ничего, вели себя как посторонние наблюдатели. Этот период *Drole de Guerre* («Странной», или «Смешной», войны) продолжался с сентября 1939 года по май 1940. В тот период Германия не имела сил для войны на два фронта. (Примеч. автора).

лые «Матильды II», но даже им было не под силу справиться с крепкой немецкой броней. Французы находились в еще худшем положении, их танки тащились со скоростью 6 км/час — чтобы не отрываться во время атаки от пехоты. Немецкие танки имели скорость в десять раз большую¹.

Несмотря на пример польской кампании вермахта, замшелые генералы, определявшие стратегическое планирование союзников, продолжали цепляться за доктрину стратегической обороны. Типичным примером их образа мысли является высказывание генерал-майора сэра Луиса Джексона при обсуждении одной из решающих битв Первой мировой войны, прорыве британских бронированных сил под Амьеном: *«Танк — это неестественный уродец. Его появление на свет было вызвано совершенно исключительными обстоятельствами, которые вряд ли повторятся, но и в случае повторения с ними можно будет справиться иными средствами».*

Представления о грядущей войне, доминировавшие в кругу руководителей французской армии, были вполне под стать близоруким взглядам британского генерального штаба. «Мы не поляки, — гордо заявлял генерал Гамелен, — с нами такие штуки не пройдут». Французский генеральный штаб полностью полагался на неуязвимость линии Мажино. Главным пороком этой мощной и весьма совершенной оборонительной системы было

¹ К 10 мая 1940 года французские танковые войска превосходили немецкие как по количеству, так и по боевым качествам машин. Германия имела преимущество только в одном — в организации танковых войск и тактике их использования.

то, что она не доходила до моря, но обрывалась на бельгийской границе! Французы предполагали (как оказалось впоследствии — ошибочно), что линия Мажино вынудит немцев нанести удар через Голландию, после чего объединенная мощь французской, бельгийской и британской армий остановит продвижение вермахта на линии укреплений вдоль реки Диль. Именно эта концентрация союзных сил во Фландрии и привела к полному разгрому Франции.

План молниеносного достижения победы был представлен Гитлеру начальником штаба руководимой генералом фон Рунштедом *Heeresgruppe A* (группа армий А) генералом Эрихом фон Манштейном. Манштейн предложил нанести внезапный удар основной частью германских бронетанковых сил, семью дивизиями, по наиболее уязвимой точке французской обороны, через покрытые густыми лесами Арденнские горы, в то время как *Heeresgruppe B* генерала Бока изобразит ожидавшееся от немцев вторжение в Голландию путем, знакомым со времен Первой мировой войны. Французские военачальники попали в эту ловушку, в том числе даже стареющий маршал Анри Петен, герой Вердена, который уверенно заявил: «Арденны непроходимы, это направление не представляет опасности».

На сто пятьдесят километров лесистой перемычки между линией Мажино и бельгийской линией укреплений по берегу Диля генерал Гамелен выделил всего четырнадцать резервных дивизий. Против них было брошено сорок пять ударных дивизий Рейха, в том числе и все части, вооруженные тяжелыми танками¹.

¹ На этот момент Германия вообще не имела тяжелых танков.

Быстрота и головокружительный успех вторжения немцев во Францию породили множество мифов. Один из таких мифов апеллирует к германскому превосходству в танках. Это утверждение в корне неверно. Немцы имели 2574 танка¹ против 3254 танков у союзников. Кроме того, броня и пушки немецких танков Pz. II и Pz. III были слабее, чем у союзников. Вина за катастрофу полностью лежит на французских генералах. Они зациклились на линии Мажино, утратили гибкость мышления, основывали свои планы на безнадежно устаревших стратегических концепциях и, что хуже всего, неумеренно полагались на возможности статической обороны (на следующий день после капитуляции Франции линия Мажино была передана немцам в нетронутом виде!)².

В то же самое время историки обычно упускают из внимания действия семидесяти четырех британских танков в районе Арраса, эпизод не слишком масштабный, однако оказавший решающее влияние на дальнейший ход войны.

Уже через два дня после начала военных действий первые немецкие танки вышли на берег Мааса и заняли Седан. 12 мая генерал Корап, командовавший 9-й французской армией, получил ошибочное донесение, что немецкие танковые части форсировали Маас³. Он тут же ударился в панику и отдал приказ о спешном отступле-

¹ Заметную часть (770 шт.) немецких танков составляли чешские «Шкоды». (Примеч. автора).

² Roger Brüge. *On a livré la Ligne Maginot.* (Примеч. автора).

³ В начале того же года британский генерал сэр Алан Брук посетил Корапа и обратил его внимание на отсутствие противотанковых позиций. «Ah, bah! — ответил Корап. — On

нии. Корапа сместили, поставив на его место генерала Жиро, который на следующий день попал в плен.

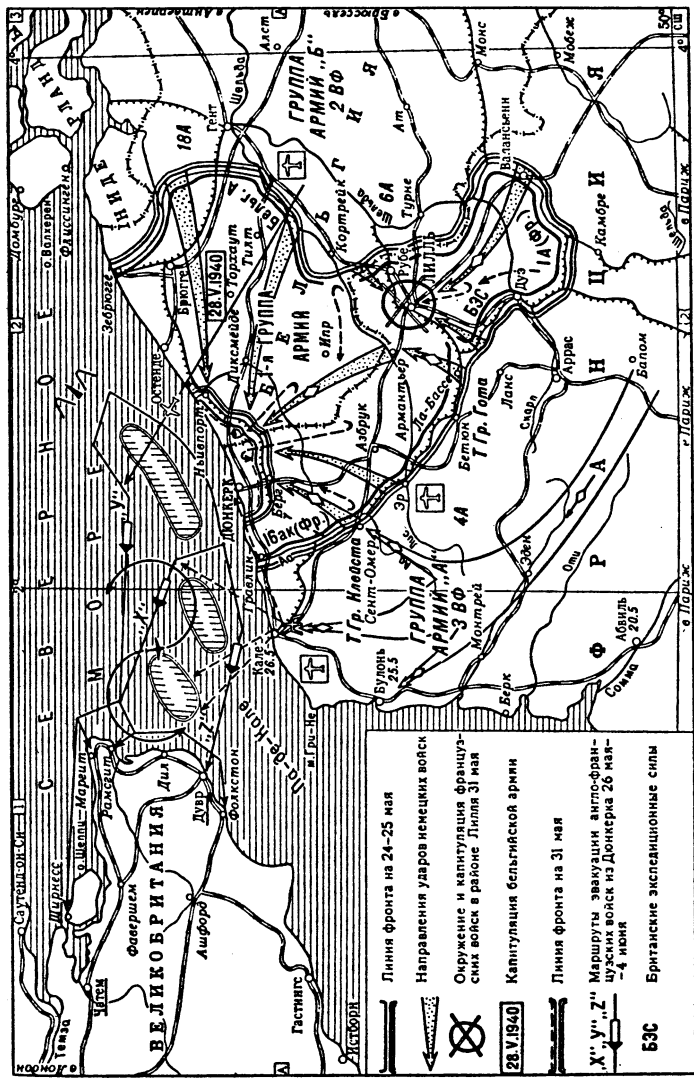
13 сентября танки 7-й дивизии генерала Эрвина Роммеля действительно перешли Маас по быстро собранному понтонному мосту. Они не встретили никакого сопротивления и сразу же двинулись дальше, не дав французам времени закрепиться на новой линии обороны. В боевых порядках французской армии образовалась зияющая дыра. Этот танковый прорыв был осуществлен с молниеносной быстротой, немцы даже не утруждали себя тем, чтобы брать сдающихся французов в плен. Обочины дорог, по которым неслись немецкие танки, были забиты французскими солдатами, многие из них продолжали тащить свое оружие. Время от времени какой-нибудь танк останавливался, танкисты собирали у французов винтовки, давили их гусеницами и мчались дальше.

Французское командование все еще имело в своем распоряжении три бронетанковые дивизии — вполне достаточно, чтобы остановить немецкий прорыв. Хотя к этому моменту военная разведка успела надежно установить, что немецкие танки и не думают направляться в Бельгию, генерал Гамелен медлил, не в силах отказаться от предвзятых представлений о будущем ходе войны; именно эта неспособность французского командования вовремя реагировать на быстро меняющуюся ситуацию и явилась основной причиной последовавшей катастрофы. Когда Гамелена заменили на генерала Вейгана и было принято безнадежно запоздалое реше-

va les faire plus tard — alons, on va dejeuner! («Пустое!» Их сделают попозже — идемте, сейчас начнется завтрак») (Примеч. автора).

ние выдвинуть танковые дивизии, все уже валилось под откос. 19-й танковый корпус Гудариана при поддержке пикирующих бомбардировщиков Ju.87 «Штука» в щепки разнесли 1-ю французскую бронетанковую дивизию генерала Бруно в окрестностях Бомона. 2-я танковая дивизия генерала Бронше из-за ошибки в расписании поездов выгрузилась не там где надо, а 3-я танковая дивизия попросту не дошла до фронта — у нее кончилось горючее.

Выдвижение французских и британских подкреплений столкнулось с еще одной серьезной проблемой, проблемой, лишь косвенно связанной с действиями немецких войск. Все дороги, ведущие к фронту, были забиты тысячами беженцев из Восточной Франции и Бельгии. Люди тащили за собой тележки, толкали тачки и детские коляски, в спешке набитые всем что попало под руку — гитарами, картинами, зонтиками и прочим бесполезным хламом. У автомобилей кончалось горючее, иногда их владельцев вытаскивали из кабин другие обезумевшие от страха беженцы, так или иначе все заканчивалось тем, что машины застревали посреди дороги, создавая дополнительную помеху движению. Оголодавшие люди ели незрелое зерно с полей и зеленые фрукты из садов, а затем мучались от последствий. Маленький мальчик, крепко вцепившийся в материнскую юбку, еле переставлял негнувшиеся от усталости ноги; чтобы погладить сына по голове, мать бросила на дорогу все, что несла в руках. Крошечная сцена любви и нежности посреди обезумевшей от страха толпы. Выбившиеся из сил садились на обочину и обреченно ждали неизбежного. Усталые, оборванные беженцы безразлично ковыляли мимо таких же, как они, несчастных, убитых при воздушном налете. Немецкие «юнкерсы» постоянно об-

Дюнкерская операция 26 мая — 4 июня 1940 г.

стреливали беззащитных, ищущих спасения людей, эта угроза висела над дорогой, как темное грозное облако.

Беженцы сделали то, что было бы не под силу и десяти дополнительным немецким танковым дивизиям — в тот самый момент, когда на фронте с отчаянной надеждой ожидали подхода резервов, трагический людской поток надежно перекрыл им путь. К вечеру 15 мая три германских танковых корпуса под командованием Гота, Райнхардта и Гудериана уже мчались по дорогам Франции. Наспех сколоченная 4-я французская бронетанковая дивизия (ее возглавил молодой полковник Шарль де Голль) проявила чудеса героизма, однако не смогла не то что остановить, но хотя бы замедлить танки Гудериана. Битва за Францию, начавшаяся всего пять дней назад, была уже, по сути дела, проиграна. Впереди маячило неизбежное унижающее поражение.

Успех двухнедельной польской кампании был достигнут благодаря таланту генералов, возглавлявших танковые корпуса Гитлера, однако сам политический лидер Германии практически не имел военного опыта, необходимого для понимания всей сложности современной танковой войны. В то же самое время Гитлер был уверен в своем уникальном военном гении — ничуть не меньше, чем в своей особой исторической миссии. Он окружил себя генералами вроде Кейтеля и Йодля, такими же бездарными, как и их французские коллеги, но зато обладавшими ценным свойством поддакивать каждому слову любимого фюрера. Настоящая сила Германии была в ее фронтовых полководцах, в таких людях, как Гудериан или молодой дивизионный генерал Эрвин Роммель. Роммелю предстояло стать лучшим из немецких генералов — потому, что он один сумел преодолеть

окаменелую жесткость прусского военного духа. Он никогда не состоял в нацистской партии и, подобно своему начальнику Гудериану, считал ОКВ¹ кучкой бездарных и никчемных личностей. Роммель почти не скрывал своей крайней неприязни к людям вроде Гиммлера, Йодля и Кейтеля и не питал особых иллюзий относительно политической структуры, от которой прямо зависела его личная безопасность. Его первоначальное восхищение Гитлером быстро сменилось недоверием и презрением. К этому были весьма основательные причины. Когда три танковых корпуса вырвались с маасского плацдарма и погнали остатки разгромленных армий в глубь Франции, у Гитлера сдали нервы, его озабоченность возрастала прямо пропорционально глубине продвижения немецких танков.

Вечером 15 мая передовые части буквально бомбардировали ОКВ донесениями. Генералы, отмечавшие на картах их продвижение, едва успевали переставлять флажки. Изучив общую карту театра военных действий, Гитлер начал проявлять явные признаки нервозности. Кейтель быстро сообразил, чем именно обеспокоен фюрер, и поспешил его поддержать. «Mein Führer, я вполне солидарен с вашим пониманием сложившейся ситуации. Танковые силы слишком выдвинулись вперед. Противник может перейти в контрнаступление.»

16/5 ОКВ: *Der Franzose führt anscheinend aus seinem Reservoir Dijon-Belfort Kräfte nach der linken Seite des Durchbruchkeils heran.* (По-видимому, французы выдвигают свои резервные силы из района Дижон—Бельфор против наших клиньев прорыва).

¹ ОКВ — «Oberkommando der Wehrmacht» — Верховное командование вермахта.

Вот так оценил ситуацию Гитлер; генералы Кейтель и Йодль были того же мнения. Блестящий стратег Гальдер попытался справедливо возразить, что англичане попросту не успеют помешать столь быстрому наступлению танковых корпусов вермахта, а французская армия полностью утратила боевой дух, однако Гитлер слушал только тех, кто с ним соглашался. 17 мая 19-й танковый корпус получил приказ остановиться¹.

Генеральный штаб — 19-му танковому корпусу: «Послушайте, генерал, это не только приказ ОКВ, это личный приказ самого *фюрера*!»

«Да пусть хоть Папы Римского. Вызовите по телефону генерала Листа из 19-й армии и сообщите ему, что я подаю в отставку», — кипел Гудериан. В отличие от большинства генералов Лист являлся отличным дипломатом, а потому компромисс был достигнут. Гудериан получил разрешение «провести разведку боем». Все это походило на фарс. Чтобы скрыть перемещение корпуса от *фюрера*, Гудериан поддерживает непрерывную телефонную связь между своим передвижным командным пунктом и местом, где его застал приказ ОКВ об остановке. Германские танки рвались к Ла-Маншу без ведома Гитлера и даже против его воли!

Директива № 2 генерала Гамелена была помечена временем 9.45 утра 19 мая 1940 года. Всем северным армиям предписывалось любой ценой пробиваться на юг, чтобы не попасть в окружение и не быть прижатыми к побережью Ла-Манша. Войска, находившиеся в подчинение генерала Жоржа, должны были наступать

¹ Генерал Гальдер: (стр. 233 А) — Петер Бор. Разговоры с Гальдером. (Примеч. автора).

пать с севера в южном направлении, в то же самое время 2-я и 6-я французские армии получили указание атаковать от Мезьера в северном направлении. Выполнению этого приказа помешали посторонние обстоятельства. Генерал Гамелен, впавший в полную депрессию на почве застарелого сифилиса, был заменен на Максима Вейгана. Новый план, разработанный Вейганом в сотрудничестве с генералом Жоржем, командующим Северо-Восточной армейской группой, предусматривал двусторонний охват («клещи») передовых германских частей, оторвавшихся от основных сил и не имевших флангового прикрытия. Жорж, мало подходивший на роль лидера как по физическим качествам, так и по складу характера (после поражения на Маасе он громко разрыдался), посетил штаб генерала Горта. Он попросил командующего БЭС (Британские экспедиционные силы) бросить в бой все остающиеся танковые резервы, чтобы отрезать две передовые танковые дивизии немцев, далеко обогнавшие свою вспомогательную пехоту. БЭС должны были установить оборону по линии Аррас—Камбре—Бапом. В обмен Жорж обещал мощную французскую атаку с юга.

Командующий БЭС Горт не стал информировать Жоржа, что англичане уже обдумывают отход к Дюнкерку. Несколько ранее он обратился с таким предложением к премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю, и тот приказал приступить к подготовке плана операции «Динамо»¹ — шаг, который позднее спас британскую армию от полного уничтожения.

¹ Кодовое название эвакуации войск из Дюнкерка. (Примеч. автора).

Пока французы и англичане попусту растрачивали драгоценное время на базарную торговлю, кто будет атаковать и где, 7-я танковая дивизия Роммеля стремительно продвигалась в глубь Франции. Его танки наступали по фронту шириной всего в три километра и оторвались на пятьдесят километров от своего ближайшего источника боепитания. Роммель шел на значительный риск, так как с обоих его флангов находились крупные силы союзников. 18 мая он снова их потеснил. «*Weiteren Marschweg: Le Cateau—Arras. Auftanken! Antreten!*» («Дальнейшее направление: Ле Като—Аррас. По машинам! Быть наготове!»)

Вскоре у танков кончилось горючее. (По некоторым сведениям, иногда им удавалось заправиться на местных автозаправочных станциях). Генерал пришел в полную ярость, однако скоро выяснилось, что он сам и виновен в такой ситуации. Танки Роммеля наступали так быстро, что не столь мобильная дивизия поддержки все еще находилась в Бельгии! Когда Гитлер узнал об этом, у него начались желудочные колики, а генералы ОКВ пережили бессонную ночь¹. Однако отчаянный риск Роммеля был по достоинству вознагражден. Потеряв 35 человек убитыми и 50 ранеными, его дивизия взяла 10000 пленных, а также захватила или уничтожила свыше ста вражеских танков. 20-го мая, в день, когда первые подразделения гудериановских танков вступили в Абвиль, командующий БЭС Горт возложил руководство аррасским сектором на генерала сэра Гарольда Франклина. Генерал Франклин собрал старших офицеров своего штаба в командном центре корпуса, занимавшем крестьянс-

¹ Дэвид Ирвинг. Роммель. (Примеч. автора).

кий дом неподалеку от Сен-Элуа¹. Мнения штабистов безнадежно расходились, так что не удавалось создать ясную картину происходящего. Согласно последним донесениям отступающих частей, немецкие танки уже переправились через Шельду в районе Камбре и приближались к последней водной преграде, годной для организации обороны — Северному каналу. Немцы явно намеревались окружить корпус Франклина, а вместе с ним и все северо-восточные силы союзников, состоявшие из 1-й и 7-й французских армий, бельгийской армии и британских Экспедиционных сил².

Горт сказал Франклину, что не сможет обеспечить поддержку с воздуха, так что тому приходилось рассчитывать только на свои собственные наземные силы — 5-ю и 50-ю дивизии плюс к ним — 1-я британская танковая бригада, составленная из подразделений 7-го и 4-го королевских танковых полков. Планировался сосредоточенный удар пехотой и танками вдоль шоссе Аррас—Бапом с целью отсечь голову гадюки — 7-ю танковую дивизию Роммеля прежде, чем к ней успеет присоединиться хвост — подтягивающая пехота. Танковые подразделения Франклина были достаточно сильны для выполнения этой задачи, — но никак не для прямой схватки с основными силами Роммеля. Придумать какую-либо иную оперативную схему помешала срочная телеграмма президента Рейно Черчиллю: «... Танковые колонны, находящиеся на открытом месте, следует

¹ Сен-Элуа находится всего в нескольких милях от гряды Вими, знаменитой по Первой мировой войне. (Примеч. автора).

² Общим счетом 56 дивизий (здесь не учитываются 10 голландских и резервных дивизий, на тот момент уже отделенных от основных сил). (Примеч. автора).

уничтожать силами многочисленных мелких групп, снабженных несколькими артиллерийскими орудиями...»¹

Генерал назначил начало операции на 14.00 21 мая. Непосредственное командование было возложено на генерала Мартеля. В первой волне должны были наступать 13-я и 151-я пехотные бригады при поддержке шестидесяти пяти танков «Матильда I» и восемнадцати «Матильда II». Мартелю была обещана фланговая поддержка семидесяти легких танков французской 3-й механизированной дивизии, — но не воздушное прикрытие. Здесь намечалась некая проблема, и далеко не маленькая. Хотя разведка совершенно верно идентифицировала 7-ю танковую дивизию Роммеля, она упустила из виду 5-ю и 8-ю танковые дивизии, а также панцергренадеров (моторизованную дивизию СС), следовавшие за Роммелем, — всего 410 танков и 20000 человек.

Вернемся на несколько дней назад. Усатый командир 1-й британской танковой бригады сидел в своем командном фургоне. Поступила радиограмма: «С юго-запада наступают крупные силы противника». Как это так? С юго-востока — да, но с юго-запада? Его подразделения все еще удерживали оборонительную линию вдоль реки. Неужели немцы сумели форсировать Диль, например, на стыке с 1-й французской армией?

Раэция быстро положила конец всем сомнениям... Передовые части германского 39-го танкового корпуса форсировали Диль... несем тяжелые потери... И чуть

¹ Существует расхождение во мнениях, когда именно была отправлена эта телеграмма. По свидетельству Черчилля, это произошло утром 21 мая. (Примеч. автора).

позже: *Внимание, всем частям и подразделениям. 5-я и 7-я танковые дивизии Гота двигаются в общем направлении Мобеж—Ле Като...*

Это было вчера. Сегодня он увидел их собственными глазами. Танки расходились веером, рассредоточивались перед атакой на его позиции. На этот раз решение проблемы нельзя было переложить на кого-то другого. Отступать нельзя, слишком поздно. Пули со свистом проносились мимо, впивались в землю и деревья. Вдоль всей линии обороны его солдаты палили по бронированным машинам из винтовок. Не очень равное состязание.

«Нуждаюсь в артиллерийской поддержке. Прием.» Отдаленный грохот. Еще один мост взлетел на воздух прямо перед носом вражеских танков. «А что там у вас такое?» — спросил он в микрофон.

В голосе, прозвучавшем из динамика, чувствовалась безмерная усталость. «Измордовали нас, начальник, как маленьких — вот что такое.»

— Синий-четырнадцать. Это фокстрот-седьмой, вы меня слышите?

— Говори, фокстрот-седьмой.

— Синий-четырнадцать, я прошу разрешения отойти.

— Фокстрот-седьмой, в разрешении отказано. Держитесь всеми силами, какие есть. Конечу связи.

Он знал, что секунду назад подписал батальону смертный приговор, но иного выбора не было. Их отход открыл бы немецким танкам фланг дивизии, а заодно и фланг всех экспедиционных сил.

Вошедший офицер едва держался на ногах, по землесто-серому лицу катились бусинки пота.

— Сэр, мы не можем связаться со штабом дивизии, они там словно все вымерли. Нам нужны танки. Эти

самые «матильды» четвертого королевского были бы в самый раз.

— Хорошо. — Он повернулся к радисту. — Черт с ней с дивизией, свяжи меня прямо с командованием.

— Попробую, сэр.

— Пробовать мало, сынок, ты *свяжись* с ними, а иначе отправишься туда сам, ножками.

Ему нужно было перейти в контратаку, и чем скорее, тем лучше. Для этого требовалась поддержка тяжелых танков, если она запоздает, немецкие гусеницы размажут по земле всю дивизию. Главный железнодорожный мост взорван, однако саперы джерри¹ навели рядом понтонный, теперь их танки под прикрытием тяжелой артиллерии хлынули на этот берег. Радист, напряженно вслушивавшийся в звучащие в наушниках голоса, поднял голову:

— Сэр, пришло подтверждение — немцы форсировали реку Вавр!²

— А что наш сектор?

— Сэр, командование приказывает сдерживать противника — и никаких больше приказов.

Звуки канонады заметно усилились, снаряды ложились все ближе к его позициям. 88-миллиметровый снаряд, прилетевший из-за реки, накрыл расположение роты «А». Пятеро убитых.

— Сэр, командование на связи.

— Давай микрофон. Это Синий-четырнадцать...

¹ «Джерри» от англ. *german* — немец, немецкий (то же самое, что у нас «фриц»).

² По странному капризу судьбы эти события разворачивались в тех же самых местах, где в 1815 году англичане и пруссаки разгромили Наполеона, то есть неподалеку от Ватерлоо. (Примеч. автора).

Желтая вспышка и оглушительный грохот.

Радист ткнулся лицом в рацию и замер; из дыры, появившейся в его спине, хлынула кровь.

— Это Синий-четырнадуать,— крикнул еще раз бригадир, прижимая к губам микрофон. Мог бы и не стараться. Рация была разбита — тем же самым осколком, который убил радиста. Бригадир выскочил из фургона. Требовалось найти другую рацию. В роте «А» есть, правда — слабенькая, дальности не хватит, но это ничего, передадим по цепочке. Добравшись до расположения роты «А», он узнал от солдат, что командира убило.

— Послушайте, сержант...

— Да, сэр! — Правая ладонь четко вскинулась к виску.

— Примите командование ротой «А».

— Хорошо, сэр.

Выйдя в конце концов на связь с командованием, они не узнали ничего утешительного. Немцы были уже далеко за линией обороны. На юге — в тылу французов, на севере — у бельгийцев, а скоро обойдут и британцев. Командиры дивизий приказывали своим подчиненным до последнего защищать свои позиции, успевшие уже попасть в руки противника. И все эти проклятые танки. Но тут просматривается один вариант. Собрать все танковые резервы в один кулак и попытаться разрезать немецкую лавину пополам. С точки зрения этой задачи его бригада находилась на идеальной позиции: основные танковые силы немцев двигались прямо к югу от нее, услужливо подставляя свой открытый фланг. Бригадир передал свое предложение командованию. Ответ оказался не совсем таким, как он ожидал. Ни слова об атаках, только все тот же «выход из боя». «Всем частям срочно отойти к линии Delta Blue!» Он справился по

мишленовской дорожной карте. И немцы, и союзники одинаково пользовались этими роскошными французскими картами, которые свободно продаются на любой автозаправке. Получалось, что немцы стремятся к Дандру, следующей реке к западу от Диля. Ну что ж, отступить так отступить. Только без суматохи и паники. Если отступление будет организованным, эти солдаты еще сразятся с немцами, в другой день и в другом месте. Нужно было подумать, как бы это вытащить роты, стоящие на самом переднем крае, с их крайне уязвимых позиций. Им придется уходить втихую, оставив для вида маленькое прикрытие.

— Майор, мы отходим. Пушки у нас механизированные, а люди — нет. Что будем делать?

Майор повернулся к полковому старшему сержанту, тот мгновенно вытянулся по стойке смирно. Вот уж кого не выведут из равновесия никакие немецкие танки.

— Устрой для ребят что-нибудь такое с колесами.

— Да, сэр. У нас есть хозяйственные и продуктовые грузовики.

— Выкидывай барахло, люди ценнее палаток, — вмешался бригадир. — Диспозиция такая: пушки трогаются в три часа ночи, люди в три двадцать. Никаких фар, полная светомаскировка. Идем к реке Дандр. Как только все переправятся, взрываем мост.

Ему могла помочь только артиллерийская поддержка. Над головой выли снаряды немецкой полевой батареи. Последнее британское подразделение, стоявшее на Диле, сумело отойти без потерь. Солдаты ехали и шли, ковыляли и спотыкались; добравшись до леса, они хотели уже только одного — спать, однако тут же получили приказ окапываться.

— Сэр, — осторожно возразил один из ротных командиров, — ребята малость устали.

— Устали? — резко переспросил бригадир. — А кто не устал?

Радио приносило все новые тревожные сообщения: *Тридцать немецких танков, шестьдесят грузовиков, двадцать орудий в пяти милях к востоку от Гросара, в 7.15 двигались на северо-запад.*

Линия по реке Дандр атакована превосходящими силами противника. Прошу разрешения...

К тому времени как британцы закрепились на новом рубеже, немцы уже оказались глубоко у них в тылу. Над бригадой нависла опасность полного окружения.

18 мая, 22.00. Группы тяжелых танков быстро продвигаются по направлению Ле Като—Камбре и Валансьен—Дуэ.

То есть, попросту говоря, немцы уже прорвались к югу и теперь двигались прямо на его бригаду. Они явно намеревались раздавить все британские силы с тыла. Теперь над головой шуршали снаряды 25-фунтовых орудий, нацеленные на приближающуюся танковую колонну. Новый приказ командования перечеркнул предыдущий: *Британским Экспедиционным силам к 12.00 19 мая закрепиться на линии Эско¹ в секторе Ауденарде—Молд.*

Снова отходить! А люди валяются с ног.

Но затем пришла еще одна радиограмма.

Она застала генералов Франклина и Мартеля за согласованием маневров по выходу войск на новый рубеж обороны.

19 мая, 08.15. Части германской группы армий «Б» прорвали линию Эско в районе Ауденарде.

¹ Эско — французское название реки Шельды.

Из чего следовало, что линию Эско тоже не удержать. Нужно было спешно отходить, чтобы перегруппироваться вдоль Северного канала и Скарпа.

Части германской группы армий «А» продвигаются вдоль шоссе Камбре—Аррас. Противник идентифицирован как 7-я танковая дивизия и две немоторизованные пехотные дивизии, следующие за ней с разрывом в двадцать четыре мили.

Это было то самое, чего они с нетерпением ожидали, танки далеко обогнали пехоту. Пора действовать. 18 «Матильда II» и 65 «Матильда I» против двухсот немецких танков. Не много, но на первый случай хватит.

Бригадир снова вынул карту. Приказ генерала Мартела не оставлял никаких сомнений. К 22.00 20 мая организовать исходные позиции для атаки вдоль южного берега Скарпа, закрепиться в Витри. Мишленовская карта говорила, что в промежутке между Дуэ и Руйолкором есть шесть мостов через Северный канал. Вот к ним-то и направлялись танки. На данный момент эта линия удерживалась двумя дивизиями 1-й французской армии. Через день-другой немецкие танки нанесут фланговый удар и сбросят их в Сенсе.

Он не принимал во внимание Роммеля, чей 25-й танковый полк успел пересечь Северный канал у Маркиона прежде, чем британцы заняли оборонительный рубеж. В 5.00 утра 20 мая роммелевские части уже передвигались в тылу союзников, к югу от Арраса¹. Генерал Роммель лично провел разведывательную вылазку

¹ Запись в дневнике генерала Йодля за этот день: *Der Führer ist ausser sich vor Freunde. Spricht in Worten hochster Anerkennung vom deutschen Heer und seiner Führung...* (стр. 241) (Фюрер в предвкушении радостных событий. Высказы-

группой, состоявшей из его собственного легкого броневедомоцила и двух танков сопровождения. Неподалеку от деревни Виз-ан-Артуа группа попала в засаду. Оба танка были подбиты, сам же генерал оказался на час отрезан от своих войск. Еще бы чуть-чуть...

Командир 1-й британской танковой бригады получил донесение, что одно из его передовых подразделений уничтожило два немецких танка. Бригадир с трудом поверил, что немцы уже в двух шагах. Он спешно организовал засады из всех своих 25-фунтовых батарей и противотанковых пушек. Артиллерия встретит немецкие танки лобовым огнем и замедлит их продвижение, тем временем «матильды» ударят по открытому флангу противника. План казался очень разумным. Он работает, он просто обязан работать.

— Атакуют 17-я бригада при поддержке 4-го королевского танкового. Мы получаем в свое распоряжение всю артиллерию дивизии плюс все, что сможет выделить корпус. Нам поручена серьезная работа, и мы ее выполним — хоть сдохнем, а выполним.

И тут налетели «юнкерсы». Они гудели, как рой разъяренных пчел, целая туча самолетов — тридцать, сорок, а может и больше. Следуя для ориентировки вдоль русла реки Скарп, они быстро приближались к тесно размещенным британским батареям.

Первые бомбардировщики завалились на крыло и стремительно понеслись к земле, ровное гудение сменилось надсадным, пронзительным воем¹. Они цели-

вается самым похвальным образом о немецкой армии и ее руководстве...) (Примеч. автора).

¹ Входя в пике, немецкие пикирующие бомбардировщики включали — для психологического эффекта — специальную сирену.

лись по дымовым шашкам, сброшенным наблюдателями-корректировщиками с головных машин. Из раскрытых бомбовых люков сыпался град бомб. Земля содрогалась от взрывов, вокруг батарей вставали фонтаны грязного пламени, в небо летели куски разбитых грузовиков и клочья человеческих тел. Самолеты заваливались на крыло, неслись вниз, круто выходили из пике, когда до земли оставались какие-то десятки метров, натужно воя, поднимались к облакам, делали круг и снова пикировали, адская карусель, стервятники, дорвавшиеся до добычи. Бригадиру казалось, что мир вокруг него рушится, от грохота бомб и тропливых выстрелов зенитных пушек лопались барабанные перепонки. Простучала жалкая на этом фоне очередь «Брена»¹, и тут же один из стервятников выкинул шлейф черного дыма. Не выходя из пике, самолет врезался в землю².

— Мы его сделали! Мы его сделали!

— Ну вот, — криво усмехнулся бригадир, — хоть какая-то радость ребятам. Гибель одного из «юнкеров» не имела вроде бы существенного значения — остальные машины продолжали сбрасывать свой смертельный груз. Однако плотный зенитный огонь отвлек их внимание от британской артиллерии, бригада понесла серьезные потери в живой силе, однако стоявшие в засаде пушки по большей части уцелели. Танки были надежно укрыты в лесу.

— Сэр, прорывается танковая колонна.

¹ «Брен» — стандартный английский ручной пулемет периода Второй мировой войны.

² В этом налете участвовал брат генерала Э. фон Манштейна. Его «юнкер» был сбит. (Примеч. автора).

В бинокль хорошо различались черные силуэты с кургузыми пушками. Колонна казалась бесконечной, танки, танки, машины обеспечения, снова танки... «Пусть себе идут». Приказ был четким и однозначным: «21 мая 14.00. И сразу бросайте на них все, что есть. Время еще не пришло».

Минуты казались часами. 13.40...13.50...14.00!

— Танки, вперед!

С ревом моторов и лязгом гусениц танки вырвались из тени деревьев на солнце, давя кусты, служившие им прежде укрытием, их становилось все больше и больше — тридцать, пятьдесят, восемьдесят... Немцы не могли их не видеть, однако в первый момент никакой реакции не последовало. Возможно, командир попросту растерялся, не имея достаточных сил для отражения танковой атаки противника, ведь охранение грузовиков с боепитанием и бензовозов состояло всего из трех десятков «Pz.II» и нескольких чешских «шкод»¹. Основные танковые силы Роммеля ушли далеко вперед.

Бригадир решил воспользоваться преимуществом неожиданности и нанести молниеносный удар. «Открывать огонь без промедления, при первой же возможности». Как только танки вырвались из укрытия, заговорили замаскированные противотанковые пушки, они в упор расстреливали немецкие танки и грузовики. Командир батальона «Матильда II» руководил своими ведомыми по пояс высунувшись из люка. Батальон легких пулеметных «Матильда I» подошел к немцам с фланга; когда до противника оставалось менее четырехсот метров, пулеметы танков открыли огонь по небронированным ма-

¹ Автор имеет в виду танки чешского производства Pz.35(t) и Pz.38(t).

шинам снабжения. На месте грузовика с боеприпасами вырос огромный куст ярко-желтого пламени. Над головой выли снаряды. Немецкий «Pz.III» получил прямое попадание под башню и взорвался. Мы их бьем!

«Сэр, 7-й королевский уничтожил дюжину танков. Мы уничтожили восемь, а потеряли только два». Британские танки наступали размеренно и неумолимо: одна волна стояла и вела бой, тем временем вторая продвигалась вперед, подставляя снарядам противника только лобовую, самую толстую броню. На ровном поле застыли подбитые, потерявшие ход немецкие танки, некоторые из них ярко пылали, те, что поудачливее, успели спрятаться в лесу. 42-й противотанковый батальон Роммеля был разбит вдребезги, большая часть экипажей погибла — не в последнюю очередь потому, что 37-миллиметровые немецкие противотанковые пушки¹ не могли пробить 80-миллиметровую лобовую броню британских «матильд». Бригадир не выпускал из руки микрофон. «Продолжайте движение». Впервые за время этого нескончаемого отступления он слышал в наушниках веселые, возбужденные голоса, торжествующие крики. Но он знал, что радость будет короткой. Немцы непременно пойдут в контратаку.

21 мая, вблизи побережья Ла-Манша, полевой штаб немецкого 19-го танкового корпуса. Вчера, 20 мая, 2-я танковая дивизия Гудериана вышла к Ла-Маншу у Нуайея. Силы союзников разделены пополам. За ближай-

¹ Немцы называли эту пушку «Heeresanklopfgerat» (Армейское устройство для стучания в дверь). (Примеч. автора).

шие четыре, максимум, пять дней Гудериан надеялся захватить все до последнего порта вдоль пролива. Донесение о танковой битве при Аррасе поступило к нему в 14.10.

— Генерал, части 7-й танковой подверглись атаке тяжелых танков противника к югу от Арраса. Их оттеснили к Сансе.

— Каковы силы противника?

— Идентифицированы 4-й и 7-й королевские танковые полки.

— Какие силы есть там у нас?

— Генерал, ближе всего к месту находятся некоторые части 8-й и 5-й танковых дивизий.

— Противник имеет авиационную поддержку?

— Нет.

Гудериан на секунду задумался.

— Хорошо, пошлите туда части 8-й и свяжитесь с Люфтваффе, пусть поработают их «Штуки».

Приказы были посланы и приняты к исполнению.

— А где сейчас 8-я?

— Они посылают подкрепление по дороге на Бомеле Лож.

— Прекрасно, прекрасно,— кивнул Гудериан

— Еще какие-нибудь приказы, генерал?

— Никаких. Нашими основными целями являются порты вдоль пролива. Прежние приказы сохраняют силу: Первая на Кале, Вторая на Булонь, Десятая на Дюнкерк.

Штаб 1-й британской танковой бригады к югу от Арраса.

— Сэр, с запада приближается колонна вражеских танков.

Бригадир слышал отдаленный рокот. В составе колонны были не только танки, но и длинноствольные, в камуфляжной окраске 88-миллиметровые зенитки¹ — страшное противотанковое оружие. Из-за лесополосы донеслись громкие хлопки выстрелов.

— Красный-пятый, как там у вас? Прием.

— Мы нарвались на ак-аки.

— Дайте мне координаты, я накрою их артиллерией.

После первого же залпа батареи 25-фунтовых пушек «ак-аки» смолкли.

Роммель оказался в кольце рвущихся снарядов. Один из разрывов прогремел совсем рядом, адъютант генерала был убит, но сам он чудом уцелел.

Роммель привел к Скрапу свой 25-й танковый полк. Услышав о событиях под Аррасом, он тут же приказал частям, имевшим на вооружении тяжелые танки; развернуться и ударить британцев с тыла. Яростная битва, разгоревшаяся неподалеку от поселка Агнес; складывалась не в пользу немцев. Впервые за всю эту кампанию Роммель был вынужден перейти к обороне, дело дошло до того, что вокруг некоторых слабых подразделений немецкие саперы устанавливали минные поля. За этот день 7-я танковая дивизия потеряла 250 человек убитыми, гораздо больше, чем за любой предыдущий.

¹ Зенитки с их высокой начальной скоростью снаряда являлись очень эффективным противотанковым оружием. В английской и американской армиях их называли «ак-ак» — т.е. а-а, по первым буквам английского «anti-aircraft» («противосамолетный»). (Примеч. автора).

21 мая. 17.30. Полевой штаб британской 50-й дивизии. Генерал Мартель изучает быстроменяющуюся ситуацию. Карта исчерчена синими и красными стрелами. Пока что трудно говорить о какой-то определенной картине. Они ударили Роммеля в самое уязвимое место. До сих пор 1-я танковая бригада сражалась по преимуществу с колоннами снабжения и пехотой. Сейчас семьдесят с чем-то британских танков теснят немцев вдоль Бапомского шоссе, к югу от Арраса. Линия фронта начинает выпячиваться. Самое подходящее время бросить все резервы по шоссе, ведущему на Камбре, нанести удар по отступающим немцам, пробиться через их порядки, синхронизировать этот удар с танковым ударом с юга, который обещали французы, противник попадет тогда в клещи...

Мысли генерала были прерваны жутким воем «хейнкеля», прошедшего над деревней, едва не цепляясь за крыши домов. Генерал заметил, как дрожал крест на колокольне, как по улице побежали фонтанчики земли, выбитые пулеметной очередью.

— Сэр, в добавление к 7-й танковой дивизии противника обнаружены группы бронетехники, опознанные как части 8-й танковой дивизии. Они продвигаются к Боме, а часть 5-й танковой дивизии немцев подходит к Витри.

После этого начали поступать другие сообщения с идентификацией все новых и новых немецких танковых частей. Затем генерал услышал гул самолетов. «Юнкерсы». Над крестьянским домом, где размещался штаб, прошла первая волна. Хитрые они, эти немцы, придумали использовать пикирующие бомбардировщики в качестве мобильной артиллерии, результаты получаются сокрушительные. Вскоре загремели первые разрывы бомб, ходуном заходила земля.

Бригадир отложил микрофон и взялся за бинокль: немецкие танки тучами надвигались со всех сторон — части 8-й дивизии справа, 7-й — по центру, 5-й — с левого фланга. Первую британскую танковую бригаду зажимали в клещи три немецкие дивизии! Немцы подошли уже на триста метров, до них было так близко, что британские артиллеристы стреляли прямой наводкой. Одной из «матильд» перебило гусеницу, она завертелась на месте, но затем остановилась и продолжала вести огонь. Немецкий «Pz.III» получил прямое попадание и вспыхнул, один из танкистов начал вылезать из люка, но тут же бессильно обвис, срезанный пулеметной очередью. В небе появился разведывательный «шторх», он покрутился над полем боя, обозначил цели ракетами и улетел. Немцы подтягивали все больше длинноствольных зениток, они были заметны по особенно ярким вспышкам выстрелов. Одна из «матильд» взлетела на воздух, затем другая. Положение становилось безнадежным, но нужно было держаться, чтобы успели отойти другие части Экспедиционных сил. А затем предвечернее небо потемнело от «юнкерсов». Отвратительный вой пикирующих самолетов мешался со свистом несущихся к земле бомб, загремели взрывы, вспыхнул один танк, другой, пятый...

21 мая 18.25 от HGrB¹ в ОКВ.

Сопротивление противника усилилось. Танковая контратака в юго-восточном направлении. Группа армий намерена сосредоточить основные усилия на правом фланге. Для этого требуется, чтобы армейское ко-

¹ Heeresgruppe В — т.е. группа армий «В».

мандование (ОКВ) приняло решение оказать сильное давление вдоль линии Валансьен—Аррас—Абвилль. Запрашиваем срочное решение армейского командования.

Ответная радиограмма, поступившая в 20.05, ясно показывает, какая паника охватила штаб Гитлера:

ОКВ придерживается следующих соображений. НГГВ должна с боями удерживать свои настоящие позиции. НГГА наступлением на Аррас в направлении Кале преграждает противнику путь к Сомме. Наступление НГГА последует после занятия высот к северо-западу от Арраса пехотными дивизиями НГГВ.

Генерал Йодль связался с командующим группы армий «Б»; то, что он сказал, свидетельствует о полном смятении в ОКВ, вызванном противоречивостью поступавших с фронта донесений: *Фюрер обеспокоен тем, что пехотные дивизии продвигаются вперед недостаточно энергично.*

Этой ночью Гитлер перепугался. Он пробыл в ОКВ до половины третьего, напряженно ожидая новых донесений. Донесений не поступало.

Под прикрытием ночной темноты остатки британских частей отошли на первоначальные позиции вдоль берега Скарпа; вся операция, проведенная корпусом Франклина, продолжалась двадцать четыре часа. Обещания французской танковой атаки так и остались обещаниями, Франклин скрипнул зубами и приказал своим частям произвести ночью перегруппировку. Утром они снова пошли в атаку — с катастрофическими для себя последствиями.

Британские части были сразу же прижаты к реке, мосты через которую они сами же и взорвали. Не имея путей к отступлению, они всеми силами сдерживали

противника, однако к вечеру положение стало совсем отчаянным. Британцы потеряли почти все свои танки, у них оставался, по существу, единственный выход — бросить остатки техники, преодолеть неширокую реку вплавь и пробираться к Ла-Маншу. Пробираться как можно скорее, поступили сведения, что танки Гудериана обошли британские Экспедиционные силы с фланга и вот-вот перекроют им последние пути отступления к спасительным портам.

Генерал Франклин сообщил генералу Гарту, что его части понесли огромные потери, и запросил разрешение отвести их к Дуэ. В действительности Горт уже три часа как отдал приказ об общем отступлении, однако не смог довести его до своих подчиненных: в грузовик с передвижной радиостанцией угодил случайный снаряд. За неимением другого способа приказ был доставлен в части вестовыми-мотоциклистами. Вскоре английские войска начали отходить к Ла-Маншу. По дорогам ползли длинные колонны солдат с винтовками за спиной и пулеметными лентами через плечо. Многие из них были кое-как перебинтованы обрывками собственных рубашек, у кого-то висела на перевязи перебитая рука, кто-то ковылял на самодельных костылях. Заслышав в небе гул моторов, они без раздумий укрывались в ближайшей канаве — ни у кого не возникало даже мысли, что летят британские или французские самолеты. Танков в отступающих колоннах не было — все они либо сгорели, либо остались на Скарпе.

Британские экспедиционные силы, а вместе с ними бельгийская и 7-я французская армии оказались в ловушке. План генерала Гамелена организовать мощный оборонительный рубеж на Диле привел к плачевнейшим результатам. Все дивизии союзников к северу от

Соммы попали в стальное полукольцо, неумолимо теснившее их к морю. Перед ними стоял выбор: либо капитулировать, либо утонуть. Этой ночью немецкие танковые дивизии могли беспрепятственно выйти ко всем портам континентального побережья Ла-Манша, так что третий вариант — погрузиться на пароходы и отплыть на Британские острова — отпадал.

Спасти союзников могло только вмешательство провидения — хотя, если разобраться, что могло какое-то там провидение противопоставить пушкам и броне немецких танков?

Утром 23 мая генерал Гудериан доложил командующему группой армий «А», что ситуация под Аррасом урегулирована, все британские танки либо уничтожены, либо захвачены. Верховный главнокомандующий генерал фон Браухич приказал группе армий «А» приступить к заключительной фазе операции¹.

Самоубийственная атака 1-й британской танковой бригады под Аррасом серьезно выбила Гитлера из равновесия. Последующие два дня он поражал окружающих необычной суетливостью и раздражительностью. В этот критический момент к игре подключился еще один игрок, чей интерес заключался исключительно в стремлении к личной военной славе — *Der Dicke*, командующий Люфтваффе маршал Герман

¹ 24-го мая Гитлер лично посетил фон Рунштедта в его штабе НСГА, располагавшемся в Шарлевиле. В разговоре с фюрером генерал подтвердил, что его танкам совсем не помешала бы короткая передышка для ремонта и пополнения запасов, однако он даже и не помышлял о полной остановке. (Примеч. автора).

Геринг¹. Узнав, что окружение армий союзников завершено, он потребовал срочного свидания с фюрером.

— *Das ist glänzende Aufgabe für die Luftwaffe.*

Блестящая задача для его военно-воздушных сил. Затем амбициозный и самоуверенный Геринг постарался заверить Гитлера, что пилоты его бомбардировщиков сотрут томми² в порошок. Маршал аргументировал необходимость препоручить эту задачу авиации тем, что северные армии союзников надежно отрезаны от остальной Франции и не могут рассчитывать ни на какую помощь, в то же самое время фюреру нужно сохранить танковые силы во всей их мощи, чтобы раздавить Париж и тем отомстить за унижительное поражение 1918 года. Фюреру требуется только приказать танкам остановиться, чтобы самолеты Люфтваффе не бомбили по ошибке свои собственные войска. Гитлер, все еще не совсем оправившийся после шока, вызванного танковыми боями под Аррасом, охотно согласился с предложением Геринга³.

В *Oberkommando der Wehrmacht* (OKW) разгорелся возбужденный спор между генералами Гальдером и фон

¹ За необъятную толщину Геринга прозвали «Der Dicke», т.е. «Толстяк». (Примеч. автора).

² Томми (или Томми Аткинс) — обобщенное прозвище английского солдата.

³ Адмирал Ансель, из разговоров с генералом Люфтваффе Йешоннеком, адъютантом Геринга. Тот факт, что именно на Геринге лежит ответственность за *Der Halte Befehl*, дополнительно подтвердили маршалы Люфтваффе Кессельринг и Мильх в 1945 году на допросах в лагере для военнопленных. (Примеч. автора).

Браухничем, с одной стороны, и Гитлером, которого вяло поддерживали его подпевалы Кейтель и Йодль, — с другой. Кончилось все тем, что Гитлер истерически закричал:

— *Ich wunsche, dass alle Panzerspitzen bis an die Kanallinie¹ zuruckgenommen werden. Jeder Verlust an Panzern ist unbedingt zu vermeiden. Meine Luftwaffe wird den Englandern den Rest geben².* (Я хочу, чтобы все танковые клинья отошли на линию каналов. Следует строго избегать каких-либо потерь в танках. Мои Люфтваффе отправят англичан на тот свет.)

Сливки генералитета с их золотыми погонами и широкими красными лампасами неизменно вызывали у бывшего ефрейтора острое чувство собственной неполноценности, а люди, ощущающие свою неполноценность, чаще всего испытывают острую потребность возвыситься, как в глазах окружающих, так и в своих собственных. У Гитлера мечты о славе приняли — как это обычно и бывает у невротиков — форму побега от грубой реальности. Он не понимал, что реальность бывает не только грубой, но и смертельной.

В этот момент ход делал не Гитлер, а самая История, он только согласно кивнул.

Случилось так, что впервые в своей жизни Адольф Гитлер, искушенный политикан и пропагандист, ввязался в дело, которое следовало оставить на усмотрение профессиональных военных. Он не хотел прислу-

¹ Линия Ланс—Бетюн—Эр—Сент-Омер—Гравлин, большая часть которой проходит по каналам. (Примеч. автора).

² Генерал Гальдер после войны в беседе с Петером Бором. (Примеч. автора).

шаться к мнению Браухнича и Гельдера, лучших немецких тактиков, а также фронтовых командиров Гудериана, Райнхардта и Гота и принял решение, катастрофическое по своим отдаленным последствиям. 24 мая 1940 года он отдал знаменитый приказ об остановке.

Der Halte Befehl.

24/5/40 — 12.31 Uhr.

(Fernmundlich von HGrA an AOK 4 Ab)

OKW. *Auf Befehl des Fuhrers ist der Angriff ostwärts Arras mit VIII und II AK im Zusammenwirken mit linken Flugel H Gr B nach Nordwesten fortzusetzen. Dagegen ist nordwestlich Arras die alldemeine Linie Lens-Bethune-Aire-St Omet-Gravelines Kanallinie nicht zu überschreiten. Es kommt auf dem Westflugel vielmehr darauf an, alle beweglichen Krafte aufzuschliessen und den Feind an der genanten günstigen Abwehrlinie anrennen zu lassen.*¹

(ОКВ. По приказу фюрера атака к востоку от Арраса в северо-западном направлении силами 8-го и 2-го армейских корпусов и левого крыла группы армий «Б» должна быть продолжена. Однако к северо-западу от Арраса не должна пересекаться линия Ланс—Бетюн—Эр—Сент-Омер—Гравлин (Линия каналов). Более того, западное крыло должно отвести все мобильные силы и сдерживать противника на вышеупомянутом благоприятном оборонительном рубеже.)

¹ Генерал Вальтер Варлимонт. В штабе германского вермахта. (Примеч. автора).

События, обусловившие «Дюнкерское чудо», шли своим predetermined путем. Гальдеру пришлось передать всем германским танковым частям следующее указание: *«По настойчивому желанию фюрера быстрое левое крыло должно остановиться».*

Гудериан не мог в это поверить, так же как и его дивизионный командир Эрвин Роммель. В этот день Роммель впервые серьезно усомнился в стратегической мудрости своего вождя. Не слишком помогло делу даже то, что его адъютант подошел к нему парадным шагом, отдал честь и торжественно объявил: *«По приказу нашего фюрера мне выпала огромная честь вручить господину генералу *der Ritterkreuz*».* (В жизнь не поверю. Адъютант вручает своему генералу высшую награду? Да и где он взял этот крест?) Эрвин Роммель стал первым командиром дивизии, получившим в период Французской кампании рыцарский крест. Его это мало трогало. Его танки бездействовали.

24 мая в 15:42 британская разведка перехватила германскую радиограмму, подтверждавшую предыдущий приказ и посланную, как это ни странно, открытым текстом:

24 мая. От ОКВ в HGrA и HGrB. Закрепиться на занимаемых в настоящий момент позициях и прекратить дальнейшее продвижение до специального указания фюрера¹.

¹ Хассо фон Эрцдорф, представитель германского министерства иностранных дел при ОКВ, записал 21 мая 1940 года: (стр. 253 А) («Мы ищем контакта с Англией на основе раздела мира»). (Примеч. автора).

24 мая 1940 года, в 17:15 командир вдребезги разбитой 1-й британской танковой бригады получил от своего командования разведывательную сводку:

Поступательное движение германской группы армий «А» остановлено в секторе Сент-Омер—Бетион—Дуэ...

Чудо свершилось. Гитлер остановил свои танки.

Генерал фон Рунштадт записал в своем военном дневнике:

«Аррас, 21—22 мая 1940.

На короткое время возникло опасение, что наши бронетанковые дивизии будут отрезаны и пехотные дивизии не успеют оказать им поддержку. Ни одна из французских контратак не несла столь серьезной угрозы, как эта, под Аррасом».

Таким образом, значение самоубийственно отчаянной атаки, проведенной британскими танками, состоит в том, что Гитлер не на шутку испугался за свои ценные и крайне ему необходимые танки. По принятому им решению танки остановились 24 мая и простояли до 26-го.

26/5 — 16:25

От ОКВ в HGrA и HGrB

Только для офицеров.

Продолжить наступления на противника, окруженного группами армий А и Б.

Но было поздно, слишком поздно.

Эта трехдневная передышка дала Британским экспедиционным силам возможность добраться до эвакуационных пунктов. Дальнейшее хорошо известно.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — Гитлер не придержал свои танки? 330000 британских солдат прямиком направились бы в лагеря для военнопленных. Англия оказалась бы почти беззащитной, что подтолкнуло бы Гитлера к скорейшему осуществлению операции «Морской лев», как называли германские стратеги спланированное ими вторжение на Британские острова.

А теперь о фактах

24 мая 1940 года заветная цель Гитлера уничтожить Англию была близка, как никогда. После войны те из уцелевших генералов, кто находился в гуще событий, развернувшихся в критические утренние часы этого дня, единодушно заявляли, что гитлеровский *Der Halte Befehl* определил поражение Германии во Второй Мировой войне.

Никто и никогда не дал однозначного объяснения, почему Гитлер послал свой второй приказ об остановке открытым текстом. Некоторые эксперты считают, что тут сыграли свою роль политические соображения, что Гитлер таким образом намекал Черчиллю на возможность мирных переговоров¹. Однако сегодня совершен-

¹ Военный историк Б.Г. Лидделл-Гарт пишет в своей «Истории Второй Мировой войны»: «Эвакуация британских экспедиционных сил в 1940 году смогла осуществиться в значи-

но ясно, что Гитлер никоим образом не намеревался позволить трети миллиона британских солдат ускользнуть из стального кольца. Он понадеялся на клятвенные заверения маршала Геринга, что Люфтваффе без труда уничтожит британские Экспедиционные силы.

Геринг не выполнил своего обещания. Дюнкерк пал 4 июня, к этому моменту британские и союзные войска численностью 338226 человек были уже благополучно эвакуированы. Эта операция сама по себе является серьезным достижением, для осажденной же Британии она представляла истинный триумф.

Двумя годами позднее эти солдаты вторично встретились с танками Роммеля при Эль-Аламейне. На этот раз исход битвы был совсем иным¹.

тельной степени благодаря личному вмешательству Гитлера, когда он на три дня остановил свои танки. Его приказ сохранил британские войска в тот момент, когда ничто другое не смогло бы уже их спасти». (Примеч. автора).

¹ К 25 мая 1940 года союзники имели в районе Дюнкерка 40 французских, бельгийских и английских дивизий против 43 немецких. Такое соотношение сил не оправдывало панического бегства и заставляло немцев действовать с осторожностью. Но 28 мая неожиданно капитулировала бельгийская армия, открыв северный участок фронта, после чего был отдан приказ о начале операции «Динамо» — эвакуации английских войск с континента. Всего до 4 июня (конец операции «Динамо») было эвакуировано 338000 солдат, из них 215000 англичан (59000 из которых были вывезены еще до начала операции). Английские потери составили 70000 убитыми и пленными, 2500 орудий и все танки (3 танковые бригады, около 500 машин). Только в районе Дюнкерка капитулировало 40000 французов. Ряд исследователей склонен считать, что наличие в Англии 200000 деморализованных бег-

Германские армии достигли точки своего наивысшего подъема в день 22 июня 1940 года, когда капитулировала Франция. Блицкриг против Франции дал Гитлеру искаженную картину реальности. Прорыв немецких танков к побережью Ла-Манша можно было без труда обеспечивать снабжением из Германии, с расстояния в какие-то три сотни километров, по отличной сети железных дорог. Все вышло совсем иначе в России, где расстояния стали в десять раз больше, где ширина железнодорожной колеи была не такая, как в Германии и Франции, где на огромных расстояниях, отделявших Берлин от Москвы или Сталинграда, партизаны ежедневно взрывали рельсовое полотно и мосты.

Россия не похожа на Францию. Некоторые из немецких генералов предупреждали Гитлера об этом, однако «величайший военный гений после Юлия Цезаря» не прислушался к своим Кассандрам.

Вот таким образом молниеносный успех, достигнутый талантливыми командирами танковых армий в войне с неприятелем, до которого было рукой подать, подтолкнул Гитлера на авантюру в далекой стране, которая привела его к полному краху.

ством солдат могло скорее навредить обороноспособности Британии, чем укрепить ее. В любом случае для полумиллиардной Британской Империи потеря двухсоттысячной армии не была бы особенно критичной — восполнить эти силы в течение следующих двух лет не составляло большого труда. Поэтому утверждения о влиянии успешной эвакуации из Дюнкерка на победу при Эль-Аламейне или даже на успех высадки в Нормандии никак нельзя воспринимать всерьез.

Решающим фактором «Битвы за Францию» стало самопожертвование маленькой группы английских танков, чья отчаянная атака привела Гитлера к паническому решению остановить свои собственные танки.

27 мая 1941 г.,
Северная Атлантика

Акула на воле

«Бисмарк» должен быть потоплен любой ценой!

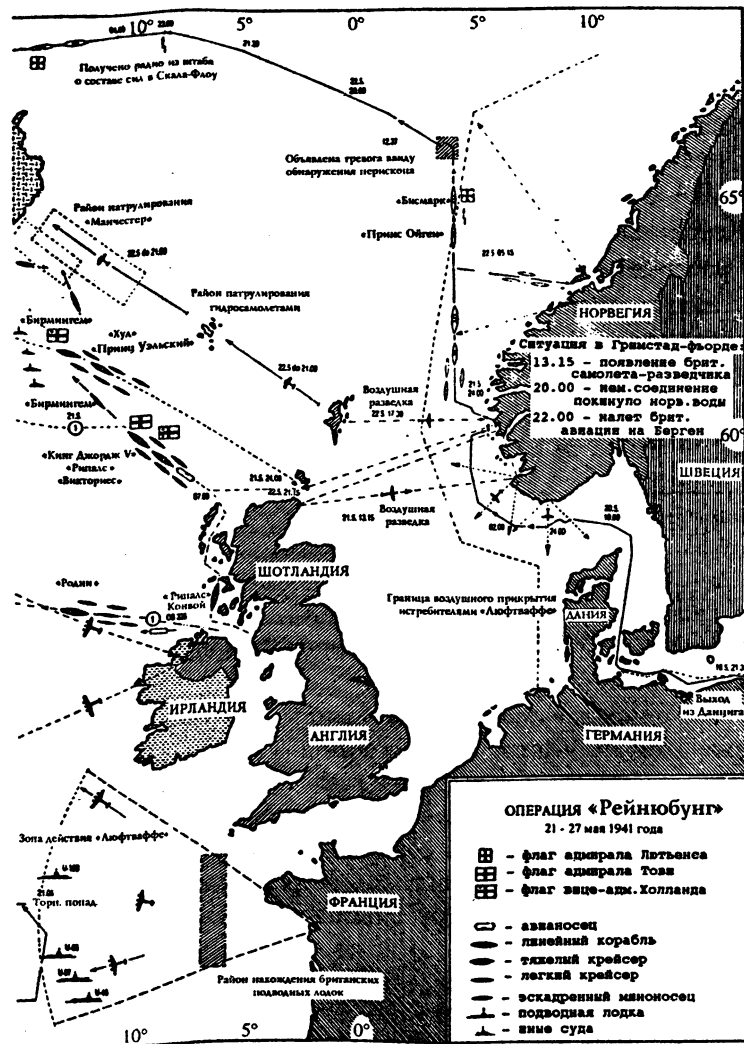
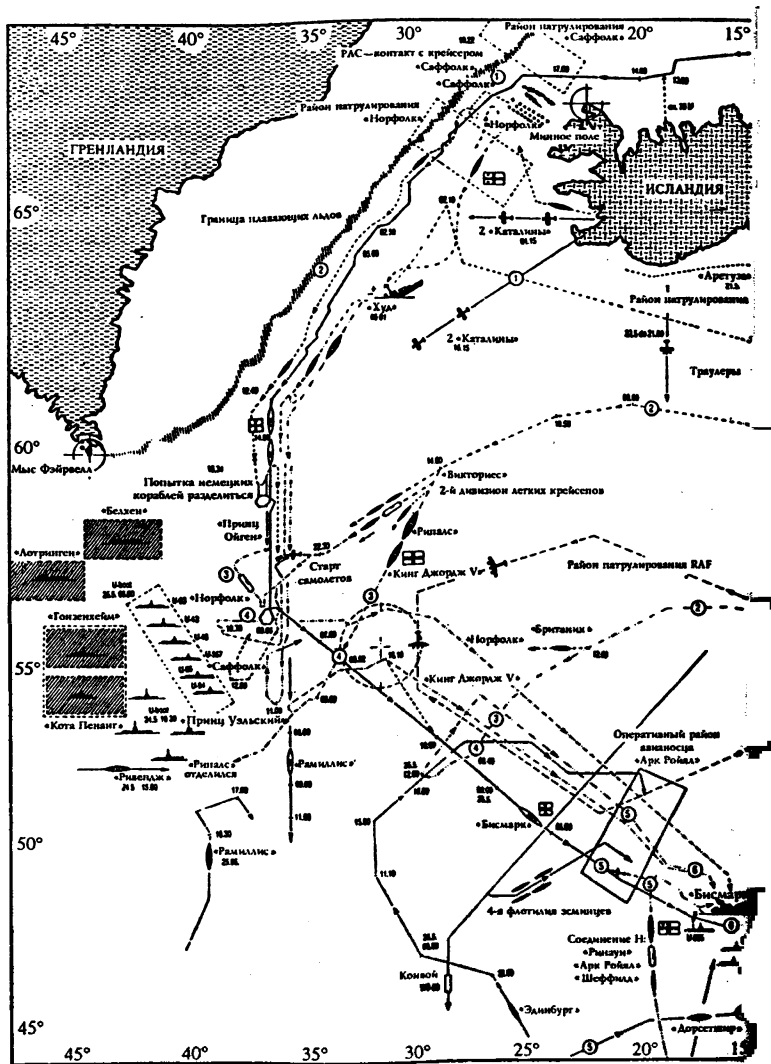
(Приказ Уинстона Черчилля Королевскому военно-морскому флоту, 26 мая 1941 г.)

Над пустынным простором штормового океана низко нависли свинцовые тучи. Экипаж самолета буквально проглядел глаза, высматривая на горизонте заветную цель, за которой охотился весь британский военно-морской флот — корабль, совсем недавно потопивший линейный крейсер «Худ», славу и гордость Британии. Убийца разгуливал на воле, бросая наглый — и опасный — вызов «Владычице морей».

Ведущей морскую разведку «Каталиной Z»¹ из 209-й эскадрильи командовал старший лейтенант RAF² Деннис Бриггз. Вторым пилотом летающей лодки был крестьянский парень из Хиггинсвилла, штат

¹ «Каталина» — гидросамолет американского производства.

² RAF — Royal Air Force — «Королевские воздушные силы», ВВС Великобритании.

ОПЕРАЦИЯ «Рейнбуунг»
21 - 27 мая 1941 года

- 🚩 - флаг адмирала Литьенса
- 🚩 - флаг адмирала Тома
- 🚩 - флаг вице-адм. Холланда
- ✈️ - авианосец
- 🚢 - линейный корабль
- 🚢 - тяжелый крейсер
- 🚢 - легкий крейсер
- 🚢 - эскортный миноносец
- 🚢 - подводная лодка
- 🚢 - иные суда

Миссури. Энсин¹ Леонард Б.Смит по прозвищу Тук² породил своей персоной множество слухов о некоем «янки в британской авиации», он открыто щеголял в американской военно-морской форме — поведение крайне неосмотрительное, если учесть, что до вступления США в войну оставалось еще целых семь месяцев.³ «Каталина» крейсировала в поисковом режиме с самого рассвета, низкие облака сразу заставили пилотов опуститься до высоты в пятьсот футов, минимальной для такого огромного гидроплана. Бриггз передал управление Смигу, Смит — автопилоту. Команда самолета спокойно доедала завтрак, когда зазвенел возбужденный голос американца:

¹ Энсин — самое младшее офицерское звание в ВМС США.

² Tuck — крайне многозначное слово, от «меч» до «харчи» (все это связано с понятием «запихивать»). Такое прозвище имел один из вернейших сподвижников Робина Гуда — монах «брат Тук».

³ Первое описание операции «Каталины Z/109» дано в репортаже Годфри Уинна, опубликованном еженедельником «Санди экспресс» 1 июня 1941 года. Цензор выкинул из статьи Уинна упоминание о «летчике-янки», так как на тот момент США не вступили еще в войну и присутствие на британском самолете, выполнявшем боевое задание, американского офицера являлось грубейшим нарушением нейтралитета.

Личность энсина Л.Б. Смита, пилота, упомянутого в памятной записке, полученной 29 июля 1941 года заместителем начальника штаба британских ВМС, была установлена в 1973 году писателем Людовиком Кеннеди, который нашел бывшего энсина в городке Керни, штат Небраска, и имел с ним беседу, позволившую уточнить многие детали событий. (Примеч. автора).

— Одиннадцать часов! Одиннадцать часов!

Пока что впереди различалась всего лишь неопределенная темная масса, окруженная клочьями морской пены. Смит сразу же отключил автопилот и увел летающую лодку в облака, чтобы подойти к подозрительному объекту незаметно. В волнении он не совсем верно оценил дистанцию, когда «Каталина» снова вырвалась из облаков, до корабля оставалось совсем немного. В пятистах ярдах справа по курсу громоздилась тяжелая, смертельно опасная стальная туша, ее идентификация не представляла никаких трудностей. Темно-серый силуэт опоясался яркими вспышками, «Каталину» тряхнуло от близких разрывов. Вокруг самолета распускались черные шары, осколки со звоном дырявили фюзеляж, один из них вдребезги разнес лобовой фонарь. Смит ткнул пальцем красную кнопку сброса глубинных бомб, перевел моторы на форсаж, взял ручку на себя и отдался на милость Всевышнего. Вой пропеллеров превратился в свист, громоздкий самолет, освобожденный от тяжелого груза (четыре глубинные бомбы весили около тонны), резко взмыл вверх и исчез в спасительном облаке. Резкий рывок бросил младшего лейтенанта Бриггза на стойки фюзеляжа; придя в себя, он закончил диктовать радисту донесение:²

Боевой корабль по курсу 150 градусов. Наша позиция 49° 33' северной, 2° 47' западной. Время отправления 10.30/26 мая.

¹ «Одиннадцать часов» в данном случае — чуть-чуть слева по курсу (по положению цифры 11 на циферблате часов).

² Текст обнаружен Людовиком Кеннеди в секретном донесении энсина Л.Б. Смита разведывательному отделу департамента морских операций ВМС США. (Примеч. автора).

Нашелся, красавчик, нашелся как миленький. Теперь охота пойдет по-настоящему. Охота за самым опасным рейдером противника, чье появление в водах Атлантики поставило под угрозу морские пути Великобритании.

«Каталина» нашла в океанских просторах германский суперлинкор «Бисмарк».

Норвегия, неделей раньше. По дороге, тянувшейся вдоль морского берега, шагали двое мужчин. Они крупно выпили у своих друзей в Кристиансанне и пребывали в благодушнейшем настроении.

— Арне, ты слишком уж налегал на шнапс,— укоризненно сказал шипчандлер Вигто Аксельссен, активный участник норвежского движения Сопротивления, держась для устойчивости за плечо друга.

— И ничего я не напился,— возразил Арне Устеруд, передавая Вигто свой бинокль.— Посмотри сам и увидишь.

Эта прогулка по морскому берегу обеспечила Арне и Вигто место в военно-морской истории. 20 мая 1941 года, глядя мимо маяка Оскою, они заметили два боевых корабля в камуфляжной окраске, стали первыми зрителями драмы, разыгравшейся на сцене, площадью в два миллиона квадратных миль штормового океана, растянувшейся от Арктики до Бискайского залива; кульминацией этой драмы стало одно из самых яростных морских сражений Второй мировой войны.

Вигто Аксельссен мгновенно протрезвел. Британцы красят свои корабли в ровный серый цвет, значит это немцы... Он побежал к водителю автобуса Арне Моену и составил шифровку, длиной в двенадцать слов. Спрятанная в моторе автобуса записка добралась до Гунваль-

да Томстада, жившего в деревне Хелле, после чего спрятанный на сеновале радиопередатчик переправил шифровку полковнику Роскеру Лунду, военному атташе норвежского эмигрантского правительства в Стокгольме. Лунд расшифровал ее и тут же связался со своим другом Генри Денхемом, британским военно-морским атташе. Не прошло и семи часов после исторического наблюдения Арне и Вигто, как в Лондон пришло донесение: *«Каттегат сегодня. В 15.07 два крупных военных корабля и три эсминца с авиационным прикрытием миновали Марстанд курсом ЗСЗ. 20.58/20 мая»*¹.

Секрет выплыл наружу. Германский суперлинкор «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Ойген» вырвались в Атлантику. Операция Rheinübung² началась. По ее плану «Бисмарк» и «Принц Ойген» должны были три месяца крейсировать по Атлантике, перехватывая британские транспортные конвои, сведя, таким образом, на нет снабжение войск Британского содружества наций, сражавшихся в Северной Африке.

Акула собралась поохотиться на мелкую рыбешку.

¹ Это донесение не могло иметь отношения к описанной выше сцене из жизни норвежского Сопротивления, поскольку Марстранд находится двумястами километрами восточнее Кристиансанна. Двигаясь крейсерской скоростью мимо Кристиансанна, расположенного в проливе Скагеррак, немецкие корабли могли пройти только шестью часами позже — как раз в момент отправки донесения Денхема из Стокгольма. На самом же деле в Каттегате «Бисмарк» повстречался со шведским крейсером «Готланд», командир крейсера сообщил об этом начальству, а вследствие утечки информации о содержании донесения быстро стало известно атташе Денхему.

²Rheinübung — букв. «Рейнские учения».

Большая часть Европы подпала под власть Гитлера, и только не привыкшая проигрывать войны Британия продолжала держаться. Новость о прорыве «Бисмарка» произвела глубочайшее впечатление на Уинстона Черчилля. Давнее знакомство с военно-морскими проблемами давало ему ясную картину того, сколь разрушительными окажутся набеги немецкого отряда на атлантические конвои и какое влияние окажут они на общий ход войны.

Таких кораблей не было еще никогда. «Бисмарк» символизировал не только германский военно-морской флот, но и всю мощь нацистской Германии. При своей огромной величине он имел скорость свыше тридцати узлов. Ради соответствия Лондонскому военно-морскому соглашению, запрещавшему побежденной Германии строить и покупать особо крупные военные корабли, водоизмещение «Бисмарка» официально считалось равным 35000 тонн, но в действительности оно превышало 50000 тонн при численности команды 2000 человек¹. Его капитаном был сорокашестилетний Эрнст Линдеманн, умный и хладнокровный уроженец Рейнланда. Верховное командование гитлеровских ВМС выбрало этого высокого, стройного блондина, типичного «арийца», как человека, самого подходящего для столь ответственного поста. Общее руководство операцией осуществлял пятидесятиоднолетний адмирал Гюнтер Лютенс, человек храбрый и целеустремленный, полностью преданный своей службе. Он так и не сменил адмиральский кортик

¹ «Бисмарк» имел стандартное водоизмещение 43000 тонн. К моменту его спуска на воду Германия окончательно разорвала все соглашения, поэтому истинные характеристики корабля никогда ни от кого не скрывались.

старого имперского военно-морского флота на новый, со свастикой, а однажды даже отказался приветствовать Гитлера нацистским партийным вскидыванием руки.

«Бисмарк» сошел со стапелей гамбургского судостроительного завода «Блом и Фосс» в Валентинов день — 14 февраля 1939 года. В присутствии самого Гитлера внука князя Бисмарка Доротея фон Левенфельд окрестила величайший из кораблей Германии именем ее величайшего канцлера. В огромном «Бисмарке» не было и следа тяжеловесной громоздкости — самый мощный из боевых кораблей своего времени, он отличался удивительным изяществом, даже элегантностью. Его тринадцатидюймовая бортовая броня была изготовлена из стали «Вотан» специальной закалки. Основой мощи нового линкора являлись четыре башни главного калибра, каждая из которых имела два пятнадцатидюймовых орудия, и дальностью, и скорострельностью превосходивших вооружение любого корабля того времени¹. Каждые двадцать шесть секунд они могли обрушить на противника восемь огромных (около тонны весом) снарядов — рекорд, достойный «Книги Гиннеса».

Первый этап операции ставил перед «Бисмарком» и «Принцем Ойгеном» задачу необычайной сложности и

¹ На этот момент близкие по характеристикам корабли имелись у Англии («Худ»), Италии («Литторио» и «Витторио Венето») и Японии («Нагато» и «Мутсу»). Кроме того, новейшие японские и американские линкоры этого периода имели более мощную, чем у «Бисмарка», артиллерию — 406 мм (16 дюймов). «Худ» имел такое же вооружение, как и «Бисмарк», а «Принц Уэльский» был вооружен десятью 14-дюймовыми (356 мм) орудиями. В сумме четыре британских корабля имели 120000 тонн полного водоизмещения против 71000 тонн у двух германских.

опасности: проскользнуть через бутылочное горлышко балтийских проливов, а затем вырваться на открытые просторы Атлантики. Адмиралу Лютьенсу была предоставлена возможность лично сделать выбор: идти к югу от Исландии, Фарерским проходом, либо обогнуть Исландию с севера, а затем воспользоваться Датским проливом. Каждый вариант имел свои серьезные недостатки — южный маршрут пролегал в опасной близости к Оркнейским островам, где располагалась крупнейшая британская военно-морская база Скапа-Флоу, в то же время Датский пролив между Исландией и ледяной шапкой Гренландии имел в некоторых местах ширину не более тридцати миль¹, а значит, мог быть без труда заблокирован минным заграждением — или вражеской эскадрой. Надо думать, адмирал Лютьенс воспринимал эту дилемму как нечто вроде сценария фильма ужасов.

18 мая 1941 года в 18.30 гигантский корабль, стоявший на дальнем рейде Готенхафена², поднял якоря. Портовые рабочие с интересом смотрели на знакомые наборы флажков, трепетавшие на его мачте. «Бисмарк» выходил в море.

Изящно изогнутый, украшенный свастикой, нос «Бисмарка» вздымался над грязной, с мазутными пятнами водой на 20 метров. Этот корабль никого не оставлял равнодушным. Когда матрос Хайнц Штат впервые поднялся на его борт, баковая палуба показалась ему похожей на футбольное поле. Даже теперь, два месяца спу-

¹ Явная ошибка автора. Пролив между Исландией и Гренландией имеет ширину около 750 км (400 миль) — больше, чем расстояние от Англии до Норвегии. Правда, около половины этой ширины в мае еще занимают плавающие льды.

² Теперь польский порт Гдыня. (Примеч. автора).

стя, он не мог воспринимать этот могучий корабль с его гигантскими надстройками, избытком пушек, антенн и трапов как нечто привычное, обыденное. Он гордился «Бисмарком»: ни один флот в мире не мог похвастаться линкором, столь мощно вооруженным, столь тяжело бронированным, столь неуязвимым. Считалось само собой разумеющимся, что и офицеры и матросы «Бисмарка» должны щеголять в чистой, опрятной, безупречно подогнанной форме. Капитан Линдемманн изучил свой внешний вид в зеркале, которое держал перед ним боцман. Фуражка сидит прямо, как по ватерпасу, на сверкающих ботинках ни пятнышка, ни пылинки, узел галстука не слишком большой, не слишком маленький.

— Прямо руля!

Сегодня адмирал Лютьенс, руководитель операции, взялся лично командовать кораблем.

— Есть прямо руля! — откликнулся рулевой, замураванный вместе со своим маленьким электрическим штурвалом в бронированной рубке.

— Так держать!

— Есть так держать!

На обширном рейде Скапа-Флоу, британской военно-морской базы на Оркнейских островах (именно здесь в 1919 году были затоплены экипажами основные боевые корабли побежденной Германии), стоял на якоре Британский флот, величайшая в мире концентрация военно-морской мощи. Его командир, пятидесятишестилетний адмирал Тови, находился на борту своего нового флагмана, линкора «Кинг Джордж V». В отличие от высокого, широкоплечего Лютьенса, Тови не мог похвастаться ростом, однако упрямства у него было ничуть не меньше, чем у немецкого адмирала. Адмирал-

тейство передало Тови сообщение о немецких кораблях, замеченных в балтийских проливах, теперь он нуждался в подтверждении этой информации. Два невооруженных «спитфайра»¹ получили задание произвести фоторазведку прибрежных вод Норвегии. Один из них, управляемый младшим лейтенантом Саклингом, направился к Берген-фьорду. Появление в небе фьорда английского самолета осталось незамеченным.

Судьба немецкой вылазки в Атлантику решилась, как полагают многие, 22 мая, на задворках Норвегии, в тихих водах бухты Кальванес, одного из ответвлений Корсфьорда. По пути из Германии в Норвегию «Бисмарк» истратил свыше 7000 мазута. В бухте стоял на якоре немецкий танкер «Воллин» с горючим для суперлинкора. Мы не знаем и никогда не узнаем, что именно подтолкнуло Лютьенса поставить под заправку не «Бисмарка», а 14000-тонный крейсер «Принц Ойген», получивший свое имя в честь принца Евгения Савойского, австрийского полководца, прославившегося рядом блестящих побед над турками и французами. Возможно, адмирал рассчитывал на танкер «Вайсенбург», ожидавший отряд рейдеров у побережья Исландии².

¹ «Спитфайр» — новейший английский истребитель того времени.

² Лютьенс не стал придерживаться правила, обязательного, скажем, на британском флоте — при каждом посещении крупным боевым кораблем порта пополнять запасы топлива. Во всех остальных отношениях операция по прорыву «Бисмарка» была проведена безукоризненно, однако это единственное упущение стало роковым, оно не оставило никакого «запаса прочности» для страховки при заключительном броске через Атлантику. (Примеч. автора).

Адмирал Тови изучил аэрофотоснимки, привезенные «спитфайром», и сразу же принял решение. Тяжелые крейсера «Норфолк» и Саффолк» получили приказ патрулировать Датский пролив, крейсера «Манчестер» и «Бирмингем» были направлены в Фарерский проход. Ни тем, ни другим крейсерам не поручалось завязывать бой с «Бисмарком». Гордость британского флота, линейный крейсер «Худ» (водоизмещением 42000 тонн) под флагом вице-адмирала Ланселота Холланда и новехонький, только что со стапелей, линкор «Принц Уэльский» ждали противника в засаде. Оперативный план сильно смахивал на сценарий ковбойского фильма, только вот перестрелка намечалась не из «кольтов», а из пятнадцатидюймовых¹ орудий главного калибра.

Тови сообщил о своем плане премьер-министру. Черчилль послал телеграмму американскому президенту Ф.Д.Рузвельту. В телеграмме подчеркивалось значение предстоящей операции, а заодно содержалась просьба о помощи: *«Нужно иметь в виду, что это будет первая с начала войны крупная морская операция и что в ней у противника будут задействованы два корабля, не только не уступающие нашим лучшим, но даже в чем-то их превосходящие. Если мы упустим немецкие корабли из вида, ваш флот безо всякого сомнения сумеет их обнаружить. Вы только сообщите нам, а мы уж закончим работу.»*

Не приходится сомневаться, что Черчилль знал о перемещениях германской флотилии гораздо больше Гитлера, который не знал о них ничего. Главный адмирал Редер давным-давно выяснил, что фюрера лучше не посвящать в ход операции до того момента, когда успех ее

¹ 15 дюймов равны 381 миллиметру. (Примеч. автора).

уже определен. 21 мая в 19.30 «Бисмарк» покинул бергенский рейд и направился в сопровождении тяжелого крейсера «Принц Ойген» на север.

Линейный крейсер «Худ» тоже поднял якорь. Оставшиеся на берегу люди не знали, что видят этот корабль в последний раз. Германские рейдеры мчались на север со скоростью двадцать четыре узла, их команды начали закрашивать свастики на орудийных башнях, служившие опознавательными знаками для своих самолетов. Пока что немцам везло, низкая, густая облачность надежно прикрывала их от обнаружения с воздуха. Появлялся шанс проскользнуть незамеченными. Согласно прогнозу доктора Экстербринка, главного метеоролога «Бисмарка», облачность распространялась и на север, и на узкий проход между Исландией и гренландским паковым льдом.

— На сколько нам хватит такой погоды? — спросил адмирал Лютьенс.

— Не очень надолго, герр адмирал, — пожал плечами Экстербринк. — Сорок восемь часов, в лучшем случае — семьдесят два.

— В каком направлении движется фронт облачности?

— На север от Исландии, герр адмирал.

Лютьенс задумчиво посмотрел на карту. Значит — Датский пролив; с учетом погоды этот путь сулил вполне определенные преимущества. Адмирал ничуть не сомневался, что его отряд давно обнаружен и англичане приступили к охоте. Самое для них логичное — это устроить засаду где-нибудь посередине Фарерского прохода. Датский пролив несравненно дальше от баз британского флота, там выдать прохождение отряда гер-

манских рейдеров может разве что случайная встреча с китобоем или рыболовным траулером. Если прогноз доктора Экстербринка подтвердится, можно будет пройти самый опасный участок под прикрытием облачности и вырваться на просторы Атлантики. С выбором маршрута было решено, однако тут возникала новая неприятность: имея всего сорок восемь часов более менее гарантированной облачности, Лютьенс не мог тратить драгоценного времени на то, чтобы делать крюк к поджидавшему боевые корабли танкеру «Вайсенбург» и запрапляться топливом. С учетом недавнего отказа от подзаправки «Бисмарка» в Бремене выбор более длинного маршрута был смелым, почти отчаянным решением, однако Лютьенс решил, что в Фарерском проходе риск будет еще больше.

Пасмурная погода сохранялась, иногда туман сгущался настолько, что «Бисмарку» приходилось включать кормовой прожектор, указывая путь «Принцу Ойгену», следовавшему за ним в кильватере. Рейдеры неслись к Датскому проливу со скоростью в двадцать семь узлов. Затем они вошли в самый опасный участок — тридцатимильную полосу, ограниченную минными заграждениями с юга и паковым льдом — с севера. И тут самые тяжелые опасения Лютьенса оправдались — погода стала стремительно улучшаться, впервые за последние тридцать шесть часов видимость выросла до пяти миль. Наблюдательные посты были удвоены, юные моряки с благоговейным восхищением взирали на бескрайние просторы плотного пакового льда. Край света, прямая дорога к северному полюсу.

Матрос Хайнц Штат, профессиональный моряк из Вильгельмсхафена, нес вахту на командном посту капитана первого ранга Эльса, на верхнем мостике, откуда

открывался несравненный вид на сказочные чудеса Арктики.

Ганс Ридель, заряжающий башни «Цезарь»¹, родился в самом неподходящем для моряка месте — в Баварии. Теперь этот юный баварский горец приник к узкой амбразуре орудийной башни. Он не видел ничего, кроме полоски океана с пенными гребнями волн, уходящей вдаль, туда, где уже не разберешь, где море, а где туман.

Старшина-механик Блюм, находившийся глубоко в чреве огромного корабля, не видел вообще никакого моря — только путаницу трубопроводов и круглые шкалы приборов со слегка подергивающимися стрелками. Оглушенный ревом гигантских турбин он и знать не знал ни о какой красоте арктического океана.

И ни один из них не знал, что через три коротких дня неумолимая судьба объединит их.

«Норфолк» и «Саффолк» были трехтрубными крейсерами.² Адмирал Фредерик Уэйк-Уокер, командир отряда, прекрасно понимал, что их восьмидюймовые орудия бессильны против тринадцатидюймовой брони, что «Бисмарк» попросту смахнет столь жалких противни-

¹ Башни немецких кораблей нумеровались от носа к корме латинскими буквами А, В, С, D и назывались соответственно «Антон», «Бруно», «Цезарь» и «Дора».

² Оба крейсера были оборудованы новыми британскими «радарами», пусть даже имевшими не очень большой радиус действия, Гитлер же лично приказал прекратить германскую разработку аналогичных систем. Получив в свои руки британское оборудование, работавшее на длине волны 9 см, немцы убедились в его превосходстве над своими системами с длиной волны 50 см, но было уже поздно. (Примеч. автора).

ков с поверхности океана. Приказ, полученный адмиралом, был сформулирован предельно точно: «В бой не вступать. Найти «Бисмарка» и вести за ним наблюдение». Знать бы вот только, где его искать, этого «Бисмарка», может, он и вообще вернулся в свою Германию. Во всяком случае, к вечеру 24 мая наблюдатели не сумели обнаружить никаких признаков неуловимых рейдеров, только бескрайние просторы паковых льдов, вдоль кромки которых пробирались британские крейсера, да темно-серая вода, да пенные гребни волн, с грохотом обрушивавшиеся на борт. Свободные от вахты матросы слушали Би-би-си: «Итму»¹ или «Мечту солдата» Веры Линн, да хоть и Черчилля — вот уж кто умеет честить герра Гитлера! Кое-кто спал. Но их отдых оказался недолгим.

Разрядить многочасовое напряженное ожидание выпало матросу Ньюэллу, дежурившему на мостике «Саффолка» с 18.00. Не отрываясь от бинокля, он обшарил горизонт уже раз пятьдесят, когда из плотного тумана неожиданно выступило огромное черное чудовище; этого момента Ньюэлл не забудет до последних дней своей жизни.

— Корабль по корме, следует курсом сто сорок! — закричал он и тут же поправился: — Два корабля по корме следуют курсом сто сорок!²

¹ Итма (по первым буквам слов «It's That Man Again», «И снова этот тип») — название популярной английской радиокомедии периода Второй мировой войны. Эти слова — первая строчка песни, открывавшей каждую передачу, под «этим типом» подразумевался Гитлер.

² В действительности противники первоначально обнаружили друг друга с помощью радиолокаторов.

Командир «Саффолка», капитан первого ранга Роберт Эллис, приказал дать полный ход, чтобы спрятаться в тумане; его первый помощник включил колокола громкого боя. Матросы прыгали с коек и неслись по проходам, с грохотом разбивали падающие со столов тарелки. Прошло несколько стремительных минут и «Саффолк» нырнул в спасительную полосу тумана, послав перед этим на базу долгожданную радиограмму: 24 мая, 19.20. Линкор «Бисмарк» направляется курсом...

Крейсер «Норфолк» также принял эту радиограмму. Его капитан Альфред Филлис ошибся в оценке расстояния и неожиданно для себя приблизился к германскому линкору на расстояние шести миль. Орудия «Бисмарка» развернулись и выплюнули длинные языки желтого пламени. Огромные снаряды отскочили, словно камешки от воды, и с жутким воем пронеслись над «Норфолком», чуть не зацепив мостик. К небу рванулись высокие столбы молочно-белой воды; прошла секунда, другая, и рядом с крейсером посыпались осколки. Немцы выпустили еще четыре залпа, а затем потеряли цель в тумане.

Вот как выглядела ситуация в целом. Войсковой транспорт «Британник» находился в восьмистах милях к югу, прямо на пути «Бисмарка», примерно там же шел и конвой WSSB, везущий войска в Северную Африку. Он направлялся в Суэц и в данный момент был полностью лишен охранения, так как авианосец «Викториес» и линейный крейсер «Рипало» получили приказ подключиться к охоте на «Бисмарка». Эскадра адмирала Тови, возглавляемая линкором «Кинг Джордж V», все еще стояла на якоре в Скапа-Флоу, шестьюстами милями южнее. Однако мощный отряд вице-адмирала Холлан-

да, состоявший из «Худа» и «Принца Уэльского», находился гораздо ближе, всего в трехстах милях от «Бисмарка». Холланд приказал своим кораблям набрать максимальную скорость и идти наперехват.

Линейный крейсер «Худ» был некоронованным правителем морей, его имя звучало синонимом британской военно-морской мощи. Мир считал «Худа» практически неуязвимым, однако в его конструкции имелся весьма серьезный изъян — слишком малая толщина верхних палуб из незакаленной стали. На штабном совещании Холланда звучали тревожные голоса — разведывательные сводки прямо указывали, что первоначальные оценки огневой мощи «Бисмарка» сильно занижены, что орудия немецкого линкора превосходят по дальности орудия любого из английских кораблей. Офицеры-артиллеристы с тоской изучали таблицы дальности огня; как ни крути, получалось, что немцы откроют огонь задолго до того, как «Худ» и «Принц Уэльский» сумеют им ответить. Адмирал обратился к команде «Худа» по системе оповещения: до встречи с противником оставались считанные часы. Офицеры и матросы встретили эту новость троекратным «ура!».

— Победа будет за нами. У нас восемнадцать пушек против восьми немецких.

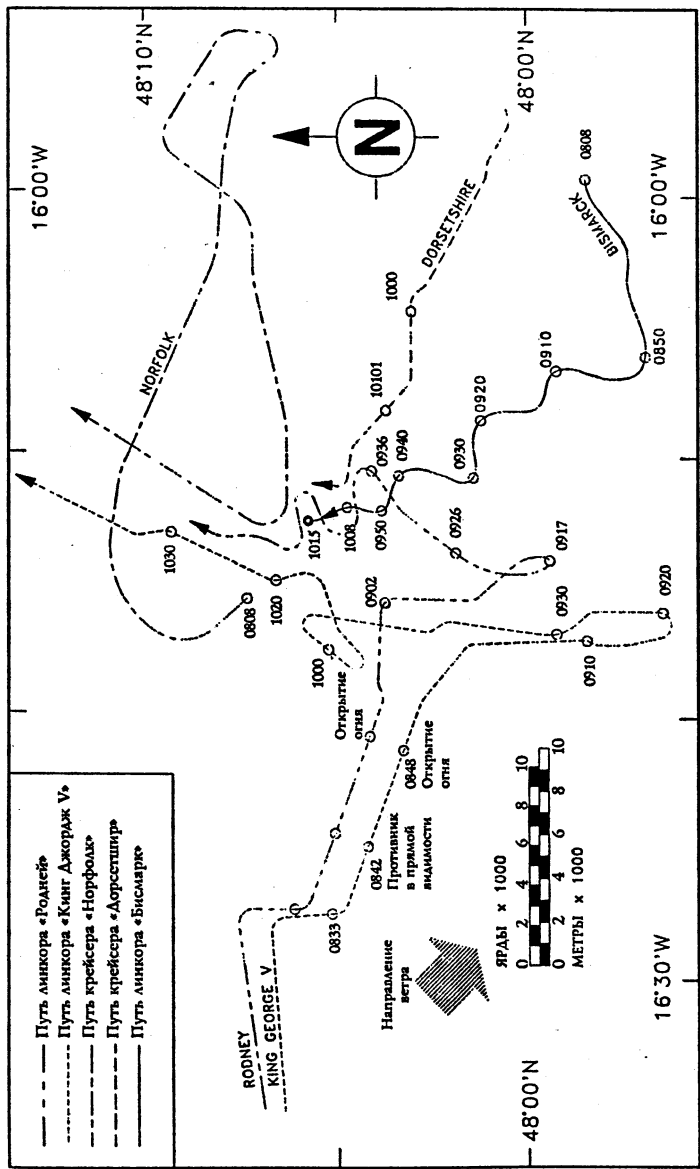
Сохраняя скорость и курс, они должны были встретить врага не позже 2.00 по полуночи. Два мощнейших боевых корабля Британского военно-морского флота резали холодные воды Северной Атлантики. Адмирал Тови, все еще находившийся в Скапа-Флоу, приказал авианосцу «Викториес», линейному крейсеру «Рипалс», крейсерам «Галатей», «Гермиона», «Кения» и «Аурора», а также пяти эскадренным миноносцам присоединиться к нему чуть севернее Гебридских островов. Затем

«Кинг Джордж V» вышел в море, и Тови отправился в кают-компанию, чтобы пообедать в обществе своих офицеров.

В Лондоне Черчилль и Адмиралтейство были крайне встревожены сообщениями о быстром продвижении «Бисмарка» на юг, представлявшем смертельную угрозу для войскового конвоя WS8B. В полночь 23-го Гибралтарская военно-морская база получила радиограмму с приказом адмиралу Соммервиллу поднять по тревоге оперативное соединение «Н», состоявшее из авианосца «Арк Ройал», линейного крейсера «Ринаун» и крейсера «Шеффилд». Корабли должны были проследовать в Северную Атлантику, чтобы прикрыть войсковой конвой. Но этому рандеву не было суждено состояться, Атлантику ожидали значительно более драматичные события.

Теперь все фигуры были расставлены, начиналась игра всерьез. Нужно заметить, что команда «Бисмарка» пребывала в счастливом неведении относительно лихорадочной активности противника и надвигающейся грозы.

События быстро продвигались к кульминации. В 1.40, когда «Худа» и «Принца Уэльского» отделяли от «Бисмарка» всего лишь двадцать миль, капитан Линдемани резко сменил курс и проскользнул заслон британских эсминцев незамеченным. Теперь две эскадры шли расходящимися курсами, расстояние между ними постепенно увеличивалось. В 3.20 «Саффолк», продолжавший следовать за «Бисмарком» по пятам, сообщил об этом изменении курса противника. Это поставило эскадру адмирала Холланда в крайне невыгодное положение — чтобы перехватить корабли противника, англичане должны были идти полным ходом под острым углом к его курсу. Был отдан приказ изготовиться к бою. На бри-

Последний бой линкора «БИСМАРК» 27 мая 1941 года.

танских кораблях все офицеры и матросы переоделись в чистое белье — давний ритуал Королевского военно-морского флота, первоначально связанный с уменьшением вероятности попадания инфекции в раны. Большая часть команды писала прощальные письма своим родным и невестам. Затем моряки из группы «борьбы за живучесть» надели белые асбестовые комбинезоны, сделавшие их похожими на кукуксклановцев, и стали ждать. Они не питали особых иллюзий относительно своего будущего.

Загремели колокола громкого боя. Все по местам! Наглухо закрывались водонепроницаемые люки, проверялись подъемники снарядов, прокручивались башни, поднимались стволы орудий. В котельных механики напряженно следили за стрелками манометров, в камбузах коки притушили печи. Летевшие полным ходом корабли не видели друг друга за стенами высоко взлетающих брызг. Две эскадры неуклонно сближались. В 5.10 Джон Лич, капитан «Принца Уэльского», объявил по системе оповещения: «Контакт с противником в ближайшие пятнадцать минут».

При обстреле «Норфолка» на борту «Бисмарка» произошла некая неприятность, небольшая, однако оказавшая заметное влияние на исход надвигавшегося сражения: при очередном выстреле одного из огромных орудий линкора его передний радар оказался в конусе ударной волны и был поврежден. Адмирал Лютенс решил до завершения ремонта уступить место мателота «Принцу Ойгену». Так как немецкие корабли имели сходные очертания, британские наблюдатели неизбежно должны были перепутать крейсер с линкором.

Матрос Уайт по прозвищу Красавчик получил приказ взять бинокль и подняться на опасно раскачивающуюся мачту. После долгих минут ожидания сверху донесся крик:

— Вижу противника!

Из тумана выплыли две огромные тени. В их бесшумном целеустремленном беге чувствовалось что-то зловещее. Если немцев не остановить, они станут хозяевами Атлантики. Сейчас до них было семнадцать миль. Башни главного калибра начали разворачиваться. «Худ» мчался навстречу врагу, на его мачте гордо развевался белый флаг с крестом святого Георгия¹.

Ординарец Фрибе поставил перед Гельмутом Бринкманном, капитаном «Принца Ойгена», тарелку горячего супа.

— Вот же черт, кто-то бросил в мой суп окурок! Фрибе, утром ты пойдешь под расстрел!

Офицеры, сидевшие за столом, деланно рассмеялись; все их мысли были поглощены одной страстной мечтой: поспать бы хоть пару часов в уютной, теплой постели. Капитан второго ранга Яспер, старший артиллерист «Принца Ойгена» и его помощник, капитан второго ранга Пауль Шмаленбах не успели еще допить кофе, когда с акустического поста поступило донесение: «По левому борту приближающийся шум винтов».

Глядя в бинокли, они различили над горизонтом пятнышки дыма. Загремели колокола громкого боя; длин-

¹ Флаг Королевских ВМС Великобритании представляет собой белое полотнище с прямым георгиевским крестом и изображением государственного флага («Юнион Джек») в верхней левой четверти.

ные трели оповещали команду, что предстоит бой с кораблями противника, а не с авиацией. Мало-помалу из-за горизонта показались верхушки мачт, а затем и полные силуэты кораблей. Шмаленбах перелистнул свой «Справочник по иностранным военно-морским флотам», удивленно покачал головой, снова изучил рисунок и объявил:

— Тот, что справа, это «Худ».

— Чуть, — отмахнулся Ясперс. — Это какой-то крейсер, а то и вообще эсминец.

— Заложимся на бутылку шампанского, — предложил Шмаленбах, — что справа — «Худ».

— По рукам, — охотно согласился Ясперс. Не поверив своему помощнику, он приказал зарядить орудия не бронебойными снарядами, а фугасными с контактными взрывателями — снарядами, бессмысленными против брони линкора.

Радист «Принца Ойгена» принял с «Худа» приказ: «Синий-четыре», то есть «Поворот направо на сорок градусов». Крайне неудачное решение адмирала Холланда выводило из боя кормовые башни обоих его кораблей, восемнадцатипушечное преимущество было утрачено. Теперь британцы имели всего десять орудий против восьми у немцев. Почти поровну. «Худ» и «Принц Уэльский» повернули к ветру.

Адмирал Лютенс стоял на мостике «Бисмарка», крепко сцепив руки за спиной. На мгновение он задумался о великих морских битвах прошлого. Трафальгар, Скагеррак...¹ Он не затевал этого боя, даже не хотел его,

¹ Так немцы именуют Ютландский бой 1916 года.

но выбора не было. На севере — лед, за кормой — вражеские крейсера, впереди — линкоры. Приходилось пробиваться.

Время — 5.50 утра, день — 24 мая 1941 года.

На британских кораблях творилась такая же неразбериха. Считалось само собой разумеющимся, что «Бисмарк» идет первым, а «Принц Ойген» — вторым. На мостике «Худа» дежурный периодически выкрикивал все уменьшающиеся числа — расстояние до быстро приближающегося противника. Примерно в то же самое время, когда над «Бисмарком» взвились сигнальные флажки «J-D», приказ «Принцу Ойгену» открыть огонь, адмирал Холланд приказал передать «Принцу Уэльскому» тот же самый сигнал. Дистанция неумолимо сокращалась.

— Главному калибру изготoвиться. Огонь по левому кораблю».¹

Когда дистанция сократилась до тринадцати миль, адмирал Холланд скомандовал: «Исполняйте!».

Получив через дежурного приказ, старший артиллерист негромко, почти молитвенно сказал:

— Огонь.

На мгновение мир словно застыл, а затем взрвели пушки.

На немецких кораблях все глаза были прикованы к дульным вспышкам английских орудий. Увидев яростные солнца, вспыхнувшие на башнях вражеского корабля, старший артиллерист Ясперс пораженно воскликнул: «Господи, да это же и вправду не эсминец, а линкор!» и тут же отдал приказ:

¹ Т.е. по «Принцу Ойгену», а не по «Бисмарку». (Примеч. автора)

— Сменить фугасные на бронебойные!

05.53. Капитан второго ранга Адальберт Шнайдер, старший артиллерист «Бисмарка», ударил по кнопке «Feuer» («Огонь»). Отдача восьмиорудийного залпа заметно качнула огромный корабль. Адмирал Лютьенс напряженно ждал, куда упадут выпущенные немецкими кораблями снаряды. Первыми упали, вскинув к небу десятки тонн белой, вспененной воды, снаряды противника — они явно предназначались «Принцу Ойгену», но не дотянули до цели на добрую 1000 ярдов. Паршивая стрельба.

Артиллеристы «Бисмарка» и «Принца Ойгена» стреляли гораздо точнее, первый же их залп накрыл «Худа».

У адмирала Холланда дело явно не клеилось. Он занял худшую из возможных позиций — линкор шел на немцев под острым углом, будучи неспособным привести в действия половину своих орудий, но в то же время подставляя противнику куда большую площадь борта, чем при строго лобовом курсе. А тут еще одно из орудий «Принца Уэльского» ни с того, ни с сего вышло из строя. В отличие от англичан, обстреливавших одновременно и «Бисмарка», и «Принца Ойгена», адмирал Лютьенс сосредоточил весь огонь на главном противнике — «Худе». Холланд ожидал, что «Норфолк» и «Саффолк» с минуты на минуту ввяжутся в бой, чтобы отвлечь на себя часть внимания немцев, совершенно забыв, что он не послал адмиралу Уэйк-Уокеру соответствующего приказа. В довершение всего английские корабли шли против ветра, вздымаемые ими брызги попадали в орудийные прицелы носовых башен, в результате чего артиллеристам приходилось пользоваться маленькими, а потому — не слишком точными вспомогательными дальномерами.

Грохотали орудия, снаряды с воем неслись над морем, их разрывы поднимали высокие столбы вспененной воды. Капитан «Принца Ойгена» Бринкманн спас свой корабль от почти верной гибели, приказав рулевому вести его прямо на эти белые фонтаны — из соображений, что снаряды никогда не падают в одно и то же место дважды. «Принц Ойген» выпустил всего лишь второй залп. Через двадцать секунд напряженного ожидания на верхней палубе «Худа» полыхнуло пламя.

Пожар, вызванный снарядами «Принца Ойгена», сразу же подобрался к хранилищу зенитных боеприпасов. Орудийная команда, в составе которой был и матрос Тилберн, получила приказ потушить пожар, но не успела его выполнить: снаряды начали взрываться. Артиллеристы бросились ничком на палубу, но тут сверху обрушился еще один вражеский снаряд, уничтоживший всю прислугу зенитных установок, кроме Тилберна. Ситуация становилась совершенно невыносимой, и адмирал Холланд принял решение ввести в действие всю восемнадцатирудийную мощь бортового залпа британских линкоров. Он приказал изменить курс.

— Два-синий, двадцать градусов налево.

Оба корабля начали разворачиваться.

А затем произошло немыслимое.

6.00. Старший артиллерист «Бисмарка» капитан второго ранга Шнайдер заметил, что противник меняет курс и приказал вести в прицел небольшую поправку.

— *Zwei Vollsalven.*¹

¹ Два залпа из всех орудий.

Взрели орудия. Неделет.

Снаряды «Принца Ойгена» накрыли противника.

— *Gegner brennt*. (Противник горит).

Старший артиллерист Шнайдер ввел еще одну поправку, а затем громко и четко скомандовал:

Vollsalve!

6.01. Огромные пушки взрели снова, в пятый раз за четыре минуты.

— *Achtung Aufschlag!* (Внимание, удар!)

И снова «Худ» скрылся за стеной, вскинутой разрывами воды. К большому удивлению Шнайдера, белых фонтанов было всего шесть... значит, два не взорвались... нет, что это я...

— *Er stiiinkt*, — закричал он, налегая на «i», — *stiiinkt!* («Он тонет, тонет!»)¹.

Не поднявшие водяных столбов снаряды угодили в самую середину «Худа», пробили все палубы и взорвались в погребах кормовых башен, битком набитых пятнадцатидюймовыми снарядами и пороховыми зарядами. Над «Худом» поднялся огромный белый шар, затем столб желтого пламени и черное облако, это было похоже на взрыв вулкана. В воздух взметнулись клочья орудий и надстроек, самый знаменитый в мире боевой корабль взорвался, подобно рождественской хлопушке².

— Он взорвался, взорвался! — продолжал ликовать Шнайдер. — «Худу» конец!

¹ По воспоминаниям 4-го артиллерийского офицера, капитан-лейтенанта Фрайхерра фон Мюллхайм-Рехберга. (Примеч. автора).

² Гибель «Худа» наблюдали команды как «Бисмарка», так и «Принца Уэльского». (Примеч. автора).

Корабль, составлявший славу и гордость Королевского военно-морского флота, переломился пополам, высоко вскинул нос и корму и ушел под воду¹. Вся эта трагедия заняла примерно сорок секунд — сорок секунд, за которые не выстрелило ни одно орудие. Оставшиеся в живых почтили гибель гордого корабля минутой молчания.

— Несчастные сукины дети, — пробормотал Шнайдер, однако у него не было времени на пустые сантименты, нужно было заняться вторым кораблем противника.

— *Zielwechse links!* (Перенести прицел влево!)

Теперь единственной мишенью «Бисмарка» и «Принца Ойгена» стал «Принц Уэльский». Однако орудия английского крейсера сумели, в конце концов, нащупать цель, его шестой залп накрыл немецкий линкор².словно в отместку, пятнадцатидюймовый снаряд насквозь прошел мостик «Принца Уэльского», убив всех, там находившихся, кроме капитана. Орудия «Бисмарка» извергали снаряды каждые двадцать шесть секунд, «Принца Ойгена» — каждые двенадцать. Британцы кое-как отбивались, их девятый и тринадцатый залпы снова накрыли «Бисмарка», однако соотношение сил не оставляло сомнений в исходе боя. Два из пяти орудий «Принца Уэльского» смолкли из-за механических отказов, его палуба была

¹ В действительности «Худ» был накрыт «Бисмарком» с третьего залпа, поражен четвертым и взорвался в 6.01 от пятого залпа.

² На самом деле «Принц Уэльский» попал в «Бисмарк» в 5.54 — еще до того, как немцы открыли огонь.

изрублена в клочья. В английский линкор попало четыре пятнадцатидюймовых снаряда и три восьмидюймовых, причем последний пятнадцатидюймовый снаряд угодил прямо под ватерлинию, впустив в отсеки пятьсот тонн забортной воды. После двенадцати минут боя в одиночку и восемнадцати залпов «Принц Уэльский» смирился и отвернул в сторону. Это произошло в 6.13, через какие-то девятнадцать минут после того, как два британских боевых корабля гордо ринулись навстречу врагу.

К месту гибели «Худа» устремился британский эсминец. На поверхности воды среди нефтяных пятен плавали деревянные обломки и всего трое моряков: мичман Дандас, матрос Тилберн и сигнальщик Бриггз. «Должны быть еще; не может быть, чтобы спаслись только трое. Продолжайте поиски», — приказал капитан эсминца. Эсминец прочесывал холодную субарктическую воду вдоль и поперек, однако новые находки ограничились несколькими мелкими обломками и матросским беретом. 2 адмирала, 90 офицеров и 1500 матросов нашли вечный покой на океанском дне.

Троих спасшихся передали на крейсер «Электра» и опросили. Дандас сказал, что сумел в самое последнее мгновение выбраться с верхнего мостика через иллюминатор. Бриггз выскочил из штурманской рубки через сорванный люк, по его свидетельству капитан Холланд даже не пытался покинуть свой обреченный корабль. Тяжелее всех пришлось Тилберну — вокруг его ботинка крепко обвился провод снижения какой-то радиоантенны. Уже уходя под воду, Тилберн перерезал провод складным ножом, затем выплыл на поверхность и осмотрелся. Вокруг не было ни души.

Сражение в Датском проливе (так назовут его историки) закончилось. «Бисмарк» и «Принц Ойген» полным ходом неслись в открытый океан. «Принц Ойген» вышел из боя без единой царапинки, «Бисмарку» же повезло значительно меньше — он получил три прямых попадания, два из них не причинили линкору особого ущерба, чего нельзя сказать о третьем. Крупнокалиберный снаряд пробил его борт в районе ватерлинии, затем пробил две топливные цистерны и застрял, так и не взорвавшись. К несчастью для «Бисмарка», при этом были разбиты вентили подачи топлива, что отрезало тысячам тонн мазута путь к топкам паровых котлов.

Это повреждение сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе «Бисмарка». Корабль нужно было ставить в сухой док на ремонт, но где именно? Капитан Линдемман предлагал догнать «Принца Уэльского», уничтожить его, а затем вернуться прежним путем на базу. Однако адмирал Лютьенс опасался, что Датский пролив уже кишит вражескими подводными лодками, а потому принял решение, спасительное для изуродованного рейдера: идти юго-восточным курсом к французскому побережью на военно-морскую базу Брест¹. Однако имелась еще одна серьезнейшая проблема: топливо. Идя полным ходом, «Бисмарк» попросту не дотянул бы до Бреста, ему не хватило бы примерно 1000 тонн мазута (нужно думать, Лютьенс горько пожалел, что не дозаправил свой корабль в Берген-фьорде). Хочешь не хочешь, приходилось снизить скорость — и довольно существенно².

¹ Точнее — в соседний с Брестом Сен-Назер, где имелся сухой док, пригодный для ремонта «Бисмарка».

² В имеющейся у нас литературе не нашлось подтверждения гипотезе о нехватке топлива. «Бисмарк» был вынужден

Англия была в шоке. Гибель «Худа» потрясла общественность гораздо сильнее, чем неудачи в Северной Африке, или даже катастрофическое поражение во Франции. «*Британия больше не правит морями!*» — кричали газетные заголовки. Черчилль видел, что «Бисмарк» превратился в символ предельного унижения Британии. Чтобы вернуть нации уверенность в себе, нужно было уничтожить этот зловеший корабль, уничтожить любой ценой.

«Бисмарк» должен быть потоплен!» — категорически приказал Черчилль.

Британские адмиралы склонились над картами, первоначальный шок сменился бешеной активностью. Никто из них не догадывался, что это — последний случай в долгой истории Британской империи, когда она наглядно подтвердит свою славу Владычицы морей. Первый лорд Адмиралтейства¹, адмирал флота сэр Дадли Паунд, человек, назначенный Черчиллем на этот пост за беспрекословную исполнительность, бросил на выполнение поставленной премьер-министром задачи все подручные силы. Он никогда не сомневался в завете Нельсона: «Уничтожить можно только числом».

Из Галифакса (Новая Шотландия) вышел линкор «Ривендж», от восточного Ньюфаундленда наперехват

снизить скорость на 2—3 узла из-за полученных повреждений. Однако пробитые топливные цистерны принесли ему гораздо большую неприятность — англичане получили возможность обнаружить немцев по мазутному следу на воде.

¹ Первый лорд адмиралтейства — британский военноморской министр (этот пост существовал до 1964 г.).

«Бисмарку» направился «Рамиллес», из района к востоку от Азорских островов — крейсера «Лондон» и «Эдинбург», из устья Клайда — линкор «Родни» с группой эсминцев. Буквально по пятам за немецкими кораблями следовали «Саффолк» и «Норфолк» под командованием адмирала Уэйк-Уокера и покалеченный «Принц Уэльский». Ближе всех к месту событий находилась эскадра адмирала Тови — линкоры «Кинг Джордж V» и «Рипало», авианосец «Викториес» плюс пять тяжелых крейсеров. Исходя из информации «Саффолка», Тови рассчитал, что встретит немцев ранним утром следующего дня — если только «Бисмарку» не прибавит скорость. Немецкие корабли были намного быстрее и современнее тех, что находились в его распоряжении. Оставался единственный способ перехватить «Бисмарка» наверняка — с помощью самолетов-торпедоносцев, составлявших основное вооружение авианосца.

Тови не знал и даже не догадывался о трудностях с топливом, не позволявшим «Бисмарку» прибавить ход. В последней попытке сбросить назойливых ищеек — крейсера «Норфолк» и «Саффолк» — с хвоста Лютьенс приказал «Принцу Ойгену» отделиться и далее действовать самостоятельно, кодовым словом для начала этого маневра было имя поверженного врага: «Худ»¹.

Капитан Бринкманн только что заступил на вахту, когда замигал прожектор флагмана: Х-У-Д. Тяжелый крейсер рванулся вперед на максимальной скорости, в тот же самый момент «Бисмарку» развернулся навстречу

¹ Из-за неисправности котлов «Принц Ойген» был вынужден прекратить крейсерство и вернуться в Брест, куда благополучно прибыл 1 июня.

преследователям. «Вот и ушел наш Большой Брат», — сказал старший артиллерист «Принца Ойгена» Яспер. Последнее его впечатление от огромного немецкого линкора — оранжевая вспышка башен главного калибра и грохот¹.

Лютъенс передал по радио в штаб Группы Запад: *«Радар не позволяет избавиться от вражеского преследования. Из-за ситуации с топливом направляюсь в Брест».*

Капитан авианосца «Викториес» Боувелл надеялся к 21.00 оказаться в ста милях от «Бисмарка», однако расстояние увеличилось. Атаку на линкор должны были осуществить девять торпедоносцев «суордфиш». Эти обтянутые материей бипланы с открытой кабиной пилота, получившие за изобилие допотопных проволочных растяжек прозвище Корзинки, казались музейными экспонатами, чудом уцелевшими машинами «Летучего цирка» барона фон Рихтгофена.² Они летали — и даже атаковали противника — на черепашьей скорости девяносто пять миль в час. «Суордфиш» имел команду из трех человек — пилот, наблюдатель и задний стрелок — и был вооружен одной восемнадцатидюймовой торпедой, подвешенной под фюзеляжем. Жалкие, как мокрые курицы, самолетики тесно сбились в конце летной палубы. В 22.00 «Викториес» развернулся к ветру, и они пошли на взлет.

¹ «Бисмарк» стрелял по крейсеру «Саффолк».

² Барон фон Рихтгофен — знаменитый немецкий летчик периода Первой мировой войны. «Летучим цирком» называли его эскадрилью (как, впрочем, и эскадрильи некоторых других знаменитых летчиков того времени).

Пользуясь хорошей погодой, свободные от вахты матросы «Бисмарка» бродили по палубе. Возбуждение битвы с «Худом» прошло, теперь поход рейдера казался скучным и однообразным. Исчезли даже наглые, крикливые чайки, на лету хватавшие брошенный кусок хлеба и часами отдыхавшие на стволах грозных орудий. Моряки скучали по ним. Баварец Ридель знал про море несравненно меньше своих умудренных опытом товарищей из Гамбурга и Киля. Мальчишка из маленькой гордой деревушки благоговейно взирал на безбрежные просторы океана. В его памяти всплыла избитая фраза про затишье перед бурей.

12 мая судно береговой охраны США «Мэдок» отплыло из Бостона на поиски людей, уцелевших при разгроме трансатлантического конвоя Н.Х.126¹. За долгие годы плавания океан утомил команду «Мэдока» своим однообразием, зато 24 мая моряки стали свидетелями исторической сцены. В этот же самый день с утра они узнали по радио о потоплении «Худа», а незадолго до полуночи матрос пограничной службы США Ньюэлл различил в бинокль очертания огромного боевого корабля, это был уходивший на юг «Бисмарк». Вся команда «Мэдока» высыпала на палубу, чтобы посмотреть на страшное чудовище своими глазами. И тут из разрывов облаков вынырнули самолеты совершенно дикого вида — бипланы с проволочными растяжками и неубирающимися шасси, штуковины вроде тех, на которых в начале

¹ До вступления США в войну оставалось еще целых семь месяцев, однако американцы уже не скрывали, на чьей стороне находятся их симпатии. (Примеч. автора).

века летали братья Райт. Эти смехотворные самолетики без раздумий ринулись на гигантский корабль, прямо в пекло уничтожающе плотного зенитного огня.¹

24 мая, 23.45. «Бисмарк» тоже заметил самолеты и встретил их огнем из пятидесяти стволов. Как только первые торпеды коснулись воды, корабль резко свернул в сторону. Большая часть торпед прошла мимо, одна из них попала в середину корпуса, однако ее взрыв не смог пробить мощную броню. Прямой ущерб, причиненный атакой торпедоносцев, был пренебрежительно мал, и все равно на борту «Бисмарка» прибавилось причин для беспокойства. В результате резкого маневрирования вторая котельная была полностью затоплена, а передние топливные цистерны приняли дополнительную порцию заборной воды. Потребовался целый час, чтобы линкор снова раскочегарился до скорости двадцать узлов. Перед Лютьенсом стояли две основные задачи — идти прямым курсом к французскому побережью и избавиться от крадущихся по пятам крейсеров. Примерно в это же время он получил из штаба Военно-морской группы «Вест» оповещение о выходе из Гибралтара *оперативного соединения «Н»*, что предвещало новые торпедные атаки самолетов, базирующихся на пресловутом авианосце «Арк Ройал»². Лютьенс изучил карты; доступная

¹ В действительности «Мэдок» повстречался с немецким линкором тринадцатью часами раньше — утром 24 мая, поэтому свидетелем атаки торпедоносцев быть никак не мог. В результате этой атаки англичане потеряли два самолета, а «Бисмарк» снизил скорость до 22 узлов.

² Если верить немецким сообщениям, к тому времени «Арк Ройал» был потоплен уже по крайней мере три раза. (Примеч. автора).

«Бисмарку» скорость позволяла без труда уйти от этой новой напасти. Он посоветовался с капитаном и механиками и получил неутешительный ответ: «Если прибавить скорость, нам не хватит топлива до Франции».

Тогда Лютьенс пошел на компромиссное решение — оторвался от преследователей и тут же снова сбавил скорость. К поискам немецкого линкора подключились все британские военные корабли, находившиеся более или менее поблизости, однако найти его в безбрежных просторах Атлантики было не многим проще, чем ту самую иголку в стоге сена. «Бисмарку» исчез из поля зрения преследователей на тридцать один мучительно долгий час — до того момента, как его снова обнаружил крестьянский парень из штата Миссури, второй пилот летающей лодки «каталина»¹. Теперь британское Адмиралтейство могло решать задачу чисто математически, в терминах миль и часов. Штабные тактики склонились над картами. Энсин Смит и младший дейтенант Бриггз обнаружили немецкий линкор примерно в семистах милях от спасительного для него французского побережья и всего лишь в трехстах

¹ В 4 часа утра 25 мая, увеличив скорость до 27 узлов, «Бисмарку» оторвался от следившего за ним крейсера «Саффолк». Однако немцы не знали, что противник их потерял, поэтому Лютьенс продолжал передавать радиogramмы для командования, которые были запелентованы англичанами. Пеленгация второй радиogramмы позволила вычислить, что корабль идет на Брест. Следующий раз воздушная разведка обнаружила «Бисмарку» только в 10.30 утра 26 мая, в 130 милях южнее главных британских сил и в 70 милях восточнее «Соединения Н».

милях от зоны, где он мог бы получить воздушное прикрытие самолетами Люфтваффе. Максимальная скорость «Бисмарка» была известна — тридцать один узел. Из этого следовало, что англичане имеют в своем распоряжении всего десять часов, затем их корабли рискуют оказаться под бомбами немецких самолетов. Однако на войне математика не всегда срабатывает. В данном случае британские адмиралы не учитывали затруднения с топливом, вынудившие капитана Линдемана снизить скорость своего корабля чуть не в два раза.

26 мая, 16.25. Адмирал Лютьенс получает радиogramму: *«Поздравляю с днем рождения, примите мои наилучшие пожелания. Адольф Гитлер».*

В 17.25 Лютьенс, чьи мысли были заняты не днем рождения, а нехваткой топлива, отправил радиogramму: *«Ситуация с топливом становится критической — когда я могу надеяться на получение топлива?»*

В 18.00 ветер начал усиливаться и вскоре превратился в типичный для Северной Атлантики шторм. Море вскипало, через палубу «Бисмарка», поднятую над водой на двадцать метров, перехлестывали волны.

В 21.00 прилетели самолеты...

Адмирал Тови не мог продолжать эту бешеную гонку, она пожирала слишком много топлива; над его флагманом, линкором «Кинг Джордж V», взвился сигнал: «Скорость эскадры 22 узла». Британский флот проиграл соревнование со своим германским соперником. В 18.21 Тови радировал в Адмиралтейство, что, если не удастся задержать ход «Бисмарка», «Кинг Джордж V» и «Родни», составлявшие главную силу его эскадры, будут вы-

нуждены вернуться на базу¹. Его последней надеждой было оперативное *соединение* «Н», спешившее наперез «Бисмарку» а точнее — авианосец «Арк Ройал», вооруженный все теми же «корзинками». Тови передал по радио свое требование. Невзирая на штормовую погоду, не считаясь с возможными потерями в людях и в технике, все наличные торпедоносцы должны были вылететь на задание.

Выполняя это указание, командир *соединения* «Н» адмирал Коммервилл приказал капитану «Арк Ройала» поднять самолеты в воздух. В условиях почти нулевой видимости первая группа «корзинок» чуть не отправила на дно свой собственный крейсер «Шеффилд», слава еще Богу, что в последнее мгновение пилоты разглядели атакуемый корабль и поняли, что это совсем не «Бисмарк».

В 19.10 со взлетной палубы «Арк Ройала» поднялась последняя группа из пятнадцати торпедоносцев «суордфиш», командовал которой капитан-лейтенант Тим Гуд. Все сорок пять летчиков хорошо понимали, что от их смелости и умения зависит не только участь «Бисмарка», но и престиж Британии. Видимость была настолько плохой, что пилоты едва различали обтекатели собственных моторов. Они летели сквозь бескрайнюю тьму, полагаясь в поисках цели исключительно на указания «Шеффилда»²; яростная тряска, особенно усилившаяся

¹ Черчилль направил через Адмиралтейство приказ, получивший впоследствии весьма неоднозначные оценки: «...преследовать “Бисмарка” до самых берегов Франции, если даже в результате придется тащить “Кинг Джордж V” домой на буксире». (Примеч. автора).

² В действительности «суордфиши» были оснащены поисковыми радиолокаторами «воздух—поверхность».

при прохождении атмосферного фронта, чуть не переламывала хлипкие машины. В конце концов, с «Шеффилда» поступила команда идти на снижение. Еще громче взревели двигатели, клочья облаков мелькали все быстрее и быстрее, пение ветра в туго натянутых растяжках превратилось в пронзительный свист, стрелки альтиметров с угрожающей скоростью неслись к нулю. Летчики надеялись по окончании этого головокружительного броска в неизвестность оказаться где-нибудь рядом со своей целью, однако никак не ожидали того, что открылось их глазам, когда на высоте в семьсот футов самолеты вырвались из ваты облаков. «Бисмарк» шел прямо на них. На часах было 20.53.

Пилоты навалились на неподатливые ручки управления, переводя свои машины в крутой правый вираж. Четыре торпедоносца снизились почти до вершушек волн, сделали еще один вираж и устремились на стальное чудовище, в самую гущу зенитного огня, наполнявшего небо яркими, быстро несущимися звездочками и клубами разрывов. Пилоты машинально повторяли наставление инструкторов о «трех девятках» — приблизиться на бреющем полете со скоростью 90 миль в час, сбрасывать торпеду на высоте 90 футов, с расстояния не более 900 ярдов. Все это было достаточно просто на полигоне, но никак не в штормовой Атлантике, когда девятьсот ярдов это *всего* девятьсот ярдов от разъяренного, извергающего потоки огня дракона. Звездочки трассеров неслись им навстречу по изящным, плавно изгибающимся траекториям. Нервы каждого члена экипажа были напряжены до предела, их уши отчетливо различали трескотню зениток и негромкие, словно даже не очень опасные, хлопки разрывов. Дождевые капли, заносимые в открытую кабину потоком воздуха от пропеллеров, окон-

чательно портили и без того плохую видимость. Первая атакующая волна пустила все свои торпеды мимо цели, вторая — тоже. Затем сделали боевой разворот самолеты лейтенанта Годфри Фоссета и младшего лейтенанта Кеннета Паттисона.

— Дистанция? — спросил Паттисон.

— Один-пять-ноль-ноль. — Несмотря на яростную вибрацию самолета, голос наблюдателя звучал ровно и неторопливо. — Один-три...

Они делали заход с правого борта, сбросили торпеду на расстоянии около 1000 ярдов и вроде бы попали, но не были уверены в этом полностью, задний стрелок заметил нечто вроде вспышки в тот самый момент, когда самолет уже нырял в облака.

Последний самолет пошел в атаку, отчаянно снизившись до пятидесяти футов. Его пилот, Тони Бил, сбросил «рыбку» на расстоянии в восемьсот футов и затаил дыхание. Через десять с небольшим секунд за его спиной зазвенел ликующий голос наблюдателя Пинлотта:

— Попали!

Старшина-артиллерист Герцог, командир расчета 37-мм зенитной пушки, увидел два самолета¹. Торпедоносцы неслись прямо на его боевую позицию и так низко, что колеса их шасси чуть не срубали верхушки волн. Старшина не стрелял — его пушки не могли опустить ствол под таким углом, самолеты находились в мертвой зоне. Все произошло за считанные секунды, однако время для Герцога словно замедлилось, его мозг отчетливо

¹ Судя по всему, это были машины лейтенанта Годфри Фоссета и младшего лейтенанта Кеннета Паттисона. (Примеч. автора).

различал каждую фазу отчаянной атаки. Люди, управлявшие этими медленными, смехотворного вида машинами, ничуть не походили на британцев, какими их расписывала нацистская пропаганда. Эти ребята не были трусами, да и дело свое они знали. Один из самолетов нацелился прямо на середину «Бисмарка», другой шел поближе к корме. Герцог, словно зачарованный, смотрел, как белые росчерки, бегущие по поверхности воды, приближаются к кораблю. Затем над кормой встала стена воды, огромный линкор подскочил, словно подброшенный ударом исполинской кувалды, Герцог и его товарищи покатались по палубе. Сквозь опадающую водяную завесу он различил самолет, проскользнувший прямо за кормой.

Корабль начал разворачиваться. Авиационный налет закончился, зенитки смолкли. Но почему он продолжает разворачиваться? Матрос Эйх, стоявший на вахте в ходовой рубке, смотрел на приборы и ничего не понимал. Что-то было не так — «Бисмарк» начал описывать циркуляцию.

Взрыв торпеды застал Германа Будиха за разговором с его товарищем Беннелем. Они первые сообразили, что именно не так с «Бисмарком». «Правая плоскость руля утратила управление, левую плоскость заклинило под углом 15 градусов», — доложил Будих своему командиру, старшине-механику Барбо. Попытка Барбо сменить предохранители не привела ни к чему, кроме ослепительной синей вспышки, бросившей его на палубу. Вскоре о сложившейся ситуации узнала вся команда. По системе оповещения прозвучали тревожные слова: «Нарушена система рулевого управления. Всем водолазам срочно явиться на корму».

Из двух попавших в «Бисмарка» торпед одна не принесла особого вреда, сила ее взрыва была поглощена мощной противоторпедной защитой¹, однако вторая поразила самую уязвимую точку корабля — рулевые тяги. В момент взрыва капитан-лейтенант Юнак находился в турбинном отсеке. Сотрясение палубы сбilo его с ног. Юнак бросился в машинное отделение и увидел, что торпеда пробила борт, в отсек рулевых механизмов поступает вода. Это исключало возможность ремонта. «Проклятье, — выругался Юнак, — конструкторы предусмотрели любую случайность, все механизмы задублированы — кроме рулевых тяг»². Затем он взял телефонную трубку и доложил об отчаянной ситуации на мостик.

Боевая позиция старшины-артиллера Герцога позволяла ему хорошо видеть происходящее на корме. Капитан Линдемманн и двое старших механиков некоторое время изучали чертежи, обсуждая, по-видимому, возможности устранить повреждение. Затем Линдемманн безнадежно махнул рукой и ушел. Все попытки отка-

¹ Надо думать, это была торпеда, сброшенная Тони Билом, — вторая, после попадания в корму, описанного Герцогом. (Примеч. автора).

² Данное утверждение следует оставить на совести автора, плохо представляющего себе устройство боевого корабля. «Бисмарку» не повезло вдвойне — в момент попадания торпеды в корму он совершал маневр уклонения, в результате оба руля оказались заклинены положенными на борт, что сильно затруднило возможность управления кораблем, с помощью машин, меняя частоту вращения винтов. Только вследствие этого (а не из-за нехватки топлива) скорость линкора упала до 14 узлов, причем корабль был не в состоянии держать курс.

чать воду и задействовать руль вручную оказались тщетными. Идея срубить перо заклиненного руля небольшим зарядом взрывчатки была отвергнута, так как взрыв мог нарушить чувствительную балансировку винтов, расположенных в ближайшем соседстве с рулевыми плоскостями. Лютьенс согласился с таким решением¹.

Верховное командование ВМС Германии получило серию радиোগрамм.

21.05. Квадрат ВЕ/6192, попадание торпеды в кормовую часть.

21.15. Попадание торпеды в середину корпуса.

В конце концов, Лютьенс был вынужден отправить следующую радиোগрамму:

23.40. Корабль потерял управление. Мы будем сражаться до последнего снаряда. Да здравствует Фюрер.

Ответ Гитлера стал последней радиোগраммой, полученной «Бисмарком»:

01.35. Офицерам и матросам линкора «Бисмарк». Германия с вами. Будет сделано все возможное. Ваша верность долгу станет для германского народа символом, воодушевляющим на борьбу. (подписано) Адольф Гитлер.

Несмотря на все усилия команды, лучший корабль Германии, ее гордость, беспомощно двигался на север; словно притягиваемый некой непреодолимой силой, он

¹ В связи с этим решением вице-адмирал Эберхард Вайход писал: «Фронтные командиры, а в еще большей степени — командиры военно-морских сил неизбежно находятся в трудном положении: их моментальные решения принимаются без полного знания положения противника и его возможных контрмер, все это выясняется и обсуждается гораздо позднее». (Примеч. автора).

направлялся прямо в смертельные объятия Британского флота¹.

Адмирал Тови получил рапорт, не поддававшийся никаким разумным объяснениям:

— Противник идет курсом 340 градусов.

Иначе говоря, «Бисмарк» передумал прятаться в Бресте и устремился навстречу эскадре, за ним же охотившейся. Бред какой-то. Тови срочно отправил запрос: «Подтвердите данные о курсе, повторяю, подтвердите данные о курсе».

Ответ не дал ничего нового: «340 градусов».

Север... Джерри свернули на север? Что он еще задумал, этот Лютьенс? Впоследствии не удалось установить, кто сказал это первым: «Торпеда, вспышка у кормы. Вот оно, теперь все понятно! “Бисмарк” потерял управление».

Адольф Гитлер провел эту ночь в своей резиденции Бергхоф, напряженно следя за развитием событий. Главный адмирал Редер обратился к Герингу с просьбой об оказании авиационной поддержки. Рейхсмаршал ответил, что, к величайшему сожалению, крупные британские корабли находятся вне досягаемости его бомбардировщиков. Редер передал на радио экстренное сообщение, ничуть не успокоившее немецкий народ,

¹ Большая часть подробностей почерпнута из рассказов и описаний выживших участников событий, таких как капитан-лейтенант Фрайхер фон Мюллхайм-Рехберг. (Примеч. автора).

просидевший всю эту драматическую ночь у приемников¹: «При входе в Бискайский залив линкор «Бисмарк» был поврежден торпедой, попавшей в его кормовую часть». Эта лаконичная фраза являлась признанием неизбежного — Редер знал, что помочь «Бисмарку» уже невозможно.

Ночь была ужасной. Проливной дождь, ураганный ветер и смертельная опасность не давали команде «Бисмарка» ни секунды отдыха. В довершение всего им пришлось отражать торпедные атаки целого роя эсминцев (и линкор, и эсминцы вышли из этого боя без повреждений)...²

Перед самым рассветом Мюллхайм-Рехберг зашел на мостик. Лицо адмирала Лютъенса посерело от усталости, однако держался он вполне бодро. Общее настроение на мостике показалось Мюллхайм-Рехбергу крайне подавленным.

То же самое настроение царило во всех отсеках корабля.

— Мы идем прямо на тот свет, — сказал один из механиков, выражая вслух то, о чем думала вся команда «Бисмарка».

— Я доложу о твоём поведении, — закричал некий убежденный нацист, страстный почитатель гениального

¹ Драма «Бисмарк» освещалась радиожурналистами, как никакой другой эпизод войны. (Примеч. автора).

² На самом деле «Бисмарк» окончательно потерял управление именно после ночных атак пяти британских эсминцев из 4-й флотилии под командованием командора Виена. Считается, что англичане добились двух торпедных попаданий в носовую часть линкора, после чего к утру его скорость уже не превышала 8 узлов — на таком ходу тяжелый корабль перестает быть управляемым даже при неповрежденных рулях.

фюрера. — Мы не потерпим таких разговорчиков! Безнадежных положений не бывает, всегда остается какой-то шанс!

— Ну да, — рассмеялся механик, — а свиньи умеют летать, *du Scheisser!*¹

В этот момент из динамика прозвучал приказ капитана Линдемманна:

— *Alle Maschinen stop!*

Капитан-лейтенант Юнак встревожился, что исполнение этого приказа может привести к перегреву турбин. Он связался с мостиком и услышал усталый голос капитана:

— Делайте, как знаете.

В 8.00 загремели колокола громкого боя. Офицеры и матросы заткнули себе уши ватой. В 8.15 на горизонте появился тяжелый крейсер «Норфолк», чуть позже — линкор «Родни» и «Кинг Джордж V». В 8.47 британские корабли дали первый залп. Бурый дым огромных 406-мм орудий «Родни» полностью скрыл его из вида. «Бисмарк» развернулся бортом, чтобы задействовать все свои восемь орудий, и дал ответный залп.

— Время полета пятьдесят пять секунд, — заметил один из офицеров, стоявших на мостике «Родни».

— Замолчите, — оборвал его капитан, не желавший задумываться, сколько секунд отделяют его от возможной смерти. За жутким воем последовала серия громopodobных, рвущих барабанные перепонки взрывов, в небо взметнулись фонтаны воды. Третий залп «Бисмарка» накрыл «Родни».

¹ Ты засранец!

Однако обстрел с трех сторон не оставлял немцам никакой надежды на спасение. Первые же снаряды, попавшие в «Бисмарк», вывели из строя его носовой пост управления артиллерийским огнем. В 9.02 чудовишный, в тонну весом, снаряд «Родни» поразил носовые башни «Антон» и «Бруно»; все до единого артиллеристы этих башен погибли от контузии. В 9.04 к обстрелу немецкого линкора подключился тяжелый крейсер «Дорсетшир», подошедший к нему с кормы. «Бисмарк» сосредоточил огонь оставшихся башен на «Кинг Джордж V», однако все его снаряды летели мимо. Чуть позже снаряд попал прямо в башню «Дора», у «Бисмарка» осталась единственная башня — «Цезарь». Старшина-артиллерист Ридель руководил подачей двух очередных снарядов, однако операцию не удалось закончить, так как левый ствол заклинило. Теперь «Бисмарк» лишился всех своих орудий главного калибра. Младший лейтенант, командир башни «Цезарь», попросил старшину выглянуть наружу, посмотреть, как там. Ридель открыл тяжелый стальной люк; вся палуба была усеяна убитыми и ранеными. «Закрой люк», — печально вздохнул офицер. В башне повисло тяжелое молчание, а затем лейтенант обратился к сорока своим израненным, контуженным подчиненным:

— Товарищи, все мы любили жизнь — так умрем же, как подобает настоящим морякам.

Один из артиллеристов вскинул руку в нацистском приветствии, но никто его не поддержал, в такой обстановке восклицание «Хайль Гитлер!» звучало смешно и неуместно. Один за другим артиллеристы вышли через люк на палубу. Ни одно орудие линкора уже не стреляло. Из пробоин в корпусе ползли струи черного тяжелого дыма. Тысячекилограммовый снаряд шестнадцати-

дюймового орудия проломил орудийную палубу и попал прямо в матросскую столовую, использовавшуюся в качестве временного лазарета; при взрыве погибли все находившиеся в лазарете врачи и сотни раненых.

В 10.15 адмирал Тови приказал прекратить огонь. Смертельно раненный «Бисмарк» упорно не желал тонуть¹. Старшина-механик Блум, находившийся в машинном отделении, услышал передававшийся от человека к человеку приказ: «Приготовить подрывные заряды», а затем — второй: «Всем подняться на палубу»². Матросы пробирались заполненными едким дымом проходами, торопливо карабкались по трапам, спотыкались о трупы товарищей.

— Быстрее, быстрее, мы взрываем корабль!

Блум вырвался из последнего люка на палубу, огляделся и с трудом сдержал позыв к рвоте. Трупы, лужи крови, снова трупы... Часть трубы была сорвана, огромные орудия бессмысленно смотрели в небо, один из стволов раздулся и лопнул вдоль, словно ствол грошового охотничьего дробовика. Некоторые башни были сорваны со своих барбетов. Уродливые пробоины сочились едким пороховым дымом. Пробираясь на корму, Блум ежесекундно поскользывался на человеческих внутренностях, спотыкался о целые и в клочья разорванные тела, огибал иззубренные пробоины. В конце концов, он присоединился к кучке уцелевших моряков, укрывшейся,

¹ Гитлер узнал о судьбе «Бисмарка» в 13.00 из перехваченного радистами экстренного сообщения агентства «Рейтер». (Примеч. автора).

² Потом начались долгие споры, что потопило «Бисмарка» — английские пушки или немецкий подрывной заряд. (Примеч. автора).

по приказанию капитан-лейтенанта Юнака, за башней «Дора».

— Прежде чем покинуть корабль,-- говорил Юнак, — крикнем «Ура» в честь фатерланда. Держитесь меня, и вы не пропадете. Мы еще погуляем на Репербане, это уж я вам обещаю.

Крикнув «ура», моряки начали прыгать за борт. Едва они успели отплыть от умирающего линкора, как из его чрева донесся глухой грохот. Затем «Бисмарк» исчез под водой¹.

Блума подобрал британский эсминец «Маори». Около четырех сотен немецких моряков плавали в поисках спасения вокруг крейсера «Дорсетшир». Крейсер подобрал восемьдесят пять человек, в том числе и Риделя, а затем ушел, быстро набирая скорость (одному из наблюдателей померещился перископ немецкой подводной лодки, ближайшая из которых находилась в трехстах милях от места гибели «Бисмарка»). «Дорсетшир» пробирался среди сотен людей, из последних сил державшихся на испещренной нефтяными потоками поверхности океана, пальцы утопающих тщетно скользили по гладкой стальной броне. Британские моряки смотрели на эту душераздирающую сцену в бессильном отчаянии, многие из них плакали. Сейчас они видели в обреченных на гибель людях не врагов, а членов всемирного морского братства.

¹ Это случилось в 10.49, после того как в линкор попали еще три торпеды, выпущенные крейсером «Дорсетшир». Однако исследования самого последнего времени утверждают, что взрыва погребов на корабле все-таки не было, а «Бисмарк» пошел ко дну из-за открытых кингстонов.

Сотни матросов и офицеров «Бисмарка» пережили страшную битву только для того, чтобы найти свою смерть в холодных водах Атлантики.

Но были и исключения. Трое человек, в числе которых был и старшина-артиллерист Герцог, проплавали несколько дней на плоту и дождались в конце концов немецкой подводной лодки U-74¹, еще двоих подобрало немецкое же судно «Саксенвальд». Из всех переживших атлантическую драму лишь эти пятеро вернулись в Германию до окончания войны.

Газеты и радио молчали об их злоключениях — так приказал фюрер.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — адмирал Лютьенс дозаправил цистерны «Бисмарка» в Норвегии?

Бисмарк ушел бы от британского флота².

Ну, а если бы — «Катарина Z» получила более серьезные повреждения и была выжуждена сесть на воду? Если бы ее экипаж попал в плен к немцам? Как вели бы себя Гитлер и нейтральные США, когда бы вы-

¹ Словно в насмешку, эти трое моряков предстали перед военным трибуналом по обвинению в дезертирстве на поле боя. Суд вынес оправдательный приговор. (Примеч. автора).

² Это утверждение не имеет под собой достаточных оснований. До попадания авиаторпеды в рулевое отделение «Бисмарк» шел с максимальной скоростью, которую позволяли ему повреждения — около 27 узлов.

яснилось, что один из пилотов британского военного самолета — американец в американской военной форме?

Ну, а если бы — «Бисмарк» начал разворот чуть-чуть раньше, либо «суордфиш» сбросил свою «рыбку» долей секунды позже? Торпеда зацепила корму «Бисмарка» буквально по самому краю; сложись все чуть-чуть иначе, она могла бы пройти за кормой линкора, не причинив ему никакого вреда.

А теперь о фактах

Основной причиной гибели «Бисмарка» стала нехватка топлива. Ультрасовременный линкор не смог использовать свое преимущество в скорости, а потому — не успел уйти от погони в безопасное убежище. Решение Лютьенса не запрашивать цистерны «Бисмарка» в Берген-фьорде стоило Германии ее лучшего корабля.

Для Британии удачный исход охоты на «Бисмарка» был чем-то вроде триумфа. Для Гитлера это была неудача, но не слишком серьезная. Его морская стратегия, направленная на удушение Англии, основывалась на массированном применении подводных лодок. Строго говоря, фюрер был прав — линкоры уже уходили в прошлое¹.

¹ Линкор «Тирпиц», близнец «Бисмарка», вообще не сумел принять участия в настоящих военных действиях. В конце 1944 года британская авиация потопила его на стоянке в одном из норвежских фьордов. (Примеч. автора).

Первым погиб «Худ». «Принц Уэльский» и «Рипалс» пережили его всего на семь месяцев дольше. 10 декабря 1941 года, через три дня после японского нападения на Пирл-Харбор, эти линкоры были атакованы и потоплены восемьюдесятью четырьмя японскими самолетами, поднявшимися с сухопутных аэродромов. Эти события знаменовали утрату линкорами их решающей роли в морских битвах, провозглашенной когда-то Нельсоном. Наступала новая эра морской войны — эра, когда корабли сражаются друг с другом, не видя даже концов мачт, даже дыма из труб противника.

Эта эра началась в окрестностях тихоокеанского острова по названию Мидуэй¹.

Решающим фактором охоты на «Бисмарка» стало на редкость удачное попадание торпеды, событие, сравнимое по вероятности с выигрышем главного приза в лотерею. Подобно Ахиллесу и Зигфриду, стальной левиафан имел свое уязвимое место.

¹ В действительности первым в мире морским сражением, в котором главной ударной силой обеих сторон являлись только авианосцы, является бой в Коралловом море 7—8 мая 1942 года.

6 декабря 1941 года, Москва

Загадка Зорге

Не нужно забывать, что в Советском Союзе любая попытка воссоздать истинную историю даже самого недавнего прошлого рассматривается как тяжчайшее преступление.

Полковник А.К.Токаев «Преданные идеалы», 1954 г.

В первых числах мая 1941 года Московский Центр, во главе которого стоял генерал-полковник Кузнецов, человек, лично докладывавший Сталину, получил из Токио кодированную радиограмму следующего содержания: «20 июня Германия нападет на Россию. Германия сосредоточила на своей восточной границе от 170 до 190 дивизий, все они механизированы и имеют танки. Нападение будет осуществлено по всему фронту, главные удары будут направлены на Москву и Ленинград...»

Неожиданная новость ошеломила советские секретные службы. Нет, этого просто не может быть, ведь всего лишь год назад Гитлер подписал со Сталиным договор о

ненападении. Находившийся в Японии разведчик получил краткую, сухую отповедь: «Достоверность вашей информации вызывает сомнения».

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз¹.

«Россия это страна, победить которую может только ее собственная слабость либо последствия внутренних распрей» — так писал в 1832 году Карл фон Клаузевиц, размышляя над катастрофическим отступлением Наполеона от Москвы. Гитлер читал Клаузевица. Он знал Сталина как умного, хладнокровного, предельно осторожного шантажиста, однако грубо просчитался в своих надеждах на восстание русского народа против красного диктатора.

Германская армия перешла границы России 22 июня 1941 года. К сентябрю возглавляемая Гердом фон Рундштедтом группа армий «Юг» окружила и полностью разгромила группу армий маршала Семена Буденного². Немцы взяли три миллиона пленных.³ Это была вели-

¹ Гитлеровский приказ к осуществлению плана «Барбаросса» гласил: «Основные силы русской армии, располагающиеся в западной части России, должны быть уничтожены последовательностью активных операций, лидирующая роль в которых отводится бронетанковым силам». (Примеч. автора).

² До сентября 1941 года С.М.Буденный был командующим войсками Юго-Западного направления.

³ Это общая цифра потерь Красной Армии за весь 1941 год (без учета партизан). Из них в плен реально попало несколько более 2 миллионов. Однако в этот период германс-

чайшая из побед Гитлера, но одновременно и величайшая из ошибок.¹ Если его предшественник Наполеон в сентябре уже сражался под Бородино, а затем незамедлительно вступил в Москву, Гитлер попусту растрачивал драгоценное время. Он недооценил политическую устойчивость сталинского режима, а безжалостная жестокость эсэсовских карательных отрядов на оккупированных немцами территориях окончательно убедили сталинский режим, балансировавший на краю пропасти, что украинцы не восстанут против большевиков...

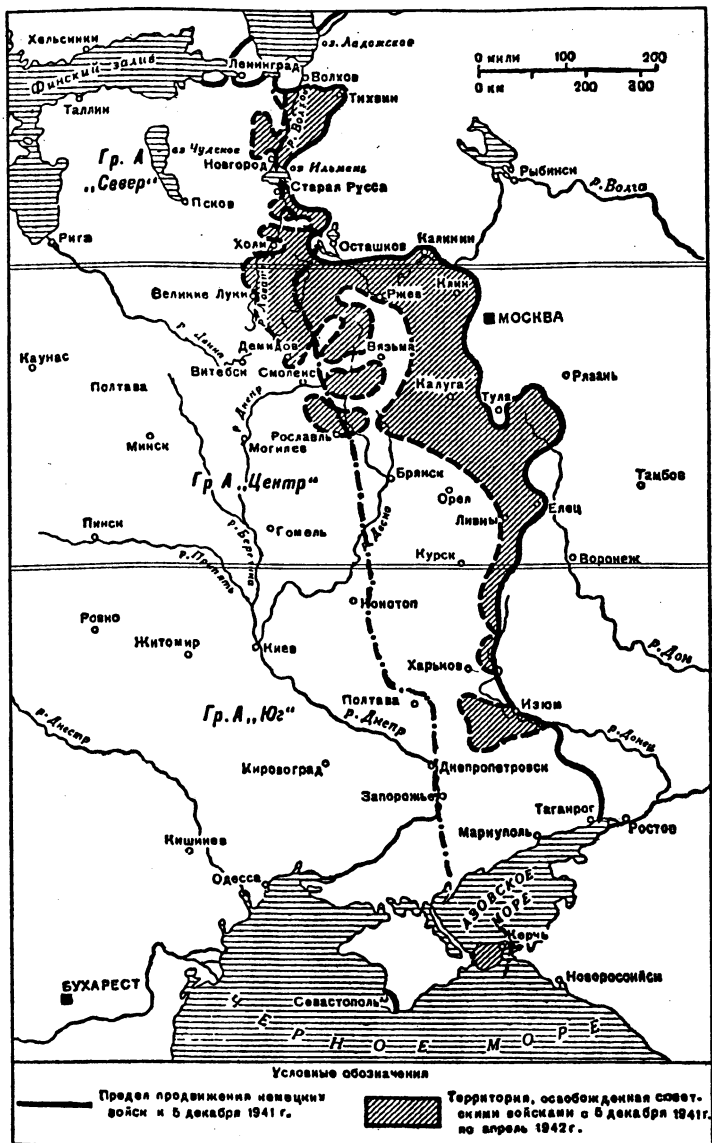
«Складывающаяся ситуация со все большей ясностью доказывает, что мы недооценили русского колосса... время работает на них, так как они имеют все свои ресурсы под рукой, мы же все более отдаляемся от наших...» — писал генерал Гальдер.

К тому времени как Гитлер отдал своим генералам приказ о решающем наступлении на Москву, зима была

кие войска зачисляли как военнопленных всех попавших к ним в руки мужчин призывного возраста, поэтому число пленных в германских сводках завышено и по ряду мест превышает численность противостоявших немцам боевых частей.

¹ По официальным германским данным было взято в плен 3006867 человек. Русские исчисляют свои потери в 2122000. Немцы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 743112 человека. (*Примеч. автора*).

Непонятно, откуда автор берет столь чудовищные цифры. «В сводке германского командования сообщалось о взятии в плен 665000 человек, захвате 3718 орудий и 884 танков» — Курт Типпельскирх. История Второй Мировой войны. Цифра в 743000 человек убитыми, ранеными и пленными приводится в «Военном дневнике» Гальдера, но это общие потери германских войск за первые 5 месяцев войны (до 23 ноября 1941 года).

**Положение на советско-германском фронте.
Декабрь 1941 — апрель 1942 гг.**

уже на носу. Кроме того, в игру начинал вступать еще один жизненно важный фактор. И не в России, как можно бы ожидать, а в далекой Японии. В конце октября, когда танки Гудериана находились в каких-то сорока милях от Москвы и русская столица была практически беззащитна, произошли два события. Ранний снег превратил грунтовые дороги в непролазную грязь, сделал их практически непроходимыми для колесной (в отличие от гусеничной) техники, а из Токио пришла в Москву еще одна зашифрованная радиограмма.

Под верховным командованием генерала фон Браухича возглавляемая генералом фон Леебом группа армий «Север» блокировала Ленинград, возглавляемая фон Рундштедтом группа «Юг» захватила Киев и всю Украину, а возглавляемая генералом фон Бокком группа «Центр» продвигалась к Москве. Второго октября, когда весь остальной мир потрясенно наблюдал за успехами Германии, а большевистский режим шатался, не находя сил для отпора, Гитлер объявил своему народу: «Враг сломлен и никогда уже не сможет подняться».

В ослеплении от своих невероятных успехов германские руководители начали спорить относительно дальнейшего курса действий. Танковый гений, генерал Гейнц Гудериан, хотел двинуть свои бронированные колонны прямо на Москву, однако Гитлер решил иначе, и драгоценное время было потеряно¹.

¹ Наполеон сражался под Бородино 7 сентября и вошел в Москву неделей позже. Гитлер назначил наступление на Москву на тот день, когда Наполеон решил оставить ее, спасаясь от русской зимы. (Примеч. автора).

В конечном итоге наступление на столицу России началось 30 сентября. Танки Гудериана прорвали Брянский фронт и захватили Орел. 3 октября германский таран проломил центр обороны противника и за несколько дней достиг Можайской оборонительной линии у Малоярославца и Бородино¹, до Москвы оставалось всего 120 километров! Немцам нужно было только преодолеть эту последнюю преграду, после чего им открывалась дорога на Москву. Сталин отозвал из осажденного Ленинграда своего самого блестящего полководца маршала Жукова² и возложил на него руководство обороной столицы.

Чтобы лично оценить ситуацию, новый командующий проехал по Варшавскому шоссе до Малоярославца. Он принял крайне жесткое решение — не выделять ни единого солдата в помощь окуженным группировкам Еременко и Конева (200000 человек) — пусть прорываются сами. Все имевшиеся в наличии части Жуков разместил полумесяцем перед столицей. У него появился очень ценный союзник — погода, в середине октября зарядили дожди. Дожди шли от Смоленска до Орла, от Вязьмы до Калинина. Реки Ока и Угра превратились в бушующие потоки, глубокая, чуть не по колено, грязь сильно замедляла движение немецких танков. Но там, где гусеничные танки кое-как проходили, колесные машины механизированной пехоты безнадежно увязали, солдатам приходилось месить грязь собственными ногами. Немецкие войска продвигались к Москве не стре-

¹ Место знаменитой битвы Наполеона в 1812 г. (*Примеч. автора*).

² Звание маршала было присвоено Г.К. Жукову только в 1943 году.

мительным, как это планировалось, броском, а с почти черепашьей медлительностью.

К 17 октября Москва начала пустеть. Из всех ее вокзалов продолжал функционировать один Казанский, откуда уходили поезда в Горький и на Урал. Площадь перед вокзалом была забита тысячами беженцев, сумевших попасть в список «социально важных элементов». Они сутками напролет терпеливо сидели на узлах и чемоданах, ожидая места в «последнем поезде из ада». Автомобили с большим начальством тучами покидали город, рядовые москвичи провожали их мрачными взглядами. Сотрудники НКВД на месте расстреливали людей, пытавшихся выбраться из Москвы без специальных документов. Мужчин и женщин тысячами сгоняли рыть противотанковые траншеи на подступах к столице; многие из них не успевали даже прихватить с собой теплую одежду и умирали от холода. Необученные ополченцы шли в окопы, получив винтовку с пятью патронами и приказ стоять насмерть.

Ночное небо над величественными башнями Кремля расцветало трассами зенитного огня, центр города был затянут дымом от бомб немецких пикирующих бомбардировщиков. Несмотря на падающую с неба смерть, люди гуляли по улицам, полностью игнорируя комендантский час. В гостинице «Метрополь» для высших офицеров играл оркестр, рекой текло шампанское. До конца оставались считанные дни, а то и часы... «Москву может спасти только чудо», — говорили они, почти не таясь. Рядовые горожане испытывали большие трудности с продуктами, поток беженцев, захлестнувший Москву, усугубил и без того отчаянное положение. Паника, охватившая столицу, лесным пожаром распрост-

ранялась по стране. Советское правительство, иностранные посольства и Центральный комитет перебравшись в Куйбышев. Покинул ли Москву сам Сталин? Да, если верить слухам, хотя официальные источники продолжают это отрицать¹.

В конце октября командующий группой «Центр» фельдмаршал фон Бок попросил Берлин о двухнедельной передышке для перегруппировки войск. Гитлер назначил решающее наступление на 15 ноября. Новое наступление началось весьма успешно, и в финале его передовые части германской армии были уже в двадцати пяти километрах от центра Москвы. Но затем в развитие событий вмешались два новых фактора. Во-первых, резкое изменение погоды. Вместо дождя с неба повалил снег, температура упала до минус тридцати градусов. Жестокие морозы застали немцев врасплох. В расчете на быструю победу Гитлер не обеспечил свою армию зимним обмундированием (трудно сказать, было это сделано намеренно, чтобы германские генералы поторапливались завершить войну до наступления холодов, или по самому обыкновенному недосмотру). И все же, несмотря на глубокий снег и морозы, танки Гудериана продвигались к Москве.

19 ноября Сталин вызвал Жукова и спросил, что ему нужно, чтобы удержать столицу. «Две армии и двести танков», — неуверенно ответил маршал, прекрасно знавший, что все резервы давно исчерпаны. К его вящему

¹ Во всяком случае 7 ноября, во время ежегодного военного парада, его не было на мавзолее Ленина. (Примеч. автора).

Это утверждение не соответствует действительности.

изумлению Сталин понимающе кивнул и обещал подтянуть имеющиеся резервы. Но откуда мог он взять сотни тысяч свежих солдат? Даже Жуков, один из ближайших соратников Сталина, не знал, что у кремлевского диктатора есть припрятанный козырь — выдающийся шпион, работающий на советскую разведку.

Предательство стало едва ли не важнейшим оружием Второй мировой войны, его пышный расцвет прямо связан с ненавистью значительной части немцев к гитлеровскому режиму. Весной 1941 года, когда Германия была в апогее своей мощи, «Вита нова ферлаг» в Люцерне выпустило 94-страничную брошюру «Место битвы, или условия ведения войны». Ее автор, взявший себе псевдоним Р.А.Гермес (в честь то ли греческого бога мошенников, то ли популярной в Швейцарии пишущей машинки), подробно изложил условия, на которых действовали Рудольф Ресслер («Люси»), И.Р.Харро Шульц-Бойзен («Коро»), Адам Кукхофф и действительный статский советник Арвид Харнак. Что объединяло этих людей? Все они были членами одного оркестра, «Красной капеллы», только музыка здесь совсем ни при чем. Они снабжали противников Германии закрытой информацией о ее военных планах. «Предательство по идеологическим мотивам», подробно описанное в трактате «Гермеса», вошло в их плоть и кровь. Оно давало этим добровольным шпионам моральное оправдание их предательских действий. И все же, хотя «Люси» и «Красная капелла» стали после лета 1942 года важнейшим для России источником информации¹, самым результа-

¹ Они выдали секрет «Операции Цитадель», танковой битвы под Курском. (Примеч. автора).

тивным советским шпионом по праву считается Рихард Зорге, германский журналист, работавший в Японии.

Доктор Рихард Зорге, чистокровный немец¹, был токийским корреспондентом «Франкфуртер цайтунг». *Herr Doktor* жил опасной двойной жизнью — респектабельный журналист для большинства своих знакомых и шпион для немногих, знавших о его существовании сотрудников Московского центра. Зорге представлял собой яркую творческую личность, шпионская рутинная в стиле пересаживания из одного такси в другое не соответствовала его темпераменту. Да и мог ли высокий европеец затеряться среди косоглазых, малорослых японцев? Зорге приходилось работать в совершенно чужой для себя среде, и он делал это безукоризненно, его методы отличались убийственной простотой. Он переиграл всех своих противников. Когда сотрудники «Токко», японской тайной полиции, занялись проверкой вхожего в высокие круги немецкого журналиста, они не нашли ровно ничего подозрительного. Он даже сумел подружиться с Йозефом Майзингером, гестаповцем, прикомандированным к генеральскому посольству в Токио.

Фортуна улыбнулась Зорге 26 февраля 1936 года, когда группа японских офицеров при поддержке 1400 солдат заняла в Токио ряд важных правительственных зданий, а затем не пожелала внятно изложить причины, подвигшие ее на эту попытку *coup d'etat* (государственного переворота). Берлин засыпал свое представительство в

¹ Он родился в Баку, в немецкой семье и совсем еще молодым вступил в большевистскую партию. (Примеч. автора).

Японии запросами, однако дипломаты затруднялись объяснить «Токийский инцидент». Положение спас доктор Зорге, щедро предложивший посольству свою информацию, полученную из «надежных источников». Отправленный в Берлин доклад привел абвер в полный восторг, с этого момента преданность и надежность доктора Зорге стала считаться чем-то само собой разумеющимся. Акции Зорге поднялись еще выше, когда германским послом в Японии стал его «ближайший друг», бывший военный атташе подполковник Ойген Отт (успевший к этому моменту получить чин генерал-майора).

Красивый и бесшабашный, доктор Зорге имел две слабости, одна из которых чуть его не погубила, а вторая — погубила. Быстрые мотоциклы и красивые женщины. Ночью 13 мая 1938 года, находясь в приличном подпитии, он оседлал свой угольно-черный мотоцикл «Цунден» и на полной скорости врезался в стену. Врачам стоило огромных трудов сохранить ему жизнь. Тут стоит упомянуть эпизод, ярко демонстрирующий невероятную силу духа этого человека: уже на носилках, по пути в операционную, Зорге вспомнил, что в одном из его карманов лежат бумаги, никак не предназначенные для посторонних глаз. Он отказался ложиться на операцию, сказав, что хочет сперва передать прощальные приветствия родным и знакомым через своего «ближайшего друга» — радиста Макса Клаузена. «Пошарь у меня в карманах», — шепнул Зорге радисту, что тот и сделал.

Макс Клаузен играл в шпионской сети Зорге ответственной роль. Великолепный радист и механик, он передавал в Москву шифровки с намеренно внесенными ошибками, служившими доказательством их подлинности. В некоторые слова текста (по заранее оговоренной скользящей шкале) вносились небольшие от-

клонения от правописания; при всей своей простоте эта система была очень надежной. Временами Клаузен даже поручал своей любовнице Анне Валлениус, яркой антифашистке, доставлять микрофильмированные донесения. Недостатком Клаузена был несдержанный характер. Весной 1941 года, когда Зорге предупредил Центр о готовящемся нападении Германии на Советский Союз и получил в ответ радиограмму: «Достоверность вашей информации вызывает сомнения», Клаузен взорвался. «Эти *Scheisskopfe*,¹ — воскликнул он, — да как они смеют сомневаться в моем донесении?»

А затем наступил важнейший в карьере Рихарда Зорге день, когда он положил перед Клаузеном лист бумаги с несколькими строчками текста.

— Немедленно закодируй и передай, чего бы это ни стоило. Желаю удачи.

Крайняя спешка Зорге объяснялась не только желанием поскорее проинформировать Москву, но и причинами совсем иного свойства: «Токко» вышла на след. Предыдущей ночью агенты тайной полиции арестовали его любовницу Исии Ханako и изъяли у нее солидную сумму в долларах²; Ханako затруднялась объяснить, откуда у нее столько денег. Долгая игра неумолимо подходила к развязке. 18 октября Рихард Зорге и Макс Клаузен были арестованы японской полицией³. Однако ве-

¹ *Scheisskopfe* — букв. «дерьмовые головы».

² Это утверждение не соответствует действительности — Ханako Исии не арестовывалась ни разу. Доллары же, очевидно, взяты автором из традиций шпионского боевика.

³ Макс Клаузен провел всю войну в японской тюрьме, потом они с Анной поселились в Восточной Германии. (Примеч. автора).

ликий разведчик успел в главном: его последнее донесение решило судьбу битвы под Москвой. *Шифровка* Зорге позволила Сталину полностью изменить свою стратегию.

В мае 1941 года Зорге предупредил Сталина, что Германия нападет на Советский Союз, однако генералиссимус¹ ему не поверил. На этот раз все было иначе. Ситуация стала отчаянной. Перед крупнейшим советским разведчиком был поставлен вопрос: «В связи с нападением Германии на СССР, какое решение приняло японское правительство относительно нашей страны?» Зорге привлек к работе всю свою сеть. Его лучшим, хоть и невольным, информатором был не кто иной, как германский посол в Токио генерал-майор Ойген Отт, который настоятельно уговаривал японцев, союзников Германии, начать внезапное наступление на Россию из Маньчжурии. Один из агентов Зорге, Одзаки Ходзуми, устроился работать на Южно-Маньчжурскую железную дорогу, управляющие которой получили приказ приготовить подвижной состав для переброски частей Квантунской армии к советской границе. Одзаки тщательно изучил графики движения передвижения поездов, однако не обнаружил никаких признаков передвижения войск. Несколько недель спустя по пути на важное совещание один из железнодорожных чиновников сказал ему: «Меня специально вызывали в Токио, чтобы отменить этот приказ. Судя по всему, Квантунская армия не намерена воевать с Россией».

Зорге получил окончательное подтверждение на одном из посольских обедов, когда Ойген Отт пожаловал-

¹ Сталин стал генералиссимусом только в 1945 году.

ся ему на безуспешность всех своих попыток убедить японцев помочь Германии нападением на Советский Союз. «Они и слышать об этом не хотят. Все их помыслы сосредоточены на установлении контроля над Тихоокеанским регионом».

Напряженная работа шпионской сети завершилась тем, что в октябре 1941 года, в свой сорок шестой день рождения, доктор Рихард Зорге составил, а радист Макс Клаузен зашифровал и передал в Московский центр донесение, сразу же попавшее на стол Сталина. В этом донесении утверждалось, что японцы не считают себя связанными «Тройственным Пактом» (договором об образовании оси Берлин—Рим—Токио, подписанным в сентябре 1940 года): *«Япония не намерена ни при каких обстоятельствах денонсировать договор о ненападении с Советским Союзом»*. Далее Зорге конкретизировал ситуацию: *«Их стратегическое планирование полностью сосредоточено на продвижении в южно-тихоокеанский регион. Советский Дальний Восток не подвергается угрозе японского нападения, во всяком случае — до весны. В этом нет ни малейших сомнений»*.

(Пакт о нейтралитете между Россией и Японией был подписан 13 апреля 1941 года; июньское нападение Гитлера на Советский Союз стало для японцев полной неожиданностью. В порядке «взаимности» они даже не подумали сообщить своим немецким союзникам о планируемом нападении на США.)

Зорге настоятельно подчеркивал, что можно не опасаться нападения японцев на Советский Дальний Восток. Сталину очень хотелось бы в это поверить, однако он все

еще не доверял своей разведке. Он медлил, желая получить дополнительное подтверждение. Промедление сменилось лихорадочной активностью в первых числах ноября, когда информацию Зорге независимо подтвердил другой ас советской разведки — «Зонхен», более известный миру под своим настоящим именем Ким Филби.

(Британская разведка перехватывала все радиограммы, направляемые в Берлин, Филби же незамедлительно передавал их русским. В 1963 году Ким Филби бежал в Советский Союз. На дебрифинге¹, отвечая на вопрос: «Какую из переданной вами в Москву информации вы считаете наиболее ценной?», он сказал:

— Телеграмму посла Отта, того самого, который дружил с Зорге. В этой телеграмме он сообщал, что японцы вскоре развернут крупные военные действия на юге. Это означало, что военные действия против Советского Союза отменяются».

— Но разве Зорге не сообщал об этом?

— Тут есть один момент. Сталин не доверял своей разведке. Конечно же, Сталину очень хотелось поверить, и мой доклад получил независимое подтверждение из Японии от Зорге.

(В действительности дело обстояло как раз наоборот, донесение Зорге поступило на месяц раньше.)

Таким образом, донесение, полученное русскими от немца, помогло им переменить ход войны против гитлеровской Германии.

Таран победоносной германской армии с размаху бил в ворота Москвы, грозя с минуты на минуту разне-

¹ По свидетельству Генриха Боровика (The Philby Files). (Примеч. автора).

сти их в щепки. Смертельная опасность заставила недоверчивого, параноидного Красного царя решиться на рискованную игру. Словно картежник на карту, он поставил будущее своей страны и собственную свою судьбу на шифровку шпиона, поставил, потому что не имел иного выхода. Сталин отдал приказ:

«Дальневосточная армия, все войска из Сибири и Среднеазиатских республик, а также части, находящиеся в учебных лагерях Казахстана и Узбекистана, должны быть переброшены к Москве с максимально возможной скоростью, используя все имеющиеся в наличии паровозы и подвижной состав, невзирая на состояние железнодорожных путей и меры предосторожности...»

Этим приказом Сталин совершенно оголил дальневосточные границы России. Началась невиданная по масштабам железнодорожная переброска войск. Окутанные дымом и паром поезда уходили со станций и тут же исчезали в клубах взвихренного вьюгой снега. Как ручейки, вливающиеся в большую реку, поезда от китайской и монгольской границ, из безбрежной Сибири, Центральной России и с Кавказа стекались к Транссибирской магистрали. Состав за составом шли на запад, иногда так близко друг за другом, что машинисты одного из них видели хвостовые фонари другого. Пятьдесят, шестьдесят, сто составов в сутки, и все они имели один пункт назначения — Москву. Поезда везли в столицу пушки и танки, людей, людей, людей и еще людей. Восемьдесят дивизий. Миллион солдат, великолепно обученные элитные части, хорошо экипированные и привычные к сибирской зиме¹. Солда-

¹ Всего с 30 сентября по 5 декабря 1941 года войска, обороняющие подступы к Москве (Западный, Резервный,

ты, одетые в белые полушубки, на платформах — белые пушки и белые танки, новехонькие, только-только с заводского конвейера Т-34, машины, равных которым у немцев не было.

К третьему декабря германское наступление докатилось до окраин Москвы — и завязло. Это произошло отчасти из-за зверских морозов, отчасти потому, что солдаты вымотались до полного изнеможения. Отец военной стратегии Карл фон Клаузевиц называл *«переломной точкой битвы момент, когда атакующие войска, перед лицом больших потерь, вынуждены перейти от наступления к обороне»*. Именно это произошло с германской армией под Москвой в ту ужасную зиму 1941 года.

5 декабря 1941 года. К северу от Москвы германская 9-я армия вышла к остановке городского общественного транспорта — трамвайному кольцу, расположенному в тридцати километрах от центра города. Днем раньше отряд немецких гренадеров из 62-го северного батальона проник в московский пригород Химки, отстоящий от Кремля всего на шестнадцать

Брянский и Калининский фронты), получили в качестве подкреплений 34 дивизии и 40 бригад, что в сумме составляет около 50 счетных дивизий. Общая численность всех переброшенных под Москву сил (включая маршевые пополнения) составила 350000 человек. Гораздо более значительная часть войск, переброшенных с Дальнего Востока, из Сибири, Средней Азии и с Кавказа (9 армий в составе 58 стрелковых и 15 кавалерийских дивизий), была развернута в качестве резерва в глубоком тылу — по рубежу Волги, и в боях под Москвой, и в первом этапе советского контрнаступления участия не принимала.

километров. К этому моменту танковые части уже перерезали канал Москва-Волга у Дмитрова, Первая танковая дивизия заняла Кузьево. На юге от города 4-я армия фон Клюге и 2-я танковая группа Гудериана обошли Тулу. Они остановились менее чем в пятидесяти километрах от Москвы, до конца израсходовав боеприпасы, горючее — и силы. Стояли морозы, кошмарные морозы. Все промерзло насквозь, солдаты рубили хлеб топорами, автоматы отказывались стрелять, затвердела смазка пушек и танков. Минус сорок градусов, ночами доходило даже до минус пятидесяти, перемещать пушки можно было только на конной тяге.

«Мы запрягли в нашу гаубицу шесть лошадей. Из этих шести две вскоре пали от изнеможения и холода. Оставшимся четырем не хватало сил, чтобы тащить орудие через глубокие снежные заносы. Мы натягивали на себя все, что попадалось в домах, иногда даже стеганые, ватные куртки и войлочные сапоги, снятые с убитых русских. Наша одежда кишела блохами, мои волосы буквально шевелились от вшей. Я набил свои сапоги соломой. В моей батарее не было никого, кто не отморозил бы пальцы на руках или ногах. Можно ли осуждать нас за то, что наши силы иссякли?» — пишет Вернер Бурмайстер, капрал 208-го артиллерийского батальона.

Рассвет едва занимался. За ночь температура упала до минус двадцати пяти. Фельдфебель Пауль Вендерс и разведывательный дозор 87-го пехотного полка бесшумно пробирались по глубокому снегу к чуть не до дна промерзшей Яхроме. Их полк принадлежал к тем частям 36-й дивизии, которые прорвали русскую обо-

рону к югу от Калинина и Рогачево. К северу от них — большое замерзшее озеро, образованное разлившейся перед плотиной Волгой, русские называют его Московским морем. Перед ними — поселок из бревенчатых хижин. Когда до поселка остается тридцать метров, раздается громкий, пронзительный свист. *Deckung! Stalin Orgel!*¹ — кричит Вендерс. Они видят рядом сруб колодца, обросший толстым слоем глубокого льда и укрываются за ним. Через мгновение мир содрогается. Разрывы ракет вздымают фонтаны снега, перемешанного с землей, и тут же сзади снова доносится оглушительный свист. Их подразделение оказалось как раз посередине накрытой обстрелом площади. Когда свист и грохот стихают, солдаты решаются поднять головы, их глазам открывается невероятное зрелище. Из леса волна за волной появляются сотни, тысячи белых фигур. Фельдфебель Вендерс отчаянно крутит ручку полевого телефона.

— Русские! — кричит он, плотно прижимая к уху шуршащую помехами трубку. — Их тут тысячи!

— Успокойтесь, *фельдфебель* Вендерс, — металлически дребезжит трубка. — Какие тысячи? У них нет столько солдат.

— *Scheisse*. Иди сюда и посмотри сам.

Германская артиллерия открывает огонь, многие русские падают, но ни один из них не поворачивает назад. Их ноги увязают в глубоком снегу, они пересекают замерзшую речушку, бегут мимо разведчиков 87-го полка, лежащих неподвижно, как мертвые.

¹ Укрыться! Сталинский орган! (нем.)

Пятое декабря, пятница. Эта атака была началом трагедии, которая потрясла германскую армию. Ход войны менялся самым решительным образом.¹

¹ Соотношение сил перед русским контрнаступлением было следующим:

Русские соединения под общим командованием Жукова — 10-я (Голиков), 50-я (Болдин), 49-я (Захаркин), 43-я (Голубев), 33-я (Власов), 1-я (Кузнецов) и 30-я (Лелюшенко) армии, а также 1-й гвардейский кавалерийский корпус (Белов).

Германские соединения под общим командованием фон Бока (78 дивизий) — 2-я танковая группа (Гудериан), 2-я армия (фон Вейхс), 4-я армия (фон Клюге), 4-я танковая группа (Хепнер), 9-я армия (Штраус), 3-я танковая группа (Райнхардт). (Примеч. автора).

Автор не упоминает про 20-ю, 16-ю, 5-ю армии, находившиеся непосредственно перед Москвой, 24-ю резервную армию в Москве, а также 4 армии расположенного на правом крыле обороны Калининского фронта (кстати, 33-й армией на самом деле командовал генерал-лейтенант М. Г. Ефремов). Всего к началу контрнаступления группировка советских войск под Москвой имела 86 дивизий и 43 бригады общей численностью 940000 человек. Кроме того, в наступлении принимали участие правофланговые части Юго-Западного фронта (19 дивизий и 3 бригады общей численностью 80000 человек) Противостоящие этим силам 78 дивизий группы армий «Центр» по советским источникам имели численность до 1700000 человек. Правда, по Мюллер-Гиллебранту («Сухопутная армия Германии») получается гораздо меньшая цифра — согласно ему, на 5 декабря войска группы армий «Центр» имели недокомплект в 340 человек, то есть, исходя из штатной численности немецкой дивизии (чуть более 16000), общая численность группы «Центр» получается равной 910000 человек. Так или иначе, но битва под Моск-

Доверившись шифровке разведчика, Сталин забрал из Сибири почти все стоявшие там войска. Он подтянул к Москве 1-ю, 10-ю и 20-ю армии.¹ Жуков бросает эти три армии плюс кавалерийский корпус против дивизий Гудериана, стремясь отрезать им пути отхода и уничтожить немецкие танки. В ночь с шестое на седьмое декабря Гудериан отдает приказ об отходе. Отступление превратилось в кошмар: танки скользили и буксовали на обледенелых дорогах, сибирские лыжники в белых маскахалатах не давали ни минуты покоя пехотным подразделениям: они внезапно появлялись в самых неожиданных местах, стреляли, взрывали мосты и снова исчезали в белой безбрежности русской зимы. Гудериановские танкисты отважно отбивались, они осуществили несколько успешных контратак. Потери были и с той, и с другой стороны. Русские гибли от немецких пуль, немцы — от русского мороза.

14-я противотанковая рота *обер-лейтенанта* Бремера удерживает позиции к югу от Сталиногорска. 11 декабря, незадолго до рассвета на командный пункт роты примчался запыхавшийся капрал Дорендорф.

— *Herr Oberleutnant*, справа от нас большая группа лыжников. Боюсь, что это русские.

Бремер надевает ночные очки, смотрит в указанном направлении. В тусклом свете едва пробивающейся сквозь

вой стала первым (и одним из немногих за войну) сражением, где германская армия потерпела поражение от противника, не имевшего над ней численного превосходства.

¹ Русское Верховное командование бросило в бой 117 новых соединений. В распоряжении немцев имелось всего 9 резервных соединений. (*Примеч. автора*).

облака луны он видит людей, то исчезающих, то вновь появляющихся среди белых сугробов.

— Точно! И это действительно русские! Тревога!

Дорендорф и Бремер оказались первыми, заметившими крупный прорыв русских. Немцы стреляют из минометов осветительными ракетами, все вокруг заливают призрачный, синий свет. Теперь видно, что лыжников в лесу чуть не больше, чем деревьев. Солдатам 14-й роты кажется, что прорвало какую-то плотину, что белые волны неминуемо захлестнут их малочисленное подразделение. Вспышки ракет высвечивают толпы людей, вырывающихся из леса. Начинается жуткая, беспорядочная схватка, изолированные группы по десять, двадцать немцев до последнего отбиваются от огромной массы русских, они стреляют, пока не отказывают автоматы, у некоторых стволы разогреваются до тускло-красного каления, у других — разрываются. А затем — пронзительный вой реактивных снарядов «*катюши*», шипение тающего снега.

Генерал Мартинек пытается остановить продвижение противника силами своей обескровленной 267-й пехотной дивизии. Все бесполезно: русские лыжники попросту обходят танковые подразделения по лесистой местности и наносят германским войскам удар с тыла...

Немецкая пехотная рота, потерявшая в боях чуть не половину своего состава, миновала деревню Панино и вышла к реке; гренадерский полк, в состав которого она входила, давно перестал существовать как боеспособная единица. Последние две недели солдаты сражались почти на голодный желудок: один паек неприкосновенного запаса делили на пятерых. Им было приказано охранять важную переправу. Лейтенант Буркхарт и его вто-

рая рота третьего стрелкового полка должны были удержать мост до подхода отступающих частей. Буркхарт валился с ног от усталости. На его шее болтался рыцарский крест. Бессмысленная побрякушка, сейчас лейтенант охотно обменял бы этот орден на пару теплых носков. Обмотанный вокруг головы шарф делал его похожим на мумию. Этот проклятый мороз!

Лейтенант Буркхарт отдает приказ сжечь деревню, чтобы расчистить сектор обстрела. Солдаты сдирают с крыш пучки соломы, поджигают их и снова бросают на крыши. Вскоре деревня пылает, солдаты толпятся вокруг горящих домов, чтобы хоть немного согреться. Какие-то люди выскакивают на деревенскую площадь, их тут же срезают короткими очередями. Может, это были партизаны, а может — просто крестьяне, немцы давно усвоили правило: лучше не рисковать. Ночью к роте прибываются несколько чужих, заплутавших солдат.

— Где ваша часть? — спрашивает Буркхарт.

— Какая часть, *Herr Leutnant*? Нашего батальона больше не существует.

Подчиненные Буркхарта делятся с приبلудными бедолагами всем, что у них есть, — хлебом, сигаретами, патронами. К рассвету от деревни остаются жалкие груды тлеющих головешек, за пеленой дыма простирается бесконечная снежная пустыня. Неожиданно снег взвихряется белыми облаками, недавняя пустыня оживает сотнями человеческих фигур, русские везде, куда ни бросишь взгляд, их ордам нет конца. На неполную немецкую роту наступает целый полк узбеков, только что прибывший из Сибири. При поддержке четырех танков. Торопливо застучали пулеметы, забухали минометы и противотанковые пушки. Буркхарт приказывает расчетам двух своих

тридцатисемимиллиметровых противотанковых пушек сосредоточить огонь на подползающих танках. До танков так близко, что артиллеристы стреляют прямой наводкой. От частой стрельбы их пушки перегреваются, краска на стволах темнеет и шелушится, к замкам невозможно прикоснуться рукой.

— Вот же черт, да вы только посмотрите! — восклицает один из артиллеристов, указывая на приближающиеся стальные громады. Германские снаряды с визгом отскакивают от их брони.

— Т-34, — сухо констатирует Буркхарт. — Нам с ними не справиться, нужна помощь.

У соседней первой роты есть длинноствольная 88-мм пушка¹. Ровно три выстрела, и три русских танка превращаются в пылающие костры, распаиваются башенные люки, горящие фигуры выскакивают наружу, катаются в снегу, пытаясь сбить пламя, — и затихают, срезанные автоматным огнем.

Четыре немецких танка с грохотом проносятся по деревенской улице и пересекают реку по деревянному мосту. Их пулеметы косят наступающих русских. Т-34 стреляет, но промахивается.

— Необученные новобранцы, — презрительно фыркает лейтенант Лозе из первой роты. Последний Т-34 вспыхивает и взрывается.

— Еще научатся, — отвечает Буркхарт.

¹ 88-мм зенитные пушки не состояли на вооружении рот и вообще никогда не использовались поодиночке, поскольку ими вооружались батареи полкового и дивизионного подчинения. В целом описание боя выглядит крайне неправдоподобным и напоминает ура-патриотические статьи из газет военного времени — что не делает чести автору.

Германские танки поливают все вокруг пулеметным огнем, они проходят через строй наступающих русских лыжников, как акулы сквозь косяк селетки. Русские бросаются врассыпную. Затем в дело вступает их артиллерия, снаряды «катюши» взрываются фонтанами пламени и снега, перемешанного с комьями черной, промерзшей земли. лейтенант Буркхарт видит, как к стылему небу взлетают тела его солдат. Пора уходить. Немецкие танки возвращаются. Саперы во главе со своим сержантом возятся у опор моста, закладывают взрывчатку, присоединяют провода.

— Ладно, пора с этим кончать. Не будем же мы торчать здесь до вечера.

От мощного взрыва закладывает в ушах, мост рушится, над его остатками поднимается густое черное облако. Рота Лозе потеряла один грузовик и сержанта, лейтенант Буркхарт погиб. Русский батальон уничтожен.

Стычки, подобные этой, происходят на каждом шагу: мороз и отступление закалили германских солдат. Те из них, кто остается в тылу наступающих русских армий, сражаются, как дьяволы, чтобы пробиться к своим. Они знают, что плен равносителен смерти. Они сражаются с отчаянием обреченных — и гибнут¹

На самом острие одного из направлений русского контрнаступления находится знаменитый казачий корпус генерал-майора Доватора. Доватор известен как блестящий кавалерийский командир, он использует свою кавалерию

¹ «Мы не могли забирать с собой павших товарищей, они валялись вдоль пути отступления вперемежку с дохлыми лошадьми», — свидетельствует один из солдат Четвертой Австрийской пехотной дивизии. (Примеч. автора).

лерию так же быстро и решительно, как Гудериан — танки. Отважный генерал никогда не отсиживается в тылу, неизменно придерживаясь принципа: «Руководить с передовой». Успехи его корпуса неоднократно отмечались в сводках Совинформбюро.

19-го декабря неподалеку от деревни Палашкино разгорается крупное сражение. Части германской 252-й пехотной дивизии «Айхенблатт» («Дубовый лист») закрепились вдоль реки Руза. Солдаты получили строгий приказ: «Экономить боеприпасы. Не стрелять издалека, пусть Иван подойдет поближе». Их пулеметные точки были размещены таким образом, что могли создать на льду широкой реки сплошную завесу огня.

Генерал Доватор посылает казачий полк в атаку. Одетые в белое всадники вырываются из леса. Как только первая волна достигает реки, немцы открывают огонь. Через несколько минут девственный снег вдоль берега покрыт окровавленными телами людей и животных. Первая атака полностью проваливается. Уже полдень, земля залита светом бледного солнца, ветер несет по льду замерзшей Рузы снег. Доватор едет в двадцатую кавалерийскую дивизию. Он находит ее в лесу, полном лошадей, телег, мотоциклов, артиллерийских орудий и людей, людей, людей.

— Полковник Тавлиев, вы и ваш полк форсируете реку. Я поеду с вами.

Эскадроны русской кавалерии вырываются из леса, русская артиллерия засыпает снарядами деревню Палашкино. В кавалеристов летят трассирующие пули германских пулеметов, взрывы мин поднимают гейзеры грязного снега. Многие кавалеристы спрыгивают с коней и продолжают наступление в пешем строю, прячась за буграми и в ложбинах. Они достигают берега реки. Первая цепь падает. Остальные мечутся по сколь-

зкому льду под пулями германской пехоты, укрывающейся за стенами домов. Казаки оказались в смертельной ловушке. «Я должен увести их со льда! — восклицает Доватор, выхватывает пистолет и бросается вперед. «За Родину!»

Он выскакивает на лед и тут же словно спотыкается, сраженный пулеметной очередью с фланга. Какое-то мгновение генерал стоит, а затем валится лицом в снег, его папаха с красной звездой катится по льду. Полковник Тавлаиев бросается к генералу и падает, сраженный тем же фланкирующим пулеметом, что и его адъютант. (Понимай, как знаешь!) Приходит очередь политического комиссара Карасева. «Собаки!» — кричит Карасев; он успевает подхватить генерала и тоже падает. В конце концов, лейтенант Куликов и сержант Шокирков подползают к убитому Доватору, укрываясь за трупами своих товарищей, и оттаскивают его на берег.

До самого вечера и большую часть ночи пулеметчики германского швайцарского пехотного полка отражают непрерывные атаки целой казачей дивизии, рвущейся отомстить за павшего героя.

Замысел русских начинает проясняться: фронтальное наступление превращается в охват. Две огромные змеи прорезают германскую оборону, ползут все дальше и дальше. Это прорыв, осуществляемый не полком или дивизией, а целыми армиями. Зажатый с двух сторон карман лопается, превосходящие силы противника буквально втаптывают немецких солдат в снег.

Огонь бесчисленных русских орудий накрывает и стирает в порошок германские танковые дивизии. Гудериан собирает немногие, уцелевшие в этой мясорубке полки и делает последнюю отчаянную попытку сдержать красный

потоп. Когда русские бросают в наступление двадцать две свежие дивизии, Гудериан отступает еще на восемь километров. У танковой армии нет танков, у интендантского корпуса нет никаких запасов, осуществить по приказу *фюрера* еще одно безнадежное наступление на горящих жаждой мщения русских было бы чистым безумием; впрочем, в таком же безнадежном, безумном положении находятся и все остальные германские войска, сражающиеся под Москвой. Армии Жукова осуществляют прорыв на севере в районе Калинина и на юге в районе Калуги и Тулы, они явно намерены окружить основные силы противника. Германская армия медленно, но безостановочно отступает перед монгольскими ордами механизированного Чингизхана.

В конце декабря 1941 года генерал Гудериан пишет в своем дневнике: «Наступление на Москву провалилось. Мы потерпели серьезное поражение».

Он еще не знает, насколько серьезное.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — Гитлер не отложил начало операции «Барбаросса» на месяц?

Его армии могли бы подойти к Москве до наступления зимы.

Ну, а если бы — Сталин не получил жизненно важную шифровку Зорге или не поверил бы ей?

Он ни за что не решился бы оголить свои дальневосточные границы, перебросить миллион солдат из Сибири на защиту Москвы.

А теперь о фактах

Фельдмаршал фон Бок был вынужден послать Гитлеру доклад следующего содержания: «Наступление на Москву не достигло поставленной цели, теперь операция превращается в новый Верден, в жестокую позиционную борьбу на истощение».

Гитлер решил проявить твердость характера. «*Германский вермахт* не отступает! Он либо побеждает, либо гибнет, удерживая позиции!» Он отстранил неуступчивого фельдмаршала от командования армейской группой Центр. Генерал фон Рундштедт был отстранен от командования группой «Юг». На следующий день верховный главнокомандующий фельдмаршал фон Браухич неосторожно заикнулся о *стратегическом отходе*. Гитлер тут же его отстранил и назначил главнокомандующим самого себя. В этом своем новом качестве он начал с того, что вызвал в ставку генерала Гейнца Гудериана. Гудериан предложил выровнять и сохранить линию фронта, перегруппировать войска, а затем перейти в контрнаступление.

— *Mein Fuhrer*, мы не можем цепляться за каждый клочок земли. Нужно отойти, а затем нанести ответный удар.

— Я не могу допустить отступления! — взорвался Гитлер. — Я приказываю вам зарыться в землю и сражаться!¹

¹ Критики Сталина не детализируют его военных промахов, гитлеровские генералы значительно более откровенны. (Примеч. автора).

Большая «откровенность» и «критичность» немецких послевоенных мемуаристов отнюдь не является каким-то достоин-

Последующие события быстро доказали правоту Гудериана. Немецким танкам было не под силу справиться с заболоченными лесами и новыми русскими «тридцатьчетверками». На центральном фронте появлялись все новые и новые сибирские дивизии. В конце концов, Гитлер был вынужден отказаться от намерения взять Москву¹. Он списывает всю вину за неудачу на погодные условия. Если это действительно так, основным виновником оказывается сам Гитлер. Его ошибочный выбор первоочередных целей и связанные с этим задержки обошлись Германии очень дорого. Германское Верховное командование подробно спланировало операцию, однако — странным образом — упустило из виду самого знаменитого из союзников России, известного под именем «Генерал Зима»². В кратком коммюнике от 17 декабря ОКВ (верховное командование вермахта) объявило: *«В соответствии с планами нашей армии перейти на зимний период от наступательных действий к созданию прочной линии фронта фюрер приказал войскам провести необходимые действия по сокращению и укреплению линии фронта»*.

ством — она вызвана стремлением отмежеваться от Гитлера и нацизма, а также желанием переложить на мертвого «фюрера» всю ответственность за поражения немецкой армии.

¹ 8 декабря Гитлер издал Приказ № 39 о приостановке наступления на Москву. (Примеч. автора).

² Генерал Гальдер: «Складывающаяся ситуация со все большей ясностью доказывает, что мы недооценили русского колосса, который неуклонно готовился к войне с безжалостной целеустремленностью, столь характерной для тоталитарных государств». (Примеч. автора).

«Vorwärts, Kameraden, wir müssen zurück».

«Вперед, товарищи, приходится заворачивать» — таким стал теперь основной лозунг германских солдат. По всей Германии эйфория, вызванная легкими победами осенней кампании, сменилась жутким пониманием того, что в битве под Москвой гитлеровская стратегия «блицкрига» полностью провалилась, а значит — предстоит долгая, изнурительная борьба с русским колоссом.

К началу 1942 года германские силы вторжения потеряли в России более четверти своих танков, самолетов, лошадей и солдат. Людские потери составили ошеломляющую цифру 750000.

Миф о непобедимости Германии разбился вдребезги.

Что касается человека, который определил такое развитие событий, доктора Рихарда Зорге, ключевая шифровка, посланная им в Московский центр стала последней.

18 октября 1941 года японцы арестовали Зорге в Токио, его шпионская сеть была разгромлена. Посол Германии Ойген Отт направил японскому министру иностранных дел официальный протест; ознакомившись с предоставленной японской стороной фактами, он был вынужден сменить формулировку с «протестует» на «выражает крайнее беспокойство». Кстати, о фактах. Даже самое подробное расследование деятельности Зорге не смогло установить истинных масштабов его грандиозного предательства. Зорге не допускал и мысли, что Сталин даст ему погибнуть, однако тот и пальцем о палец не ударил, чтобы спасти своего супершпиона. Более того, Москва вчистую отрицала свои с ним связи. 7 ноября

1944 года, после нескольких лет, проведенных в одиночном заключении, германский журналист, ставший русским шпионом, был повешен по приговору закрытого суда¹.

Чтобы сохранить вокруг Сталина ореол единственного спасителя матушки-Руси, до самой его смерти имя Зорге было окутано пеленой молчания, невероятный подвиг великого шпиона оставался неизвестным для граждан СССР (как, впрочем, и для всего остального мира: японцы хранили результаты своего расследования под строжайшим секретом). И только после бегства Кима Филби в Москву существование загадки Зорге было предано гласности², что обеспечило ему славу величайшего шпиона всех времен³. Теперь его лицо появляется

¹ Незадолго до смерти Ким Филби сказал: «Конечно же, случившееся с Зорге могло случиться и со мной. Положа руку на сердце, мне не хотелось бы оказаться на его месте» (Vogovik. The Philby Files). (Примеч. автора).

² В действительности первые публикации о группе Зорге появились в Японии сразу после конца войны, на Западе же его имя стало широко известно после расследования по «Делу Зорге», проведенного... Комиссией Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности и имевшего целью выявить возможные связи «коммунистических агентов» с лицами в США. Последствием этого расследования стала масса публикаций о Зорге, венцом которых явился известный фильм Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге». Интересно, что у нас первое упоминание о Зорге в печати имело место задолго до бегства Филби — еще в 1957 году, в переведенной с английского книге Ч.Диксона и О. Гейльбрунна «Коммунистические партизанские действия».

³ По свидетельству Филби, информация Зорге стала ключом к окончательной победе Советского Союза. (Примеч. автора).

на русских почтовых марках, океанские просторы бороздит теплоход «Рихард Зорге».

Постскрипtum к истории: даже при желании Гитлер не смог бы рассчитать время худшим образом. Как раз в дни битвы под Москвой ход войны претерпел кардинальное изменение. 7 декабря 1941 года японские самолеты потопили пять из восьми американских линкоров, стоявших на якоре в Перл-Харборе, и уничтожили большую часть американской авиации, базировавшейся на Филиппинах. Тремя днями позднее японские самолеты потопили британские линкоры «Принц Уэльский» (знаменитый по охоте на «Бисмарк») и «Рипалс».

Мы не знаем и никогда не узнаем, что подтолкнуло Адольфа Гитлера на его следующий, крайне опрометчивый шаг: 11 декабря 1941 года он объявил войну Соединенным Штатам Америки, тем самым окончательно утратив какую-либо возможность победить Советский Союз.

Ответа на эту загадку не знал даже сам доктор Зорге¹.

Решающим фактором битвы под Москвой явилась затяжка с началом немецкого наступления, а также критически важная информация, предоставленная России асом шпионажа.

¹ Боровик, в беседе с Филби: «Разве Зорге не знал про Перл-Харбор?»

Филби: «Не желая тревожить Гитлера, японцы не говорили германскому послу Отту о намеченном ими нападении на США. Гитлер знал, что, если японцы нападут на Соединенные Штаты, они не выступят против СССР». (The Philbis Files: With Sorge). (Примеч. автора).

31 января 1968 года, Вьетнам

Смерть одного человека

*Стоит только ухватить людей за яйца,
как их разум и сердце помчатся следом.*

*Услышано автором во Вьетнаме,
декабрь 1967 г.*

Эта ночь была такой же жаркой и душной, как и все предыдущие. Половина города, у которой на завтра не намечалось никаких праздников, спала, вторая же готовилась к встрече Нового года. Ровно в полночь улицы города наполнились грохотом, зажглись яркими огнями; оглушительно трещали трещотки, взрывались петарды, сыпали искрами римские свечи, бешено крутились огненные колеса, в небо взлетали сотни разноцветных ракет. Строго говоря, яркий, праздничный фейерверк имел весьма серьезное предназначение — по сильнее напугать, подальше изгнать злых духов, бесчинствовавших в прошлом году. Место действия — Сайгон, столица Южного Вьетнама, время действия — 31 января 1968 — по европейскому летоисчислению — года.

Эти двенадцать человек не принимали участия в общем ликовании. Они вышли из гаража, расселись по двум машинам и поехали, осторожно пробираясь через затопившие улицы толпы людей, в направлении более тихих, европейских кварталов города. Свернув на бульвар Тонг Нут, машины остановились перед новым американским посольством. Вьетнамские полицейские, выделенные для его охраны, отлучились, чтобы принять участие в общем веселье, у стальных решетчатых ворот остались только двое американских морских пехотинцев. Заметив машины, один из них предостерегающе крикнул: «Остановка запрещена, поезжайте...» — конец фразы был срезан автоматной очередью. Второй морской пехотинец успел захлопнуть ворота, крикнуть в микрофон своей рации: «На помощь! Они прорываются!» — и тоже захлебнулся кровью.

С начала «года обезьяны» прошло ровно два часа сорок восемь минут.

Первыми жертвами кровопролитной войны, которая в последующие недели и месяцы расколола американское общество, привела к падению американского президента и заставила самую мощную в мире страну сесть за стол переговоров, стали два морских пехотинца, охранявшие в эту ночь посольство¹.

¹ Данное утверждение не делает автору чести. «Вторая Индокитайская война» шла к этому моменту уже семь лет. Бомбардировки американской авиацией территории Северного Вьетнама начались 5 августа 1964 года, после так называемого «Тонкинского инцидента». На этот момент американские войска в Южном Вьетнаме уже насчитывали 90000 человек, к концу следующего года их число увеличилось до

«Тет», вьетнамский Новый год, неразрывно связан с кровью и насилием. На протяжении всей истории страны к этому мирному, радостному празднику раз за разом приурочивались внезапные, иногда даже предательские вооруженные выступления. Однако в 1968 году никто не задумывался об исторических параллелях.

Именно на Тет 1789 года принц Куанг Трунг победил под Ханоем китайских оккупантов. На Тет 1944 года войска генерала Во Нгуен Зиапа выступили против французов. На Тет 1960 года отряды Вьетконга атакой на Тэйнинь начали первое крупное сражение Второй Индокитайской войны.

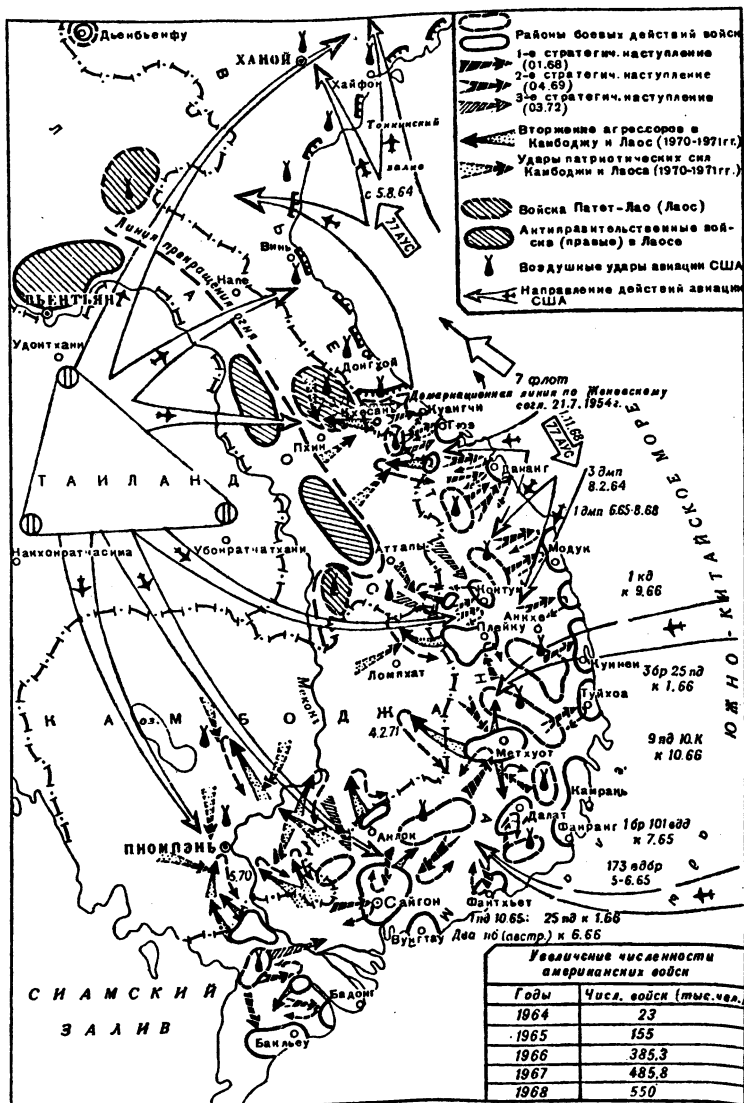
Кроме того, нельзя не вспомнить целый ряд внешне ничем не связанных событий, указывавших на приближение некой развязки, однако либо неверно истолкованных, либо оставшихся вовсе незамеченными. 17 ноября 1967 года Национальный фронт освобождения

190000. Первое генеральное наступление американских войск на захваченную Вьетконгом территорию началось 8 марта 1965 года высадкой десантов в Дананге и Камрани. К концу 1967 года численность только боевых частей армии США на территории Южного Вьетнама составила 486000 человек (без учета тыловых служб, ВМС и авиации флота, а также войск других стран). Именно первый период войны (с 1965 по начало 1968 года) многими оценивается как наиболее кровопролитный. Описываемое же автором «новогоднее» наступление Вьетконга, оно же «Первое стратегическое наступление Народного Фронта Освобождения Южного Вьетнама» являлось не более чем *контрударом*. Американское общество расколола не война как таковая, а *проигрываемая война* — после того, как стало ясно, что выиграть ее не удастся.

объявил на первую неделю приближающегося Нового года прекращение огня. 1 января 1968 года передовая статья северо-вьетнамской партийной газеты «Нян Зан» призвала весь вьетнамский народ «нанести американским агрессорам полное поражение».

2 января 1968 года в непосредственной близости от американской военной базы Кхесан была обнаружена и уничтожена вражеская разведывательная группа. Среди убитых оказался командир полка НОА (Народно-освободительной армии Северного Вьетнама). Что занесло такого высокопоставленного офицера в окрестности американской базы? 5 января 1968 года в распоряжение американской 4-й пехотной дивизии, стоявшей в окрестностях Плейку, попал документ, озаглавленный «Экстренный боевой приказ номер один». На самом стыке Лаоса, Камбоджи и Вьетнама, в густых горных лесах, были обнаружены и надежно идентифицированы четыре регулярных полка НОА. На протяжении всего января ЦРУ получало все новые и новые доказательства того, что коммунисты изменяют свою стратегию. Наиболее явным предупреждением можно, пожалуй, считать брошюру генерала Во Нгуен Зиапа «Народно-освободительная война во Вьетнаме, военное искусство», где было написано черным по белому: «Вражеские военные силы включают в себя живую силу, средства ведения войны и тыловые базы. Уничтожая вражескую живую силу, мы должны одновременно уничтожать средства ведения войны и тыловые базы, в первую очередь — наиболее из них важные»¹.

¹ Находясь во Вьетнаме, автор разжился фотокопией этой брошюры. Курсив принадлежит самому генералу Нгуен Зиапу. (Примеч. автора).

Война в Индокитае (1964 — 1973 гг.)

Прогноз ЦРУ с кодовым названием «Большая игра» был воспринят Верховным командованием США весьма скептически. Тем временем пентагоновские генералы утыкали болотную карту Вьетнама разноцветными флажками и буквами, разрисовали ее стрелами и пришли к умозаключению, что части регулярной Северновьетнамской армии готовятся к нападению на Южный Вьетнам через демилитаризованную зону — узкую нейтральную полосу вдоль 17-й параллели. Прямая угроза южной оконечности полуострова, где располагались основные крупные города, нервные центры военной инфраструктуры, главные авиабазы, центры снабжения, южно-вьетнамское правительство и дипломатические представительства — все то, что заслужило у генерала Нгуен Зиапа название «наиболее важные тыловые базы», — не подвергалась сколько-нибудь серьезному обсуждению.

С середины января Сайгон начал готовиться к шумной и веселой встрече Нового года. В город стекались тысячи людей, кто-то из них возвращался домой, кто-то вез товары на продажу. Малочисленный персонал контрольных пунктов физически не мог проверить тысячи легковых и грузовых машин, автобусов и телег, битком набитых коробками, ящиками и корзинками. Однако не в каждой коробке были подарки, не в каждом ящике — цветы, не в каждой корзине — рис. Некоторые из них содержали груз далеко не такой мирный — автоматы и ручные гранатометы, боеприпасы и пластиковую взрывчатку.

23 января 1968 года студенты Сайгонского университета скандировали антиамериканские лозунги и отмечали победу принца Куанг Трунга над чужеземными агрессорами, одержанную в 1789 году. Вечером того же

дня Ханойское радио объявило, что наступающий Новый год станет «радостным моментом окончательной победы», по каковому случаю праздник Тет переносится с 29 на 30 января. Истинный смысл этого — весьма подозрительного — призыва также остался незамеченным.

Вот как это все начиналось.

Незадолго до полуночи Нгуен Ван Сау, местный вьетконговский командир, и двадцать бойцов саперного взвода, принадлежавшего к вьетконговскому батальону С-10, сошлись в гараже по адресу: улица Тан Зян, 59. Гараж принадлежал их соучастнице, мадам Нгуен Тхи Фе, и был расположен по соседству с территорией американского посольства. Ван Сау раздал оружие и в общих чертах набросал задание. Пути отхода и конкретный характер действий не обсуждались — командиры взвода, Бай Туен и Ут Но, должны были решать эти вопросы по ходу операции в зависимости от конкретных обстоятельств.

Без четверти три легковые такси и грузовик «пежо» выехали на улицу Мак Дин Чи; и через несколько кварталов, они свернули на бульвар Тонг Нут. Остановившись у ворот посольства, сидевшие в такси бойцы обстреляли из автоматов двух морских пехотинцев, рядовых Чарльза Дэниела, двадцатитрехлетнего уроженца города Дарем, штат Северная Каролина, и Уильяма Э. Себаста, двадцатилетнего уроженца города Олбани, штат Нью-Йорк. Себаст погиб сразу, Дэниел успел захлопнуть ворота.

2.49 пополудни. Пятнадцать фунтов пластита пробили в окружающей посольство стене трехфунтовую дыру. Дэниел кричит в микрофон рации: «На помощь! Они

эпрорываются» Прежде чем умереть, он стреляет по вьетконговцам и убивает двоих, бросившихся в пролом первыми,— вышеупомянутых Бай Туена и Ут Но. Потеряв своих командиров, бойцы ударного взвода лишаются и плана действий.

Сержант Джейми Томас и рядовой Оуэн Мибаст патрулировали периметр посольского компаунда на «джипе» военной полиции. Услышав отчаянный крик Дэниела, они бросились на помощь и сразу попали под автоматный огонь. Счет убитых американцев дошел до четырех.

Полковник Джордж Д.Джекобсон спал в одном из расположенных на территории посольства домиков, где проживал также сержант Роберт А.Джозефсон. Единственным оружием в их доме была ручная граната М-26.

Сержант Руди Сото, возраст двадцать пять лет, место рождения город Селма, штат Калифорния, нес охранную службу на крыше архива; увидев смутные фигуры, несущиеся к главному корпусу посольства, он вскинул помповое ружье, однако оно тут же заело. Отбросив бесполезное ружье, сержант начал стрелять из служебного револьвера тридцать восьмого калибра. В главном корпусе находились три шифровальщика ЦРУ и два армейских связиста, все их оружие состояло из одногоединственного револьвера. Еще один легковооруженный морской пехотинец, сержант Джеймс К.Маршал, возраст двадцать один год, уроженец Монровилла, штат Алабама, бросился на крышу, где и был найден позднее мертвым¹. Пятый убитый американец.

¹ Скорее всего, он был убит при последующей очистке территории посольства от вьетконговцев, пулей кого-нибудь из своих. (Примеч. автора).

Первым среагировало агенство «Ассошиэйтед Пресс». Роберт Такман, шеф сайгонского бюро АП, жил всего в нескольких кварталах от посольского компаунда. Стоя у окна спальни, он неожиданно услышал несколько громких взрывов, совсем не похожих на треск праздничного фейерверка, и бросился к телефону. Через пятнадцать секунд на далеком американском континенте застучал телетайп. Сообщение, помеченное сайгонским временем 3.15 пополудни (в Нью-Йорке только-только приближался вечер 30 января), всполошило все США:

БЮЛЛЕТЕНЬ.

САЙГОН (АП) — СЕГОДНЯ ВЬТКОНГ ОБСТРЕЛЯЛ САЙГОН. СОГЛАСНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СООБЩЕНИЯМ, РАКЕТНОМУ ИЛИ МИНОМЕТНОМУ ОБСТРЕЛУ ПОДВЕРГАЛИСЬ РАЙОНЫ, ГДЕ РАСПОЛАГАЕТСЯ ДВОРЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ, ПРОЧИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ И ПОСОЛЬСТВО США.

Вскоре последовало уточнение¹:

¹Примерно в это же время по ханойскому радио читали стихотворение великого вождя вьетнамского народа, товарища Хо Ши Мина:

Эта весна будет блистательнее всех прежних

Со всех концов нашей земли придут радостные вести о победах

Пусть Север и Юг объединятся в борьбе против американских захватчиков

Вперед — и победа будет за нами... (Примеч. автора).

ДОПОЛНЕНИЕ К ПРЕДЫДУЩЕМУ:

САЙГОН (АП) — ОДНОВРЕМЕННО В СТОЛИЦУ ПРОСОЧИЛСЯ ОТРЯД ПАРТИЗАНСКИХ ДИВЕРСАНТОВ-СМЕРТНИКОВ. КАК УТВЕРЖДАЮТ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ТРОЕ ИЗ НИХ ПРОНИКЛИ НА ТЕРРИТОРИЮ НОВОГО ПОСОЛЬСТВА США, РАСПОЛОЖЕННОГО В СЕРДЦЕ ГОРОДА.

Генерал Уэстморленд раскачивался на удивление долго. Только в 4.20, через полтора часа после первых выстрелов, он приказал 716-му батальону очистить территорию посольства от вьетконговцев. Дежурный лейтенант отказался пробиваться к посольству в темноте. Он уверенно заявил: «Туда никто не войдет, оттуда никто не выйдет».

Прошел еще целый час, пока бывший нью-йоркский коп Роберт Ферн обнаружил дырку, пробитую в стене. Когда он сунулся в проем, раненый вьетконговец взорвал себя гранатой.

Из-за полного смятения и неразберихи никто не знал ни количества партизан, ни чем они вооружены. Несколько часов действие ограничивалось спорадической стрельбой с крыш окружающих посольство зданий.

Вьетконговские смертники также пребывали в полном замешательстве. Они не знали первоочередных целей операции, не имели никакого плана действий и в первые же секунды боя потеряли своих руководителей, а потому не делали фактически ничего, только старались по возможности не нарваться на пулю.

Полковник Джекобсон нашел кольт 45-го калибра; когда один из вьетконговцев вошел в его спальню, полковник застрелил его в упор. В конце концов, «джип» пробил ворота, следом за ним на территорию посоль-

ства ворвалась целая орда газетных и телевизионных репортеров. Везде валялись трупы, немногие оставшиеся в живых вьетконговцы забились в щели и боялись высунуть нос. Кейт Уэбб из Юнайтед Пресс Интернейшна назвала впоследствии открывшуюся ее глазам картину «мясная лавка в Эдеме».

В 9.15 утра, через шесть с половиной часов после первых автоматных очередей, территория американского посольства была объявлена безопасной. Накрахмаленный и наглаженный генерал Уэстморленд лично зачитал репортерам, выстроившимся полукругом на очищенной от трупов лужайке, следующее коммюнике: «Зданиям нанесены некоторые незначительные повреждения; девятнадцать вьетконговцев, проникших на территорию посольства, убиты¹. Американские войска перешли в наступление и активно преследуют противника...»

Репортеры не верили своим ушам. По свежим следам самого унижительного из поражений, понесенных Соединенными Штатами в этой войне, стоя буквально на развалинах того, что символизировало американское присутствие во Вьетнаме, командир опростоволосившейся армии заявляет, что все идет прямо-таки расчудесно. Пока международная журналистская братия обшаривала территорию посольства, подсчитывая «своих» и «чужих» убитых, из крупных городов и густонаселенных областей Южного Вьетнама поступали все новые и но-

¹ Неверно, из этих девятнадцати четверо являлись гражданскими служащими посольства. Впоследствии выяснилось, что один из посольских шоферов, Нгуен Ван Де, был активным вьетконговцем, именно он и возглавлял нападение. (Примеч. автора).

вые сообщения о разгорающихся там сражениях. Коммунисты нанесли долго подготавливавшийся удар. С наступлением «Тет», лунного Нового года, началось «Новогоднее наступление».

Новости непосредственно с фронта были ничем не лучше. К полнейшей неожиданности всех армейских чинов Южный Вьетнам стал жертвой полномасштабного нападения, как снаружи, так и изнутри.

Командный комплекс Бьенхоа, расположенный буквально в двух шагах от Сайгона, подвергся жестокому ракетному и минометному обстрелу; неожиданно выяснилось, что по его периметру окопался целый полк вьетконговцев. Входившая в состав комплекса авиабаза Тансоннунт была атакована несколькими вьетконговскими батальонами и оказалась полностью отрезана от города, на ее взлетных полосах пылали десятки самолетов. Поступали сообщения о тяжелых боях, разгоравшихся в самом центре Сайгона, вокруг Дворца Независимости и радиостанции.

«Сайгонский пояс», оборонительный рубеж, созданный для защиты города и его жизненно важных объектов, практически перестал существовать. Группа вьетконговских диверсантов взорвала подземный склад боеприпасов, примыкавший к Лонгбинскому центру тактических операций. При взрыве были повреждены все основные электрические и телефонные кабели города. Теперь вьетнамская война велась при свечах, связь осуществлялась с помощью аккумуляторных радиостанций. Генерал-лейтенант Фредерик Уайэнд, командующий Сайгонским военным округом, бежал от карты к карте с карманным фонариком. Ему было от чего суетиться — в одних только окрестностях Сайгона было

обнаружено и надежно идентифицировано тридцать пять вражеских батальонов!

Хаос и страх сжали город железной хваткой. Артиллерия пала вдоль аккуратных, обсаженных деревьями бульваров, снаряды свистели над крышами, в клочья рвали кирпич и бетон, велосипеды и человеческую плоть. За дымом пожаров скрылись все реалии недавней мирной жизни, никто уже не подсчитывал трупы, тем более — не хоронил. Горели машины и автобусы, из поврежденных водопроводных магистралей хлестала вода, перебитые кабели, похожие на злых змей, угрожающе трещали и сыпали искрами. Каждый квадратный сантиметр, каждый квадратный метр, квадратный километр земли был густо усыпан битым стеклом. Улицы обезлюдели, Сайгон стал похож на какую-то бесплодную планету, его обитатели скрывались в глубоких подвалах — или неглубоких, наспех выкопанных могилах.

Измотанные бессонной ночью газетчики и телевизионщики, заполнившие гостиницу «Каравелла», пребывали в полном смятении. Все они были на ногах с трех часов ночи, когда началось нападение на посольство США, все они пытались передать свои репортажи, однако большая часть линий телекса вышла из строя, немногие уцелевшие были безнадежно перегружены. Шефы местных отделений информационных агентств безуспешно пытались выслать репортерские бригады в провинциальные центры — все пропуска для прессы были отменены. Над крышей Рекс-бара, впервые за все свое существование лишившегося посетителей, свистели трассирующие пули. Те из пишущей братии, кто специализировался не столько на живых сценках событий, сколько на сухой информации, укрывались на том

или ином военном объекте и посылали оттуда сводки, вполне оправдывавшие их стратегический отход, вроде следующей:

САЙГОН (ДОБАВЛЕНИЕ К ПРЕДЫДУЩЕМУ) — ПОСТУПАЮТ ВСЕ НОВЫЕ СООБЩЕНИЯ О ТЯЖЕЛЫХ БОЯХ ВО ВСЕХ СТОЛИЦАХ ПРОВИНЦИЙ. ОСОБО ОТМЕЧАЮТСЯ (С СЕВЕРА НА ЮГ) КУАНГЧИ, ХЮЭ, ДАНАНГ, КУИНЕН, НЯЧАНГ, ДАЛАТ, БЬЕНХОА, САЙГОН, МИТХО, БЕНЧЕ, ВИНЬЛОНГ, КАНТХО, КАМАУ.

Во всей этой неразберихе с ужасающей ясностью вырисовывалось одно обстоятельство: и та, и другая сторона несли огромные потери. Однако, в то время как вьетконговцы и их северновьетнамские друзья нападали исключительно на военные объекты (то ли вынужденно, из-за недостатка боеприпасов, то ли из соображений политических), войска Свободного Мира с их неисчерпаемыми запасами бомб, снарядов и патронов палили без разбору по всему, что движется, и бомбили все, что не движется. Неуклонно растущий список жертв пополнялся все новыми сотнями мирных, не принимавших никакого участия в войне жителей. Было ясно, что после того, как вся эта неразбериха немного утрясется, кто-то из политиков должен будет нести ответственность за массовые убийства, более чем наглядные свидетельства которых валялись на каждом городском проспекте, на каждой деревенской улице в виде разлагающихся трупов. Вне зависимости от военного исхода битвы Вьетконг заранее обеспечил себе пропагандистскую победу.

— Что за черт там происходит!— бушевал в Нью-Йоркском радиовещательном центре Уолтер Кронкайт, знаменитый ведущий CBS, срывая с тархтящего телекса очередной лист.— Я все время пребывал в уверенности, что мы выигрываем эту войну.

Телевизионные начальники грызли от отчаяния ногти и последними словами крыли людей, находившихся в 9000 миль от «большого мира» — конечно же, в тех редких случаях, когда им удавалось установить связь со своими сайгонскими бюро. Население укутанного снегом Среднего Запада и солнечной Калифорнии, торговцы стиральным порошком из Делавэра и нью-йоркские биржевые брокеры — все они жаждали узнать подробности разгоравшейся битвы. Некий стареющий, но все еще популярный киноактер заявил на специально созванной пресс-конференции, что он нанимает самолет и летит в Сайгон, дабы «оказать моральную поддержку»¹; один из слушателей, корейский ветеран, назвал актера мудаком, чем эта пресс-конференция и завершилась.

Самолеты, арендованные большими телевизионными компаниями, стояли наготове, однако лететь было некуда — все южновьетнамские аэропорты стали объектами атак Вьетконга. Руководители телевидения обивали пороги Пентагона, умоляя организовать доставку отснятого корреспондентами материала самолетами, которые вывозили раненых в Японию, на расположенную рядом с Токио авиабазу Йокота. Для этого требовалось привезти киноленту на какой-нибудь из аэродромов, с риском в любую минуту попасть под огонь вьетконговцев. Что еще важнее, прежде чем везти

¹ Очевидно, автор имеет в виду Рональда Рейгана.

пленку на аэродром, ее должен был отснять оператор; требовалось немалое мужество, чтобы стоять с камерой среди всеобщей паники и смятения, фиксировать весь этот кошмар на узкой полоске целлулоида, не обращая внимания на пули, каждая из которых может попасть тебе в голову, или в сердце, или в почки. Зато имелось и облегчающее обстоятельство: оператору совсем не требовалось выискивать какие-то особые сцены, трагедии окружали его со всех сторон, куда ни поверни объектив.

«Новогоднее наступление» продолжалось уже третий день. Обстановку в Сайгоне никак нельзя было назвать легкой, однако она не шла ни в какое сравнение с кошмаром, который творился в Хюэ. Древняя столица Вьетнама заслуженно славилась своей красотой, тихими, плавно изгибающимися реками, цветущими лотосами и великолепными зданиями, окружающими Тхайхоа, «Дворец совершенной гармонии». До этого момента ужасы братоубийственной войны обходили Хюэ стороной.

Настырный оператор телевидения выбил себе место на санитарном самолете, летевшем в Хюэ за новой порцией раненых. Еще при заходе на посадку он заметил, что по всему городу бушует множество пожаров. Глядя, как санитары и команда торопливо загружают в самолет носилки с ранеными, заранее выстроенные на краю бетонки, первый пилот сказал оператору: «Знаешь, приятель, ты уж как хочешь, а мне бы не хотелось долго сидеть в этом месте. Мотать нужно отсюда, да поскорее».

Чуть отойдя от взлетной полосы, оператор остановил тяжело нагруженный грузовик; водитель без лиш-

них споров взял его в кабину, сдвинув предварительно поближе к себе тяжелый ящик, стоявший на пассажирском сидении. Минуту спустя, он проявил совершенно неожиданную набожность, спросив:

— Слышь, киношник, а ты часто молишься?

— Молюсь? — смеялся оператор. — А что?

— Да ты хоть посмотри, на чем едешь.

Только теперь оператор заметил, что сидит, небрежно облокотившись на ящик с ручными гранатами. Одна шальная пуля, и они разнесут его не то что в клочья, а в мелкий фарш.

— Когда я вербовался на второй срок, я что, просил о таком? — водитель ткнул пальцем в свой опасный груз. — Это ж чистая русская рулетка, едешь и молишься, чтоб ничего не угодило в это дерьмо. — Он врубил скорость и беззвучно зашевелил губами.

Грузовик вилял среди обгоревших остовов автобусов и машин, среди раздувшихся от жары трупов людей и животных. По этой дороге прокатилась битва. Сейчас тут никто ни в кого не стрелял, однако оператор ничуть не сомневался, что затишье долго не продлится. Так оно и вышло. Впереди показалась Хуанг Джианг, «Река благовоний». Два танка, стоявшие рядом с мостом Нгуен Хоанг, в упор лупили из своих 90-миллиметровых пушек по стенам древней Императорской крепости, вздымавшейся на противоположном берегу. Им отвечал редкий лай крупнокалиберного пулемета. Трассирующие пули, отскакивающие от танковой брони, крошили штукатурку на стенах церкви Жанны д'Арк, злобно жужжащими светляками уносились в затянутое дымом небо. Эта картина не совсем соответствовала последнему армейскому коммюнике: «Ситуация снова взята под контроль...»

Стреляют — не стреляют, а работать надо. Оператор попрощался с шофером, выскочил из машины и побежал, низко пригибаясь, вперед, к расположенному на берегу стадиону. Прямо над его головой промелькнул огненный шар, ракета В-40. Оператор бросился в канаву, ругая себя последними словами, это ж надо быть таким дураком, лезть на открытое место. Через несколько десятков секунд он осторожно приподнял голову над краем канавы. Над крепостью развевался красный флаг с желтой звездой — коммунисты имели свое мнение относительно того, кто контролирует ситуацию.

Теперь оператор находился в каких-то двухстах футах от крепости, со стен которой солдаты северновьетнамской армии поливали огнем каждый движущийся предмет. Пули горохом скакали по гудрону улицы Закона, оператор не мог отделаться от ощущения, что каждая из них предназначалась лично ему. Не решаясь больше высовываться, он поставил камеру на край канавы, развернул ее в сторону стоявших у моста танков и нажал рычажок. Не более чем через секунду в башню танка утодила ракета, град осколков буквально смел троих морских пехотинцев, укрывавшихся за танком, двое из них были убиты наповал, третьему, совсем молоденькому, оторвало ногу. Раненый страшно закричал и упал навзничь, вскинув вверх кровавый обрубок. Оператор был уверен, что танку пришел конец, однако тот неожиданно взревел мотором, двинулся назад, разворачивая одновременно башню, и выстрелил. Снаряд проломил в стене крепости большую дыру, в воздух взлетели три тела, одно из них с громким плеском упало в реку и тут же утонуло.

Оглушительный взрыв, фонтан огня и визг осколков; судя по всему, вражеские минометчики заметили ка-

кую-то цель. Оператор опасливо забился в канаву поглубже. Из-за угла высунулась голова в американской каске, солдат что-то кричал, но оператор не мог разобрать ни слова, у него заложило в ушах от взрыва. Теперь солдат — морской пехотинец — отчаянно махал рукой сверху вниз. «Пригнись, пригнись...» В воздухе мелькнули два, бешено несущихся, огненных шара, в стену врезались два снаряда безоткатной пушки. Три американца выволокли из-за угла 3,5-дюймовую базуку, нацелили ее на крепостную башню, выстрелили, снова выстрелили, снова... Три мощных взрыва, башня окуталась облаком пыли, однако пулеметный и автоматный огонь с нее ничуть не ослабел. Как только оператор попробовал поднять голову над краем канавы, рядом с ним звонко щелкнула пуля.

Вынырнувшая откуда-то группа из четырех морских пехотинцев залегла и начала садить по противоположному берегу из автоматов. Коротко пролаял пулемет, двое американцев дернулись и застыли. Уцелевшие броском пересекли дорогу и упали, задыхаясь, в «его» канаву (к этому моменту оператор воспринимал ее как нечто вроде своего частного владения). У одного из морских пехотинцев был гранатомет М-79, он приложился по вспышкам, мелькавшим в амбразуре крепостной стены и выстрелил. Вспышка, грохот, черное облако, пулемет захлебнулся и смолк. Дым от взрыва быстро рассеялся, теперь в амбразуре была видна человеческая фигура в форме цвета хаки, вьетконговец держался за голову и громко кричал, пока его не срезала очередь из М-16. Сзади громко застучала счетверенная установка, трассирующие пули свистели прямо над головой, рикошетировали от древних гранитных стен.

— Пригнись, пригнись, эти раздолбаи, они же разнесут нас к такой-то матери... Эй, Гонсалес, не сиди ты здесь, как хрен собачий, а свяжись по этой долбаной рации — мать твою, да здесь же киношник — ты что, хочешь прославить нас на весь свет? Мотай-ка ты отсюда на хрен, ты что, думаешь, что здесь Голливуд, а мы — долбаные зеленые береты?

— Сардж, ни до кого не пробиться, хрень какая-то в наушниках, может, это и вообще ихние, хрен там поймешь, кто это лопочет на ихнем языке, ну мать твою... **ДА ЗАТКНИСЬ ТЫ НА ХРЕН!**— заорал радист в микрофон.— Ну никак... сардж, да ты послушай сам, что там за хрень...

— Не сри мне на мозги, Гонсалес, попробуй еще, нам нужно...

Короткая очередь из АК-47, сержант завалился на спину, верхнюю половину его черепа снесло вместе с каской.

«А ведь и вправду пора отсюда смываться», — подумал оператор. Дорога перед ним взорвалась фонтанчиками пыли. Он добежал до рваной дыры в стене дома, проскочил в нее и оказался в крошечной темноте. Оглушительный взрыв, проломивший в стене еще одно отверстие, осыпал его осколками кирпича и бетона. Две вьетнамки, вжавшиеся в дальний угол комнаты, часто-часто крестились. Несколько секунд оператор сидел на полу, осторожно ощупывая разбитое колено, но затем вспомнил о своих профессиональных обязанностях и сменил кассету в камере. Нужно было уходить, и поскорее — две отснятые кассеты содержали более чем достаточно доказательств, что противник прочно обосновался за стенами цитадели Хюэ.

Женщины в углу снова застыли, они даже перестали креститься. Оператор осторожно выбрался из дома, пересек узкий двор и побежал по переулку, укрываясь за низенькими деревянными домами. Здесь, вдали от реки и крепости, обстановка была значительно спокойнее. Он шел, прижимаясь к спасительным стенам, и через двадцать минут оказался на набережной канала Фу Кам, рядом с пагодой Ту Дам. Обиталище Бога временно приспособили под лазарет для мирных жителей. Стены и купол пагоды были иссечены пулями, обширный двор оглашали страдальческие стоны. И самая, пожалуй, страшная деталь: маленькие дети, бродившие среди раненых в поисках своих родителей, которых, возможно, давно уже не было в живых. Искалеченные семьи много трагичнее искалеченных тел. Здесь, на этом дворе, весь ужас бессмысленной войны вырисовывался с наибольшей отчетливостью. Оператор начал снимать, но вскоре пленку в его камере намертво заело, даже бездушная техника не выдержала столкновения с этим сгустком человеческих трагедий. Оператор вскочил в попутный грузовик, где лежало с десятков раненых морских пехотинцев. Их белые, бескровные лица словно подводили итог дня, проведенного в захлестнутом войной городе¹.

Вьетконг купался в лучах славы. Американский президент выступал по телевидению, радио вооруженных сил транслировало его речь во Вьетнаме. «Дорогие американцы, — начал Линдон Джонсон, по-техасски растягивая гласные. — Наступление Вьетконга сорвано, противник разбит наголову...» У сидевших в окопах солдат

¹ В этом эпизоде автор описывает свой личный опыт. (Примеч. автора).

создавалось впечатление, что никто не решается рассказать президенту о тысячах вьетконговцев и бойцов регулярных частей НОА, осадивших Сайгон и Кантхе, Буон-метхуот, Дананг и Хюэ.

Пятница 1 февраля стала для президента Соединенных Штатов неудачным днем. Всего лишь вчера вечером два телевизионных гиганта, NBC и CBS, передавали репортажи о таком шокирующем событии, как нападение на посольство США в Сайгоне. А теперь эта фотография, занявшая чуть не половину первой страницы таких газет, как «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост». «Хороший вьетнамец» при полной военной форме выстрелом в упор вышибает мозги своему соотечественнику, одетому в клетчатую рубашку и черные шорты...

Фотокорреспондент «Ассошиэйтед Пресс» Эдди Адамс и оператор NBC Во Суу, стоявшие около пагоды Анкуанг, обратили внимание на двоих вьетнамских морских пехотинцев, конвоировавших человека в клетчатой рубашке и черных шортах; руки пленного были связаны за спиной. Во Суу включил кинокамеру. Бригадный генерал Нгуен Нгоа Лоан, шеф южновьетнамской полиции¹, взмахом руки приказал охранникам отойти и шагнул к их подопечному, стоявшему, опустив глаза к земле. Ни говоря ни слова, Лоан вытащил револьвер, вытянул правую руку, почти коснувшись стволом головы пленного, и нажал на спуск. Фотограф Эдди Адамс тоже нажал на спуск.

¹ Преступления генерала Лоана не помешали правительству США предоставить ему после окончания войны политическое убежище.

Бюро «Ассошиэйтед Пресс», располагавшееся прямо через улицу от здания, в котором генерал Уэстморленд рассказывал съехавшимся со всего света репортерам о выдающихся победах, одержанных его войсками, передало сделанный Эдди Адамсом снимок по фототелеграфу в Нью-Йорк, оттуда он разлетелся по всему Земному шару и вскоре оказался на первых страницах чуть не всех газет мира¹.

История прищелкнет пальцами, и мир взрывается, окутывается дымом пожаров. История с одинаковой беспристрастностью судит и карает как побежденных, так и победителей, однако, когда дело доходит до *записывания* истории, вся беспристрастность идет по боку. Каждая сторона стремится подать себя наилучшим образом. Но есть факты, которые не подлежат никаким сомнениям. Например, история запомнит, что в первую ночь Года Обезьяны началось «Новогоднее наступление». Еще ей придется отметить, что тот, кто победил в этой битве, оказался, в конечном счете, побежденным.

¹ Адамс получил за свой снимок уйму наград, в том числе и Пулитцеровскую премию. Пленка Во Суу поступила в нью-йоркскую студию NBC за десять минут до выхода в эфир очередного информационного выпуска. Непосредственно в момент выстрела кто-то случайно заслонил объектив камеры, однако ни один человек из более чем двадцатимиллионной аудитории не понял, что, строго говоря, убийства ему не показали. Администратор NBC Нортшильд вырезал последние семнадцать секунд пленки, содержавшие сцену предсмертной агонии, вместо них экран на три секунды затемнился. (Примеч. автора).

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — американские военные не позволили прессе свободно освещать происходящие события?

Весьма сомнительно, чтобы военные и политические руководители США сумели бы сильно задержать отрицательную реакцию своего народа на не пользовавшуюся популярностью войну.

А теперь о фактах

В начале «Новогоднего наступления» было нападение на посольство США. В его конце было 81736 убитых — солдат Южного и Северного Вьетнама, солдат американцев и вьетконговцев, а больше всего — как оно и бывает на каждой войне — мирных жителей.

Заявления о том, что вооруженные силы США не могли и не смогли бы справиться с вьетконговскими партизанами являются полной чужью. В конце концов, те же самые американские солдаты разбили японцев в джунглях Борнео, Гуадалканала и Окинавы, а уж какая армия в истории была обучена и экипирована для войны лучше, чем Императорские вооруженные силы Японии¹? Однако с Вьетнамом все обстояло иначе. Здесь

¹ К тому моменту, когда американские войска получили возможность разгромить японскую армию, их техническое превосходство над противником (в танках, самолетах и боевых кораблях) было *десятикратным*. Ведь не для кого не секрет, что промышленная мощь США по крайней мере на порядок превосходила мощь Японской Империи.

армии США приходилось воевать не столько с вооруженным противником, сколько с американским и международным общественным мнением.

Если Вьетнам можно было считать первой (будем надеяться, что и последней) «телевизионной войной», то «Новогоднее наступление» стало первым «телевизионным сражением», одним из целого ряда «крупных драматических событий»¹, напрямую транслируемых в дома американцев по спутниковой системе. Каждая новая передача повергала официальный Вашингтон во все большее уныние. На встрече с ведущими издателями и редакторами США государственный секретарь Дин Раск откровенно выразил свое отношение к текущим военным репортажам вообще и снимку Адамса — в частности: «Кой черт, да вы на чьей стороне?».

Однако корреспонденты всего лишь запечатляли происходящее на бумаге и пленке, главными создателями снимков были люди с оружием. Военные кляли репортеров за подрывную деятельность, те же гордо объявляли себя беспристрастными наблюдателями и критиками. Свобода прессы — одно из священнейших завоеваний американской демократии. «Критические, нелицеприятные отношения между средствами массовой информации и властями, в том числе и военными, являются нормальным, здоровым явлением, помогают как той, так и другой стороне выполнить свою работу наилучшим образом... Средства массовой информации не должны быть ни комнатной

¹ Такие как высадка на Луну или гибель израильских спортсменов в Мюнхене на Олимпийских играх. (Примеч. автора).

собачкой, ни бешеной собакой, они должны быть сторожевым псом»¹.

С чисто военной точки зрения, «Новогоднее наступление» окончилось полным поражением вьетконговцев, что вроде бы позволяло руководителям Пентагона рассчитывать на некоторое улучшение обстановки, однако в ходе дальнейших событий эта надежда разбилась вдребезги. Телевидение показало Америке, что Южным Вьетнамом правит кровожадная, своекорыстная шайка политических мафиози, продажных генералов, провинциальных демагогов и бесчеловечных полицейских, что рядовые вьетнамцы стонут под этой властью, а вьетконговцы, вкуче со своими северовьетнамскими боссами, умело эксплуатируют страдания соотечественников. И добро бы только это. Приникшие к телевизору американцы с ужасом наблюдали, как день ото дня разлагается их собственная армия, как день ото дня нарастает смута в их собственной стране².

Создавалось парадоксальное положение: американская армия не могла проиграть вьетнамскую войну, однако Соединенные Штаты не могли ее выиграть. Наступление Тет стало поворотной точкой. Телевизионные репортажи, ежедневно появлявшиеся на миллионах экранов, перед десятками миллионов зрителей, резко

¹ Генерал-майор Уинант Сидл, глава Сидловского комитета Министерства обороны США, на тему о роли прессы в возможных будущих военных действиях. (*Примеч. автора*).

² Вскоре после праздника Тет начались студенческие мятежи в американских университетах, сожжение призывных повесток и волнения в негритянских кварталах. (*Примеч. автора*).

настроили американское общественное мнение против эскалации военных действий.

Но все это было потом, а сперва одна-единственная фотография, запечатлевшая смерть человека в клетчатой рубашке, довела до сознания нации, что она ввязалась в ненужную войну, вмешалась в жизнь страны, которую следовало оставить в покое, поддержала правителей, не заслуживающих такой поддержки.

Решающим фактором вьетнамской войны стал фотоснимок (один из многих), наглядное доказательство того, что священная свобода американской прессы далеко не пустые слова. Одно только искажение (пусть и косвенное) исторических фактов, допущенное автором в первых абзацах этой главы, заставляет усомниться в данном утверждении. Массированные боевые действия американских войск во Вьетнаме, несмотря на все *международное общественное мнение*, продолжались до конца 1972 года (с перерывом с ноября 1968 года по июнь 1971) — о чем автор вообще ни словом не упоминает.. С этого момента главным противником американских генералов стало международное общественное мнение, американские же солдаты, сражавшиеся, как и прежде, с Вьетконгом, погибали абсолютно бессмысленно.

9 ноября 1989 года, Берлин

И обрушилась стена до своего основания...¹

«Die Grosse Mauer, gedacht als Schutzwall gegen die barischen Voelker der Steppe, ist einer der immer wiederholten Versuche, die Zeit aufzuhalten, und hat sich, wie wir heute wissen, nicht bewaehrt. Die Zeit laesst sich nicht aufhalten.»

(Великая Стена, задуманная для защиты от варварских степных народов, представляла собой одну из многократно повторявшихся попыток остановить время. Сегодня мы знаем, что эта попытка себя не оправдала. Время не дает себя остановить.)

Макс Фриш. «Китайская стена»

Метафорическая стена, «железный занавес», разделившая Европу, символ тирании, до боли знакомой двум поколениям. Конкретным, осязаемым воплощением этого символа являлась печально знаменитая Берлинская стена, уродливое сооружение из бетона и колючей проволоки, рубеж, расколовший город

¹ Иисус Навин, 6—19.

на две части, незаживающая рана на душе нации. Отвратительное порождение ксенофобной империи, державшей людей в запортом загоне, как скот, из вполне оправданного опасения, что иначе они разбегутся¹. Многие годы Берлинская стена верно служила своим создателям — колючая проволока и сторожевые вышки с автоматчиками безжалостно подавляли извечное стремление человека к свободе. Но находились и отчаянные смельчаки. Кто-то пытался перемахнуть через стену, кто-то месяцами рыл под ней тоннель, кто-то перелетал ее на угнанном самолете, кто-то таранил шлагбаум контрольно-пропускного пункта тяжелым грузовиком. Кому-то попытка удавалась, кому-то — и таких было большинство — нет. С каждым годом по всему протяжению стены множились белые кресты. Рудольф Урбан, (+) 17.9.1961, Бернд Люнзер, (+) 4.10.1961, Эрнст Мунд, (+) 4.9.1962. Огромную известность получила смерть Петера Фехтера; восемнадцатилетний каменщик несколько часов истекал кровью на глазах у безразлично наблюдавших за его агонией сотрудников Volkspolizei² и западных репортеров, фотографировавших эту жуткую сцену сквозь колючую проволоку³.

Стена — берлинцы называли ее «*die Mauer*» — строилась на века, однако простояла гораздо меньше и обруши-

¹ Ко времени возведения Стены на Запад успели перебраться 2,7 миллиона жителей Восточной Германии. (Примеч. автора).

² Народная полиция ГДР.

³ 17 августа 1962 года, между Шарлоттенштрассе и Маркграфенштрассе. На его похоронах полиция задержала пять британских и американских корреспондентов. (Примеч. автора).

лась совершенно неожиданно. Чтобы обрушить дом филистимлянский потребовались сила и мужество Самсона, коммунисты выполнили всю работу самостоятельно. Те же самые партийные бонзы, которые приказали воздвигнуть Берлинскую стену, выбили из-под своего режима идеологические подпорки и были погребены под его обломками.

И все же стена могла простоять заметно дольше, она рухнула по чистой случайности.

Вскоре после 13 августа 1961 года, дня, когда бригады восточногерманских строителей начали разгораживать Берлин, молодой американский президент лично прилетел на место стройки. Увиденное его потрясло. Во второй половине дня он должен был обратиться к жителям Берлина с галереи дворца Шенеберг. Спичрайтеры изрядно попотели над текстом будущего выступления, однако прямое знакомство с железобетонным кошмаром заставило президента разорвать плоды их трудов. Он предпочел импровизировать, говорить от чистого сердца. Выйдя на галерею берлинской ратуши к людям, тесно заполнившим площадь, президент указал на темневшую вдали стену.

— Пустите их в Берлин!

А затем он произнес слова, отдавшие величайшую дань городу и его измученным жителям, фразу настолько значимую, что она будет помниться дольше, чем все остальное, сделанное им за свою короткую, но замечательную жизнь. Джон Фицджеральд Кеннеди, президент Соединенных Штатов Америки, поднял руки, взглянул на застывших в ожидании людей и спокойно сказал:

— Ich bin ein Berliner.¹

¹ Я берлинец.

Осенью 1985 года Восточная Германия представляла собой страну, движущуюся одновременно в нескольких направлениях, одно опаснее другого. Восточногерманские руководители не могли больше скрывать от себя и от других тот факт, что жизнь их народа претерпевает необратимые изменения. Противоречия и напряжение вышли на поверхность, маятник качнулся от глухого безразличия к лихорадочной активности. Каждый из членов Политбюро понимал, что партия бессильна перед неизбежным.

Двадцать два года тому назад русский диктатор решил, что ни одной стране, попавшей в советскую сферу влияния, не будет позволено ее покинуть, двадцать два года просуществовала «доктрина Брежнева», и вот наступил час ее похорон. Это прямо подтвердил Николай Шишлин, представитель Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Отвечая на вопрос одного из американских телевизионных корреспондентов, относится ли это в равной степени и к Восточной Германии, он сказал: «Я уверен, что сложившаяся ситуация должна быть исправлена. Так и будет, дайте только нам немного времени».

Эта фраза, мгновенно разнесенная газетами и телевидением, породила в Восточной Германии мощное народное движение, сотни тысяч людей вышли на улицу, чтобы во весь голос провозгласить свои требования, демонстрации продолжались, ничуть не утихая, неделю за неделей. Наново подобранный (именно подобранный, а не свободно выбранный) руководитель Восточной Германии Эгон Кренц сразу столкнулся с целым клубком проблем. Коммунистическая камарилья подверглась серьезной чистке, самым замшелым ее членам пришлось

удалиться на покой. Ушел Эрих Хоннекер, ушел даже могущественный руководитель всеми ненавидимой «Штази»¹ Эрих Мильке. В начале декабря 1989 года либерал-демократ Манфред Герлах выдвинул требование об уходе в отставку всего правительства и роспуске Народной палаты, какой-нибудь месяц назад такого нельзя было даже представить.

Все это началось в Лейпциге в понедельник. Прославленный музыкант Курт Мазур, главный дирижер Лейпцигского «Гевандхауза», обратился к нескольким сотням человек своей аудитории со словами: «*So kann es hier nicht weitergehen*» — «Так не может больше продолжаться». 20 октября на улице вышло 500000 человек, через неделю их количество утроилось.

В Восточном Берлине полмиллиона рабочих, заполнившие Александерплац, скандировали: «*Die Macht ist auf die Strasse!*» — «Власть на улице». 23 декабря был отправлен в отставку Эрих Хоннекер, железный правитель Восточной Германии.

Горстка закоренелых коммунистов продолжала выступать под навязшим на зубах лозунгом «*Wir sind die Partei*» («Мы — партия»), однако их жалкие голоса тонули в единодушном крике миллионов людей от Галле до Эрфурта, от Геры до Карл-Маркс-Штадта. Все эти города находятся рядом друг с другом, расстояние меж-

¹ *Die Staatssicherheitsdienst* («Государственная служба безопасности») со штатом в 85000 человек. В ее досье имелась подробнейшая информация на шесть миллионов граждан — вплоть до донесения о том, что некая олимпийская чемпионка по фигурному катанию между 8.03 и 8.09 вечера такого-то числа занималась любовью с одним из коллег по команде. (Примеч. автора).

ду ними не превышает 150 км: «Wir sind das Volk!» («Мы — народ!»). 26 октября руководитель Восточно-берлинской полиции генерал-лейтенант Фридрих Пауш отменил в частях восточногерманской Grenzpolizei¹ все увольнительные и отпуска. Коммунистические власти опасались, что распаленные демонстрациями граждане начнут штурмовать Стену².

В 1989 году берлинцы получили рождественский подарок 9 ноября. Если нужна полная точность, это произошло в 18.57, 9 ноября. По телевидению. Пресс-конференция недавно избранного члена Центрального Комитета социалистической единой партии Германии, назначенная на половину седьмого, транслировалась восточногерманским государственным телевидением. После того как товарищ Гюнтер Шабовский ввел всех своих слушателей в полную тоску многократно изжеванными рассуждениями о великих достижениях социализма, один из журналистов поднял руку. На часах было без трех минут семь.

— Господин Шабовский, когда граждане вашей страны получат право свободно путешествовать?

Даже сегодня трудно с уверенностью сказать, был ответ спонтанным или заранее подготовленным. Скорее всего, Шабовский говорил под влиянием быстро ухудшающейся обстановки в стране. Как бы там ни было,

¹ Пограничная полиция.

² К этому времени тысячи восточных немцев, «выехавших на отдых» в Прагу и Будапешт, штурмовали западногерманские посольства, требуя предоставить им убежище. (Примеч. автора).

его слова стали абсолютной неожиданностью для всех, присутствовавших в зале, — как, впрочем, и для всего остального мира¹:

— *Sie können gehen, wann sie wollen. Und niemand wird sie aufhalten.* (Они могут ехать, когда хотят. И никто их не станет задерживать.)

Ошарашенная аудитория на мгновение замерла, а потом взорвалась шквалом новых вопросов. Шабовский поднял руки, призывая журналистов к спокойствию. Возможно, он осознал, каким политическим динамитом являются его слова, а потому постарался их уточнить:

— Следует подчеркнуть, что это установление о свободном передвижении никак не касается укрепленной государственной границы ГДР. Проведение в жизнь послабления связано с осуществлением некоторых других моментов, однако паспортные и визовые органы ГДР получили уже указание на этот счет.

Отто Бар, архитектор западногерманской *Ostpolitik*, находился в Западном Берлине. Он был настолько поражен услышанным по телевизору, что даже позвонил одному из своих друзей, чтобы перепроверить себя. Затем Бар помчался к бывшему премьер-министру ФРГ Вилли Брандту, они обнялись и заплакали. В тот же самый момент председатель боннского бундестага предложил депутатам встать и спеть государственный гимн.

Граждане Восточного Берлина давно отвыкли верить обещаниям своего руководства, а потому их первая ре-

¹ Бытует анекдот, что президент США Джордж Буш спросил: «Чего ж они раньше-то нам не сказали»? (Примеч. автора).

акция оказалась довольно вялой. Однако часам к десяти вечера около контрольных пунктов начали собираться люди. Некоторые восточноберлинцы просовывали между прутьев стальных ворот свои синие паспорта и просили дежурных пограничников пропустить их на другую сторону. Первое время сотрудники *Grenzpolizei* хранили каменные лица. Служба приучила этих людей подчиняться приказам, они тоже смотрели сегодня телевизор, однако не получили еще никаких официальных инструкций. Но толпа быстро прибывала, вскоре по обеим сторонам стены собрались сотни тысяч людей, они дружно скандировали:

— *Tor auf! Tor auf!* (Открыть ворота!)

С западной стороны некий отчаянный парень вскарабкался на испещренную рисунками и надписями стену, его примеру последовали десятки, а затем и сотни других. Они кричали и размахивали флагами. Восточные пограничники окончательно растерялись, им нужно было как-то реагировать на действия нарушителей границы, но как именно? Инструкций сверху все еще не поступало. И тут ситуация окончательно вышла из-под контроля. Один из «*Voro*» (*Volkspolizei*) открыл боковые ворота, чтобы урезонить бушевавшую на западной стороне толпу. Его тут же оттолкнули в сторону, и первый десяток смельчаков прорвался на Запад. Люди осадили узкий проход и потекли сквозь него нескончаемым, неудержимым потоком. Неожиданный поворот событий застал восточногерманских пограничников врасплох, толпа их буквально смела. Как только в стене образовалась первая брешь, охранники с соседних сторожевых вышек увидели поток людей, текущий на Запад, и сообщили об этом на другие контрольно-пропускные пункты. Судя по всему, *Voro* решили, что пришел давно

ожидаемый приказ сверху, во всяком случае проходы стали открываться по всей стене¹, от Бранденбургских ворот до Обербаумбрюке, от Генрих Гейне-штрассе² до Борнхольмер-штрассе.

Этой ночью берлинцам казалось, что мир перевернулся вверх тормашками. На закрытом контрольно-пропускном пункте майор *Grenzpolizei* кричал своему нерасторопному подчиненному: «Mensch, lass doch Leute raus!» («Да выпусти же ты людей!»)

Улицу, ведущую к КПП на Инвалиденштрассе, заполнили тысячи «траби», «чудо-автомобилей» восточно-германского производства³. Их водители плакали, смеялись и пели.

Решишь хоть один из пограничников вскинуть автомат и выстрелить в толпу, история могла бы пойти совсем иным путем. К счастью, они ограничивались тем,

¹ Возможно, они считали, что соответствующее распоряжение уже отдано. (Примеч. автора).

² За полтора века до этих событий Генрих Гейне писал:

«То было мрачной порой ноября

Хмурилось небо сурово.

Дул ветер. Холодным, дождливым днем

Вступал я в Германию снова.

И лишь границу я увидал,

Так сладостно и больно

Забилось сердце. И, что таить,—

Я прослезился невольно».

«Германия. Зимняя сказка» (Перевод В. Левина) (Примеч. автора).

³ «Трабант», или «траби», справедливо называли чудо-машиной: то, что он двигался, было самым настоящим чудом. (Примеч. автора).

что патрулировали вдоль стены, покрикивая на опьяненных счастьем и вином, размахивающих бутылками людей, густо облепивших ее сверху. Откуда-то появился грузовик с мощным мегафоном: «*Burger von Berlin West, verlassen sie die Mauer*» («Граждане Западного Берлина, покиньте Стену»). Создалось интересное противостояние: «Вдова Клико» против «калашникова», причем автоматы молчали, бутылки же стреляли непрерывно. Это была единственная во всей мировой истории крупная битва, закончившаяся без кровопролития.

«*Endlich schlagen wir die Tor ein!*» («Наконец-то мы проломили ворота!») Толпа дружно обмывала радостное событие. Добропорядочные бюргеры Запада и Востока размахивали бутылками, щедро угощали незнакомых людей и дарили цветы кисломордым пограничникам. Вскоре верхняя кромка стены была облеплена людьми настолько плотно, что они начали сваливаться вниз, на головы ликующих «западников» и в недавнюю «мертвую зону», на головы «восточников» — и с той, и с другой стороны толпа была настолько плотной, что ни один из падающих не долетал до земли.

Пожилой берлинец с Борнхольмерштрассе настолько торопился на всеобщее торжество, что накинул пальто прямо на ночную рубашку.

— *Icke wa schon inne Bett, die Alte jeht noch mit'm Hund runta, da kommt ruff und sagt: Mensch, du die jehn alle nach'n Westen.* (Я уже лег в кровать, старуха пошла прогулять собаку, а потом возвращается и говорит: «Слушай, все наши пошли на запад»).

— Ну я ей говорю: «*Rede keinen Quatsch!*» («Не пори чепуху»).

— *Nein, die tun's wirklich.* (Да нет, точно).

Урсула Кремер была в числе первых прорвавшихся. Некий *Wessie* (западберлинец) окатил ее струей пенящегося шампанского, словно велосипедистку, выигравшую трудный заезд. Плакавшая от счастья Урсула, расцеловала незнакомца.

Американский телевизионный репортер взобрался с помощью своего ассистента на стену и принялся, захлебываясь, вещать далеким зрителям про «запах свободы». Ассистент снимал его на фоне толпы, отламывающей от стены куски бетона.

Гейдельбергскую студентку Ути Хофф, впервые за двадцать два года своей жизни приехавшую в Берлин, ликующая толпа чуть не размазала по стене, однако потом чьи-то руки вытащили ее наверх. Неожиданным спасителем оказался Йохен Кулиговский, сверлильщик с одного из восточберлинских заводов. Через девять месяцев Ути и Йохен назвали своего сына Чарли — в честь всемирно известного контрольно-пропускного пункта «Чекпойнт Чарли».

В 22.30, в ответ на просьбу сделать заявление для «Радио Свобода», правящий бургомистр Берлина Вальтер Момпер сказал: «Я еще не успел осмыслить происходящего». В этот момент ему передали записку от шефа западберлинской полиции: «Огромные толпы прорываются сквозь стену, ситуация на пограничных пунктах стала совершенно неуправляемой».

Момпер прочитал записку и сказал: «*Freunde, mein Platz ist jetzt woanders*» («Друзья, мне нужно быть в другом месте»). Покинув студию, он направился прямо к Стене. Машина бургомистра с большим трудом пробиралась вдоль запруженной тысячами людей, гудящей сотня-

ми автомобильных клаксонов Курфюрстендамм и, наконец подъехала к КПП «Инвалиденштрассе». Людской поток не вмещался в ворота, перехлестывал через стену.

В Главном полицейском управлении Берлина комиссионер Райнер Борштайн, отвечавший за сектор Бранденбургских ворот, едва ворочал языком. «Я давно сорвал себе голос,— хриплым шепотом объяснил он репортеру.— Мы, полиция, не можем сделать ровно ничего».

Под завязку набитый людьми поезд городской электрички въехал на мост, пересек Шпрее и проследовал дальше, не останавливаясь на Чекпойнт Фридрихштрассе — событие, абсолютно невысказанное еще несколькими часами раньше.

Гарри Гилмор, администратор американского сектора Берлина, позвонил своему коллеге из английского сектора:

— Как там у вас, Майкл?

— В нашем секторе полный бедлам,— ответил Майкл Бартон.

На Глиникер Брюкке — на мосту, где великие державы по сложившейся за последние тридцать лет традиции менялись шпионами,— восточногерманский пограничник нетерпеливо покрикивал на проезжающих мимо восточберлинцев: «*Aufschliessen. Aufschliessen!*» («Открыто, открыто!»). Водитель «траби», еле различимый сквозь голубое облако удушливых выхлопных газов, окутывавшее эту чудо-машину, плача повторял: «*Ikke greife mir am Kopf,ikk kanns nit begreifen. Heut nacht fahr ikk am Kudamm*» («Я хватаюсь за голову, я не могу поверить. Сегодня ночью я проеду по Курфюрстендамм»).

Пожилая женщина подошла к западноберлинской *Gedachtniskirche*¹, опустила на колени и потрясенно

¹ «Церковь памяти».

зашептала: «Хвала тебе, о Господи. Я столько мечтала об этом дне и не надеялась до него дожить».

Официантки из кафе «Москва», расположенного на аллее Карла Маркса, заказали в западноберлинском *Kaffee Kranzler* кофе и пирожные. Когда они захотели расплатиться восточногерманскими алюминиевыми монетами, управляющий замахал руками.

— Все за счет заведения. Ешьте *Kuchen*, сколько хотите.

Двое парней развернули рядом с Чекпойнт Чарли транспарант: «*Herzlich Willkommen! Ab Heute Eintritt frei*» («Добро пожаловать! С сегодняшнего дня вход бесплатный»).

На какой-то момент движение застопорилось — группа *Wessies* кричала: «*Wir wollen rein!*» («Мы хотим войти!»), пытаясь прорваться на восток.

В городе царила полная анархия. Растерянный офицер полиции звонил бургомистру Момперу: «*Beim Brandenburger Tor fangen die Verruckten an mit dem Hammer auf der Mauer herumzukloppen*» («У Бранденбургских ворот какие-то тронутые взялись за Стену с молотками»).

И действительно, первые *Mauerspechte* («стенные дятлы») начали уже разрушать стену кирками, молотками и зубилами. Двадцатисемилетняя Утта Хепнер вооружилась увесистым молотком. После часа упорной работы она торжествующе вскинула над головой большой обломок покрытого разноцветными граффити бетона, тем временем дружок Утты, Фридель, отплясывал на стене ирландскую джигу — великолепный пример победы синих джинсов над грязно-зеленой военной формой.

По чьему-то почину на стену начали ставить зажженные свечи, вскоре крошечные язычки пламени слились

в длинную светящуюся змею, заявляя всему миру: «*Berlin ist frei!*» — Берлин свободен.

Для тех немногих, кто собрался перед зданием ЦК СЕПГ, чтобы продемонстрировать свою неуклонную преданность прежним идеалам, часы показывали пять минут за полночь, их время безвозвратно ушло.

События этой выдающейся по своему значению ночи навсегда останутся в памяти тех, кто провел ее без сна на улицах Берлина. В 1789 году граждане Парижа снесли с лица земли Бастилию, символизировавшую для них тиранию и угнетение, через двести лет берлинские бюргеры по той же самой причине обратили свою ярость против ненавистной Стены.

Стену воздвигли руководители тиранического режима. Запад немало помог им, когда предпочел видеть в Берлине не немецкий город, а свой форпост в борьбе сверхдержав. Год за годом бесчисленные президенты появлялись здесь, чтобы сделать очередное заявление и погрозить стене кулаком, а в итоге — лишний раз показать свое бессилие перед реалиями ядерного века. И хотя русские и американские танки стояли в двух десятках метров друг от друга, апокалипсического Берлинского кризиса так и не произошло, обе стороны явно предпочитали холодную войну горячей. Теперь же, когда стена рухнула, народы Европы могли вздохнуть с облегчением и приступить к построению нового, не столь взрывоопасного мирового порядка.

Die Mauer являлась не просто стеной, а монументальным символом тирании. Падение всех подобных монументов неизменно сопровождается шумом и треском. На этот раз грохнуло с такой силой, что было

слышно в самых дальних уголках Земного шара (если, конечно же, можно говорить об уголках — шара).

История непременно отметит, что последняя битва сорокалетней холодной войны обошлась без кровопролития.

Падение Стены закрыло последнюю страницу эпохи коммунизма.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — восточногерманские пограничники так и ждали бы, пока начальство при-шлет им приказ об изменении про-пускного режима?

По мнению непосредственных участников событий, крайне сомнительно, чтобы *die Volkspolize* смогла остановить рвавшуюся на штурм стены толпу. Любая подобная попытка могла привести к массовому побоищу. Именно этого панически боялись как руководители восточногерманских коммунистов, так и их московские боссы.

А теперь о фактах

10 ноября, на заседании Народной палаты, депутат от СЕПГ Хорст Шидерманн обрисовал ситуацию весьма кратко и экспрессивно: «*Es war als rutschten 40 Jahre*

Sozialismus ploztlich unter unseren Fussen weg («Это было, словно сорок лет социализма неожиданно выскользнули из-под наших ног»).

21 декабря было опубликовано короткое официальное коммюнике: «Завтра в 15.00 состоится открытие Бранденбургских ворот. На церемонии, имеющей огромное значение для объединения народов обеих Германий, будут присутствовать бундесканцлер Гельмут Коль, президент ГДР Модров и бургомистр Вальтер Момпер».

9 марта 1990 года в Восточной Германии состоялись первые свободные выборы.

12 сентября четыре союзные державы официально отказались от своих оккупационных прав в Берлине.

И наконец, 3 октября 1990 года с берлинской ратуши зазвонел Колокол свободы, а над почти столетним берлинским Рейхстагом взвился флаг Объединенной Германской Республики. В этот же день флаг восточногерманских коммунистов отправился на хранение в Музей германской истории: *Die Deutsche Demokratische Republik* канула в прошлое, вместе со всей сталинистской империей, составной частью которой она являлась.

Германия стала единой.

Обновленная Германия начиналась в школах, на заводах и на городских улицах, и, что самое главное, она начиналась в людских головах. Людям нужно было привыкнуть к внезапно изменившейся ситуации. Немцы, пятьдесят семь лет стонавшие под гнетом одного из самых тиранических режимов, разительно отличались от своих соотечественников, построивших за это время могущественную промышленную державу. Перед стра-

ной стояли две труднейшие задачи: *die Wiedervereinigung*¹ и реконструкция. Новая Германия не могла себе позволить ни беззаботной эйфории, связанной с ее новой ролью в Европе, ни унылого пессимизма по поводу огромных затрат, предстоящих в ближайшем будущем, ей был нужен трезвый взгляд на реальность. Реконструкция Германии стала исторической необходимостью. Нация была уверена, что ей достанет и воли, и сил справиться со всеми грядущими трудностями.

С падением Стены угроза вторжения в Западную Европу — а значит, и Третьей Мировой войны — практически исчезла, хотя нет никаких сомнений, что новое столетие чревато новыми опасностями. Военное противостояние сменилось борьбой за экономическое главенство.

Клаузевиц определил войну как продолжение политики другими средствами, в современной экономической борьбе мы видим своеобразное продолжение войны другими средствами. Нам предстоит скорее торговые войны, чем настоящие. Всемирный рынок окутан сложнейшей паутиной самых разнообразных связей, каждая страна зависит от своих соседей, как от поставщиков готовой продукции или сырья. Поэтому стоит только какой-либо стране, контролирующей важные сырьевые источники, сделать неверный шаг, незамедлительно следует реакция всего мирового сообщества. Как это было с Ираком.

В Берлине решающим фактором стало неосторожное высказывание партийного босса.

¹ Воссоединение.

17 января 1991 года, Персидский залив

Нулевой фактор

Это первый случай в истории, когда сухопутная армия была разгромлена воздушными силами.

Генерал Меррил Макник, начальник штаба ВВС США, 1991 г.

Если вы сумеете обеспечить полный успех, это будет началом нашей войны, — сказал генерал Норман Шварцкопф, главнокомандующий вооруженными силами Коалиции в секторе Залива и главный руководитель операции «Буря в пустыне» командиру Первой особой эскадрильи полковнику Грею.

Этой простой фразой он возложил на полковника ответственность за весьма деликатную операцию — уничтожение двух основных радарных станций, контролировавших воздушное пространство на подступах к Багдаду. Для выполнения поставленной командующим задачи полковник Грей располагал двумя подразделениями по шесть

ударных вертолетов в каждом¹. Радарные установки были обнаружены и идентифицированы при анализе аэрофотоснимков высокого разрешения, полученных американскими разведчиками U-2, базировавшимися в районе саудовского города Эт-Таиф. Установки располагались на территории Ирака, одна — в двадцати двух километрах от границы, вторая — в тридцати шести. Возникла необходимость в синхронных, четко согласованных, действиях ударных эскадрилий, чтобы станция, атакованная первой, не успела предупредить вторую.

Рейд был осуществлен безлунной ночью 17 января 1991 года. Чтобы избежать обнаружения радарными, вертолетные группы летели на сверхмалой высоте, едва не цепляясь за верхушки барханов; а их выводили на цель четыре спутника «Навстар», определявшие с помощью навигационной системы GPS (Satnav Global Positioning System) истинное положение вертолетов с точностью до десяти метров. На расстоянии в шесть километров цели «засветились». Чтобы ориентироваться в темноте, вертолетчики использовали шлемы с приборами ночного видения, окружающая местность казалась им залитой ярким лунным светом. Приблизившись на дистанцию 3 километра, «Апачи» открыли огонь. Тридцать ракет с лазерным наведением «Хеллфайр», сто неуправляемых ракетных снарядов и четыре тысячи тридцатимиллиметровых снарядов скорострельных авиационных пушек вдребезги разнесли и параболические антенны, и сами станции с их электронным оборудованием. Операторы радаров были погребены под обломками. Часы показывали 2.38 пополуночи.

¹ Два вертолета MH-53E «Пэйв Лоу» вели группу из четырех AH-64 «Апач». (Примеч. автора).

Параллельно с этой операцией в Ирак были брошены наземные спецподразделения американского флота, армейские рейнджеры, а также части британского спецназа (SAS). Задачей подразделений специального назначения было уничтожение командных пунктов и нарушение линий связи. Кроме того, они устанавливали свои собственные системы связи и наведения — складные спутниковые антенны и миниатюрные передатчики с питанием от серебряно-кадмиевых батарей. Крошечные магнитофоны записывали информацию на обычной скорости, а затем передавали ее ускоренно, коротким импульсом. В центре связи каждый такой импульс принимался, записывался, расшифровывался, а затем прослушивался как открытый текст. По завершении операций, отряды спецназа выходили к заранее обусловленным точкам, где их и подбирали посланные с базы вертолеты¹.

А высоко в ночном небе на Ирак одна за другой накатывались волны самолетов электронного противодействия, их аппаратура напрочь заглушила радиосвязь на всей территории страны. Затем на Багдад пошла волна бомбардировщиков; ослепшая и оглохшая противовоздушная оборона Ирака не могла оказать им никакого сопротивления.

Операция «Буря в пустыне» началась всего час назад, однако войну можно уже было смело считать законченной.

Все это началось в памятное утро 2 августа 1990 года. Короткое сообщение, появившееся на телетайпах газет

¹ В этой начальной стадии операции участвовало около 5000 специалистов. (Примеч. автора).

и телевизионных компаний, ввергло мир в состояние шока: «Вторжение в Кувейт». Следующий обрывок информации поступил по телефону от некоего нефтепромышленника, вторжение застало его в Эль-Кувейте, на своем балконе, за завтраком: «Я вижу целую армаду вертолетов... на нас катятся танки... взрывы и черное облако в районе дворца эмира...» Далее связь прервалась.

Стальные клинья иракских бронетанковых сил ворвались по шестиполосному шоссе в Эль-Кувейт, а затем разошлись веером и заняли позиции вдоль границы Кувейта с Саудовской Аравией. Наглая агрессия Саддама Хусейна навела ужас на все соседние государства и вызвала панику на нефтяных биржах. Промышленно развитые страны тоже чувствовали себя крайне неуютно. Вместе с крошечным Кувейтом в руки иракского диктатора попадал контроль над богатейшими месторождениями нефти. Назревал новый нефтяной кризис. Это был первый, по завершении холодной войны, серьезный вызов стратегическим интересам Соединенных Штатов, первое в новых условиях испытание их политической воли.¹

Багдад ликовал. «Саддам, мы отдадим за тебя свою кровь!» — кричали школьники. Везде, куда ни кинешь взгляд, красовались портреты Саддама Хусейна. Портреты были всех возможных типов и размеров — от бумажных плакатов, облепивших стены домов и афиш-

¹ Президент США Джордж Буш видел в этой войне важный шаг к новому мировому порядку, при котором государства будут вынуждены придерживаться в своих взаимоотношениях четких, детально проработанных законов. (Примеч. автора).

ные тумбы, до солидных, отправленных в золоченые рамы фотографий, неизбежно присутствовавших во всех магазинах, кафе и парикмахерских. В ответ на вопрос одного из западных корреспондентов, как он относится к столь безудержному поклонению, Саддам бессильно развел руками: «Ну что я могу поделать, если народ так хочет?». Иракцы видели в нем реинкарнацию Саладина, новый «меч ислама»¹. Саддам всерьез замахивался на создание Великого Халифата, огромной объединенной исламской империи. Но осуществление этих далеко идущих планов не устраивало никого за пределами Ирака — ни западные державы, для которых государства Персидского залива являлись главным, гарантированным на полтора столетия вперед источником дешевой нефти, ни сами эти государства. Никто из последних не желал расставаться со своим суверенитетом и делиться с кем бы то ни было своими сказочными богатствами.

Однако в предыстории этой проблемы далеко не все просто и однозначно. Борьба между радикальными исламистами и правящими элитами мусульманского мира привела к ирано-иракской войне восьмидесятых годов. Победа над фундаменталистским Тегераном² обеспечи-

¹ В 1188 году Саладин разгромил крестоносцев под Хаттином и захватил Иерусалим. (*Примеч. автора*).

² Корни ирано-иракского конфликта уходят во времена Османской империи. Под шумок внутренних раздоров в Иране, порожденных исламской революцией, Саддам Хусейн попытался установить полный контроль над Шатт-эль-Арабом («Арабская река», образуемая при слиянии Тигра и Ефрата). Кувейт поддерживал притязания Ирака и оказывал ему финансовую помощь, его танкерный флот продолжал перевозить иракскую нефть. В ответ на угрозу Ирана топить

ла малосимпатичному иракскому режиму хорошее отношение Запада — со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями. Суннит Хусейн воспринимался державами Запада как человек, способный помешать аятоллам шиитов распространить свое влияние на богатые нефтью районы Аравийского полуострова. Америка поспешно выделила Ираку субсидии на развитие сельского хозяйства. Саддам тут же закупил на эти деньги материалы для своей ядерной программы. Более того, он использовал большую часть иракских доходов от продажи нефти на закупку современного вооружения. Рост военной мощи Ирака глубоко обеспокоил Израиль и в корне противоречил концепции равновесия сил на Ближнем Востоке — заботясь о своих нефтяных интересах, Запад не мог позволить ни одной стране этого региона добиться решающего превосходства над своими соседями. Демонстрация по телевидению сцен массового уничтожения иракскими войсками курдов в Халабайе (16 марта 1988 г.) окончательно оттолкнула мировое общественное мнение от Ирака. Америка заморозила свои займы, тем самым поставив Саддама Хусейна перед угрозой кризиса.

Победа Ирака над Ираном была достигнута ценой огромных потерь — и огромных финансовых затрат. Аравийские нефтяные княжества, на деньги которых Ирак, собственно, и вел свою войну, не хотели вытаскивать Саддама из новой, собственноручно им вырытой ямы. Тогда «багдадский вор» нашел элементарное ре-

кувейтские танкеры США направили в Персидский залив более тридцати военных кораблей. Нажим со стороны международного сообщества заставил Иран временно смириться со своим поражением. (Примеч. автора).

шение: захватить одно из этих самых княжеств. Ближайшим соседом (и крупнейшим кредитором) Ирака, к величайшему своему несчастью, был Кувейт.

Врученную ему американским послом Гласпи устную ноту протеста Саддам Хусейн принял за примирительное послание президента Джорджа Буша¹. Эта первая ошибка потянула за собой целую цепь других, чему немало способствовали чрезмерно оптимистичные прогнозы иракской разведки.

Горы современного оружия, год за годом накапливавшиеся на Ближнем Востоке, превратили его в самую настоящую пороховую бочку². Ирак располагал и химическим оружием (отравляющие газы), а также баллистическими ракетами, пригодными для его доставки³. Кроме того, он имел 6000 танков, 600 современных самолетов и миллион закаленных в боях солдат. Войска же Соединенных Штатов, ставших по окончании холодной войны единственным мировым жандармом, были рассеяны по всему Земному шару, от Западной Европы

¹ В 4.45 дня 2 августа президент Буш подписал закон о замораживании всех кувейтских счетов в США, Маргарет Тэтчер последовала его примеру. Это лишило Ирак огромной военной добычи. (*Примеч. автора*).

² Ближний Восток превратился в самый привлекательный для мировых производителей оружия рынок. (*Примеч. автора*).

³ В июне 1981 года израильская авиация разбомбила близкий к сдаче в эксплуатацию ядерный реактор, строившийся французскими специалистами неподалеку от Багдада. Ирак построил в окрестностях Тармии новые установки, на которых он надеялся за следующие тридцать месяцев получить до пятнадцати килограммов высокообогащенного урана. (*Примеч. автора*).

до Дальнего Востока. В тот день, когда иракские танки вошли в Кувейт, а Совет Безопасности ООН принял резолюцию 660, осуждавшую агрессию, Вашингтон задал своим стратегам вопрос: сумеем ли мы быстро собрать силы, достаточные для разгрома Ирака? Да, — ответили генералы, — сумеем. Однако политики понимали, что намечаемая операция должна проводиться объединенными силами многих государств, только это придаст ей достаточно легитимный характер. Государственный секретарь Джеймс Бейкер отправился в мировое турне. Коалиция постепенно обретала форму: одни государства соглашались предоставить войсковые части, другие посылали на Ближний Восток корабли и самолеты, третьи выражали моральную поддержку и откупались деньгами¹.

Любая война неизбежно связана с людскими потерями, поэтому появлялся еще один вопрос: можно ли в данном случае обеспечить победу малой кровью? И снова военные ответили: да, можно. Применение самых современных военных технологий позволит полностью нейтрализовать командные центры противника, потерявшая управление армия станет совершенно беспомощной. Предполагалось установить полный контроль над воздушным пространством и проводить операцию на трех уровнях: внизу ударные вертолеты и отряды спец-

¹ Япония внесла на покрытие военных расходов девять миллиардов долларов, Германия — пять с половиной. Однако канцлер Гельмут Коль понимал, что чисто финансового участия недостаточно. Выступая в бундестаге, он сказал: «Для Германии не может быть уютного, безопасного уголка в мировой политике. Мы должны брать на себя ответственность, нравится это нам или нет». (Примеч. автора).

наза уничтожают местные системы управления войсками, на среднем уровне действуют самолеты американских ВМС E-2 «Хоукейз», ВВС США E-3 «АВАКС» и «Джоинт Старз», а на самом верху, на высоте 36000 км, за театром военных действий наблюдают несколько геостационарных спутников системы КН-11 «Биг Берд». Таких операций прежде не предпринималось, и никто не мог с точностью предсказать, что из нее выйдет. Генерал Шварцкопф, назначенный главнокомандующим войсками Коалиции¹, получил указание провести операцию в два этапа: «Щит в пустыне» (сдерживание противника и концентрация сил) и «Буря в пустыне» (наступление).

По всему побережью Персидского залива, в Дохе, в Абу-Даби и в Эль-Джубайле с кораблей выгружали пушки и танки, самолеты и грузовики, боеприпасы и прочее, и прочее... Полмиллиона солдат и офицеров всех национальностей и военных профессий, от гвардии оманского султана Куабу до парашютистов французского Иностранного легиона, пересекали Саудовскую Аравию по Нефтяному шоссе, чтобы занять отведенные им позиции. Строительные отряды спешно сооружали временные авиационные базы. Эти авиабазы назывались «безмясными» (barebones), так как на них не было ничего, кроме абсолютно необходимого: взлетно-посадочная полоса, диспетчерский центр, цистерны с горючим, заправочные машины, снабженные кондиционерами палатки для отдыха пилотов и техников — вот, собственно, и все. Ну и, конечно же, самое главное — эскадрильи американских истребителей F-15C «Игл» и F-16

¹ Возможность этого была предусмотрена законом Голдуотера от 1986 года. (Примеч. автора).

«Файтинг Фалкон». Такими же временными пристанищами обзавелись британские «Торнадо» и французские «Миражи». И все это — вдали от жилья человеческого, в добела раскаленной пустыне.

Саддам Хусейн недооценил готовность Запада к решительным действиям. Он считал (как показали дальнейшие события — ошибочно), что средний американец или европеец не захочет, чтобы его страна ввязывалась в войну из-за какой-то там нефти. Надо полагать, Саддама крайне поразила страстность, с какой вся Америка требовала уничтожить Ирак. Все окончательно прояснилось 9 января 1991 года в Женеве, когда Государственный секретарь США Джеймс Бейкер вручил иракскому министру иностранных дел Тарику Азизу ультиматум, сформулированный настолько вызывающим образом, что Азиз бросил его на стол переговоров и в ярости удалился. (По некоторым сведениям Бейкер устно добавил, что, если Ирак прибегнет к какому-либо запрещенному оружию, например химическому, Америка не остановится перед ядерным ударом по Багдаду. Во всяком случае, к этому сводился общий смысл его слов. Трудно сказать, знал ли Бейкер, что на борту американского линкора «Висконсин», уже переброшенного в Персидский залив, кроме обычного оружия есть и три крылатые ракеты «Томагавк» с ядерными боеголовками.)

Саддам Хусейн заранее назвал назревающую войну «Мать всех войн». Теперь же ему предстояло увидеть ее воочию.

Первый воздушный налет на Багдад начался в пред-рассветные часы 17 января, через несколько минут после того, как иракские системы раннего предупреждения были уничтожены ударными вертолетами, а электронное оборудование, установленное на специальных самолетах, заглушило все каналы радиосвязи. Самолеты «АВАКС» ВВС США, просматривавшие все воздушное пространство над Ираком, получили указание особо внимательно следить за возможными попытками противника поднять в воздух истребители (в соответствии со старым принципом: «информированный летчик воюет лучше и живет дольше»).

Головоломная сложность этой техники не поддается описанию. Если во время Второй Мировой войны пилот «Люфтваффе» мог без труда пересечь с «мессершмитта» на «фокке-вульф» или даже на «спитфайр», в современных условиях каждым самолетом должны управлять свои, прошедшие длительное обучение специалисты.

В канун атаки на авиационных базах, со всех сторон окружавших противника, никто не спал. От расположенного в Индийском океане острова Диего-Гарсия до Каира, от базы Инджерлин в Турции до шести ударных авианосцев, бороздивших воды Персидского залива и Красного моря¹, — везде кипела лихорадочная деятельность. 2340 самолетов самых различных систем и назначений проходили последнюю предполетную подготовку². С авиабазы

¹ «Саратога», «Кеннеди», «Теодор Рузвельт», «Америка», «Мидуэй», «Рейнджер». (Примеч. автора).

² Из которых 700 принадлежали союзникам США. (Примеч. автора).

Барксдейл поднялись бомбардировщики В-52, вооруженные крылатыми ракетами¹. В авангарде этой армады летели: высотный разведчик U-2R и таинственный TR-1². Самолеты EA-6B, FA-18 «Хорнет» и F-4G «Уайлд Уизл» уничтожат иракские РЛС противорадарными ракетами HARM, наводящимися на источник радарного луча. Одновременно специально оборудованные самолеты «Рейвен» (ВВС США) и «Праулер» (ВМС) заглушат всю радиосвязь. Британские «Торнадо» несли на борту бомбы JP 233 «Ранвей Бастер», способные взломать железобетон взлетно-посадочных полос. (Этим «Торнадо» приходилось заходить на цель низко и строго горизонтально, поэтому они несли особенно большие потери от огня иракской зенитной артиллерии). Для дозаправки самолетов горючим на дальних подступах к Ираку крейсировало свыше шестидесяти самолетов-заправщиков. Линкоры «Миссури» и «Висконсин», а также ракетный крейсер «Сан-Джасинто» готовились к запуску крылатых ракет «томагавк» с лазерным наведением, управлять которыми будут два самолета-корректировщика. Но самым смертельным оружием являлся бомбардировщик F-117 «Стелс», чудо новейшей технологии. Невидимый для ра-

¹ Этот налет совершенно явно ставил единственной своей целью продемонстрировать способность ВВС США нанести удар в любой точке земного шара. Гораздо легче было достичь тех же самых результатов при помощи крылатых ракет «Томагавк», одного из американских кораблей, крейсировавших в Персидском заливе. (Примеч. автора).

² Все еще нет никаких сведений, с какой авиабазы стартовал этот невероятно секретный самолет. На нем установлена совершенная электронная система, позволяющая передавать на наземный центр телевизионное изображение. (Примеч. автора).

даров, он нес на своем борту 450-килограммовые бомбы с лазерным наведением GBU-27, поражавшие цель с воистину хирургической точностью.

Верховное командование Объединенными вооруженными силами, здание министерства военно-воздушных сил Саудовской Аравии, 02.15 17 января 1991 года.

— О'кей, — сказал генерал Шварцкопф. — Теперь — за работу!

С разбросанных по аравийской пустыне баз поднялись самолеты; вскоре их форсажные факелы стали крошечными красными светлячками, а затем и вовсе растворились в ночной мгле. По сравнению с тем, что произошло в следующие двадцать минут, самые крутые эпизоды «Звездных войн» смотрятся банально и заурядно. В ночном небе иракской столицы скользили тени, похожие на исполинских летучих мышей, — самолеты, невидимые для ПВО противника. Их пилоты не нуждались в луне для подсветки цели — инфракрасная оптика позволяла видеть землю ясно, как днем. Затянутые в фантастические, как у космонавтов, скафандры, они вглядывались в зеленоватые экраны, наводили лазерные лучи на намеченные заранее цели, после чего компьютеры проводили проверку.

«Цель обнаружена».

«Цель захвачена».

«Автоматический сброс задействован».

Дорого, но почти исключает возможность ошибки.

Первая волна, ударившая по Багдаду в 3.00 пополуночи¹, состояла из тридцати бомбардировщиков F-117A

¹ Некоторые источники указывают, что самолеты появились над Багдадом в 2.44; скорее всего, это были ложные цели. (Примеч. автора).

«Стелс». Первая бомба упала на центральную телефонную станцию. Над городом взметнулись фонтаны огня. «Цель захвачена». Заботам «сто семнадцатых» были поручены тридцать четыре жизненно важных нервных центра Ирака, тринадцать из которых располагались в Багдаде и его ближайших окрестностях. Все тридцать четыре цели были уничтожены с первого удара. Самолеты исчезли из багдадского неба прежде, чем иракцы сообразили, что они там были. Зенитчики, уцелевшие при этом налете, говорили, что на Багдад напал *шабах*, злой дух. Они были быстренько арестованы секретной полицией за распространение панических слухов.

Были сирены, оглушительно тараторили зенитки, ничего не понимающие люди вскакивали с кроватей. Смятение и неразбериха.

— Там что-то происходит... — возбужденно говорил репортер «Си-Эн-Эн», — ... жуткая картина... вроде фейерверков на День Благодарения... они идут прямо над нашей гостиницей... вы слышите взрывы бомб...

Затемненный Багдад словно сошел с ума, в ночное небо взлетали сотни ярких пунктирных трасс, дульные вспышки крупнокалиберных зениток подсвечивали черные силуэты высотных зданий. Уханье зениток, взрывы бомб, торопливая скороговорка пулеметов и вой ракет сливались в адскую грозную симфонию. Оглушительный свист, всплеск огня и очередная цель взлетала на воздух. Это по городу ударила первая волна крылатых ракет, пятьдесят две крылатые смерти¹. Носовая теле-

¹ Только две из них были сбиты зенитным огнем и упали — одна на пустырь, а вторая разрушила два дома. (Примеч. автора).

визионная камера замечала цель, проверяла ее по базе данных и наводила ракету на цель. Бомбы с лазерным наведением и крылатые ракеты уничтожили большую часть центров управления и батарей зенитных ракет, а тем временем к городу приближались новые волны самолетов. Всю эту ночь, за которую иракцы лишились более чем полусотни жизненно важных объектов, репортеры CNN бомбардировали мир фантастическими картинками багдадского неба, исчерченного яркими, разноцветными трассами. Зрелище было весьма впечатляющим, однако реальная эффективность артиллерийского и пулеметного огня равнялась нулю, так как иранские зенитчики целились не по призрачным F-117, а по стае ложных целей «Чакар» фирмы Нортроп. Крошечные беспилотные самолетики давали на экранах радарных станций наведения точно такие же импульсы, как настоящие бомбардировщики, отвлекая на себя все внимание противника.

Ни один из западных репортеров, высыпавших на балкон и крышу отеля «Аль-Рашид», не догадывался, что человек против которого, собственно говоря, и направлена вся мстительная мощь Коалиции, находится прямо у них под ногами, в глубоком бункере, способном выдержать даже ядерный взрыв. Этот бункер, сконструированный шведами на основе калифорнийских разработок по сейсмоустойчивым зданиям, и роскошный отель с отделкой из белого мрамора и золочеными краями в ваннах были построены одновременно, много лет тому назад — чтобы использовать западных постояльцев в качестве живого щита против бомбардировки.

Когда небо на востоке стало розоветь, багдадцы решились наконец покинуть бомбоубежища, в которых

они провели эту первую, но далеко не последнюю ночь ужаса. Ущерб, нанесенный налетом, был огромен. Бомбы и ракеты разбили большую часть установок ПВО, по улицам города метались военные «джипы» курьеров, развозивших приказы — телефонная система безнадежно вышла из строя. Самолеты Объединенных вооруженных сил добились полного господства в воздухе, парализовали иракскую систему управления войсками, разрушили основные линии связи, источники энергоснабжения и мосты.

В оперативном центре авиабазы, расположенной по соседству с Эр-Риядом, вернувшиеся с задания пилоты тесно обступили офицера, орудовавшего цветными мелками и тряпкой. Он помечал на большой, покрытой пластиком карте новые цели, выявленные объекты ПВО, районы сосредоточения танков и подозреваемые места укрытия установок для запуска ракет; рядом с картой висел список уже уничтоженных целей и своих, потерянных в операции самолетов. Комната напоминала переполненный бар; несмотря на усердно работавшие кондиционеры, душная жара в помещении угнетала немногим меньше, чем палящее солнце снаружи, в пустыне.

— Сэр, — обратился к командиру офицер-связист, — эскадрилья «Папа Зулу» докладывает, что зенитного огня не было.

— Хорошо поработали, — мрачно ухмыльнулся командир. — Ну и как вы думаете, кончилась эта война?

— Будем надеяться, — откликнулся его адъютант. Пилоты радостно лупили друг друга по спине.

Вскоре после рассвета на Ирак обрушились волны самолетов. «Харриеры» американской морской пехо-

ты полностью вывели из строя авиабазы в окрестностях Басры; стартовавшие в Инджерлике F-111E разнесли авиабазы Мосула, Эрбиля, Киркука и Тикрита, а B-52, каждый из которых способен нести до тридцати тонн бомб, тщательно проутюжил расположение элитной дивизии «Тавакална». Штурмовики Ф-15Е «Игл» расстреливали из шестиствольных скорострельных пушек «Вулкан» танковые подразделения и транспортные колонны противника. Иракские ВВС подняли в воздух пятьдесят истребителей; силы Коалиции сбили два МИГ-29, но и сами потеряли одну машину. Удивительнее всего было то, что сверхзвуковые самолеты, тучами роившиеся в небе, ни разу друг с другом не столкнулись.

Нужно отметить еще один аспект этой войны. Искусство пилотов и совершенство боевой техники это далеко не все, что требуется для продолжительного эффективного исполнения воздушной мощи. Необходимы бригады высококлассных техников, способных обеспечить безукоризненное обслуживание и ремонт сложного оборудования. Наземные службы Объединенных ВВС показали себя с самой лучшей стороны. Пока техники заправляли, вооружали и латали вернувшийся с задания самолет, пилот шел спать, ни о чем не беспокоясь. К следующему вылету в его машине не будет никаких неполадок.

Одной из важнейших целей воздушных налетов было уничтожение позиций ракет «скад» русского производства. В первый день этим занимались около ста шестидесяти самолетов — с довольно относительным успехом. Мобильные пусковые установки этих нехитрых ракет можно без труда укрыть в пальмовой роще и даже

просто под брезентом¹. 28 января, когда «скад» обрушился на Тель-Авив, потребовалось все искусство американских дипломатов, а также обещания солидной финансовой помощи, чтобы удержать Израиль от ответного удара. (Такое развитие событий почти неизбежно привело бы к распаду коалиции — из нее вышли бы все исламские страны².) Чтобы противостоять ракетной угрозе со стороны Ирака, США развернули в наиболее уязвимых районах 2048 антиракет «Пэтриот». Хотя боевая эффективность «Пэтриотов» оказалась не слишком высокой, в политическом смысле они помогли сохранить нейтралитет Израиля.

За достижением господства в воздухе последовала непрерывная, волна за волной, серия ударов по наземным войскам противника. Как точечные, так и ковровые бомбардировки продолжались шесть недель. В конце концов, измученные иракские солдаты не выдержали непрерывного ракетно-бомбового града и бежали. Нужно заметить, что намерения Объединенных сил не ограничивались уничтожением армии противника, союзники надеялась полностью парализовать экономику Ирака и тем принудить Саддама Хусейна к безоговорочной капитуляции. «Победа Коалиции уже обеспечена».

¹ На территорию государств — членов Коалиции упало 88 «скадов» — 45 на Саудовскую Аравию и 42 на Израиль, Наиболее трагичным было прямое попадание в американский квартал Дахрана, при котором погибло 28 человек. (Примеч. автора).

² Исламские силы Коалиции состояли из войсковых частей Саудовской Аравии, Сирии, Египта, Кувейта, Бангладеш, Марокко, Сенегала, Нигера, Омана, Бахрейна и Катара. (Примеч. автора).

на, однако продолжение воздушных ударов поможет избежать грандиозного кровопролития, о котором мечтает Саддам, свести наши потери к минимуму», — констатировал журнал «Тайм» в номере от 11 января.

Тем временем как на Ирак сыпались 95000 тонн бомб, телевизионные компании все больше теряли почву под ногами. Не имея возможности обеспечить своих зрителей реальной информацией, они собирали в своих студиях траченных молью отставных генералов и прочих великих экспертов, чьи комментарии к ходу военных действий, понятные разве что другим, столь же великим экспертам, оставляли рядового человека в полнейшем недоумении (тем более что чаще всего эти эксперты и сами мало что понимали в происходящем). Мировая аудитория сидела перед своими «ящиками», страстно надеясь увидеть «репортаж с места событий, только что полученный от нашего специального корреспондента». Однако репортеров из США и «прочих стран» практически не подпускали к войскам, принимавшим участие в боевых действиях; редкие «экскурсии» для представителей наиболее влиятельных печатных органов и телевизионных компаний проводились под строгим наблюдением сопровождающих и мало что давали¹. Основная часть «фронтовых репортажей» готовилась в Эр-Рияде и оживлялась беседами с высокопоставленными военными. В уюте и прохладе зала для брифингов они объясняли съехавшимся со всего мира журналистам, как действуют новейшие бомбы с лазерным наведением и как наши славные пилоты пачками уничтожают иракские ракеты и танки. Генеральские лекции

¹ Автор участвовал в такой экскурсии к установкам «Пэтриот», размещенным вдоль турецкой границы. (Примеч. автора).

иллюстрировались некими видеозаписями. Копии этих видеозаписей — других материалов у репортеров попросту не было — передавались через спутниковую связь и широким потоком выплескивались на телевизионные экраны всех стран Коалиции¹. Гетеборгская домохозяйка Эва Свенссон восторженно писала: «Впервые в жизни я стала участницей войны. Благодаря CNN с ее фантастическими репортажами, я ощущаю подлинную сопричастность происходящему»².

К сожалению, разрушались не только военные объекты. 13 февраля в 4.30 ночи лазерные бомбы были наведены на бомбоубежище № 25, расположенное в пригороде Багдада, Амирия. Согласно ошибочным разведывательным данным, в этом убежище находился военный центр управления, в действительности же там прятались 1500 мирных иракцев, по большей части — дети. Как выяснилось позднее, подрядчик сэкономил на бетоне и заполнил защитное перекрытие щебенкой. Первая бомба пробила четырехметровое перекрытие и взорвалась на верхнем этаже убежища. Вторая бомба проникла в проделанную первой дыру, пробила следующее перекрытие и взорвалась на нижнем уровне. Великолепное техническое достижение — вторая бомба со снайперской точностью попала в дыру, пробитую пер-

¹ Следует заметить, что Саддам пытался использовать в работе с корреспондентами CNN аналогичный метод, но у него ничего не вышло. Цинизм багдадского диктатора дошел до такой степени, что он появился на телевизионном экране со своими «дорогими гостями», поглаживая по голове белокурого мальчика. Манипулирование информацией, осуществлявшееся обеими конфликтующими сторонами, имело серьезнейшее политическое значение. (Примеч. автора).

² «Тайм» от 11 февраля 1991г. (Примеч. автора).

вой. Как только CNN сообщила миру подробности этого налета, американское командование поспешило публично выразить свои сожаления¹. В Эль-Фаллудже, городке, расположенном к западу от Багдада, британские «Торнадо» целились по мосту через Евфрат, а поразили уличный рынок. В городе Эс-Самава были разбиты два моста через Евфрат, однако бомбы упали и на жилые кварталы, убив 417 человек. Когда на место происшествия прибыли операторы одной из западных телевизионных компаний, местные жители встретили их градом проклятий. «Сперва вы бомбите наш город и убиваете наших близких, а потом еще приезжаете и фотографируете нас, как мартышек в зоопарке».

Намерениям Саддама добиться политической победы и навязать Западу кровопролитную окопную войну не было суждено осуществиться. Его войска имели численное превосходство над Объединенными силами в людях и наземной технике, однако иракские танки и артиллерия так и не приняли участия в военных действиях². Военно-воздушные силы Саддама частично были уничтожены, частично бежали в соседний Иран, атаки террористов-смертников, которыми он запугивал Запад, так и не состоялись. Все усилия иракских саперов и строителей по созданию укреплений оказались тщетными — об этом позаботились Б-52. Безжалостная воздушная война медленно, но верно принуждала Ирак к повиновению.

¹ «Вот почему теперь на улицах Амирии почти не видно детей», — писал Пол Льюис в «Интернейшна Геральд Трибюн» от 13 мая 1991г. (Примеч. автора).

² Иракские войска углубились на территорию Саудовской Аравии на 10 км в районе Хафджи, но были отброшены с большими для себя потерями. (Примеч. автора).

— Первые два дня воздушной кампании были величайшими в моей жизни, — говорил позднее генерал Норман Шварцкопф¹. — Я отчетливо понимал, что мы их сделали. Ко мне в штаб пришел один из корпусных командиров и доложил, что он уже взял в плен 3200 иракцев. «И с каждой минутой, — сказал он, — их становится все больше и больше». «А какие потери у нас?» — спросил я. «Один раненый». Вот уж это была новость, так новость.

Этот конфликт перевернул все понятия о войне.

Наземное сражение развернулось строго по графику.

Когда господство в воздушном пространстве противника стало абсолютным, а измотанная непрерывными ковровыми бомбежками армия Ирака окончательно утратила способность к сопротивлению, Коалиция приступила к наземной, завершающей части операции. Наступление продолжалось ровно сто часов. Со стороны Коалиции в нем участвовали 258700 человек с 58700 наземными транспортными средствами и 1620 самолетов. Им противостояли сорок три иракские дивизии, 545000 человек плюс 4280 танков². Но — без воздушной поддержки.

24 февраля. Время настало. К небу взметнулись фонтаны песка, землю затянуло густым маслянистым дымом. Десять минут мобильная тяжелая артиллерия тщательно утюжила иракские укрепления. Над головой ревели штурмовики А-10, «охотники за танками». Затем

¹ NBC, беседа с Дэвидом Фростом. (Примеч. автора).

² Цифры даны на 15 января 1991г. Согласно заявлению генерала Шварцкопфа, 21 дивизия была уничтожена. (Примеч. автора).

в бой ринулись бронетехника, поддержанная стаями вертолетов «Апач» и «Блэкхок». Они не встретили никакого сопротивления. Самой большой помехой продвижению танков были бесчисленные воронки, оставшиеся после нескольких недель непрерывных воздушных налетов. Волны американских танков М1 «Абрамс», британских «Челленджеров» и поразительно мобильных французских АМХ перекатывались через заполненные трупами траншеи. Состояние трупов ясно показывало, что они лежат под палящим солнцем далеко не первый день, все это были жертвы не утренней артподготовки, а долгих, как кошмарный сон, ковровых бомбардировок. Дальше изрытая бомбами пустыня была завалена металлоломом — разбитыми орудиями и сгоревшими, изуродованными танками. Некоторые танки лежали на песке кверху гусеницами — чудовищной силы взрывы переворачивали их, словно детские игрушки¹. Кое-где из окопов вылезали совершенно очумевшие иракские солдаты — редкие счастливицы, которым удалось уцелеть и сдать в плен. А затем укрепления, трупы и пленные, все это осталось позади — перед танками расстилалась открытая пустыня.

Наиболее мобильные бронетанковые части² совершили молниеносный бросок в тылу иракской армии и перерезали шоссе Басра—Багдад. Подразделения французской *Division Daguet*³ захватили авиабазу Эс-Салман; за 24 часа французские танки АМХ углубились на тер-

¹ По другим сведениям, это были просто-напросто деревянные макеты.

² Французская 6-я бронетанковая дивизия при поддержке 82-й авиадесантной дивизии США. (Примеч. автора).

³ Букв. Дивизия «Кинжал».

риторию Ирака на 200 километров. Тем временем американские и арабские дивизии Коалиции при артиллерийской поддержке линкоров «Миссури» и «Висконсин» наступали на Эль-Кувейт¹. Ковровые бомбардировки шестидесяти восьми В-52 успели уже стереть в порошок иракские укрепления, сотрясение земли, вызванное взрывами бомб (2000 тонн мощнейшей взрывчатки за один налет) вызвало детонацию тысячи противотанковых мин. Немногие иракские части, попытавшиеся оказать сопротивление, были уничтожены тремя подразделениями американской 1-й механизированной дивизии, имевшими на вооружении специально сконструированные танки с бульдозерными лезвиями, которые заживо закапывали иракских пехотинцев в их же траншеях. «Как мне кажется, мы убили там несколько тысяч человек», — сказал полковник Энтони Морано, возглавлявший одну из ударных групп².

Это изобилие и разнообразие сверхсовременного вооружения не оставляло иракской армии никаких шансов. Части, пытавшиеся бежать из Эль-Кувейта к иракской границе по шестиполосному шоссе, попали в панический водоворот. Все вокруг пылало, солдаты кричали во весь голос — тишина, наступившая после долгого кошмара непрерывных бомбардировок, казалась им невыносимой. А затем на головы иракцев снова посыпа-

¹ К вечеру первого дня наступления войска Коалиции были уже в Мина-Абдалла, в тридцати километрах от Эль-Кувейта. (Примеч. автора).

² 12 сентября 1991г. представитель Пентагона Пит Уильямс сказал: «Погибли те, кто решил остаться в своих окопах и драться до конца». (Примеч. автора).

лись бомбы, превратившие их отход в массовую бойню. Выжившие окрестили это шоссе «Дорога в ад».

Когда подошли передовые части Коалиции, в воздухе еще висели облака пыли и черного, отвратительно пахнущего дыма. Тысячи танков, бронетранспортеров и грузовиков попали под град фугасных и осколочных бомб, они валялись повсюду, искореженные и обгорелые, из танковых люков свешивались обугленные трупы, вся земля была усеяна клочьями человеческих тел. По свидетельству одного из британских офицеров, «такого количества трупов на квадратный метр не было, пожалуй, со времени Хиросимы»¹.

Перед уходом из Кувейта иракцы подожгли нефтепромыслы, облака черного, удушающего дыма закрывали солнце, превращали день в подобие ночи. Некоторые, чудом уцелевшие, грузовики стояли с включенными фарами, сообщая этой мрачной сцене дополнительную фантазмагоричность. Зачем уничтожали панически бегущую армию? Чтобы примерно наказать зловредную нацию? А может — чтобы продемонстрировать сокрушительную мощь оружия, хранящегося в арсеналах сверхдержавы? *Зачем* — про это можно спрашивать и спорить, а вот чем — с этим все просто и понятно. Новейшим, никогда прежде не применявшимся, жутким оружием — «вакуумными» бомбами объемного взрыва.² С самолета сбрасывается цилиндр с четырьмястами килограммами сжа-

¹ Жан-Поль Мари в статье «Свидетельские показания о чистой войне» («Нувель Обсерватер», 14/12 марта 1991 г.) (Примеч. автора).

² За несколько лет до «Бури в пустыне» западная пресса обвиняла СССР в применении «вакуумных бомб» в Афганистане. Впрочем, на самом деле впервые они были использованы Израилем в Ливане в 1982 году.

того метана. Освобожденный из бомбы метан быстро расширяется, образуя вместе с воздухом огромное облако взрывчатой смеси; воспламеняясь, это облако испепеляет все живое в радиусе трехсот метров. По своему действию вакуумная бомба не уступает полукилотонной ядерной боеголовке — выгодно отличаясь от нее полным отсутствием радиационного загрязнения местности, смертельно опасного не только для противника, но и для своих, преследующих его солдат. Это был весьма быстрый и дешевый способ закончить войну¹.

Танки-бульдозеры закапывали иракских солдат в землю, осколочные бомбы рвали их в клочья, вакуумные — поджаривали заживо; перед лицом колоссальных потерь Саддам Хусейн был вынужден приказать своей армии уйти из Кувейта. Но для иракского народа худшее было еще впереди².

Потери иракской армии оцениваются в 100000 человек³.

¹ Представитель Пентагона Пит Уильямс заявил репортерам, что такое оружие не нарушает Женевскую конвенцию. (*Примеч. автора*).

² По оценкам ЮНИСЕФ разрушение в ходе бомбардировок жизненно важных инфраструктур, а также голод, порожденный эмбарго, привели к смерти 170000 детей. 25 мая «Иордан таймс» напечатала заявление принца Ага Хана: «Больницы, не имеющие ни лекарств, ни пищи, ни даже воды и электричества, превратились в рассадники инфекций. В районе Басры 98 процентов пациентов — это дети, страдающие от желудочных заболеваний». «Монд» от 26 октября констатирует, что оценка количества детей, умерших от последствий эмбарго в 68000 не является преувеличенной. (*Примеч. автора*).

³ Цифра, сообщенная генералом Норманом Шварцкопфом комиссии Конгресса. Следует отметить, что со времени

Войска Коалиции потеряли убитыми сто девяносто два человека, из которых тридцать пять погибли под «своим огнем», а двое — при разборке бомбы. По военной терминологии это называется «нулевой фактор потерь».

Пустыня — это место, где негде спрятаться. Так было во времена Саладина, так осталось и до наших дней. А по завершении войны непрерывно перемещающийся песок быстро засыпает весь мусор, оставшийся на поле боя, будь это убитые крестоносцы или обгоревшие танки и выбеленные солнцем кости тех, кто в них прежде сидел.

Ну, а если бы...

Ну, а если бы — Саддам Хуссейн отошел из Кувейта до 17 января?

Запад с его полумиллионной армией оказался бы в предельно идиотском положении.

А теперь о фактах

Прекращение огня вступило в силу с 8.00 утра 28 февраля 1991 года.

После ста часов наземного наступления, когда танки Объединенных сил находились уже у ворот иракской

вьетнамской войны «оценка предполагаемых потерь противника» стала для американских военных навязчивой идеей («Гринпис» оценивает полные потери армии и гражданского населения Ирака при воздушных бомбардировках в 200000 человек). (Примеч. автора).

столицы, Запад воспыал неожиданной любовью к багдадскому — даже не *вору*, а *бандиту*, решив, что без него рухнет нежно лелеемый баланс сил на Ближнем Востоке. Политики посчитали целесообразным сохранить не только Саддама Хуссейна, но и его армию, как сдерживающее средство против враждебного к Западу Ирана. Они цинично придерживались известного принципа: *Лучше уж известный черт, чем неизвестный*. Это решение вполне устраивало Турцию с ее извечной курдской проблемой («Пускай Саддам прижмет их посильнее — и сам за это отвечает»), а также саудовцев и нефтяные эмираты Персидского залива — с падением Саддама неизмеримо возросла бы угроза исламского фундаментализма, открыто поддерживаемого Ираном. (С разгромом иракской армии в Кувейте в самом Ираке началось восстание против Саддама Хуссейна. Его подняли — совместно! — курды, шииты и коммунисты. Еще неизвестно, кто из них более ненавидел Запад, поэтому западные державы сочли за лучшее перестать раскачивать трон «багдадского вора» и даже временно сняли запрет на полеты иракской авиации, чтобы помочь Хусейну расправиться с мятежниками.)

То, чего все боялись, так и не произошло. Иракский диктатор не решился использовать самое страшное свое оружие — нервно-паралитический газ табун, разработанный немецкими химиками в конце Второй мировой войны (Ирак купил технологию его производства у неких, безразличных к вопросам этики бизнесменов). В свое время угроза неотвратимого возмездия заставила Гитлера отказаться от намерения применить табун. У человека, коснувшегося самой крошечной капли этой дьявольской жидкости, начинается обильное слюноте-

чение, зрачки сжимаются в точку, кожа становится пепельно серой, а через несколько секунд наступает смерть. Табун может доставляться к цели ракетами, бомбами, артиллерийскими снарядами или просто распылителями — вроде тех, которые используют сельскохозяйственная авиация для обработки посевов, ветер может относить ядовитое облако на значительное расстояние. Решись Саддам Хуссейн на использование этого оружия, Коалиция неизбежно ответила бы ядерным ударом. Этого не хотел никто.

Большую часть расходов по войне взяли на себя наиболее заинтересованные страны: Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты. В некотором смысле войска Коалиции являлись наемной армией, которая воевала на деньги и в интересах нефтедобывающих государств.

В войнах побеждают не механизмы — пусть и самые хитроумные, а люди. Первое, что необходимо армии, это воля к победе, высокий боевой дух солдат и офицеров. Солдаты Объединенных вооруженных сил показали себя в бою с самой лучшей стороны — в первую очередь, это относится к американцам. Поствьетнамский синдром был преодолен, так же как и типичная для армии мирного времени подмена девиза «Долг, честь и отечество» стремлением оказаться в критический момент в максимально безопасном месте. Армия снова объединилась в стремлении добиться поставленной цели. И этой целью являлась победа над врагом. Вьетнамская война надолго подорвала веру страны в свои силы и возможности, но теперь период сомнений безвозвратно ушел в прошлое.

Командующий силами Коалиции генерал Норман Шварцкопф показал себя великолепным организатором, однако на чисто человеческом уровне он не умел ладить ни со своими подчиненными, ни с вышестоящими руководителями. В марте 1991 года, подводя итоги операции «Буря в пустыне», он во всеуслышание заявил, что президент Соединенных Штатов Джордж Буш не позволил армии одержать решительную победу. Генерал Шварцкопф вернулся в Вашингтон, был встречен, как триумфатор, а вскоре ушел в отставку и засел за писание мемуаров.

Саддам Хусейн все еще правит Ираком.

Создание Коалиции являлось беспрецедентным предприятием и колоссальным политическим достижением. Едва ли не впервые за всю мировую историю общая цель объединила Восток и Запад, мусульман и христиан. Но вот цель достигнута, а отдаленные последствия Войны в Заливе все еще не поддаются оценке. Не приходится сомневаться, что в перспективе эти последствия затронут не только Аравийский полуостров, но и весь исламский мир, широким полумесяцем протянувшийся от Марокко до Индонезии. Быстрый рост исламского фундаментализма напрямую связан со все той же операцией «Буря в пустыне». Перед лицом миллиарда мусульман, контролирующих подземные сокровища, как воздух необходимые промышленно развитым государствам, Запад может прийти к болезненному осознанию своей зависимости от тех, кому он нанес столь сокрушительное поражение, после чего ему придется смириться и перейти к *realpolitik*.

Пустыня — обычное место для испытания новых систем оружия. Многие новинки, примененные в ходе «вертикальной войны», оказались весьма удачными¹, что вселило в генералов и политиков безграничную веру во всемогущество научно-технических чудес. Как только удалось ослепить управляющие структуры противника и добиться абсолютного господства в воздухе, авиация получила возможность спокойно и без помех перемалывать его наземные силы. Этому очень помогло применение сложного, сверхсовременного оружия. И все же войну выиграли не самолеты и танки, а летчики и тан-

¹ Бомбы с лазерным наведением («Пейвуэй»), глобальная навигационная система GPS, которой были снабжены все самолеты, машины и танки, ударные вертолеты со скорострельными пушками, летающие центры управления АВАКС и «Джойнт Стар», спутниковая система наблюдения, бомбардировщики F-117 «Стелс» и противотанковая артиллерия, установленная на штурмовиках A-10, беспилотные летательные аппараты UAV, противоракетная система «Пэтриот», крылатые ракеты, запускаемые с подводных лодок, — и, о чем ни в коем случае нельзя забывать, контроль над сознанием собственного населения посредством сфабрикованных телевизионных передач, позволявших правительствам склонять общественное мнение в свою пользу.

Но обнаружили и некоторые технические недоработки. Система «Пэтриот» оказалась весьма к месту в политическом смысле, однако в техническом смысле ее успех не вызывает особого восторга. Из 80 запущенных «скадов» было сбито 24. Наисовременнейшие системы наблюдения не смогли определить расположение мобильных пусковых установок иракских «скадов». Не слишком хорошо показала себя и система наведения крылатых ракет (только 65 процентов из них попали в намеченные цели). (Примеч. автора).

скисты. В этой войне, так же как и во всех прошлых, все зависело от людей.

И все же «Буря в пустыне» показала, что в наше время можно воевать, сведя свои потери к нескольким сотням человек.

Нулевой фактор потерь — либо полное всеобщее уничтожение. Именно таким был выбор.

Решающим фактором «Войны в Заливе» стало подавляющее технологическое превосходство одной из сторон, проявившееся в первый же час наступления. То, что последовало далее, нельзя назвать войной — просто одна сторона уничтожила другую.

Эпилог

Последний решающий фактор

Милосердная природа долго скрывала от нас эти тайны. Проникновение в них должно побудить каждого здравомыслящего человека обратиться к своему разуму и совести. Нужно неустанно молиться, чтобы эти ужасные силы были поставлены на службу мира между народами, чтобы средства, способные опустошить всю поверхность Земного шара, стали неиссякаемым источником процветания.

Уинстон Черчилль, по получении известия о Хиросиме, 6 августа 1945 года.

Качнись маятник судьбы в другую сторону, исторические последствия битвы крестоносца Ги де Лузиньяна с мусульманским вождем Саладином стали бы совсем иными. Смогла бы победа «рыцарей Истинного Креста» над «защитниками Истинной веры» разрешить давно назревавшую проблему Иерусалима? На этот счет мы можем только строить предположения. И все же это, как и прочие

значительные сражения, меркнет по сравнению с тем, которое угрожало полным уничтожением нашей планеты в наше время. Поэтому нам стоит вернуться к событию, которое радикально изменило образ мыслей всего цивилизованного человечества, к тому, что произошло в 8 часов 15 минут семнадцать секунд ясного, солнечного утра в августе 1945 года. К моменту, когда в небе над Японией вспыхнула крошечная точка всесжигающего, нечеловечески яркого света¹.

Миссис Кейко Накамура оказалась в числе счастливых. Она умерла мгновенно. Другие успели почувствовать, как сгорает их кожа, их кости, и только затем навеки потеряли сознание. Умирание растягивалось на часы, на дни, даже на месяцы.

Это было ясное, солнечное утро. Без четверти восемь прозвучал отбой воздушной тревоги. Жители Хиросимы покинули бомбоубежища и смотрели в синее, безоблачное небо. Некоторые из тех, кто вышел живым из развершегося вскоре ада, вспоминают, что видели высоко в ярко-синем небе быстро расплывающийся инверсионный след одиночного самолета, другие говорят, что видели огромный четырехмоторный самолет, как серебристую искорку, приближающуюся к городу. И те и другие очевидцы, конечно же, правы. Одни видели самолет метеорразведки, наметивший цель (именно его появление заставило наблюдателей ПВО объявить воздушную тревогу), другие — «Энолу Гей», приближав-

¹ Температура в центре этого ужасающего огненного шара была в четыре раза выше, чем температура в центре Солнца. (Примеч. автора).

шуюся к городу со своим страшным грузом. На этот раз воздушной тревоги не было.

08 часов, 15 минут, 11 секунд... пять... четыре... три... два... один... ноль...

Мир взорвался белым, мертвенным сиянием. Вряд ли многие из тысяч спешивших на работу людей увидели ослепительную вспышку, за доли секунды распухшую в огромный огненный шар.

Ярость этой вспышки превосходила все мыслимое, температура в ее центре достигала нескольких миллионов градусов. На четыре секунды над обреченным городом повис огненный, с поверхностью в два раза ярче солнца, шар, поперечником в 200 футов, взгляд на него даже издали вел к полной утрате зрения. Эта искусственная звезда мгновенно подожгла все, способное гореть, затем на Хиросиму обрушилась сокрушительная ударная волна.

Все строения, находившиеся под точкой взрыва, были стерты с лица земли; стальные балки растекались шариками расплавленного металла, бетон рассыпался в пыль. В радиусе семисот ярдов от эпицентра не уцелело ни одно живое существо, человеческие тела превращались в легкий серый пепел. Чуть дальше пылающие улицы были усыпаны обугленными трупами. В 3000 ярдов от эпицентра царил полная паника. У людей горели волосы и одежда, некоторые из них прыгали в колодцы, чтобы потушить этот дьявольский огонь. Отовсюду слышались страдальческие крики: «Воды, ради Бога воды!» Мать, оказавшаяся в ловушке горящего дома, подбежала к окну и с криком «Спасите, пожалуйста, ребенка» бросила своего младенца незнакомому, полуобожженному человеку. Прохожий поймал почерневшее тельце,

и в тот же самый момент стена пламени скрыла женщину. Пережившие момент взрыва люди падали на землю и умирали от ожогов и внутренних кровоизлияний.

Дальше воздух наполнился оглушительным грохотом рушащихся зданий, звоном вдребезги разлетающихся стекол, криками ужаса и отчаяния. Повсюду вспыхивали пожары, в воздухе носились горящие обрывки бумаги. Из разбитых водопроводных магистралей и сорванных пожарных гидрантов били фонтаны воды, звонким дождем сыпались осколки стекол. Сломанными, обгорелыми куклами валялись трупы, их было много, кошмарно много. Обожженные, истекающие кровью люди слепо пробирались сквозь желтую дымку, что-то кричали, падали, затихали.

В двух километрах от эпицентра загорелась эстакада железной дороги. В двух с половиной километрах ударная волна обрушивалась на незащищенных людей с силой тысячекилограммового грузовика, несущегося со скоростью 160 километров в час. В трех километрах жар был настолько невыносим, что немногие выжившие не могли потом связно рассказать, что и как случилось, никто из них не помнит, чтобы слышал грохот взрыва. В пригороде, отстоящем от эпицентра на десять километров, ударная волна убила стоявшую у окна женщину.

Крестьяне из дальних деревень рассказывали про ослепительную вспышку и докатившийся позже раскат грома. Затем небо потемнело, над уничтоженным городом повисли жуткие, противоестественные сумерки, все стихло.

С момента взрыва прошло всего две минуты, но эти две минуты в корне изменили мир.

На тех, кто выжил, полился черный дождь. Это была вторая волна смерти — на изуродованную землю падала страшная, радиоактивная грязь.

Маленькая девочка сидела на земле, прислонившись к стене и ждала смерти. В течение первых двух дней умерли все, наиболее пострадавшие при взрыве. У тех, кто выжил, начали проявляться неизвестные прежде симптомы. Сперва вокруг глаз и ушей появлялись белые пятна, поднималась температура, потом разлагались миндалины, затруднялось дыхание, кончалось это всегда одинаково — смертью.

Никто не сумел точно подсчитать число жертв, так как при взрыве погибли все городские архивы¹.

Когда начиналась Вторая мировая война, никто и не помышлял, что через неполные десять лет атомная энергия станет важнейшим фактором мировой политики. Немцы захватили Европу, переправились в Африку и напали на Россию. Они совершили еще одно, последствия которого оказались катастрофическими для них самих: проявили нетерпимость к евреям, в том числе и к еврейским ученым. Самым знаменитым из этих ученых являлся Альберт Эйнштейн. Его теории и труд других талантливых людей, бежавших от нацистских преследований², породили чудовище. Но не будем забывать

¹ Материал взят из рассказов людей, переживших Хиросиму и Нагасаки, собранных исследователями, а затем опубликованных в обычной периодике и в медицинских журналах. (Примеч. автора).

² Лео Сцилард, Нильс Бор, Энрико Ферми, Луиза Мейтнер, Отто Фриш, Рудольф Пайерлс, Юджин Вигнер, Эдвард Теллер и т.д. «Физики познали зло, и это знание пребудет с ними навсегда», — сказал Роберт Оппенгеймер. (Примеч. автора).

и о вкладе американских ученых Ю.Роберта Оппенгеймера и Эрнста О.Лоуренса, работавших над методами выделения из природного урана легкого, единственно пригодного для изготовления атомной бомбы изотопа U^{235} . А также и о вкладе англичанина Нанна Мэя.

Новый мир вырос из страха. Ядерный век, порожденный извечным прометеевским стремлением человека обуздать природу, быстро отбилась от рук и превратился в безудержную гонку вооружений, политики и штабные стратеги привыкли строить свои планы с учетом угрозы грибовидного облака. Появилось понятие «оверкилл», свержубийство: компьютеры подсчитывали, при какой величине суммарных потерь человечество выживет, а при какой — погибнет. Все это похоже то ли на научную фантастику, то ли на кошмарный сон¹. После 1945 года сверхдержавы ни разу не решились развязать большую войну — по той простой причине, что большая война стала бы для них самоубийством.

Все мы слышали о кубинском ракетном кризисе 1962 года. К моменту конфронтации в Карибском заливе СССР имел 2800 ядерных боеголовок, а Соединенные Штаты — 5500, плюс флот практически непотопляемых атомных подводных лодок с ракетами на борту. Стратеги и поли-

¹ 10 октября 1949 года Комитет по Национальной безопасности доложил президенту Трумэну, что «для обеспечения жизненных интересов национальной безопасности необходимо ускорение работ по атомной программе». Там же давалась оценка, что одна-единственная 100-мегатонная бомба полностью выжжет участок, в шесть раз превышающий по площади Нью-Йорк с пригородами, и унесет жизни пятнадцати миллионов людей. (Примеч. автора).

тики обеих сторон прекрасно понимали, что о прямом столкновении не может быть и речи. Куба не могла привести к ядерной войне. А Ближний Восток мог.

В 1972 году президент Ливии Муамар Каддафи тайно направил одного из своих ближайших помощников в Китай с простым и конкретным заданием: купить атомную бомбу. Премьер-министр Китая Чжоу Энь-лай со всемирно известной китайской вежливостью проинформировал майора Джалуда, что Китай атомными бомбами не торгует. В апреле 1973 года Мохаммед Хейкал, личный советник египетского президента Насера (Гамаль Абдель Насер умер в 1970 году, в 1973 году президентом Египта уже был Анвар Садат.) посетил генерала Пьера Галуа, отца французских «*Force de Frappe*»¹, имевшего репутацию одного из виднейших геостратегов мира².

— *Mon General*, — начал Хейкел, — израильтяне нападают на наши города, разрушают школы и убивают детей³. Такое положение нетерпимо, и мы с ним закончим. (В этих словах содержался прямой намек на близость очередной ближневосточной войны.) Мы знаем о ядерных возможностях Израиля. В связи с этим я хотел бы задать вопрос: готовы они использовать свою бомбу в случае внешнего нападения или нет?

¹ Ударные силы.

² Несмотря на свой уход в отставку, Пьер Галуа сохраняет репутацию одного из ведущих стратегов. Он пишет книги, а также статьи для «*Politique Internationale*». Эпизод с попыткой купить у Китая атомную бомбу взят из книги Хейкала «Дорога к рамадану». (Примеч. автора).

³ Во время израильского воздушного налета одна из бомб случайно упала на школу, располагавшуюся в пригороде Каира. (Примеч. автора).

Генерал Галуа ответил без малейшего промедления:

— *Атомная бомба это не оружие, а средство сдерживания.* Если вы попытаетесь вернуть себе то, что является вашим по праву¹, не угрожая существованию государства Израиль, они не прибегнут к бомбе. Но не пытайтесь сбросить Израиль в море.

Галуа оказался прав. Четвертый раунд арабско-израильского противостояния, получивший у арабов название «Бадр», а у израильтян — «война Йом Киппур», при всей своей ожесточенности не дотянул до ядерного порога. Это была ограниченная война, ограниченная как по поставленным целям, так и по продолжительности². Прямым следствием четвертой ближневосточной войны стало то, что арабы впервые прибегли к своему «нефтяному оружию»³.

25 октября 1973 года Соединенные Штаты объявили ядерную тревогу, этот инцидент так и остался без внятного объяснения. После общения с президентом Никсоном по горячей линии (Брежнев передал по телекту: «Если Израиль не согласится на прекращение огня, мы с вами могли бы вместе обеспечить прекращение огня, если придется — то силой»). Государственный сек-

¹ Суэцкий канал и Синайский полуостров. (*Примеч. автора*).

² Она продолжалась две недели; зона боевых действий не удалялась от Суэцкого канала более чем на двадцать километров, ни в одну, ни в другую сторону. (*Примеч. автора*).

³ Тут ключевой фигурой являлся король Саудовской Аравии Фейсал, сказавший однажды президенту Саддату: «Мы не хотим использовать нефть, как оружие в сражении, которое длится день-другой, а затем прекращается. Нам нужно сражение, длящееся достаточно долго — чтобы успеть сформировать общественное мнение.» (*Примеч. автора*).

ретарь Киссинджер усмотрел в этих словах скрытую угрозу) советский президент Брежнев сказал сирийскому президенту Асаду, что это была ложная тревога, направленная на дополнительную драматизацию кризиса. Как бы там ни было, этот случай весьма поучителен, он ясно показал, что мировые сверхдержавы не хотят втягиваться в открытое ядерное противостояние.

Конец двадцатого века застал человечество в состоянии крупномасштабного конфликта между коммунистическим Востоком и атлантическим Западом. Главным средством обороны стала не способность защитить свою страну, а угроза уничтожить противника. Осуществимость такой угрозы была более чем убедительно продемонстрирована на примерах Хиросимы и Нагасаки, совершенствование техники уничтожения увеличило ее тысячекратно. Многие годы Советский Союз основывал свою политику на том положении, что Америка никогда не начнет ядерную войну, так как для нее абсолютно недопустима мысль о двадцати миллионах жертв. В результате Запад был заранее настроен на поражение, что давало России существенное психологическое преимущество в ее стремлении к окончательной победе.

Хотя Запад сохранял преимущество в силах первого удара (баллистические ракеты «Минитман» и подводные лодки; русские подводные лодки сильно шумели, поэтому американцы обнаруживали их гораздо легче, чем русские — малозумящие американские), однако русские обладали значительным потенциалом «обезоруживающего» удара. Они разработали стратегическую межконтинентальную баллистическую ракету (МБР) СС-18 с тремя независимо наводящимися ядерными боеголовками. Вскоре количество этих ракет выросло до трехсот; на каждую из пусковых

шахт американских «Минитманов» была нацелена одна из боеголовок. В результате русские стали лидерами в гонке вооружений. Однако затем, с появлением американских подводных лодок, вооруженных ракетами «Трайдент» и системы точного наведения, основанной на серии геостационарных спутников (GPS), лидерство снова перешло к Западу. Этот процесс продолжался и повторялся, соотношение сил, обеспечивающих ядерное сдерживание, клонилось то в ту, то в другую сторону, за каждым ходом следовал ответный ход. Такая игра не представляла особых трудностей, не была связана с какими-то принципиальными научными открытиями, великие физики подробно разработали ее теоретические предпосылки несколько десятков лет назад. Оставалось только подобрать подходящие материалы, изготовить нужные инструменты, а затем сложить все это вместе, как детскую головоломку. Сперва бомбы становились все больше и больше — по той причине, что не удавалось добиться достаточной точности доставки их к цели. Когда эта проблема была разрешена, бомбы сменились бомбочками, способными попасть в бревенчатую *дату* (или в Овальный кабинет Белого дома) с расстояния в 5000 миль. В конце концов, Соединенные Штаты разработали стратегическую оборонную инициативу (СОИ), основанную на самой передовой лазерной технологии¹ (к счастью, случая проверить ее в деле так никогда и не представилось).

¹ В общих чертах принцип действия системы состоит в том, что лучи многочисленных лазеров направляются на висящие в космосе отражатели, которые в свою очередь фокусируют разрушительный световой пучок на ракете противника. Эта система принципиально отличается от установок «Патриот», использовавшихся во время войны в Заливе (там вражеская ракета сбивается запущенной с земли антиракетой). (Примеч. автора).

Но «холодная война» продолжалась. Последовали серия переговоров о разоружении¹, широко разрекламированных, однако, по сути своей, бессмысленных, так как реальное сокращение ядерных сил имело чисто косметический характер. Даже после уничтожения пятидесяти процентов своих запасов оружия массового уничтожения каждая из сверхдержав сохраняла достаточно ядерных бомб, чтобы стереть в порошок все население Земного шара, и не один раз, а десять.

Затем условия игры стали изменяться, на горизонте вырисовывались контуры третьей сверхдержавы — *третьей*, так как Китай не хотел принимать ни сторону СССР, ни сторону США и при этом имел наилучшие шансы пережить кошмар кнопочной войны. А перспектива оказаться по окончании ядерной войны одной из провинций всемирной социалистической империи под управлением Коммунистической партии Китая страшила Советский Союз (управляемый по преимуществу белым русским этническим большинством) куда сильнее, чем экономическое господство Запада. (Один из бывших советских государственных деятелей заметил в частной беседе с автором, что по сравнению с угрозой, исходящей от Китая с его миллиардным населением и острой нехваткой плодородных земель, гитлеровские захватчики кажутся чем-то вроде «шайки бродяг».)

Падение Берлинской стены знаменовало завершение «холодной войны». Однако не стоит надеяться, что отныне Запад сможет неограниченно долго диктовать свою

¹ Уйму споров вызвали точные определения «оборонительного» и «наступательного» оружия. «Оборонительная бомба» рассматривалась как не представляющая угрозы и не дестабилизирующая. Другим спорным моментом было право проверок на месте. (Примеч. автора).

волю остальному миру — подобная самонадеянность может обойтись очень дорого. Предстоящий век будет веком радикальных изменений во всем, включая способы ведения войны. Искусственный разум может в ближайшее время превзойти разум человеческий, что неизбежно коснется и военной науки; «Война в Заливе» стала провозвестником этих изменений. На смену снаряду приходит крошечный, с ноготь размером, микрочип. В будущих конфликтах вполне может случиться так, что *решающий фактор* будет связан не с людьми, а с самостоятельно мыслящими роботами. Появляется опасность, что солдаты будущего будут полагаться больше на технику, чем на человеческие достоинства, формировавшие великих полководцев на протяжении всей прошлой истории.

В эпоху луков и мечей битвы не отличались особой продолжительностью, победителям требовались считанные часы, чтобы вконец измордовать и перебить побежденных; краткость сражений вкупе с относительной немногочисленностью занятых в них армий позволяют исследователю без особого труда выделить *решающий фактор*. И даже во времена Наполеона, когда сражались большие людские массы, было еще достаточно ясно, кто допустил роковой просчет, так как результаты этого просчета проявлялись сразу же и во всей катастрофической полноте. В период мировых войн сражения приняли затяжной, крупномасштабный характер, что сильно затемнило роль решающих факторов, но только временно — до ослепительного финала Хиросимы. Экскалибур короля Артура уступил место «Малышу»¹ Роберта Оппенгеймера. Грибовидное

¹ Кодовое название бомбы, сброшенной на Хиросиму. (Примеч. автора).

облако покончило с принципом «война есть продолжение политики иными средствами», наглядная демонстрация ужасов *гарантированного взаимного уничтожения* превратила угрозу в сдерживающий фактор.

Если согласиться с предположением, что именно ядерное оружие позволило человечеству прожить конец этого тысячелетия в мире (и если, конечно же, непрерывную цепь кризисов, периодически перемежаемых «малыми кровопусканиями» в Азии и Африке, можно назвать состоянием мира), придется сделать вывод, что *конечным решающим фактором является бомба Хиросимы.*

В силе, способной вызвать такие разрушения, есть нечто ужасное, повергающее в трепет; тот, кто видел своими глазами огромную безжизненную пустошь, оставшуюся на месте города с миллионным населением, не может не задуматься. Мертвая зона. Пустота невыразительна, о прошлом ужасе говорят, в первую очередь, сохранившиеся детали — остатки разрушенных зданий, лишенная растительности земля. Черное пятно, враждебное ко всякой жизни.

Если будущие поколения не проявят достаточного ума и снова применят атомную бомбу, она вполне может оказаться даже не конечным, а *последним решающим фактором.*

Оттого, что в кузнице не было гвоздя?...

I

*Лошадь захромала — командир убит,
Конница разбита, армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице не было гвоздя.*

Старый английский стишок, переведенный С. Я. Маршаком, знаком всем нам с самого детства. Правда, редко кто воспринимает эти строчки как что-то более серьезное, нежели обычная детская шутка-гипербола — на манер того часового, которому выпало стоять под морем-океаном, или Шалтай-Болтая, собиранием которого занята вся королевская рать, да еще и конница впридачу...

Люди взрослые и серьезные озабочены другими мыслями. Самым любопытным из них хочется как можно больше узнать о силах, которые творят Историю и (по возможности) выяснить, почему исторические события пошли тем, а не иным путем. Большинству же просто интересно знать, как обстояли дела в тот миг и в том месте, которые почему-то ныне считаются ключевыми и судьбоносными. Например, что именно произнес Цезарь в тот момент, когда

его солдаты пробовали ногами воду речки Рубикон, как выглядела телега, на которой Марию Антуанетту везли к гильотине, и во что был одет Наполеон утром Аустерлицкого сражения.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблажие
Как собеседника на пир.
(Федор Тютчев)

Наверное, никому еще не удалось лучше выразить ту гамму чувств, что обуревают нас при чтении мемуаров *свидетеля событий*. Пусть мы и не оказываемся сами на пиру богов, но, по крайней мере, глядим на события глазами приглашенного гуды. При этом обычно забывая, что большинство авторов воспоминаний мало чем отличаются от персонажей картины «Охотники на привале». Другая же (пусть даже меньшая) часть мемуаристов стремится не столько посвятить широкого читателя в перипетии грандиозных событий, сколько максимально запутать и затуманить представление о них. Ведь известно, что язык и бумага даны человеку не только для изложения, но и для *сокрытия* своих мыслей.

Поэтому при ближайшем рассмотрении многие из «тайн истории» оказываются не столь уж поражающими воображение. Подробное исследование событий и их реконструкция с использованием не только воспоминаний очевидцев, но и архивных документов всех участвовавших сторон сплошь и рядом приводит к выводам, весьма далеким от возвышенно-романтических. Выясняется, что *решающим фактором*, определившим тот или иной их исход, сплошь и рядом оказывается не талант полководца или политика, не храбрость солдат и уж тем более не покровительство богов. Сплошь и рядом основными действующими лицами на исторической сцене выступают глупость и случайность. И здесь Э. Дуршмид совершенно прав: самый надежный способ выиграть сражение

или войну — это просто не допускать ошибок. Или, по крайней мере, совершить их меньше, чем противник.

Тем не менее, войны проигрываются (или выигрываются) не только из-за ошибок, трусости или некомпетентности начальства. Существует масса *объективных факторов* — социальных, экономических и политических, — которые определяют исход кампании задолго до ее начала. Исследователь, заранее сумевший на основе анализа этих факторов предсказать конечный исход кампании, приобретает репутацию пророка — однако еще ни разу не было случая, чтобы такому исследователю поверили *до начала войны*. Справедливости ради следует отметить, что перед войной недостатка в пророчках обычно не возникает — так же как после войны не возникает недостатка в аналитиках, уверенно объясняющих, почему все получилось так, а не иначе.

Между тем история, а в особенности история военная, сплошь и рядом насмеяется над всеми объективными факторами и законами развития общества. Даже внешнее соблюдение этих закономерностей не гарантирует того, что события действительно развивались в соответствии с ними. Одним из наглядных примеров тому служит Крымская война 1853—1856 годов. Как известно, она закончилась поражением Российской империи, и любой историк скажет вам, что иначе быть просто не могло. Слабость российской промышленности и ее жалкий технический уровень не давали России ни единого шанса на победу в войне с коалицией четырех государств (Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства), два из которых являлись самыми могущественными державами тогдашней Европы. Тем не менее, реальный результат этой кампании смотрится просто ничтожным. В этом смысле воспетый Теннисоном «бросок легкой бригады» не только явился наиболее наглядной иллюстрацией идиотизма, проявленного обеими воюющими сторонами, но и может считаться апофеозом всей Крымской войны.

Действительно, захватив полный контроль над Балтийским и Черным морями, французы и англичане оказались не в состоянии хоть как-нибудь этим воспользоваться. Наиболее

известным эпизодом войны является осада Севастополя. Однако мало кто осознает, что военного смысла эта операция не имела: полное господство на Черном море англо-французского флота заставило русских моряков (в первый, но не в последний раз) затопить свои корабли. Но после этого захват главной базы русского флота утратил уже всякое значение. Более того, взятие Севастополя оказалось не более чем фикцией — ведь союзникам удалось захватить лишь город с наспех возведенными укреплениями, саму же крепость (расположенную на Северной стороне) они даже не пытались атаковать. Однако после года осады и огромных потерь обе стороны как-то подзабыли, из-за чего идет битва, а главное — никто из них уже не мог признаться в том, что сражение с самого начала являлось бессмысленным. А в результате проявленная в нем воинская доблесть с потрясающим единодушием была воспета и в Англии, и во Франции, и в России. Трудно подобрать более наглядный пример совместного *затуманивания* исторической действительности!

Изо всех участников войны реально хоть что-то получила лишь Турция, терпевшая в ходе боевых действий одни поражения. Она присоединила незначительный участок российской территории по берегам Дуная и Прута, а также на 20 лет оттянула потерю своих славянских владений. Главный же выигрыш достался абсолютно нейтральным Северо-Американским Соединенным Штатам — они по дешевке купили Аляску...

Таким образом, мы имеем наглядный пример того, как исторические события развиваются отнюдь не в соответствии с «объективными» закономерностями, а их общепринятое восприятие не имеет ничего общего с реальным ходом дел и конечным результатом. Впрочем, объективность и неизбежность исторических законов часто является лишь выдуманной *post factum* объяснением случившемуся. Если подобная версия удобна всем заинтересованным сторонам, она оказывается удивительно живуча и в конце концов становится общепринятой. Как это произошло с русско-японской войной.

Всем известно, что причина поражения России в этой войне была все та же, что и в Крымской, — отсталость экономики, политической системы, военной теории, неподготовленность армии и т. д. и т. п.. Правда, ныне стало модно рассуждать о том, что Россия начала XX века в действительности являлась процветающим, богатым и прогрессивным государством. Правда, это лишает цепь позорных поражений Российской империи вообще какого-либо объяснения. Ведь Япония, до 1867 года вообще представлявшая собой средневековый анахронизм, даже в 1904 году имела значительно более слабую экономику и куда меньше военных ресурсов, нежели ее континентальный противник. Если же поражение не имело объективных причин, значит, причины его были исключительно субъективными — проще говоря, оказались бездарными военачальники. И адмирал Рожественский вовсе не был тем гением, каким его сегодня готовы представлять некоторые отечественные историки-«ревизионисты».

Впрочем, версия о роковой случайности снимает все эти противоречия. Более того, смотрится она не только романтично, но и весьма убедительно. 28 июля 1904 года русская эскадра, вышедшая из Порт-Артура в море с целью прорваться во Владивосток, была встречена японской эскадрой. В ходе начавшегося боя японский командующий адмирал Того не проявил особых флотоводческих талантов, стрельба же русских кораблей оказалась довольно успешной. Тактический результат сражения вырисовывался ничейным — однако в стратегическом смысле он давал выигрыш русскому флоту, поскольку японцы не смогли воспрепятствовать прорыву кораблей из осажденной базы во Владивосток.

Но буквально в последние минуты перестрелки случилось невероятное: два двенадцатидюймовых снаряда один за другим попали в боевую рубку флагманского броненосца «Цесаревич». Были убиты или тяжело ранены осколками все, кто находился в бронированной рубке и на мостике, — командующий эскадрой контр-адмирал Виттефт, флагманский штурман, начальник штаба эскадры и командир броненосца, а

также рулевые и сигнальщики. Штурвал заклинило, и броненосец выкатился из строя влево. Не получив никаких распоряжений, остальные корабли повернули вслед за флагманом. Но когда «Цесаревич» начал описывать полную циркуляцию и возникла угроза столкновения кораблей, строй русской эскадры окончательно смешался. В конце концов на флагманском броненосце появился сигнал о передаче командования эскадрой младшему флагману контр-адмиралу Ухтомскому, находившемуся на броненосце «Пересвет». Но на «Пересвете» оказались сбиты стены, и сигнал о вступлении в командование Ухтомский поднять так и не смог. В результате эскадра так и осталась без командира, и броненосцы, не зная, что делать, повернули на обратный курс. Большинство кораблей в тот же вечер вернулись в Порт-Артур, а два крейсера, четыре эсминца и поврежденный флагман ушли в нейтральные порты, где были разоружены — что, в конечном итоге, спасло их от бесславной гибели.

Возвращение эскадры, а затем ее затопление при падении Порт-Артура не только оказало гнетущее воздействие на моральное состояние русских войск и флота — оно сделало бессмысленным дальнейшее движение на Дальний Восток отправленной в августе балтийской эскадры. Теперь посланных с Балтики сил было уже недостаточно для установления господства на море. А если бы порт-артурская эскадра к тому времени находилась во Владивостоке, она смогла бы не только помочь 2-й эскадре пройти в Японское море, но и обеспечить бы полный перевес русского флота над японским. Во всяком случае, такое поражение, как при Цусиме, нам уже не грозило даже при самом бездарном руководстве. Но по какому пути пошла бы отечественная история далее?

Характерно, что военно-морская история дает куда больше примеров подобных случайностей, чем история «сухопутная». Это объясняется тем, что в сухопутной войне гораздо большую роль играет стохастический эффект — гауссиана нормального статистического распределения, нивелирующая роль отдельных случайностей путем их компенсации массой других, противоположно направленных. В морской войне отдельных элементов

(людей, кораблей, орудий) меньше по крайней мере на порядок — и, следовательно, возрастает не только относительная ценность каждого из этих элементов, но и роль случайного или личностного фактора в их действиях.

Однако далеко не всякая случайность способна повлиять на конечный исход событий. Пример с «Бисмарком» здесь более чем характерен: «случайная» гибель «Худа» никак не повлияла на исход операции, в то время как куда более случайное попадание английской авиаторпеды в рулевое управление «Бисмарка» в итоге привело к катастрофе. Между тем в мае 1941 года всего лишь повторилась история четвертьвековой давности, когда в ходе Ютландского сражения три английских линейных крейсера точно так же взлетели на воздух от попаданий в пороховые погреба. Это позволило германскому флоту считать себя победителем, но поле боя все равно осталось за более сильным противником¹.

Одной из самых успешных своих акций за время войны на Тихом океане американцы до сих пор считают операцию по уничтожению командующего Объединенным Японским Императорским флотом адмирала Ямамото. Наверное, это тоже можно отнести к области случайных удач — еще в 1940 году американцам удалось «расколоть» один из главных японских шифров. Поэтому когда 13 апреля 1943 года центры радиоразведки на Гавайях и в Датч-Харборе (Алеутские острова) перехватили радиограмму, отправленную штабом японских войск в Рабауле, американцам не составило труда расшифровать ее содержание. В радиограмме говорилось о том, что 18 апреля в 6.00 по токийскому времени из Рабаула на аэродром Баллаэ (остров Бутенвиль) вылетит адмирал Ямамото. Цель визита — инспекция передовых подразделений на Бутенвиле и острове Шортленд.

¹ Впрочем, из-за двукратного превосходства англичан Ютландское сражение просто обязано было завершиться полным разгромом германского флота. Поэтому некоторые исследователи считают, что абсолютно неожиданный исход этого боя дал немцам возможность затянуть войну еще на пару лет.

В тот же день содержание перехваченной радиограммы было сообщено командующему Тихоокеанским флотом адмиралу Нимитцу. 14 апреля о нем стало известно военному министру Ноксу и президенту Рузвельту, в тот же день было принято решение о проведении операции по уничтожению японского адмирала, чьи удачи в сражениях 1941—1942 годов стали уже легендарными.

Для операции были выделены 18 тяжелых двухмоторных истребителей «Лайтнинг» — все, что нашлось на аэродроме Гендерсон-филд (остров Гуадалканал). Возглавлял операцию майор Джон В. Митчелл, командир 339-й истребительной эскадрильи. Ударную группу из 4 машин, задачей которых было атаковать самолет Ямамото, вел капитан Томас Ланфье из 70-й эскадрильи.

Группа японских самолетов, состоявшая из двух бомбардировщиков G4M1-L «Бетти» и шести истребителей A6M5 «Зеро», была перехвачена американцами над юго-западным побережьем Бутенвиля в 7.33 по токийскому времени. Первым был атакован самолет, на котором летел Ямамото, его секретарь, капитан второго ранга Исадаки и начальник медицинской службы контр-адмирал Таката. Почему капитан Ланфье и его ведомый выбрали именно эту, а не вторую машину — можно объяснить только случайностью. Несмотря на противодействие истребителей сопровождения, американцы подожгли «Бетти», и дымящийся самолет упал на лес. Впрочем, адмирал Ямамото погиб еще в воздухе — пуля попала ему в голову.

Второй бомбардировщик, на котором летели начальник штаба Объединенного флота вице-адмирал Угаки, контр-адмирал медицинской службы Китамура и флагманский связист Иманака, чуть было не ушел. Лишь в последний момент его атаковала вторая пара «Лайтнингов» ударной группы, отставшая из-за не сброшенных вовремя топливных баков. После первой атаки американские самолеты были отогнаны истребителями эскорта, но поврежденный бомбардировщик не смог дотянуть до берега и упал в воду. Тем не менее, адмиралам Угаки и Китамура удалось спастись — их подобрал выслан-

ный с Буина катер. А ведь на их месте вполне мог оказаться Ямамото...

Американцы были настолько горды своей победой, что официально засчитали трем вернувшимся пилотам ударной группы (четвертый погиб) по одному сбитому «Бетти» и одному «Зеро» — хотя было достоверно известно, что бомбардировщиков летело всего два. Многие до сих пор считают именно этот эпизод переломным в ходе войны на Тихом океане. Между тем еще осенью 1941 года сам Ямамото сказал, что гарантирует полгода или год славных побед, но если война затянется дольше, она будет безнадежно проиграна Японией... Так нашлось ли в этом эпизоде войны хоть какое-то место случайности — или гибель адмирала стала лишь подтверждением строгой закономерности событий?

Интересно, что подобный же случай имел место еще в 1941 году. Но поскольку он оказался именно *случайностью* и помешал, а не помог развитию событий, большинство историков его даже не заметили. Между тем военный переворот, совершенный в Ираке 1 апреля 1941 года, имел возможность оказать решающее влияние на исход Второй Мировой войны.

Для фашистской Германии это был период наивысшего могущества. Борьбу с ней продолжала только Британская империя — Соединенные Штаты и Советский Союз пока сохраняли нейтралитет, а вишистская Франция после налетов англичан на французские базы в Африке фактически уже воевала на стороне Германии. Правда, в Албании и Ливии греки и англичане смогли нанести германскому союзнику Италии существенные поражения, но весной 1941 года ситуация на фронтах снова переменилась. В конце марта переброшенный в Триполитанию Африканский корпус Роммеля при поддержке итальянских войск перешел в наступление. Чуть позже немцы нанесли удар на Балканах. 15 апреля немецко-итальянские войска вышли к египетской границе, а 23 апреля капитулировала Греция, остатки английских войск спешно эвакуировались на Крит.

Между тем положение в Ираке внушало тревогу. Ставший премьер-министром страны Рашид-Али Гейлани являлся откровенным сторонником Германии, а спешно переброшенные сюда английские войска были слишком слабы. 30 апреля иракцы осадили английскую военно-воздушную базу Хаббания. После двух суток бесплодных переговоров англичане первыми нанесли удар по иракским войскам. 2 мая 1941 года английские части из Басры двинулись на Багдад, в тот же день достойный предшественник Саддама Хусейна обратился за помощью к Германии.

Ирак имел больше войск и неплохую авиацию, но его силам не хватало решительности и опытного командования. В то же время англичане не могли перебросить в Ирак дополнительные соединения — значительная часть их армии в этот момент еще находилась на Крите, а остальная сражалась на ливийской границе. В Палестине британских войск почти не было, а между тем Сирия находилась под полным контролем дружественного немцам правительства Виши.

Немцы, готовившиеся к нападению на Россию, тоже не могли выделить для операции в Ираке достаточно сил — но зато они имели возможность перебросить их очень быстро. Уже 8 мая эскадрилья двухмоторных истребителей Bf-110 из II/ZG76 и 7 бомбардировщиков He 111 из IV/KG4, дозаправившись на территории Сирии, прибыли в Ирак на аэродром Мосул. Германские опознавательные знаки на них были покрашены и поверх нанесены иракские, хотя пилотами остались немцы. Тогда же на 14 транспортных самолетах началась переброска в Ирак оборудования и снаряжения для авиагруппы. Основная часть снаряжения была доставлена морем и воздухом с итальянского острова Родос в Сирию и оттуда направлена в Ирак по железной дороге.

Немцы прекрасно понимали, что основное, чем они могут помочь Рашиду-Али, — это руководство. У Ирака было достаточно войск для разгрома англичан, им нужен был только хороший командир. Поэтому для налаживания взаимодействия с иракским командованием и организации решающего наступления на английские позиции в Ирак была на-

правлена немецкая миссия, состоящая из представителей Министерства иностранных дел, абвера (войсковой разведки) и люфтваффе. Во главе миссии был поставлен майор Аксель фон Бломберг, сын фельдмаршала фон Бломберга, лично получивший инструкции от самого Гитлера.

Однако в тот момент, когда «Хейнкель-111» с французскими опознавательными знаками начал заход на посадку над аэродромом Мосул, в игру вступила случайность — непредвиденная и непредсказуемая. Снижающийся самолет был по ошибке обстрелян иракцами с земли. Сама машина не пострадала, но единственной попавшей в нее пулей был смертельно ранен майор фон Бломберг. После этого наладить руководство иракскими силами немцам уже не удалось — направленный на смену Бломбергу генерал Фельми прибыл уже слишком поздно.

Тем временем 14 мая английские самолеты нанесли удар по иракским и сирийским перегоночным авиабазам, а также по железной дороге, соединяющей Ирак и Сирию. Полностью прервать немецкие коммуникации им не удалось, но действия германской авиации в Ираке в значительной степени оказались парализованными. Это, а также плохое руководство и отсутствие координации действий между иракскими наземными войсками и авиацией, стало *решающим фактором*, обеспечившем наступление англичан. Даже переброска в Ирак одной итальянской эскадрильи, состоявшаяся в конце мая, не смогла спасти положение. 28 мая англичане подошли к Багдаду. Рашид-Али бежал в Иран, немецкие и итальянские самолеты покинули страну. Так *всего одна пуля* решила исход кампании — а может быть, и судьбу всего Ближневосточного региона.

Без сомнения, захват Ирака и последующее падение Египта обеспечили бы немцам и итальянцам контроль за всем Средиземным морем, беспрепятственный выход на Средний Восток и к Индийскому океану, а также возможное выступление Турции в качестве союзника Германии. Британская империя теряла часть своих колоний, а главное — важные линии коммуникаций.

Помогло бы это немцам выиграть Вторую Мировую войну? Ответить на него чрезвычайно тяжело, поскольку через месяц должна была начаться война против Советского Союза, которую тоже можно рассматривать как цепь совершенно невероятных случайностей и множества *решающих факторов*, сыгравших в пользу как той, так и другой стороны.

II

*Есть в неудачном наступлении
Тот страшный час, когда оно
Уже остановилось, но
Войска приведены в движенье,
Еще не отменен приказ
И он с урюмым постоянством
В непроходимое пространство
Как маятник, толкает нас...*

(Константин Симонов)

Наиболее наглядный пример сочетания и взаимодействия таких факторов дают первые три месяца войны против Советского Союза. И особенно два крупнейших сражения этого периода — Смоленское и Киевское. По мнению большинства историков, именно в этих битвах был решен конечный исход войны. Но очень многие западные исследователи полагают, что ряд одержанных здесь блестящих с виду побед вермахта в конечном итоге привел к роковым для Германии последствиям. После войны немецкие генералы хором взялись утверждать, что именно настойчивое требование Гитлера повернуть войска на юг для захвата Украины помешало им достичь Москвы еще в сентябре — как это предписывалось планом «Барбаросса». Стремление фюрера к очередной тактической победе привело к снижению темпов наступления — и в результате к стратегическому поражению. То есть опять повторилась история с вмешательством бездарного дилетанта в планы стратегов — как это уже было с «приказом

об остановке» под Дюнкерком. А поскольку великий фюрер германской нации ныне давно мертв, он уже не имеет никакой возможности защитить *свою* точку зрения ...

Но все же попытаемся проследить, как развивалась обстановка на самом деле, что являлось реальной (а не выдуманной после войны) причиной тех или иных действий германского командования и попытаемся понять, кто был прав — Гитлер или его генералы. А также посмотрим, когда и как на самом деле рождаются многие из *«решающих факторов»* — в ходе событий или много лет спустя, на страницах мемуаров и исторических трудов?

Планируя осенью 1940 года дальнейшие боевые действия, Гитлер и германский генералитет вынуждены были исходить из одного очень неприятного факта. Даже после невероятных успехов немецкого оружия, поставивших под германский контроль почти весь промышленный потенциал континентальной Европы, мощь нацистов все же безнадежно уступала суммарной экономической мощи СССР, Британии и США. Правда, Америка пока оставалась нейтральной — но ни у кого не было сомнений, на чьей стороне окажется ее поддержка. Сенатор Гарри Трумэн в июне 1941 года выразился предельно откровенно: *«И пусть они убивают друг друга как можно дольше»*. Затяжная война в Европе и поддержка проигрывающей стороны была для Соединенных Штатов лучшим способом ослабить сразу всех конкурентов в борьбе за мировое господство.

Таким образом, шанс на победу немцам давал только «блицкриг» — быстрый и окончательный разгром противника и его капитуляция либо выход из войны. Война против России должна была стать такой же молниеносной, как кампания во Франции или на Балканах. Однако следует заметить, что на тот момент ни одна успешная кампания вермахта не длилась более двух месяцев. Норвежская операция затянулась дольше этого срока — и оказалась на грани срыва (ее спасло только поражение союзников во Франции, заставившее их эвакуировать скандинавский плацдарм).

Главный удар, согласно плану «Барбаросса», наносился из района Люблин—Варшава по прямой через Минск, Оршу и Смоленск — на Москву. Главные силы Красной Армии на этом направлении следовало уничтожить прямо у границы, не дав им возможности отступить на восток. В то же время находившиеся на Украине южнее линии главного удара пехотные и механизированные соединения РККА не воспринимались серьезной угрозой. Их следовало отбросить за Днепр и оставить в покое. К началу осени Москва должна была уже пасть, после чего группировка советских войск на Украине разваливалась сама собой, немцам оставалось лишь принять капитуляцию разрозненных деморализованных частей.

Как это и предполагалось, советские войска на главном направлении оказались в «котле» уже к концу первой недели боев. Из 27 пехотных и 18 танковых и механизированных дивизий Западного фронта, имевшего 22 июня 1941 года численность 630000 человек, на рубеж Днепра и Западной Двины к 9 июля смогли отойти только 290000. Большинство же солдат осталось в окружении далеко на западе, между Минском и Белостоком. Путь на Москву был открыт, но для дальнейшего продвижения у немцев тоже не оказалось сил. Своим отчаянным сопротивлением окруженные советские войска отвлекли значительную часть немецкой ударной группировки — до 30 дивизий группы армий «Центр». И это была лишь первая неожиданность в бесконечной цепи никем не предусмотренных *«решающих факторов»*.

Чтобы не откладывать следующий этап германского наступления на неопределенный срок, его пришлось начинать только подвижными соединениями, не дожидаясь подхода застрявших под Минском частей. Поначалу новый этап наступления тоже развивался вполне успешно: 16 июля немцы ворвались в Смоленск, 19 июля они заняли Ельню (300 километров от Москвы!), а 20 июля — Великие Луки (впрочем, на следующий день этот город им пришлось оставить). В тот же день 20 августа части 2-й и 3-й танковых групп соединились в районе Ярцево и замкнули кольцо окружения вокруг 16-й, 19-й и 20-й советских армий севернее Смоленска.

Но затем успехи немцев на острие главного удара прекратились. Основные силы из-под Минска так и не успели подойти вовремя, скованные южнее Бобруйска начавшимся 13 июля фланговым контрнаступлением 21-й армии и сумевших вырваться из минского котла частей 3-й армии. Советские войска переправились через Днепр, освободили Жлобин и Рогачев и начали медленное продвижение в сторону Минска. 22 июля в бой была введена кавалерийская группа генерала Городовникова (3 кавдивизии), к 24 июля она вышла на шоссе Брест—Москва, западнее Бобруйска, временно перерезав коммуникации 2-й танковой группы. *«На шоссе у Бобруйска появилась кавалерия противника»* — меланхолично отмечает Гудериан в своих мемуарах.

Наступление это было отбито с большими потерями для советских войск, но тем временем выдвинутые из глубины страны четыре резервные армии (24-я, 28-я, 29-я и 30-я) по сходящимся направлениям нанесли контрудар в районе Смоленска. Отрезать и уничтожить прорвавшиеся германские части им так и не удалось, но кольцо окружения вокруг трех советских армий было прорвано. Германские танковые части сами вынуждены были перейти к обороне. Тяжелые бои развернулись и на Ельнинском выступе, где контратаки советских войск были особенно ожесточенными. В конце концов, 6 сентября немцам все-таки пришлось оставить Ельню...

Тем временем Гитлер принял решение прекратить наступление на Москву. В последних числах июля он объявил, что *«крупные охватывающие операции являются неверной теорией генерального штаба, оправдавшей себя только на Западе»*. Отныне главной целью германских войск в России должен было стать не глубокий прорыв к сердцу страны, а *«уничтожение живой силы противника, чего можно достигнуть только путем создания небольших котлов»*.

4 августа в штабе группы армий «Центр» состоялось совещание, на котором присутствовали Гитлер, его адъютант полковник Шмундт, командующий группой «Центр» фельдмаршал Федор фон Бок, генералы Гот и Гудериан, а также начальник оперативного отдела ОКХ (главное ко-

мандование сухопутных войск) полковник Хойзингер. Несмотря на то что генералы сошлись во мнении о необходимости продолжать наступление на Москву, фюрер объявил о своем решении: танки Гудериана должны повернуть на юг — на Украину.

К этому моменту положение советских войск на Украине было гораздо лучше, чем в полосе действия групп армий «Север» и «Центр». К 7 августа германские войска смогли только достигнуть Киева и выйти к Днепру южнее украинской столицы, однако здесь они натолкнулись на крепкую и упорную оборону. Правда, под Уманью (между Киевом и Одессой) 1 августа были окружены две левофланговые армии Юго-Западного фронта — 6-я и 12-я. Сплошной фронт советских войск на этом участке был прорван, что дало немцам возможность выйти в излучину Днепра, к Кременчугу и Кривому Рогу. 13 августа румыны начали осаду Одессы. Но севернее Киева советские войска еще удерживали обширный район в низовьях Припяти и оба берега Днепра вплоть до Жлобина и Рогачева, отбитых у немцев еще в начале июля. Таким образом, в районе Киева образовался выступ, где сосредоточились значительные силы Красной Армии, все еще угрожающие фланговым ударом по коммуникациям группы «Центр» — как это они уже пытались сделать в июле. Замысел Гитлера заключался в том, чтобы повернуть танковые дивизии Гудериана на юг, нанести им навстречу удар частями 1-й танковой группы из состава группы армий «Юг» и замкнуть клещи окружения восточнее Киева. Маневр сулил блестящую победу и богатые трофеи — но для его осуществления необходимо было снять ударные танковые части с московского направления.

И это было сделано, несмотря на протесты рвущихся к Москве генералов. Правда, первая фаза операции проходила довольно долго. В течение всего августа танки Гудериана медленно продвигались от Ельни и Рославля на юг, расширяя образовавшийся выступ фронта на московском направлении и отбивая своим левым флангом постоянные контратаки советских войск. Тем временем 1-я танковая группа Клейста тоже гото-

вила исходные рубежи для наступления. К 10 августа немецкие войска вышли к Днепру на широком фронте в районе Кременчуга. 22 августа последние советские части оставили Черкасский плацдарм на правом берегу. На севере 18 августа Гудериан занял Стародуб, 19 пал Гомель. А днём раньше Гитлер издал приказ, в котором окончательно сформулировал цель кампании: *«Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Дону и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа... Благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате достижения линии Гомель—Почеп, должна быть немедленно использована для проведения операции смежными флангами групп армий «Центр» и «Юг» по сходящимся направлениям».*

Гейнц, Гудериан и многие другие немецкие генералы потратили немало бумаги и чернил на обличение этого распоряжения Гитлера, расценивая его как основную причину поражения немецкой армии в кампании 1941 года. В книге «Воспоминания солдата» Гудериан подробно описывает, как 23 августа 1941 года на совещании в Лейтцене (Восточная Пруссия) он от своего имени и от имени фон Бока взволнованно убеждал Гитлера отказаться от поворота войск на Украину и продолжить наступление на Москву. Но все оказалось бесполезно. В своем пространном официальном докладе Гудериан говорил об утрате темпов, о решающей победе и о том, что после захвата главного узла коммуникаций противника русские войска в разных регионах окажутся изолированными друг от друга и их армия на Украине капитулирует сама собой. Но Браухича и Гальдера¹ — его сторонников — на совещании не было, а Кейтель, Йодль и Шмунд слушали молча. Гитлер тоже ни разу не перебил командира 2-й танковой группы, но затем взял слово сам. Фюрер твердил о другом — о насущных нуждах экономики и сырьевых ресурсах Донбасса, необходимых для дальнейшего продолжения войны. В конце концов, он воскликнул: *«Мои генералы ниче-*

¹ Начальник Генерального штаба сухопутных войск.

го не смыслят в военной экономике!», чем оскорбил Гудериана до глубины души — хотя в экономике тот действительно ничего не понимал. Остальные присутствующие согласно кивали головами. В конце концов, решение о повороте на юг было оставлено в силе.

Утром 24 августа Гудериан крупно поругался с Гальдером и отбыл на фронт в совершенно расстроенных чувствах. Однако его войскам сопутствовал успех — в этот день 24-й танковый корпус овладел Новозыбковым. На следующий день, 25 августа, левофланговый 51-й армейский корпус группы армий «Ют» вышел к Днепру, севернее Киева (в районе устья Припяти), и приступил к форсированию реки. 9 сентября 13-й армейский корпус группы армий «Центр» занял Чернигов, установив таким образом непосредственную связь между войсками групп армий «Центр» и «Ют», отсутствовавшую с самого начала войны.¹ 10 сентября вырвавшийся вперед 24-й танковый корпус захватил Ромны. Теперь до Днепра оставалось чуть более полутора ста километров. Исходные позиции для наступления на юг были созданы.

Тем временем продолжались успешные действия немецких войск и на южном фланге киевского выступа. Захватив в последнюю неделю августа несколько островов на Днестре, немцы использовали их как плацдармы для переправы на левый берег. Утром 30 августа части 100-й легкопехотной дивизии 17-й немецкой армии в нескольких местах форсировали Днестр и зацепились за его левый берег юго-восточнее Кременчуга. Контрудары советских войск были ожесточенными, но безуспешными. К 5 сентября на плацдармы в районе Кременчуга было переправлено уже 5 немецких дивизий. Невзирая на огромные потери, немцы продолжали методично прогрызать советскую оборону. 7 сентября они ворвались в Кременчуг, но окраины города еще несколько раз переходили из рук в руки. И лишь вечером 12 сентября

¹ Причина такого странного на первый взгляд явления называется «Припятской проблемой», но ее разбор не входит сейчас в нашу задачу.

оборона 38-й советской армии была прорвана окончательно. Танки Клейста вышли на оперативный простор и рванулись на юг — на соединение с Гудерианом. 15 сентября 1941 года 9-я танковая дивизия из состава 1-й танковой группы Клейста соединилась в районе Лохвицы (50 км южнее Ромны) с 3-й танковой дивизией группы Гудериана. Кольцо вокруг пяти армий Юго-Западного фронта замкнулось. В окружении оказались около полумиллиона человек — это был самый масштабный «котел» за всю историю войн. Общие потери советских войск в сражении под Смоленском тоже оказались огромны — за два месяца боев против группы армий «Центр» они составили 760000 человек, из них 486000 было убито или попало в плен. Эти страшные цифры имеют лишь одно, хотя и очень слабое оправдание: из-за медленной переброски советских резервов на протяжении *всей* кампании 1941 года непосредственно в каждом сражении вермахт имел как минимум равные с Красной Армией силы. Чаще всего немцы даже превосходили советские войска по численности (не говоря уже о качестве управления и техническом оснащении — связь, автотранспорт и т. д.). Наступать при превосходстве советских войск немцы начали только в 1942 году. В то же время на Западе с 1939 года практически не было моментов, союзники не *превосходили бы* своей численностью германские войска.. На этом фоне даже оставление немцами Ельни 6 сентября выглядело лишь локальным эпизодом, не играющим существенной роли.

18 сентября соединения группы армий «Юг» заняли Полтаву, а на следующий день окруженные советские войска оставили Киев. К концу месяца линия советско-германского фронта стабилизировалась на новом рубеже. Но теперь из причудливо изогнутой кривой она превратилась в почти правильную прямую, вытянувшуюся по меридиану от Ладожского озера на севере через Новгород, Ярево, Почеп, Днепропетровск и Запорожье к Мелитополю у Азовского моря. И уже с этой линии 2 октября 1941 года группа армий «Центр» наконец-то начала долгожданное наступление на Москву.

В нем участвовали все 77 дивизий группы «Центр» штатной численностью около 1300000 человек. Реальная их численность, естественно, была несколько меньше (хотя за время почти месячной передышки немцы в значительной степени успели пополнить некомплект в своих частях). Силы советских войск в этом районе были почти равны — на 30 сентября группе армий «Центр» противостояло 96 дивизий и 14 бригад общей численностью 1250000 человек.

15 дивизий 2-й танковой группы Гудериана, расположенные на Украине в районе Конотопа, нанесли удар чуть раньше других армий — 30 сентября. Здесь перевес в силах был на стороне немцев — их 25 дивизиям (вместе со 2-й армией, действовавшей против Брянска) противостояли войска Брянского фронта общей численностью всего 244000 человек. Уже 3 октября танки Гудериана заняли Орел, а к концу месяца подошли к Туле. Но наибольший успех достался все же на долю 3-й и 4-й танковых групп, которым удалось окружить и разгромить в районе Вязьмы 4 советские армии — 19-ю, 20-ю, 24-ю и 32-ю. К концу октября достигшим Наро-Фоминска, передовым немецким частям до Москвы оставалось около 60 километров.

Дальнейшее развитие битвы за Москву и ее финал известны достаточно хорошо. Мы же зададимся другим вопросом — какую роль в дальнейшем развитии событий сыграл отказ Гитлера от наступления на Москву в августе? Был ли поворот на юг и разгром Киевской группировки советских войск причиной конечного поражения вермахта под Москвой? А, может быть, только благодаря этой операции немцам в итоге удалось продвинуться столь далеко в глубь России?

Напомним, что впервые разговор о желании фюрера и ОКХ повернуть войска на юг зашел 27 июля на совещании штаба группы армий «Центр» в Борисове. Но лично для Гудериана никаких выводов из новой стратегической концепции сделано тогда не было. На этом совещании Гудериан заявил Гитлеру, что его 2-я танковая группа будет готова начать наступление на Москву 15 августа. Гот (командир 3-й

танковой группы) сообщил, что его войска будут готовы для наступления к 20 августа. Тем не менее, через пару дней Гудериан *сам повернул к югу* — двинув свои танки на Рославль. В своих мемуарах он признает, что это было предпринято исключительно по его инициативе — необходимо было срочно обезопасить правый фланг ельнинской группировки от непрекращающихся контрударов противника с юга.

Следует учесть, что к этому времени фронт на московском направлении уже окончательно стабилизировался. Гудериан сам пишет, что только *«30 июля под Ельней было отражено 13 атак противника»*. Это означает, что в первых числах августа на фронте, протяженностью 250 километров, уже образовался классический «позиционный тупик», знакомый немцам еще по Первой мировой. Линия фронта была перенасыщена войсками, а рокадные¹ коммуникации обеих армий оказались налажены столь хорошо, что любое наступление с легкостью парировалось действиями противной стороны задолго до того, как наступающим удавалось прорвать оборону и выйти на оперативный простор. Гудериан упоминает, что уже в начале августа войскам под Ельней уже не хватало боеприпасов, ибо их подвоз из-за плохих линий снабжения из тыла *«был недостаточен для ведения позиционной войны»*. К сожалению, уважаемый генерал нигде не признается, каким же образом он планировал осуществлять снабжение своих войск в случае дальнейшего *наступления на Восток?* Ведь при наступлении механизированным частям требуются не только снаряды и патроны, но и бензин — причем в невероятных количествах! Реальное продвижение 2-й танковой группы на юг осуществлялось вдоль линии фронта, при этом расстояние от тыловых баз оставалась почти неизменным, но при дальнейшем продвижении в сторону Москвы оно неизбежно должно было увеличиваться.

Нетрудно подсчитать, что за первые 18 дней войны соединения группы армий «Центр» продвинулись на восток на 400—500 километров, в следующие три недели (до начала

¹ Пролетающие параллельно линии фронта.

августа) их продвижение составило 150—200 километров, а еще за три недели — до 20 августа (дата начала предполагавшегося Гудерианом решающего рывка к Москве) германские войска не продвинулись на восток *ни на шаг!* Все это время Гудериан занимался обеспечением правого фланга группировки, продвинувшись на юг на 150 километров, все остальные подразделения группы армий «Центр» вообще стояли на месте! Приказ Гитлера о «повороте на юг» был здесь не при чем: немецкие войска налаживали свои коммуникации, отражали контрудары противника и занимались обеспечением позиций на флангах — то есть проводили подготовку к следующему, *третьему* этапу наступления. Выбор — куда наступать — оставался за Верховным командованием вермахта.

Ну, а если бы?..

Теперь представим себе, что Гитлер не издал «приказ о повороте» и на совещании 4 августа было принято окончательное решение о наступлении группы армий «Центр» на Москву.

В соответствии с предполагаемой готовностью 2-й и 3-й танковых групп, наступление должно начаться 20 августа с рубежа Великие Луки, Ярцево, Ельня, Почеп. Общая длина фронта группы армий «Центр» составляла 900 километров, однако протяженность рубежа, с которой можно было начинать наступление, не превышала 400 километров — потому что южнее Почепа фронт резко загибался на запад, уходя на линию Новозыбков—Гомель—Речица—Мозырь. Далее же вообще следовал разрыв — контакта с левофланговыми частями группы армий «Юг» по-прежнему не существовало! Для сравнения — в конце сентября (к началу *реального* наступления на Москву) группа армий «Центр» занимала линию протяженностью около 600 километров и при этом имела плотный контакт с группой армий «Север» на левом своем фланге и группой армий «Юг» на правом.

Таким образом, наступление пришлось бы вести на достаточно узком участке и с выступа, широкой дугой вдающе-

гося в советскую оборону. С юга над коммуникациями наступающих нависала огромная Киевская группировка советских войск, пока еще прочно удерживающая свой фронт по Днепру и поэтому имеющая возможность выделить значительные силы для нанесения удара на север. Левее группы «Центр» дела на первый взгляд обстояли лучше: 10 августа группа армий «Север» прорвала «Лужский рубеж» на обоих его флангах и начала стремительное наступление на Ленинград и Тихвин. 16 августа немцы заняли Кингисепп и Новгород, 20 числа войска правого фланга группы армий «Север» захватили Чудово, а части левого фланга вышли к Красногвардейскому укрепрайону — на ближние подступы к Ленинграду. Однако в ответ на немецкое наступление 12 августа части 11-й и 34-й армий Северо-Западного фронта южнее озера Ильмень нанесли контрудар в направлении на Сольцы и Дно, угрожая крупнейшему железнодорожному узлу в этом районе. Это контрнаступление продолжалось до 25 августа.

Только немцы, с их неистребимой самоуверенностью и презрением к противнику, могли бы решиться начать генеральное наступление с вершины выступа, имея на одном фланге контрудар противника, а на другом — незакрытый разрыв с соседом и нависающую мощную вражескую группировку. Тем не менее германская армия не раз уже демонстрировала, что города берет не только храбрость, но и наглость. Не подлежит сомнению, что первоначально наступление должно было развиваться исключительно успешно — как это и случилось шесть недель спустя.

Оборона советских войск на центральном участке фронта в районе Ярцево—Ельня—Рославль прорывалась мгновенно. Уже на пятый день операции танковые клинья Гота и Гудериана смыкались где-то в районе Вязьмы. Контратакующие Ельнинский выступ советские войска не успевали развернуться в оборонительный порядок и оказывались в окружении (как это на самом деле и случилось впоследствии). Путь на Москву освобождался, однако малая ширина линии наступления не позволяла организовать второй котел в районе Брянска. Вместо этого немецкие войска должны были, сужая фронт

клином, максимально быстрыми темпами прорываться к Москве.

При этом *оперативная тень*¹ немецкого наступления постоянно уменьшается, пока наконец ее граница не совмещается с линией расположения передовых частей — это означает, что возможности для дальнейшего наступления исчерпаны. Это может произойти перед самой Москвой или даже чуть позже — но растянутость коммуникаций и трудности со снабжением (на которые постоянно жаловался Гудериан) дают основание предположить, что группа армий «Центр» исчерпает свои наступательные возможности гораздо раньше, километров через 250.² А самое главное — при этом немецкие войска все глубже и глубже будут входить в огромную тень советской группировки, нависающей над их правым флангом.

История, повторяющаяся уже в третий раз. Отчаянное сопротивление окруженных советских войск отвлекает на себя примерно половину ударной группы. Коммуникации растягиваются, а полоса наступления становится все уже и уже. В начале июля это обернулось огромным разрывом линии фронта на правом фланге в районе Бобруйска. Тогда советскому командованию удалось ввести в этот разрыв всего три кавалерийских дивизии, и они создали серьезную угрозу немецким коммуникациям. Первая фаза Смоленского сражения лишь усугубила эту ситуацию, заставив Гудериана бросить свои танки на юг для ликвидации угрозы правому флангу своей группы. Соответственно общая угроза правому флангу группы армий

¹ «Оперативной тенью» или тенью операции называется район, которому угрожают возможные действия проводящих эту операцию войск. Естественно, начать одновременное наступление сразу во всех этих районах никто не сможет, но противник *обязан* будет учитывать возможность такого наступления в *любом* из секторов тени.

² Скорее всего, в районе Клина и Наро-Фоминска — как это и произошло в конце октября.

«Центр» могла быть ликвидирована только поворотом на юг всей ударной группы — это понял Гитлер, но это не осознали его рвущиеся к Москве генералы. Или, может быть, осознали — но в своих мемуарах решили представить дело иначе? Дескать, если бы этот идиот фюрер послушался нас, мы бы сейчас не хлебали баланду в американском лагере!

Не так сложно понять, что Смоленское сражение окончилось поворотом на юг вовсе не по прихоти Гитлера, а потому что иначе оно оставалось незавершенным. Для наступления на Москву требовался *безопасный* плацдарм. В ходе его создания была разгромлена Киевская группировка и численность советских войск уменьшилась по крайней мере на 500000 человек — примерно столько же составляли резервы, переброшенные на прикрытие Москвы в сентябре. Разрыв линии фронта на Припяти в случае начала августовского наступления не только сохранялся — он становился гораздо шире. В то же время фронт дивизий, прикрывавших правый фланг группы армий «Центр» уже к концу первой недели наступления растягивался как минимум в полтора раза — с 350 километров до 500—600. Усилить его было просто нечем — для этого пришлось бы снимать войска с направления главного удара, что вело к срыву операции.

Последующие действия советского командования предельно ясны. Пользуясь тем, что проходящий по Днепру южный фланг обороны Юго-Западного стабилизировался и особая опасность отсюда не будет грозить по крайней мере недели две, Ставка Верховного главнокомандования отдает приказ на переброску части сил в район Чернигова и Конотопа — благо для этого имеются две большие рокадные железные дороги (от Киева и от Черкасс), несколько более мелких однопутных, а также шоссе Киев-Чернигов.

Сосредоточившись в районе Чернигова и Лоева, группировка советских войск уже в конце августа — начале сентября может начинать наступление на Бобруйск и Могилев по обоим берегам Днепра. Противодействовать ему нечем — у немцев в этом районе просто нет достаточных сил. Конфигурация линии фронта и удобные коммуникации на севере Укра-

ины позволяют советскому командованию без труда обеспечить по крайней мере двух-трехкратное превосходство над противником. Вдобавок большинство рек в этом районе текут с севера на юг и наступать вдоль них проще, чем поперек. Таким образом, создаются идеальные, почти лабораторные условия для проведения советскими войсками *глубокой операции* — на три месяца раньше, чем это случилось на самом деле.

Конечно, глупо было бы предполагать, что немецкие войска так просто позволят русским разгромить себя. Германская армия всегда отличалась прекрасной организованностью и умением почти автоматически реагировать на опасную ситуацию. Несомненно, наступление на Москву было бы тотчас прекращено. Снятые с фронта ударные танковые части по двум линиям снабжения, ставшим *рокадами* (Минскому и Брестскому шоссе), мгновенно перебрасываются к месту прорыва, а навстречу им с запада выдвигаются резервы. Это займет не более двух недель, после чего советское наступление блокируется — в лучшем (для немцев) случае в районе Кричева и Могилева, в худшем — под Минском и Витебском. Может быть, русских даже удастся отбросить назад. При любом исходе сражения стратегический выигрыш остается за русскими — к концу сентября линия фронта окончательно стабилизируется. После этого немцы еще могут устроить другое наступление на отдельных участках фронта, могут даже добиться пары тактических побед. Однако блицкриг уже безнадежно провален. Отныне с каждой минутой войны русские будут становиться все сильнее, а Германия — все слабее. Гитлер может мылить веревку, а начальник оперативного отдела генштаба ОКХ полковник Хойзингер — высчитывать, в каком году можно ожидать русских в Берлине: в сорок третьем или сорок четвертом?

Так лукавил ли Гудериан, возлагая ответственность за поражение под Москвой на фюрера — и старательно снимая ее с себя? Вполне возможно, что и нет. Германские генералы всегда отличались великолепными организационными способностями, были непревзойденными тактиками и зачастую могли

неплохо организовать действия на оперативном уровне. Но похоже, что стратегического мышления они были абсолютно лишены. Гитлер ошибался — немецкие генералы плохо разбирались не только в военной экономике, но и в искусстве ведения войн. Лишь этим можно объяснить тот удивительный факт, что одержав множество блестящих побед, они умудрились с треском проиграть обе начатые ими мировые войны...

Не подлежит сомнению, что Гитлер обладал великолепной интуицией. Похоже, что наряду с этим сам он являлся прекрасным стратегом. Однако стратегическое мышление его генералов оставляет желать много лучшего.

Народная мудрость гласит, что бодливой корове бог рогов не дает. Может быть, сей факт тоже следует расценивать как *решающий фактор* мировой истории?

Владислав Гончаров

Содержание

Предисловие редактора	5
Пролог. Поворотный фактор: ясно и солнечно ..	9
Деревянный конь	16
Утрата Истинного Креста	24
Необу́тый сброд	52
Бочка шнапса	80
Пригоршня гвоздей	95
Четвертый приказ	148
Три сигары	177
Два графа и один принц	202
Честный бой	229
Пощечина	265
Пчелиный укус	296
Der Halte Befehl	315
Акула на воле	357
Загадка Зорге	410
Смерть одного человека	443
И обрушилась стена до своего основания	470
Нулевой фактор	487
Эпилог. Последний решающий фактор	519

Владислав Гончаров

Оттого, что в кузнице не было гвоздя? ... 532

По вопросам оптовой покупки книг
“Издательской группы АСТ” обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги “Издательской группы АСТ” можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Литературно-художественное издание

Дуршмид Эрик
Победы, которых могло не быть

Ответственный редактор А.В. Лактионов
Редактор Е.В. Шестакова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Барков
Технический редактор Ю.Ю. Смирнов
Корректор В.Г. Степанова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.03.00.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага
типографская. Усл. печ. л. 29,40. Тираж 10 000 экз.
Заказ 742.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ» ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Тerra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,

Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44Б.

Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

ПОБЕДЫ, КОТОРЫХ МОГЛО НЕ БЫТЬ

ISBN 5-237-05473-0

Лошадь захромала – командир убит,
Конница разбита, армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице не было гвоздя.

Старый английский стишок, переведенный С.Я. Маршаком, знаком всем нам с самого детства.

Вы полагаете, такое бывает только в стихах? Однако будь у французских кавалеристов два десятка обычных гвоздей, чтобы заклепать английские пушки. Наполеон не проиграл бы битву при Ватерлоо.

История, в особенности история военная, сплошь и рядом насмехается над всеми объективными факторами и законами.

Автор этой книги, военный корреспондент Би-би-си и Си-би-эс, собрал целую коллекцию «побед, которых могло не быть».

Так как же все-таки слепой случай и глупость меняли историю?..

11-00

2 22-00